

II-10.
D-148.

ОП

РЕПЕРТУАРЪ

И

ШАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ.

7007
5567

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1845.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Карла Кларна.

1845.

КАРАКЛАРН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧЕНСКАГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 30 Сентяб. 1845 года.

Ценсоръ *Мехелитъ*.

РЕПЕРТУАРЪ ПАНТЕОНЪ.

1845.

КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ.

(18½ листовъ).

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Призракъ. Стихотвореніе *А. А. Григорьева*. 545
Искусство и Художники. Французскіе пѣвцы *Лудовикъ и Адольфъ Нурри*. Статья *С. К.* 548
- III. Третій отрывокъ изъ поэмы *Геннадій. В. Р. Зотова*. 559
- IV. Квартира на Бугоргахъ. Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, соч. *П. С. Ѳедорова*. 573
- V. Свѣтъ и Тьма. Стихотвореніе *К. Созонова*. 607
- VI. Левъ и Барышня. Повѣсть *Виктора Пескромнаго*. 608
- VII. Два эгонизма. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. *А. А. Григорьева*. 661
- VIII. Поль и Полна или братъ за сестру, сестра за брата. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, пореводъ съ французскаго. 744
- IX. Юмористика. Суфлеръ. Юмористическій очеркъ *Жюль Жанена*. — *Осы*. Юмористическая всякая-всячина 772
- X. Смѣсь. Слово къ читателямъ *Репертуара и Пантеона*. — Случай въ жизни *Лекеня*. Разсказъ *Питра Шевалье*. — Комическая сцена въ исправительной полиціи. — *Фридрихъ Великій* и черепословъ *Галь*. — Открытіе Театра «*Одеонъ*» въ Парижѣ. — Театральный директоръ временъ *Шекспира*. — Продѣлки при продажѣ билетовъ въ парижскихъ театрахъ. — Первый успѣхъ *Рубини* на сценѣ. — Современные костюмы (Парижскія моды). — Анекдоты и мелочи. 790

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ

НОВАЯ.

- I. Иностранные театры. Парижскіе (*Новыя пьесы*). — II. Русскіе театры. *С. Петербургскіе*. *Александринскій* театръ. — *Михайловскій* театръ. — Провинціальныя театры. Театръ въ *Саратовѣ*. — III. Разныя извѣтія
- IV. Корреспонденція Редакціи «*Репертуара и Пантеона*».
- Къ этой книжкѣ приложено Изображеніе современнаго костюма (Новѣйшая модная картинка, гравированная на стали въ Парижѣ *Жюлемъ Давидомъ*).

ВЪ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ПОДЪ ФИРМОЮ «АЛЕКСАНДРЪ СМИРДИНЪ»,

На Невскомъ-Проспектѣ, въ домѣ Энгельгарда, поступили въ продажу книги.

- БУКЕТЫ** или петербургское цвѣтобѣсіе. Шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Графа *В. А. Соллогуба*. Спб., 1845 г. (8) цѣна 75 коп. сереб., вѣсовыхъ за 1 фунтъ.
- ВИЦ-МУНДИРЪ**, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе *П. Каратыгина*. Спб., 1845 г., ц. 50 коп. сер., вѣс. за 1 фунтъ.
- ГЕРОИ ПРЕФЕРАНСА**, или душа общества. Оригинальная комедія-водевилъ, въ трехъ картинахъ, соч. *П. И. Григорьева*. Спб., 1845 г. ц. 65 коп. сер., вѣс. за 1 фунтъ.
- СКЛАДЧИНА** на ложу въ италіянскія оперы. Водевилъ à propos въ двухъ картинахъ. Картина первая: Компания меломановъ; картина вторая: Корридоръ 4-го яруса въ Большомъ-Театрѣ. Спб., 1843 г. ц. 50 к. с., вѣс. за 1 фунтъ.
- ВОЛЯ ЗА ГРОБОМЪ**, драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе *Н. Александрова*. Спб., 1845 г. ц. 50 к. с., вѣс. за 1 ф.
- ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВЕРШИНЫ**, описанныя *Я. Бутковымъ*. Книга первая. Спб. 1845 г. (8) ц. 1 р. с., вѣс. за 1 фунтъ.
- ЗАПИСКИ ПОЛКОВНИКА ДЮВАРА**, побочнаго сына Наполеона. Историческій романъ, переводъ съ французскаго Спб., 1845 г. (12) цѣна 1 руб. 25 коп. сер., вѣс. за 1 фунтъ.
- КОВАРСТВО**. Романъ, сочиненіе *М. Черныскаго*, 2 части. Спб., 1845 г. (8) ц. 3 руб. сер., вѣс. за 2 фунта.
- КОЧУБЕЙ**, Генеральній Судья. Историческая повѣсть, *Николая Сементовскаго*. Спб., 1845 г. (8) ц. 2 руб. с., вѣс. за 2 ф.
- РИСОВАЛЬНЫЙ** самоучитель для дѣтей, съ 11 таблицами рисунковъ, изображающихъ фигуры, животныхъ, птицъ, цвѣты и ландшафты, съ объясненіемъ соразмѣрности частей человѣческаго тѣла, съ указаніемъ способа уменьшенія и увеличенія рисунковъ посредствомъ квадратовъ; съ приложеніемъ 7-ми (акварельныхъ) рисунковъ, рисованныхъ водяными красками. Составилъ и издалъ *К. Шрейдеръ*, Спб., 1845 г. ц. 1 р. 50 коп. сер., вѣс. за 1 фунтъ.
- МОГИЛА ИНОКА**, истинное происшествіе XIX столѣтія. Соч. *Ф. Садовникова* 2 части. Спб., 1845 г. ц. 1 р. с., вѣс. за 1 ф.
- КОРОЛЕВА МАРГО**, романъ *Александра Дюма*, переводъ съ французскаго. 6-ть частей, Спб., 1845 г. (8) ц. 2 руб. сер., вѣс. за 3 фунта.
- МАГИЧЕСКІЕ ОЧКИ**. Сочиненіе *Н. Штевена*, 4 части, Спб., 1845 г. (12) ц. за 4 части 4 руб. с., вѣс. за 3 ф. — 1 и 2 часть выдаются, 3 и 4 печатаются.

ПРИЗРАКЪ.

Проходить годы длинной половою,
Однообразной дѣбью ежедневныхъ
Заботъ, и нуждъ, и тягостныхъ вопросовъ;
Отъ нихъ желаній жажда замираетъ,
И гуще кровь становится, и сердце,
Больное сердце, привыкаетъ къ боли;
Грубѣетъ сердце: многое, что прежде
Въ немъ чуткое страданье пробуждало,
Теперь проходить мимо незамѣтно;
И то, что грудь давило прежде сильно,
И что стяхнуть она приподымалаеъ,
Теперь легло на дно тяжелымъ камнемъ;
И то, что было ропотомъ надежды,
Нетерпѣливымъ ропотомъ то стало,
Одною злобой гордой и суровой,
Однимъ лишь мятежомъ упорнымъ, грустнымъ,
Одной борьбой безъ мысли о побѣдѣ;
И злобный умъ безжалостно смѣется
Надъ прежними, надъ свѣтлыми мечтами,
Зане вполне, глубоко понимаетъ,
Какъ были тѣ мечты несообразны
Съ теченіемъ вещей обыкновеннымъ.
Но между-тѣмъ съ однимъ лишь не могу я,
Какъ съ истинной разумной, примириться
Тѣмъ примиреньемъ ненависти вѣчной,
Въ груди замкнутой ненависти: — это
Потеря безъ надежды, безъ возврата,
Потеря, отъ которой стонъ невольный
Изъ сердца вырывается, и трепеть

Объемлетъ тѣло, — судорожный трепеть...
 Есть призракъ... Въ ночь безсонную-ль, во снѣ-ли,
 Мучительно-тревожномъ онъ предстанеть —
 Онъ, будто сонъ зловѣщей, но прекрасной
 Кометы, сердце тягостно сжимаетъ,
 И между-тѣмъ влечетъ неотразимо,
 Какъ будто есть межъ нимъ и этимъ сердцемъ
 Невѣдомая связь, какъ будто было
 Возможно имъ когда соединенье...

Еще вчера явился мнѣ тотъ призракъ,
 Страдающій, болѣзненный. Его я
 Не назову по имени: — бываютъ
 Мгновенія, когда зову я этимъ
 Любимымъ именемъ всѣ муки жизни,
 Всю жизнь... готовъ повѣрить я, что демонъ,
 Мой демонъ внутренній, то имя принялъ
 И образъ тотъ... Его вчера я видѣлъ...

Она была блѣдна, желта, печальна,
 И на ланитахъ впалыхъ лихорадка
 Румянцемъ жаркимъ разыгралась; очи
 Сіяли яркимъ блескомъ, но холоднымъ,
 Безжизненнымъ и неподвижнымъ блескомъ.
 Она была страшна... была прекрасна!

— О, вы-ли это? я сказалъ ей. — Тихо
 Ея уста зашевелились, — рѣчи
 Я не слышалъ, — то было лишь движеніе
 Безъ звука, то не жизнь была, то было
 Иной и вѣбшей силѣ подчиненье,
 Не жизнь, но смерть, подъятая изъ праха
 Могущественной волей чуждой силы.

Мнѣ было безконечно-грустно. Стоны
 Изъ груди вырвались, — то были стоны
 Проклятыя и хулы безумно-страшной,
 Хулы на жизнь... Хотѣлъ я смерти блѣдной
 Свое дыханье передать, и страстно
 Самились мои уста съ ея устами.
 И мнѣ казалось, что мое дыханье
 Ее насквозь проникло — очи въ очи

У насъ глядѣлись, — зажигались жизнью
Ея глаза, я видѣлъ...

Смертный холодъ

Я чувствовалъ...

И цѣлый день тоскою

Терзался я, и тягостный вопросъ

Запалъ мнѣ въ душу! для чего болѣзнь?

Сопутникъ мой, неотразимый призракъ,

Иль для чего въ душѣ онъ возникаетъ

Не иначе?.. Иль для чего люблю я

Не свѣтлое воздушное видѣнье,

Но тотъ больной, печальный, блѣдный призракъ?...

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

1845. Августъ.

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИКИ.

ФРАНЦУЗСКІЕ ПѢВЦЫ ЛЮДОВИКЪ И АДOLFЪ НУРРИ.

Въ числѣ знаменитѣйшихъ пѣвцовъ французской школы занимаютъ самое почетное мѣсто Нурри — отецъ и сынъ, особенно послѣдній, котораго постигла самая плачевная участь. Людовикъ Нурри родился въ Монпелье, 4-го августа 1780 года. Въ дѣтствѣ онъ помѣщенъ былъ въ хорное училище при тамошнемъ соборѣ, гдѣ и получилъ первоначальныя свѣдѣнія въ музыкѣ; потомъ, шестнадцати лѣтъ, отправили его въ Парижъ, для окончательнаго образованія. Прекраснымъ своимъ голосомъ (теноромъ) Нурри обратилъ на себя вниманіе Мегюля, и тотъ помѣстилъ его въ консерваторію, 30 флореала X года (въ іюнѣ 1802). Первоначально Нурри обучался пѣнію, цѣлый годъ, подъ руководствомъ Гишара; потомъ ввѣренъ былъ попеченіямъ Гарэ, который плѣнившись превосходными качествами его голоса, занимался съ нимъ ревностно, такъ, что Нурри сдѣлался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ учениковъ французскаго Орфея. — 1805 года 3-го марта Нурри дебютировалъ на сценѣ Оперы, въ роли *Рено*, въ *Армидѣ* Глюка. Блистательный дебютъ артиста рѣшилъ его

участь; его немедленно ангажировали въ помощь Лене, на роли первыхъ теноровъ. Превосходный timbre его органа, чистота и серебристость звука, естественное и свободное издаваніе голоса, вѣрность интонаціи и его музыкальная, хотя пѣсколько и холодная дикція, ясно показали, изъ какой школы вышелъ этотъ артистъ. Метода его, обширная и правильная, была замѣчательною новостію въ Оперѣ, и нѣсколько не походила на драматическіе вопли Лене и его подражателей. За всѣмъ тѣмъ, старинные посѣтители Оперы возстали въ пользу своего привычнаго идола; но знатоки замѣтили въ успѣхѣ Нурри преобразование искусства пѣнія, которое впрочемъ достигло окончательнаго развитія на Французской сценѣ не раньше, какъ спустя слишкомъ двадцать лѣтъ. Многія другія роли, исполненныя Нурри, особенно *Орфей* и *Евнуха* (въ «Капрскомъ караванѣ») вполне обнаружили превосходство юнаго пѣвца надъ всѣми прочими артистами Оперы, Къ-сожалѣнію, игра его не соответствовала его вокальнымъ качествамъ: онъ былъ холоденъ въ самыхъ оживленныхъ сценахъ, и не желая уподобиться Лене, въ его натянутомъ одушевленіи, впалъ въ совершенно-противоположную крайность. Не-смотря на свои огромные недостатки въ вокальномъ отношеніи, Лене обладалъ увлекательнымъ жаромъ и рѣдкимъ знаніемъ сцены,—качества, которыхъ никогда не достигъ Нурри, хотя привычкою къ сценѣ и упражненіемъ приобрѣлъ постепенно больше ловкости и увѣренности въ своей игрѣ. Скромный и робкій, никогда онъ не предавался порывамъ энтузіазма, которые содѣлываютъ артиста, такъ-сказать, вдохновеннымъ жрецомъ искусства; свою службу на театрѣ, считалъ онъ не болѣе, какъ средствомъ къ еуществованію. — Въ тотъ вечеръ, когда Нурри игралъ въ первый разъ роль Орфея, учитель его Гарá пришелъ въ его уборную, и съ своимъ энергическимъ, вполне южнымъ выраженіемъ, сказалъ ему:

— Послѣ такого успѣха вы можете добиваться всего.

— Очень-радъ, что вы довольны, отвѣчалъ Нурри: и благодарю за ваше одобреніе, но я нечестолюбивъ.

— Ты нечестолюбивъ, несчастный! вскричалъ Гарá: по чего-же ты здѣсь хочешь?

Въ 1812 году Лене оставилъ сцену, и Нурри занялъ вполне его ампуа перваго тенора. Позже онъ раздѣлялъ его съ Лавинемъ; но съ 1817 года оно снова принадлежало исключительно ему одному. Роли *Рено*, *Орфей*, *Евнуха*, *Колена* (въ *Devin du village*) *Демали* (въ *Bayadères*), *Аладина* (въ *Lampe merveilleuse*), бы-

ли лучшими его ролями. До самаго окончанія своего поприща, Нурри постоянно сохранилъ прекрасный тимбре органа. Въ началѣ 1826 года, онъ рѣшился оставить сцену и получилъ пенсію, вполнѣ имъ заслуженный свыше двадцати-лѣтнею службою. Съ-тѣхъ-поръ, онъ переселился на дачу, которую приобрѣлъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Парижа, и проживалъ тамъ спокойно, прекратя даже торговлю брилліантами, которую прои-зводилъ во все продолженіе своей артистической жизни. Скоротечная болѣзнь свела славнаго артиста въ могилу, 23-го сентября 1831 года, пятидесяти-одного года отъ-роду.

Сынъ его, Адольфъ Нурри, родился въ Монпельѣ, 3-го марта 1802 года. Отецъ предназначалъ его къ званію негодіанта, по-чему и помѣстилъ въ училище св. Варвары, для образованія, сообразнаго съ этою цѣлю. — Вскорѣ Адольфъ отличился своею понятливостію и прилежаніемъ. Здѣсь-то онъ вошелъ въ тѣсную дружбу со многими товарищами школы, изъ которыхъ нѣкоторые въ-послѣдствіи приобрѣли извѣстность и сдѣлались людьми замѣчательными, оставаясь однако же друзьями Нурри до самой кончины. По окончаніи курса ученія, Адольфъ возвратился къ отцу и, по его стараніямъ, помѣщенъ былъ бухгалтеромъ и кассиромъ въ контору торговаго дома братьевъ Матіасъ, негодіантовъ-коммисіонеровъ въ Парижѣ. Прослуживъ здѣсь съ 1818 до конца 1819 года, молодой Нурри перешелъ потомъ въ контору одного страховаго общества. Вынужденный предаваться занятіямъ, которыя вовсе не согласовались съ его наклонностями и вкусомъ, Адольфъ могъ заниматься музыкою только тайкомъ отъ отца, который и слышать не хотѣлъ, чтобы сынъ его вступилъ когда-нибудь на драматическое поприще. — Старый профессоръ, другъ семейства, рѣшился давать молодому человѣку, разумѣется, тайно, уроки пѣнія; но успѣхи его были такъ быстры, что ученикъ вскорѣ замѣтилъ, что ему нечему больше учиться у этого перваго преподавателя: ему нужно было руководство учителя болѣе искуснаго. Тогда-то подумалъ онъ о Гарціи, и разсудилъ, что съ музыкальнымъ воспитаніемъ подъ руководствомъ такого славнаго артиста, онъ могъ-бы приготовиться съ успѣхомъ для драматическаго поприща. При первомъ разговорѣ Нурри о его намѣреніи, Гарція сначала колебался, не желая чрезъ то повредить видамъ отца его, съ которымъ издавна былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Однако-жъ вскорѣ, видя жаркія, неотступныя просьбы молодаго человѣка, Гарція убѣдился, что въ немъ есть тайное, непобѣдимое влеченіе къ искусству, по-

чему и принялся за дѣло. Съ первыхъ уроковъ Гарціа замѣтилъ, что Адольфъ надѣленъ всѣми качествами прекраснаго тенора, и что ему не доставало только помощи искусства, чтобы приобрести необходимую силу и гибкость. Искусно-расположенными постепенными упражненіями, знаменитый артистъ довелъ голосъ своего ученика до той степени, когда дальнѣйшее развитіе органа его зависѣло уже отъ времени и опытности.

Когда кончилось такимъ-образомъ музыкальное образованіе Адольфа, Гарціа сознался во всемъ отцу его, и объявилъ о результатахъ своихъ уроковъ. Сначала Нурри пораженъ былъ такою неожиданностію и жестоко разсердился; но потомъ, убѣжденный просьбами сына и, быть-можетъ, тронутый звуками, которые напомнили ему его молодость, опъ успокоился и принялъ дѣятельное участіе въ томъ, чтобы приготовить вступленіе на театральное поприще наслѣднику своего имени и своего таланта. Итакъ, Адольфъ Нурри явился на сценѣ Оперы, въ первый разъ, 1-го сентября 1821 года, когда ему исполнилось только 20 лѣтъ отъ роду. Первая сыгранная имъ роль была роль *Пилада* (въ «Ифигеніи въ Тавридѣ» Глюка). Публика приняла юнаго артиста очень-благоклонно, и была очарована его прекраснымъ органомъ, знаніемъ сцены и жаромъ его декламациі. Преждевременная дородность, наслѣдованная имъ отъ отца, была единственнымъ порокомъ, который находили въ немъ. — Впрочемъ, не въ одномъ этомъ сходились отецъ съ сыномъ: черты лица, осанка, походка и самый голосъ обоихъ артистовъ, заключали въ себѣ столько аналогіи, что ихъ легко было счесть одного за другаго, и только можно было различить по холодности одного и пламенной дикціи другаго. Такое поразительное сходство подало идею написать оперу: *Deux Sœurs* (въ родѣ близнецовъ), которая и была представлена 12-го іюля 1824 года, и въ которой оба артиста произвели живѣйшую и полную иллюзію. Послѣ «Ифигеніи», Адольфъ Нурри продолжалъ свои дебюты въ *Валдеркахъ*, *Орфеевѣ* и *Армидѣ*, и каждая изъ его новыхъ ролей была новымъ шагомъ къ торжеству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ дальнѣйшему усовершенствованію. Актеръ Французскаго-театра и профессоръ парижской Консерваторіи, Баптистъ (старшій), отличнѣйшій преподаватель, давалъ молодому Нурри уроки въ лирической декламациі, и молодой артистъ усвоилъ изъ нихъ себѣ все, совмѣстное съ музыкою. Роль *Неоклеса* (въ «Осадѣ Коринѳа» — Россини), была первымъ важнымъ созданіемъ его. — Отецъ и сынъ

явился въ этой оперѣ вмѣстѣ въ послѣдній разъ. Первое представленіе «Осады Коринѳа» было 9-го октября 1826 года.

Легкая и свободная вокализациа не была естественнымъ достояніемъ въ органѣ Адольфа Нурри; голосъ его въ этомъ отношеніи оставался непокорнымъ, такъ, что Гарціа, при всѣхъ своихъ усиліяхъ придать ему это качество, не могъ добиться въ томъ полнаго успѣха.— Но учитель утѣшалъ себя тѣмъ, что репертуаръ французской оперы не требовалъ отъ пѣвца гибкости органа въ такой степени, какъ то необходимо пѣвцу итальянскому. Съ появленіемъ-же на сценѣ *Осады Коринѳа* и другихъ твореній гениа Россини, механизмъ легкой вокализациа для перваго тенора сдѣлался необходимою. И Нурри понялъ, что ему надобно начать снова курсъ ученія. Славный артистъ не поколебался отъ предстоявшихъ ему затрудненій. Твердая воля и настойчивость привели его къ такимъ результатамъ, какихъ, быть-можетъ, онъ и самъ не ожидалъ. И если онъ не достигъ до блистательной легкости вокализациа Рубини, то, по-крайней-мѣрѣ, могъ исполнять удовлетворительно и съ замѣчательнымъ искусствомъ самыя быстрые пассажи. Впрочемъ, если талантъ его и остался несовершеннымъ въ этомъ отношеніи, то сколькими другими великими качествами артистъ выкупалъ такое несовершенство! Сколько прелести и очарованія заключалось въ его манерѣ фразировать! Какое удивительное искусство выказывалъ онъ въ способѣ употребленія головнаго голоса! Какъ много такта и глубины обнаруживалъ въ созданіи ролей! Сколько было у него чувства и энергіи въ выраженіи драматическихъ положеній! И смѣлю можно сказать, что, въ сущности, эти-то качества и составляютъ характеристику великаго лирическаго актера французской сцены.....

Послѣ того, какъ отецъ его кончилъ свое драматическое поприще и навсегда распрощался со сценою, Нурри остался одинъ для амбуа перваго тенора. Въ теченіе десяти лѣтъ артистъ выносилъ на своихъ плечахъ всю тяжесть лежавшихъ на немъ обязанностей, и несколько не утомился, не смотря на то, что эпоха эта, самая важная въ исторіи новѣйшей оперы, представляла ему тысячи подводныхъ камней. Въ эти десять лѣтъ поставлены на сцену: *Моисей*, *Графъ Ори*, *Фенелла*, *Philtre*, *Вильгельмъ-Тель*, *Робертъ-дьяволъ*, *Жидовка* и *Гугеноты*.— Нурри создалъ главныя роли во всѣхъ этихъ прекраснѣйшихъ партитурахъ; артистъ съ такимъ чуднымъ искусствомъ схватилъ малѣйшіе оттѣнки ихъ и такъ превосходно придалъ имъ характеръ

драматической истины, что, казалось, ролей этихъ и нельзя понимать иначе.—Мейерберовская музыка представила ему самое тяжелое испытаніе, какому когда-либо могъ подвергнуться пѣвецъ. По системѣ своей совершенно различная съ россиниевскою музыкою, которая такъ благоприятна для голосовъ, музыка Мейербера была возвращеніемъ къ оперѣ декламирующей, но только въ размѣрахъ гигантскихъ и съ инструментовкою, до того громадною, что успѣхъ ея невольно заставлялъ предвидѣть быстрое поврежденіе органовъ пѣвцовъ, исполнявшихъ эту музыку. Опытъ не замедлилъ показать, что, въ самой сущности, точно такъовы должны быть послѣдствія для пѣвцовъ отъ исполненія прекрасныхъ драматическихъ созданій гения Мейербера. Одинъ Нурри, казалось, имѣлъ достаточныя силы для того, чтобы бороться съ музыкою Мейербера со славою. Искусное употребленіе, какое онъ умѣлъ дѣлать изъ своего головнаго голоса, и рѣдкая сила, которую могъ придавать звукамъ этого регистра, позволяли ему пѣть въ сихъ произведеніяхъ безъ утомленія и напряженія, чему-бы артистъ неминуемо подвергся, если-бы дѣйствовалъ постоянно однимъ только груднымъ голосомъ.

Между-тѣмъ, самая важность, какую съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе пріобрѣталъ Нурри, и какъ пѣвецъ, и какъ актеръ, заставила администрацію Оперы подумать о томъ, что вся будущность театра лежитъ на одномъ человѣкѣ, который въ продолженіе уже десяти лѣтъ расточалъ свои силы, безъ всякой умѣренности. Вотъ почему администрація сочла необходимымъ, единственно въ видахъ будущаго, пригласить французскаго пѣвца Дюпрэ, которому уже нѣсколько лѣтъ еряду рукоплескала съ восторгомъ Италия,—съ титуломъ перваго-же тенора, въ товарищи Нурри. Въ теченіе шестнадцати-лѣтняго поприща, счастье и успѣхъ постоянно улыбались Нурри, и пѣвецъ не былъ приготовленъ къ подобному раздѣлу своего ампуа съ другимъ, безпримѣрному до того времени въ Оперѣ, ибо, по уставу театра, каждое ампуа имѣло *главнаго пѣвца, втораго пѣвца*, носившаго титулъ *remplacement*, и *третьяго*, называвшагося *le double*. При своемъ пыломъ воображеніи, артистъ пораженъ былъ мыслию, что такое приглашеніе другаго пѣвца сдѣлано не по чему иному, какъ именно по тому, что къ таланту его уже не оказывали того уваженія, какъ прежде! Тщетно друзья и почитатели старались его разуверить въ подобномъ заблужденіи: на всѣ ихъ доводы онъ отвѣчалъ только, что невѣроятно чтобы любовь публики могла раздѣляться между двумя артиста-

ми, которые назначались для одного и того-же амплуа. «Одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ остаться побѣжденнымъ», говорилъ онъ, и мысль эта тяготила его нестерпимо. Наконецъ, онъ не захотѣлъ вступить въ борьбу, и, послѣ нѣсколькихъ дней колебанія, потребовалъ увольненія. 1-го апрѣля 1837-го года былъ его прощальный спектакль. Музыкальныя лѣтописи представляютъ мало примѣровъ такого прекраснаго триумфа, какимъ наслаждался въ этотъ разъ Нурри. Громкимъ рукоплесканіемъ публики ясно выражала крайнее сожалѣніе о потерѣ славнаго артиста.

Сначала Нурри предположилъ себѣ, послѣ увольненія, цѣлый годъ путешествовать и являться на сценахъ главныхъ городовъ Франціи и Бельгіи, а потомъ вести уединенную жизнь, предаться трудамъ и занятіямъ другаго рода, къ которымъ онъ былъ приготовленъ хорошимъ образованіемъ въ юности, начитанностію и размышленіемъ въ возрастѣ зрѣломъ. Капиталь его, плодъ благоразумія, порядка и простоты его привычекъ, позволялъ ему осуществить этотъ прекрасный планъ.—Но въ то время артистъ думалъ обмануть самъ себя, и обманъ этотъ не замедлилъ вскорѣ разсѣяться. Для него еще не наступило и не могло быть иной жизни, кромѣ жизни на сценѣ, съ успѣхами, какіе до-сихъ-поръ были его удѣломъ: быть артистомъ для него составляло необходимое условіе существованія. Все прочее становилось постороннимъ. Послѣ того, какъ, весною 1837-го года, онъ возбудилъ энтузіазмъ Брюссельцовъ, планы Нурри измѣнились совершенно. Онъ возимѣлъ намѣреніе отправиться въ Италію, пѣть тамъ на всѣхъ важнѣйшихъ театрахъ, и срывать лавры, точно также, какъ срывалъ ихъ до него тотъ, кого назначили ему соперникомъ. — Врожденная пылкость характера его возрастала постепенно, но вскорѣ превратилась въ отчаяніе, по причинѣ ненормальнаго состоянія его голоса. Въ Марсели онъ внезапно охрипъ; такое болѣзненное состояніе его продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ спектаклей, и кончилось тѣмъ, что Нурри уронилъ себя въ *Жидовку*. Одинъ изъ марсельскихъ артистовъ описалъ, въ *Gazette musicale de Paris*, 1839-го года, обстоятельства помянутаго приключенія, которыя заставляли предугадывать о гибельныхъ послѣдствіяхъ. Вотъ что говоритъ онъ: «Страдая злополучною хрипотою, Нурри боролся бодро съ нею въ продолженіе трехъ актовъ, но вдругъ, въ ту самую минуту, когда онъ пѣлъ большую *арію*: «*Rachel, quand du Seigneur*» ипр., усталость, страхъ и волненіе парализовали совершенно его голосъ.

Органъ его, недавно столь обширный, чистыя и звучныя ноты котораго въ высокой октавъ пѣли столько прелести и могущества, въ эту минуту неровный и нечистый, едва издавалъ натуральное *fa*. Доведенный до такого горестнаго положенія, великій артистъ сдумѣлъ однакоже въ удивительномъ искусствѣ своемъ найти достаточныя средства, чтобы кончить *allegro*; но при послѣднемъ тактѣ онъ совершенно ослабѣлъ, и, не смотря на всѣ свои усилія взять высокое *la*-бемоль, которымъ оканчивается арія въ тоникѣ, Нурри, въ первый разъ, принужденъ былъ заключить арію октавою. Блѣдный и дрожащій отъ страданій, артистъ ударилъ себя по лбу, сдѣлалъ отчаянный жестъ и ушелъ со сцены въ невыразимомъ волненіи. Зная характеръ Нурри, съ которымъ мы были неразлучными товарищами со времени пріѣзда его въ Марсель, и опасаясь дурныхъ послѣдствій для него отъ этого приключенія, я тотчасъ вскочилъ съ своего мѣста и поспѣшилъ въ уборную артиста, куда вошелъ въ одно время съ г. Буацело.... Увы! не остается больше сомнѣнія, — нашъ несчастный артистъ помѣшался. Никогда въ жизнь мою не забуду такой ужасной сцены! Съ лицомъ блѣднымъ, съ пылающимъ взоромъ, Нурри расхаживалъ быстро по комнатѣ, съ силою колотилъ по стѣнамъ и испускалъ раздрающіе душу вопли. Въ такомъ положеніи, разумеется, онъ не узналъ насъ.

— Кто вы? чего отъ меня хотите? Оставьте меня!....

— Мы друзья ваши и пришли навѣстить васъ.

— Друзья мои! нѣтъ, это невозможно... Если вы друзья, такъ убейте меня... развѣ вы не видите, что я не могу больше жить, что я погибъ, обезчещенъ...

Съ этими словами онъ стремительно бросился къ раскрытому окну. Мы кинулись за нимъ, схватили его, насильно притащили къ кресламъ и, нетомленный неровною борьбою, артистъ, не сопротивляясь больше, упалъ въ нихъ въ глубокомъ отчаяніи. Кризисъ продолжался очень-долго. Приведенный въ память докторомъ Форкадомъ, Нурри открылъ глаза и, видя нѣмое участіе окружающихъ его, просилъ извиненія, съ чистосердечіемъ и робостію провинившагося ребенка. Мы воспользовались этою минутою и стали уговаривать его выйти опять на сцену, на что онъ согласился безъ сопротивленія. Публика, узнавшая о происшедшемъ въ антрактѣ, встрѣтила артиста съ энтузіазмомъ. По окончаніи спектакля, мы проводили нашего несчастнаго друга на

квартиру, успокоили его и ушли, съ обѣщаніемъ навѣстить его на другой день. Дѣйствительно, рано утромъ я первый пришелъ къ нему. Нурри радостно встрѣтилъ меня, какъ-бы изъявляя этимъ благодарность за мою аккуратность.

— Ну, что, спросилъ я, стараясь принять веселый видъ: каково провели вы ночь?

— Очень-худо.. я не спалъ и много плакалъ; въ эту минуту, въ самую эту минуту даже, я принужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи всѣхъ силъ разсудка, чтобы преодолѣть мрачныя мысли. Для меня жизнь сдѣлалась невыносимою. Но я знаю свои обязанности: у меня добрые друзья, жена, дѣти, которыхъ я люблю и для которыхъ я все; при томъ-же я вѣрю въ будущую жизнь... Съ такими идеями можно восторжествовать надъ самимъ-собою. Но я боюсь за мой разсудокъ; если я хоть на минуту опять лишусь его, то не знаю, что со мною будетъ. Ночью, я просилъ Всевышняго испослать мнѣ твердость и укрѣплялъ себя чтеніемъ священнаго писанія. Вотъ взгляните. — Я взял со стола книгу, на которую онъ указалъ мнѣ. Книга эта была — *О подражаніи Іисусу Христу.*»

Такия глубокія огорченія, поразившія чрезмѣрную чувствительность Нурри, скорѣ разрушили его здоровье. Разстройство первыхъ желудочной системы, обыкновенное послѣдствіе тяжкихъ душевныхъ потрясеній, сдѣлало изъ человека полного, цвѣтущаго здоровья — настоящаго скелета, такъ, что самые близкіе друзья не узнавали его. Изъ Марсели онъ перѣѣхалъ въ Ліонъ, гдѣ ожидалъ его одинъ изъ самыхъ блистательныхъ триумфовъ его артистической жизни, который пролилъ благотѣльный бальзамъ на его душевныя раны. — Нурри возбудилъ въ Ліонѣ живѣйшій восторгъ. Изъ Ліона онъ поѣхалъ въ Тулузу; но здѣсь приключеніе, подобное марсельскому, заставило его прервать представленія. — Возвратясь въ Парижъ, онъ сталъ готовиться къ путешествію въ Италію, и получивъ отпускъ по обязанности профессора драматическаго пѣнія въ Консерваторіи, въ первыхъ мѣсяцахъ 1838-го года, онъ отправился въ путь, безпрестанно обуреваемый самыми мрачными мыслями. Статьи враждебныхъ журналовъ и безымянныя письма еще болѣе усилили печаль его. Въ Миланѣ артистъ возбудилъ восторгъ въ небольшомъ кругу избранныхъ знатоковъ, собравшихся у Россини. Такой успѣхъ, казалось, возвратилъ ему все его си-

лы, а подобные-же успѣхи во Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ, подали семейству его надежду на совершенное возстановленіе его здоровья и нормальнаго состоянія духа. Но въ послѣднемъ городѣ ожидали несчастнаго артиста новыя, роковыя горести. Еще до отъѣзда своего въ Италію, Нурри сочинилъ два либретто итальянскихъ оперъ. Онъ желалъ, чтобы музыка ихъ написана была для него. Одно изъ этихъ произведеній была трагедія Корнеля, *Поліэвктъ*, приравненная къ лирической сценѣ. Сюжетъ этотъ понравился Доницетти, и маэстро быстро написалъ партитуру, которую давали потомъ и на сценѣ Большой-оперы въ Парижѣ, подъ названіемъ: *Les Martyrs*. Однакожъ цензура неаполитанскихъ театровъ не дозволила поставить эту оперу на сцену, потому-что сюжетъ ея былъ религіозный. Нурри, приготовившійся къ дебюту на театрѣ Санъ-Карло, въ роли Поліэвкта, такъ удачно для него написанной, вынужденъ былъ отказаться отъ ожидавшаго его успѣха. Съ-тѣхъ-поръ овладѣла имъ глубокая меланхолія; всѣ симптомы болѣзни возобновились, и въ такомъ-то плачевномъ состояніи духа артистъ явился на сценѣ предъ Неаполитанцами. Несмотря однакожъ на все это, Нурри имѣлъ блистательный успѣхъ въ *Giuramento*, МеркадANTE, и въ *Нормъ*, Беллини. — Вскорѣ потомъ, при меланхолической разстроенности его духа, артисту вошла въ голову странная идея, что будто-бы аплодисменты, расточаемые Неаполитанцами за его талантъ, суть не болѣе, какъ насмѣшка надъ нимъ. Ничто не могло отвратить несчастнаго отъ этой пагубной мысли. Она-то докончила разстройство его разсудка. Послѣ представленія въ пользу одного пѣвца, въ которомъ Нурри принималъ участіе, помѣшательство его достигло высшей степени и довело до самоубійства. На другой день артистъ всталъ рано утромъ и бросился съ высокой террасы отеля Барбан на дворъ, и на мѣстѣ-же умеръ, 8-го марта 1839-го года. — Жена его, отличная женщина, достойная лучшей участи, по качествамъ ея ума и сердца, первая нашла его на мѣстѣ смерти. Онъ былъ совершенно разбитъ и не подавалъ ни малѣйшаго признака къ жизни. Удивительная сила души несчастной женщины поддержала ее въ эту скорбную минуту, и она благополучно произвела на свѣтъ послѣдній плодъ любви страдальца-мужа; но вскорѣ потомъ умерла съ печали. — Прахъ Нурри перевезенъ въ Парижъ и похороненъ съ пышностію, достойною великаго пѣвца, обществомъ артистовъ

Консерватории и всех главных театров столицы Франціи, причѣмъ исполненъ былъ *Реквиемъ* Херубини.

Такъ окончилъ жизнь свою удивительный пѣвецъ, о которомъ долго сожалѣть будетъ Франція, а, болѣе всехъ, быть-можетъ, скорбитъ Мейерберъ: послѣ Нурри онъ не находитъ достойнаго пѣвца для исполненія своихъ произведеній. Говорятъ, что Дюпрѣ, даже и въ полномъ цвѣтѣ своего таланта, былъ несравненно-слабѣе Нурри въ «Робертъ-дьяволъ» и «Гугенотахъ».

ТРЕТІЙ ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ПОЭМЫ

ГЕННАДІЙ *).

48.

Когда отца Геннадій схоронилъ,
Онъ пустоту въ душѣ своей увидѣлъ.
Онъ никого на свѣтѣ не любилъ,
Не презиралъ, хотя не ненавидѣлъ,
А ко всему здѣсь равнодушенъ былъ.
Онъ былъ-бы радъ узнать страданья, муки,
Но кромѣ тяжкой, горькой, вѣчной скуки,
Не чувствовалъ на сердцѣ ничего.
Въ то время часто видѣли его,
Какъ онъ порой по улицамъ столицы
Бродилъ всю ночь до утренней денницы.

*) См. «Репертуаръ и Пантеонъ» 1845 г., кн. 1-ю и 7-ю.

49.

И вздумалъ онъ, чтобъ скуку разогнать,
 Давать балы, роскошные обѣды,
 И до утра гулять и пировать. —
 Извѣстно: какъ гуляли наши дѣды, —
 Такъ внукамъ ихъ ужъ, вѣрно, не гулять!
 Геннадія пиры гремѣли всюду,
 Весь Петербургъ дивился, имъ какъ чуду;
 Ему сказалъ Тавриды гордый князь:
 «Твои балы прекрасны, даже насъ
 Ты побѣдилъ; одно въ нихъ бесполезно:
 Къ чему ты самъ являешься, любезный?»

50.

И точно, — на блестящихъ вечерахъ
 Геннадій, появившись на мгновенье,
 Съ тяжелой, мертвой скукою въ чертахъ,
 Между гостей бродилъ, какъ привидѣнье,
 И наводилъ на всѣхъ тоску и страхъ.
 Объ этомъ толки разные возникли,
 И смолкли, какъ всегда, и всѣ привыкли
 Къ поступкамъ страннымъ, и веселый балъ
 Ужъ наконецъ его не замѣчалъ,
 Когда, какъ тѣнь, неожиданно онъ являлся,
 И молча шелъ, и залъ пройдя, скрывался.

51.

Нашелся какъ-то добрый человѣкъ:
 Геннадія онъ вылечить рѣшился,
 И далъ совѣтъ, чтобъ не скучать весь вѣкъ,
 Пусть хоть-бы разъ насильно онъ влюбился.
 Казалось, узелъ Гордіевъ разеѣкъ
 Онъ этими словами. «Въ-самомъ-дѣлѣ»,
 Геннадій думалъ: «въ этомъ глупомъ тѣлѣ
 «Еще довольно жара, силы есть;

«За деньги я куплю любую честь,
 «Мнѣ стоить только выбрать и рѣшиться...»
 И это называлъ чудакъ — влюбиться!

52.

И онъ влюбился.... Но была странна
 Его любовь, безъ чистыхъ наслажденій:
 Въ ней грязная была лишь сторона;
 Онъ въ ней не зналъ надеждъ и опасеній.
 Его досада мучила одна,
 Когда ему не скоро предавались,
 Иль не-шутя порой сопротивлялись.
 Но не всегда въ любви онъ равенъ былъ:
 Трехъ женщинъ онъ сильнее всѣхъ любилъ,
 Почти какъ и другіе любить въ свѣтъ,
 Гдѣ любить всѣ, и старики, и дѣти.

53.

Одна изъ нихъ была порока дочь,
 Веселая и пылкая цыганка.
 Страстна, какъ югъ, таинственна, какъ ночь,
 Хитра, какъ змѣй, распутна, какъ Вакханка.
 Откинувъ всѣ заботы жизни прочь,
 Она одной лишь нѣгою дышала,
 По прихоти любовниковъ мѣняла;
 Сегодня на пиру у богача
 Бѣсила всѣхъ, рѣзвясь и хохоча,
 А завтра, всѣ забывши общанья,
 Шла къ бѣдняку на страстное свиданье.

54.

Сегодня вся въ алмазахъ дорогихъ
 Въ парчѣ и въ жемчугѣ сіяетъ Мая,
 А завтра плечъ роскошныхъ и нагихъ
 Прикрыть ей нѣчѣмъ. Бѣдность презирая,

Въ своихъ объятяхъ страстныхъ, огневыхъ
 Бродягу одинокаго сжимаетъ,
 Съ нимъ дни проводитъ, пляшетъ и гуляетъ.
 Обвернутая въ плащъ, во тьмѣ ночной,
 Спитъ безъ заботъ на голой мостовой,
 И поутру на площади охотно
 Ъсть черствый хлѣбъ, горда и беззаботна.

55.

И встрѣтился Геннадій какъ-то съ ней.
 Она жила у богача сѣдаго.
 И сердце въ немъ забилося сильнѣй:
 «Люби меня! сказалъ онъ ей сурово,
 Я дамъ миллионъ за любви твоей!»
 Она ему взглянула гордо въ очи:
 «Не стоишь ты и часу этой!....»
 Геннадій въ гнѣвѣ вспыхнулъ, задрожалъ,
 Ей съ силою и жаромъ руку сжалъ,
 Но въ бѣшенствѣ она, вскочивъ со стула,
 Бокаль съ виномъ въ лицо ему плеснула....

56.

И скрылася.... Геннадія едва
 Могли сдержать, — рвался онъ вслѣдъ за нею, —
 Въ огнѣ его пылала голова, —
 Онъ весь горѣлъ, краснѣя и блѣднѣя, —
 Рѣкой лились безумныя слова.
 Онъ никогда не зналъ сопротивленья,
 И вдругъ ему такое оскорбленье
 Распутная цыганка нанесла!...
 Но бѣшенства горячка въ немъ прошла,
 Онъ клятву далъ, что страстью будетъ Мая
 Пытать, его въ объятяхъ сжимая!

57.

И сталъ ее повсюду онъ искать,
 Но скрылася лукавая цыганка.

Лазутчиковъ велѣлъ онъ разослать.
 Хоть золото — всемірная приманка —
 Не помогло, но случай отыскать
 Ее позволилъ. Въ бѣдненькой лачужкѣ,
 Въ далекомъ переулкѣ, у старушки,
 Скрываясь, красавица жила,
 Сама обѣдъ варила, ленъ прjala.
 Но у старушки сынъ былъ, парень стройный,
 Красавецъ рослый, дикій, безпокойный.

58.

Однажды въ поздній часъ, въ поту, въ пыли,
 Домой онъ шелъ съ работы, безъ печали.
 Близъ дома вдругъ, поднявшись съ земли,
 Разбойники на бѣдняка напали.
 Двѣнадцать дюжихъ рукъ едва могли
 Его свалить, перетянуть веревкой,
 Ротъ завязать, хоть люди тѣ спаровкой
 И опытностью славились. Потомъ
 Толпой они тотъ окружили домъ,
 Одинъ изъ нихъ вошелъ, въ немъ крикъ раздался,
 А связанный бѣднякъ въ пыли валялся.

59.

Геннадій отперъ дверь и въ-мигъ къ нему
 Цыганка быстро бросилась на шею....
 Прижалъ ее онъ къ сердцу своему,
 Но вдругъ она рванулася блѣднѣя,
 Узнавъ его. Не внемля ничему,
 Прижалъ ее онъ крѣпче, увлекая
 Изъ дома.... Съ дикимъ крикомъ билась Мая,
 И въ щеку сластолюбца, разгораясь,
 Жемчужными зубами вдругъ впиалась....
 Ее изъ рукъ онъ выпустилъ, смущенный....
 Вдругъ пожъ блеснулъ въ рукѣ освобожденной.

60.

И прежде, чѣмъ онъ слово могъ сказать,
 Она ему въ грудь этотъ ножъ вонзила....
 Геннадій не успѣлъ и закричать,
 Со стономъ онъ упалъ. Она вскочила
 На стулъ, потомъ въ окно. Ее поймать
 Сообщники безумца не успѣли.
 Три мѣсяца онъ при смерти въ постелѣ.
 Лежалъ больной, но рана зажила,
 И молодость его свое взяла,
 И онъ, болѣзни ложе покидая,
 Сказалъ: «Теперь не увернется Маи!»

61.

Она межъ тѣмъ давно уже жила
 У Царедворца гордаго въ палатахъ,
 По-прежнему жива и весела,
 Купалась въ жемчугѣ и ароматахъ,
 По-прежнему горда, страстна была,
 Любила слушать про дѣла правленья,
 Придворныя интриги, опасенья.
 Но въ загородномъ домѣ и одна
 Безвыѣздно всегда жила она.
 Вельможа тотъ молвы, враговъ боялся,
 И при дворѣ монахомъ жить старался.

62.

И къ Маѣ доступъ очень-труденъ былъ:
 За ней всегда миллионы глазъ слѣдили,
 Вкругъ дома день и ночь дозоръ ходилъ
 И слуги другъ на друга доносили.
 Но денегъ бѣсъ кого-бъ не соблазнилъ?
 Разъ ночью у постели Маи пышной
 Раздался звукъ шаговъ, едва лишь слышный,
 Дыханье чье-то; дерзкою рукой

Отдернулъ кто-то пологъ парчевой,
И глазки вдругъ красавица открыла, —
И кровь ее отъ ужаса застыла.

63.

Передъ постелью, съ блѣдностью въ чертахъ,
Стоялъ Геннадій. Шитая ливрея
На немъ была надѣта, въ галунахъ
Кафтанъ, камзолъ, и весь нарядъ лакея,
Но мертвая безжизненность въ глазахъ.
Опъ говорилъ: «Къ тебѣ пришелъ я, Мая,
Сказать все то, что чувствую. Тебя я
Пугать моей любовью не хочу.
За злость твою я местию не плачу;
Я здѣсь одинъ, какъ воръ, въ позорномъ платьѣ,
Не бойся, не прижму тебя въ объятя.

64.

«Скажи, за что не любишь ты меня?
Я молодъ, я богатъ, я пылокъ, Мая.
Во мнѣ есть много жара и огня,
И страстью этой мучась и пылая,
Слабью, сохну я день ото дня,
Но все тебя люблю, хоть ты хотѣла
Убить меня.... Зачѣмъ же не умѣла
Вѣрнѣе мнѣ удара нанести?
Твоя вина! Кому тебя спасти?
Клянусь — я клясться даромъ не умѣю,
Что рано-ль, поздно-ль будешь ты моею!»

65.

И молча Мая слушала его,
Въ ней ненависть безумная уснула,
И улыгнувшись съ ложа своего
Ему цыганка руку протянула,

Сказавши: «Да, ты правъ! и для чего
Тебя не полюбить мнѣ? Я хотѣла
Бѣжать отсюда завтра. Надоѣла
Мнѣ эта жизнь. Любовникъ мой съдой
Меня здѣсь держать въ клеткѣ золотой,
А мнѣ несносна скука и привычка,
И Мая любить вольной быть, какъ птичка.

66.

«Мнѣ нравится настойчивость твоя,
И я люблю, когда меня такъ любить.
Мы вмѣстѣ убѣжимъ, но только я
Условье предложу тебѣ; пусть губятъ
Другія даромъ жизнь свою, тая
Въ груди любви восторги и желанья,
Иль одному готова обладанье
Своею красотою. Но къ чему
Дарить любовь я буду одному?
Нѣтъ, я хочу доставить многимъ счастье

67.

И потому принадлежать тебѣ
Шесть дней въ недѣлѣ только я рѣшилась.
Последній день оставлю я себѣ.
И ты, куда-бы я тотъ день ни скрылась,
Оставь меня и не ищи. Судьбѣ
Ты поручи присматривать за мною....
На-утро вновь покорною рабою
Явлюся я, и снова на шесть дней
Тебѣ весь жаръ, весь пылъ души моей.
Геннадій!... я твоя!... а ты въ раздумьи!...»
И онъ на грудь ея упалъ въ безумьи.

68.

И цѣлый годъ, безъ горя и заботъ,
Геннадій жилъ спокойно, не скучая.

Казалось, что съ нимъ переворотъ
Произошелъ, что жизнь безумца Мая
Украститъ, что хандра его пройдетъ.
Забывъ свое безумное условье,
Его любила страстною любовью
Цыганка. Съ каждымъ днемъ ея любовь
Къ нему росла, сильнѣй волнуя кровь,
Она его лелѣяла, ласкала,
А скука въ грудь змѣей къ нему вползала.

69.

Онъ часто съ ней, въ роскошный ночи часъ,
Любилъ бродить надъ синею Невою,
Смотрѣть, какъ въ даль гремя, и серебрясь,
Бѣжитъ она гигантскою змѣю.
И въ ночь одну, когда переплетаясь
Руками страстно, въ думѣ, сердцу сладкой,
Они гуляли, кто-то вдругъ украдкой
Изъ-за угла прокрался къ нимъ, и вмигъ
Раздался страшный, дикій Май крикъ,
И въ ужасѣ Геннадій пошатнулся,
И въ сторону съ отчаяньемъ рванулся...

70.

И въ голову направленный ударъ,
Въ плечо ему попалъ.... онъ зашатался,
По тѣлу разлился палящій жаръ,
Туманъ передъ глазами разоштался,
И огненный пронесся въ искрахъ шаръ....
Кругомъ все закрубилось.... онъ слабѣя,
Упалъ на мостовую; у злодѣя
Смѣхъ радости исторгся изъ груди,
И онъ сказалъ: «Цыганка! погляди!
Порадуйся! вотъ ты кого любила,
И съ кѣмъ меня, измѣнница, забыла!»

71.

И гордо онъ дубину опустилъ,
 Желѣзомъ всю окованную. Грозно
 Его глаза горѣли, въ нихъ свѣтили
 Огонь безумья! «Полно вопить, поздно!
 И я кричалъ, и бился, и вопилъ,
 Когда меня разбойники вязали,
 И отъ меня вы оба убѣжали;
 И я заклятые даль его убить,
 И началъ васъ вездѣ стеречь, ловить,
 И наконецъ вы оба мнѣ попались...
 Дай посмѣюсь!... я чай, и вы смѣялись!...»

72.

И смѣхъ его былъ судорожень, дикъ.
 И въ страхѣ Мая на него смотрѣла,
 Въ груди своей удерживая крикъ,
 Въ объятыхъ жавъ безчувственное тѣло
 Геннадія; но извергъ въ тотъ-же мигъ,
 Примѣтя въ немъ чуть видное движенье,
 Вдругъ задрожалъ и въ дикомъ изступленьи
 Надъ нимъ опять дубиною взмахнулъ.
 «Ага! знать онъ не вѣчнымъ сномъ уснулъ,
 Такъ я его на вѣки успокою,
 Спознается, злодѣй, съ сырой землею!»

73.

И очертилъ надъ головою кругъ
 Дубиною онъ тяжелой, но стрѣлою
 Къ нему на шею бросилася вдругъ
 Цыганка, обвила его змѣею,
 И всею силой смуглыхъ, полныхъ рукъ
 Открытую ему сдавила шею,

Впилась когтями въ горло! У злодѣя,
Гремя, — дубина выпала, — не ждалъ
Онъ нападенья, — вздрогнуть и упалъ
Объ камни головой.... съ нимъ вмѣстѣ Мая,
Давя его за горло и кусая.

74.

Не долго длилась страшная борьба,
И по землѣ, хрипя, они катались;
Она въ него впиалась, хоть слаба
И молода была. И вдругъ порвались
Двѣ жилы въ горлѣ изверга. Судьба
Его рѣшилась: задыхаясь, руки
Онъ обвилъ вокругъ нея въ предсмертной мукѣ,
И сжалъ ее, измученный борьбой,
Но, вырвавшись, бросилась стрѣлой
Она къ дубинѣ, вмигъ ее схватила
И голову безумца разможила.

75.

Потомъ съ одежды, съ рукъ, съ груди, съ лица
Отерла кровь, и страшно поблѣдѣла,
И все забывъ, дрожа, на мертвеца
Безмысленно, безчувственно смотрѣла....
Но вдругъ раздался шумъ глухой: съ конца
Той улицы, толпа народу, крикомъ
Привлечена, ужъ приближалась. Съ дикимъ
Огнемъ въ глазахъ, Цыганка обняла
Геннадія, съ земли приподняла,
Къ груди прижала, съ нимъ бѣжать пустилась
Вдоль улицы, и въ отдаленіи скрылась....

76.

И онъ, спасенный Маей, заплатилъ
Холодностью за всю любовь Цыганки.

Чтобъ только онъ доволенъ ею былъ,
 Всѣ обольщенья, хитрости, приманки
 Бѣдняжка истощила, но забылъ
 Онъ страсть свою и прежнее безумье:
 Онъ близъ нея впадалъ теперь въ раздумье,
 Не слушалъ страстныхъ словъ, и все молчалъ,
 Скучая съ ней, ей ласкъ не расточалъ,
 И думалъ: «Ей бы можно догадаться,
 Что наконецъ пора и отвязаться.»

77.

Какой-то стыдъ удерживалъ его
 Ей объявить, чтобъ съ нимъ она разсталась;
 Онъ случая искалъ, но ничего
 Не находилъ. Въ ней сердце разрывалось...
 И вотъ однажды, встрѣтивъ одного
 Геннадія, бродящаго средь зала,
 Она ему печальная сказала:
 «Скажи, за что не любишь ты меня?
 Во мнѣ есть много жара и огня,
 Я страстью знойной мучаюсь, пылаю!...»
 А онъ ей отвѣчалъ: — Почему я знаю?

78.

— Смѣшно-же вѣкъ другъ друга намъ любить.
 На этомъ свѣтѣ все непостоянно,
 Такъ для чего-жъ мнѣ постояннымъ быть?
 А вѣкъ вздыхать и цѣловаться странно.
 Повѣрь, ничѣмъ нельзя тутъ пособить.
 Ты, право, только даромъ время губишь;
 Я знаю, ты сама меня не любишь!»
 — Я не люблю, вскричала, задрожавъ
 Цыганка, я?... Геннадій, ты неправъ! —
 Но если-бы тебя я не любила,
 Скажи, за что-бы я его убила?... —

79.

«Чтобъ не убилъ тебя онъ», отвѣчалъ
Ей холодно Геннадій, и слезою
Цыганки взоръ прекрасный заблесталъ.
— Зачѣмъ-же я всегда, вездѣ съ тобою?
Припомни, самъ ты мнѣ свободу далъ,
И я могла-бъ другому отдаваться?
Кто-жъ принуждалъ меня съ тобой остаться? —
И отвѣчалъ Геннадій: «Что-жъ, какъ знать?
Быть можетъ, что тобою обладать
Другой и не захочетъ. Это ясно:
Я такъ богатъ, а ты не такъ прекрасна!»

80.

Она къ нему свой обратила взоръ,
И въ этомъ взорѣ много чувства было!
Онъ выражалъ тоску, любовь, укоръ,
И страшно въ немъ отчаянье свѣтило.
— «Не вѣришь ты!... Геннадій! До-сихъ-поръ
Любви моей безумной ты хоть вѣрилъ,
Еще ея ты силы не измѣрилъ....
Чѣмъ доказать тебѣ мою любовь?»
И подошелъ онъ, скученъ и суровъ,
Къ открытому окну и сталъ въ молчаньи
Смотрѣть на городъ, улицы и зданья.

81.

И Мая подошла къ нему опять,
И холодно въ глаза ему взглянула:
«Чтобы свою любовь мнѣ доказать,
Ты хочешь-ли, чтобъ я въ окно прыгнула?»
Онъ усмѣхнулся. — Ты и отвѣчать
Не хочешь мнѣ, Геннадій. Богъ съ тобою!
Всему конецъ! Скучаешь ты со мною,
Не любишь ты меня! Дай руку мнѣ
Поцѣловать.... Смотри!... Я на окнѣ!...
Лишь взглядъ одинъ, я жить опять готова....
Ты хочешь-ли, Геннадій!... о!... ни слова!... —

И бросилась безумная въ окно!
 Внизу раздался глухо шумъ паденья...
 И онъ вздрогнулъ и вскрикнулъ, но одно
 Въ немъ было чувство страха; сожалѣнья
 Не чувствовалъ, не зналъ онъ. Стѣснено
 Въ немъ было сердце ужасомъ; онъ даже
 Объ ней не пролилъ капли слезъ.... Когда-же,
 Недавно полный жизни и любви,
 Трупъ Маи, разможенный и въ крови,
 Внесли къ нему, всѣ плакали украдкой,
 А онъ, взглянувъ, сказалъ: «Какъ это гадко!»

И позабылъ объ ней.... Но пустота
 Въ его душѣ какая-то осталась.
 Его опять манила красота,
 Опять любовь на сердцѣ разгоралась,
 Но не была безгрѣшна и чиста
 Его любовь. Холоднымъ эгоистомъ,
 Онъ и въ любви былъ тѣмъ же атеистомъ.
 Лишь чувственную сторону любя,
 Онъ и любилъ для самого-себя.
 И чтобъ отъ скуки вновь освободиться
 Вторично онъ попробовалъ влюбиться (*).

.....
 .....
 .....
 .....

ВЛАДИМИРЪ ЗОГОВЪ.

(*) Эпизодъ любви Геннадія къ Юганнѣ помѣщенъ въ первомъ отрывкѣ изъ этой поэмы. См. Репер. и Пант. 1845 года книжку первую.

КВАРТИРА

на

БУГОРКАХЪ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ *).

Соч. П. С. Оедорова.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

- Петръ Ивановичъ Пузыревскій, Новгородскій по-
мѣщикъ . . . . . Г-нъ Каратыгинъ 2.
Глашынъка, его дочь . . . . . Г-жа Самойлова 1.
Иванъ Оедоровичъ Мерзлюковъ, чиновникъ . . . Г-нъ Мартыновъ.
Оома Оомичъ Кульковъ, хозяинъ дома, въ кото-
ромъ живетъ Мерзлюковъ . . . . . Г-нъ Григорьевъ.
Филиппъ, дворникъ Кулькова.
Мароа, горничная Глашынъки.
Мальчикъ изъ лавки.

Дѣйствіе происходитъ въ С. Петербургѣ, въ домѣ Кулькова.

---

*) Представленъ въ первый разъ въ С. Петербургѣ, на Императорскомъ Александринскомъ-театрѣ, 28-го ноября 1845 года, въ бенефисъ г-на *Мар-
тинова*.

Небольшая простенькая комната. Двѣ двери: одна въ среднѣ, другая направо; на-лѣво окно. Близъ окна маленькая конторка; впереди, на-право, столъ, диванъ, закрытый ширмами, шкафъ и нѣсколько стульевъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

КУЛЬКОВЪ. (*Входя въ боковую дверь.*) Вотъ ужъ седьмой день, а этого проклятаго Мерзлюкова все еще нѣтъ дома!... Ну, ужъ жилецъ, прости Господи! Мало того, что не платить за квартиру, а пожалуй еще навяжетъ такихъ хлопотъ, что не раздѣлаешься съ полицией!... Вѣдь чего добраго, можетъ, утонулъ, или пришибъ его гдѣ-нибудь параличъ!... а я не далъ еще знать его начальству, что онъ въ отсутствіи!... Бѣда! сушая бѣда съ жильцами!... Вотъ вѣдь указываютъ все пальцами: у него, дискать, свой домъ, наворовалъ на службѣ, вышелъ въ отставку да и живетъ припѣваючи!... а вѣдь не разсудить того, что я потерялъ!

М 1.

Конечно, ловко я служилъ,
И такъ дѣла свои уладилъ,
Что домъ на Бугоркахъ купилъ
И тысячь сто въ ломбардъ спровадилъ!...
И пенсіонъ есть у меня,
И шести-классный чинъ для чести,
А жаль, что службу бросилъ я: —
Теперь ужъ было-бъ тысячь двѣсти!

А домъ!... Что домъ? — Просто, пустыки!... Только неприятности съ жильцами!... Дай мнѣ за него кто-нибудь двадцать процентовъ прибыли, продамъ съ величайшей радостью!... (*Указывая на боковую дверь.*) Вонъ и теперь стоитъ квартира пустая!... Прехорошенькая комната съ кухней; кто ни придетъ, дорого, да-дорого!... Прежде у меня они соединялись съ этой комнатой, да было еще хуже!... Для достаточнаго мало, для бѣднаго много!... я и разсудилъ ихъ раздѣлить!... Здѣсь для холостаго!... вотъ и ходъ особый!... (*Показываетъ на среднюю дверь*) съ чистой лѣстницы!... А тамъ для женатаго, съ грязной!... Оно теперь и выгоднѣе при-

ходится... да такое видно несчастье: — кто туда ни переѣдетъ, мѣсяца отъ клоповъ не проживетъ.... А кто здѣсь проживетъ, денегъ не заплатитъ.... Нѣтъ, видно, придется по старому соединить. (Смотря въ окно). Филка! а Филка! поди-ка сюда!... Экъ у него, мошенника, какая грязь на дворѣ.... А вѣдь, бездѣлица! по два цѣлковыхъ плачу въ мѣсяцъ, да еще каморку даю съ отопленіемъ....

ЯВЛЕНІЕ II.

КУЛЬКОВЪ, ФИЛИППЪ.

ФИЛИППЪ. (входя въ боковую дверь). Что угодно?

КУЛЬКОВЪ. А что, пока я ходилъ на рынокъ, никто не спрашивалъ той квартиры?...

ФИЛИППЪ. Кажись, никого не было, окромя какого-то толстаго барина....

КУЛЬКОВЪ. Ну, чтожь онъ, смотрѣлъ?

ФИЛИППЪ. Какъ-же, смотрѣлъ.... Хорошо, говоритъ, да тѣсненько... кабы еще комнатку....

КУЛЬКОВЪ. Ну?

ФИЛИППЪ. Я и говорю, была, молъ, тутъ прежде знатная комната, да хозяинъ раздѣлилъ.... Онъ и говоритъ, нельзяли и ту отдать, такъ, говоритъ, взялъ-бы съ удовольствіемъ и деньги-бы, говоритъ, впередъ за мѣсяцъ заплатилъ....

КУЛЬКОВЪ. Ну, а ты что-же сказалъ?...

ФИЛИППЪ. Да что сказалъ.... Сказалъ, не знаю.... Не наше, молъ, дѣло.... воля хозяйская.... Онъ и спросилъ, а гдѣ, говоритъ, хозяинъ.... Я и говорю, ушелъ за провизіей на рынокъ.... А онъ и говоритъ, хорошо, говоритъ, я зайду опослѣ, черезъ часъ, и переговорю съ самимъ хозяиномъ....

КУЛЬКОВЪ. Такъ и ушелъ?

ФИЛИППЪ. Такъ и ушелъ!...

КУЛЬКОВЪ. И, вѣрно, обманетъ.... Ужь если сказалъ, зайду послѣ, такъ, навѣрное, не придетъ.... Это я знаю по себѣ.... какъ у меня не было своего дома, такъ я и самъ любилъ вмѣсто прогулки таскаться по квартирамъ.... посмотришь да и скажешь дворнику: послѣ зайду....

ФИЛИППЪ. Такъ-съ!... Конечно, ихъ воля...

ПУЗЫРЕВСКІЙ, (за сценой). Дворникъ! дворникъ!

КУЛЬКОВЪ, *(подбѣгая къ окну)*. Слышишь, тебя кличутъ!
 ФИЛИППЪ, *(смотря въ окно)*. Стойте-ка, хозяинъ, да это онъ и
 есть... Вотъ вѣдь не обмануль...

КУЛЬКОВЪ. Бѣги, проси его сюда...

ФИЛИППЪ. А о чѣмъ какъ прикажете?...

КУЛЬКОВЪ. Не твое дѣло... Я самъ обо всемъ переговорю...

ПУЗЫРЕВСКІЙ *(за сценой)*. Дворникъ!

КУЛЬКОВЪ. Пошелъ-же! пошелъ!

(Филиппъ уходитъ въ боковую дверь)

ЯВЛЕНІЕ III.

КУЛЬКОВЪ, ПОТОМЪ ПУЗЫРЕВСКІЙ, ГЛАШИНЬКА, ФИЛИППЪ.

КУЛЬКОВЪ. Нѣтъ, ужъ если пришелъ, такъ видно пужна квар-
 тира... дастъ и вдвое... вѣдь нашему брату, хозяину, только и
 выгоды, какъ подвернется глупенькой жилецъ.. заключишь кон-
 трактъ года на два, да и берешь въ-три-дорога за сырость и
 холодъ...

ФИЛИППЪ *(вводя Пузыревскаго съ дочкой)*. Вотъ самъ, его ми-
 лость... *(Уходитъ)*.

ПУЗЫРЕВСКІЙ. Мое почтеніе!

КУЛЬКОВЪ. Имѣю честь кланяться...

ПУЗЫРЕВСКІЙ. Позвольте узнать имя, отчество и фамилію!...

КУЛЬКОВЪ. Коллежскій совѣтникъ Оома Оомичъ Кульковъ... А
 позвольте спросить, съ кѣмъ я имѣю честь...

ПУЗЫРЕВСКІЙ. Новгородскій помѣщикъ Петръ Ивановичъ Пу-
 зыревскій... А это дочь моя, Глафира Петровна... Понимаете?...

КУЛЬКОВЪ. Считаю за особенное счастье познакомиться...

ПУЗЫРЕВСКІЙ. Я вѣдь къ вамъ, батюшка..... по-случаю квар-
 тирь...

КУЛЬКОВЪ. Весьма-радъ такимъ жильцамъ. Прошу, сударыня,
 садитесь... сдѣлайте одоженіе...

ГЛАШИНЬКА. Ахъ, ради Бога, не безпокойтесь... я-съ не устала!

КУЛЬКОВЪ. Сдѣлайте милость, сядемте... мнѣ совѣстно такъ раз-
 говаривать...

ПУЗЫРЕВСКІЙ. Помилуйте!... *(Всѣ садятся)*. Надобно вамъ ска-
 зать, что я третьяго-дня пріѣхалъ сюда по-дѣламъ... понимаете?
 Знакомыхъ у меня въ Петербургѣ никого нѣтъ...

ГЛАШИНЬКА. Какъ нѣтъ, папенька?.... А сынъ-то Федора Се-
 меныча?

пузыревскій. Молчи, душенька, дай говорить отцу... Ея правда... здѣсь живеть въ Петербургѣ сынъ нашего сосѣда... да, понимаете?... вдругъ, съ прїѣзда-то, я не успѣлъ еще его найти... онъ тутъ, гдѣ-то по-близости... у меня есть адресъ... Ну такъ, изволите видѣть, какъ мы прїѣхали, такъ, за неимѣніемъ квартиры, должны были остановиться въ гостинницѣ... но въ этихъ гостинницахъ, просто, жить нельзя!

№ 2.

Нѣтъ ни мѣры, ни порядка
Здѣсь въ гостинницахъ у васъ...
Я объѣхалъ до десятка,
Но такъ дорого, что насъ!
Лишь одну мы отыскали,
Тутъ, въ Коломнѣ, походивъ...
Да и въ той съ насъ въ сутки взяли
За каморку пять рублей!
Эка алчность у людей!

глашинька. Прескучная комната, окнами на дворъ!
пузыревскій. Молчи, душенька, дай говорить отцу... Ну, понимаете, мы ужъ тутъ остановились такъ, по необходимости... Вотъ Глашинька и говоритъ третьяго-дня: Нелучше-ли, говоритъ папенька, поискать квартиры?... Понимаете?

кульковъ. Понимаю-съ! и вы весьма-умно придумали, сударыня... вотъ и видно, что разсудительная хозяйка...

глашинька. Ахъ, помилуйте...

пузыревскій. Да-съ, она у меня порядочная хозяйка!... Такинь-образомъ, я и пустился искать квартиру... она было у меня хотѣла тамъ, гдѣ-нибудь поближе къ Гостиному-двору, да помилуйте, приступу нѣтъ... такъ ужъ, понимаете, согласились жить въ Коломнѣ, вѣдь и это недалеко отъ центра города... вотъ я и пошелъ вчера искать, переходилъ всю Коломню... да все такія квартиры... какъ-то не по-насъ... то велика, то мала, то на дворъ...

глашинька. А намъ-бы прїятно было на улицу...

пузыревскій. Да, знаете, Глаша моя не бывала въ Петербургѣ, такъ, понимаете, вѣдь любопытно посмотрѣть на улицу...

кульковъ. Весьма-справедливо... а у меня вотъ та комната окнами въ переулочекъ... на самомъ видномъ мѣстѣ...

пузыревскій. Потому-то намъ и понравилось у васъ... да одна бѣда, мало одной комнаты.. ну, понимаете, дочь ужъ невѣста, ей нуженъ особнячекъ... а вотъ, если-бъ вы отвели и эту комнату...

кульковъ. Эту?... Извольте видѣть...

пузыревскій. Вы, можетъ, думаете, что я худо буду платить....

кульковъ. О, помилуйте!...

пузыревскій. Нѣтъ-съ, у меня все начисто... впередъ за мѣсяцъ... понимаете?

кульковъ. Конечно, оно можно-бы и эту комнату... (*Въ-сторону*). Да что мнѣ этотъ головорѣзъ Мерзлюковъ... по-боку его!

пузыревскій. Вѣдь у васъ и эта комната свободна?

кульковъ. Конечно, свободна!... (*Въ-сторону*). Кто знаетъ, живъ-ли еще онъ!

глашинька. Здѣсь была-бы комната папеньки, а тамъ-бы моя...

пузыревскій. Молчи, душенька, дай говорить отцу...

кульковъ. Весьма-справедливо!... (*Въ-сторону*). А если и явится такъ вонъ его!... А мебель оставлю за долгъ.

пузыревскій. Такъ, позвольте спросить, что-же будетъ стоить... только сдѣлайте милость, нельзя-ли съ мебелью...

кульковъ. Да, конечно... Здѣсь, вотъ видите, ужъ есть мебель... А туда я могу прислать... Вѣдь вамъ не роскошную нужно?

пузыревскій. Помилуйте, только самую необходимую... Понимаете?... Такъ сколько вы съ насъ возьмете въ мѣсяцъ?...

кульковъ. О, помилуйте, самую бездѣлицу... Мнѣ такъ вы изволили понравиться, что я готовъ отдать вамъ за полъ-цѣны...

пузыревскій. Весьма-благодаренъ!...

кульковъ. Та комната, извольте видѣть, ходила у меня до сихъ-поръ по пятнадцати цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, а эта по десяти... Но я, ужъ такъ и быть, обѣ отдамъ вамъ за двадцать-пять...

пузыревскій (*съ гримасой*). За двадцать-пять...

кульковъ. Не правда-ли, что дешево?

пузыревскій. Оно конечно... Но, понимаете, вѣдь тутъ, кажется, нѣтъ никакой для насъ уступки?

кульковъ. А мебель-то, помилуйте! Вы извольте только взять въ расчетъ, что-бы она вамъ стоила... Ужъ о квартирѣ я и не говорю... Суха, тепла, весела... И притомъ два хода... Вотъ здѣсь и чистый... Только онъ у меня теперь запертъ... (*Въ-сторону*)

Этотъ злодѣй и ключъ съ собой унесъ.... (Вз-слушъ). Но я отыщу ключъ, такъ отопру.... Такъ какъ-же? когда вы изволите переѣхать?...

пузыревскій. Переѣхать-то мнѣ, изволите видѣть, не долго.... У меня, понимаете, кромѣ чемодановъ ничего нѣтъ.... Но нельзя ли ужъ Оома Оомичъ уступить....

кульковъ. Ну ужъ такъ и быть.... Для хорошаго жильца я готовъ на всякій убытокъ.... Двадцать цѣлковыхъ въ мѣсяць.... Но ужъ больше, право, не могу уступить ни копейки.... Только извольте порѣшить теперь же...

глашинька (дергая отца). Папенька, согласитесь....

кульковъ. Я для того васъ тороплю, что ужъ у меня совсѣмъ сторговалъ квартиру одинъ Статскій Совѣтникъ, и сего-дня объ-щаль принести задатокъ...

глашинька. Папенька! слышите!

пузыревскій. Нѣтъ ужъ, Оома Оомичъ, вы насъ не обижай-те.... ну, по рукамъ! Вотъ, извольте двадцать цѣлковыхъ.... (От-даетъ ему деньги).

кульковъ. Вотъ и прекрасно! Теперь вы мои жильцы! Прошу любить да жаловать...

пузыревскій. Такъ ужъ мы здѣсь можемъ остаться и вступи-тить во владѣніе....

кульковъ. Всѣмъ безъ исключенія.... Позвольте только осмо-трѣть, не осталось ли здѣсь чего послѣ перваго жильца.... Я, знаете, человѣкъ аккуратный.... (Отворяя конторку). Тутъ ниче-го нѣтъ.... Извольте класть свои вещи.... Только нѣтъ ключа.... Да у меня спокойно; ужъ на счетъ покражъ не беспокойтесь.... Я самъ за всѣмъ наблюдаю.... (Подходя къ шкафу). Запертъ! ахъ, злодѣй, онъ, вѣрно, унесъ ключъ съ собой... Пойдите, я къ нему пошлю, а не найдемъ, такъ я другой шкафъ еще лучше пришлю.... Тутъ диванъ съ ширмами.... Но я поставлю вамъ кро-вать....

пузыревскій. Ахъ, какой вы добрый...

кульковъ. Позвольте.... Эта квартира считалась у меня подъ 4-мъ номеромъ, а та подъ 5-мъ, но теперь ужъ обѣ я буду считать подъ 4-мъ.

пузыревскій. И прекрасно! Понимаете, меньше будетъ пута-ницы....

кульковъ. Теперь, позвольте васъ оставить.... Я пойду хло-потать о мебели....

пузыревскій. Ахъ, сдѣлайте милость, въ ту-то комнату....

кульковъ. Не замедлю прислать.... Такъ до свиданія!
 пузыревскій. Ради Бога, полюбите насъ, жалуйте къ намъ...
 кульковъ. За особенную честь поставлю.... *(Въ-сторону)*. Слава Богу! удалось надуть на пять цѣлковыхъ ...
(Уходитъ въ боковую дверь).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ПУЗЫРЕВСКІЙ, ГЛАШИНЬКА.

пузыревскій. Препочтенный человекъ!... Понимаешь? А какъ ты думаешь, вѣдь и не дорого, Глаша?

глашинька. Ахъ, очень-недорого.... вѣдь на улицу... и мебель...

пузыревскій. Особенно въ сравненіи съ тѣмъ, что мы платили въ гостинницѣ... Ну, слава Богу, теперь мы можемъ спокойно прожить въ Петербургѣ хоть полъ-года... Сего-дня мы устроимся, а завтра я примусь за дѣла... Надо только мнѣ найти человекъ, который-бы взялся похлопотать за меня, а то, понимаете, и здѣсь, пожалуй, также проиграешь дѣло, какъ въ нашемъ судѣ...

глашинька. Да уже лучше всего, папенька, вамъ-бы найти сына Федора Семеныча?... Онъ здѣсь служить, такъ, навѣрное, вамъ поможетъ....

пузыревскій. Ахъ ты плутовка!... Полно, для меня-ли онъ нуженъ? Не для тебя-ли скорѣе?...

глашинька. Ахъ, папенька, какъ вамъ не стыдно!...

пузыревскій. Да чего-жъ тутъ стыдиться?... Ты ужъ у меня, понимаешь, совершенная невеста.... и ужъ за-мужъ тебѣ весьма и весьма пора!...

N 3.

Суди сама: тебѣ, вѣдь, Глаша,

Безъ малаго ужъ двадцать лѣтъ,

А жизнь-то вся дѣвичья ваша

Такъ коротка, какъ маковъ цвѣтъ!

Какъ стукнетъ за двадцать невестъ,

Тогда ужъ красота прости!

Что годъ пройдетъ, то съ вами вмѣстѣ

Должно приданое расти!

Ну, а сынъ Ѳедора Семеныча человекъ молодой и холостой... Помнишь, какъ прошлымъ лѣтомъ онъ прислалъ къ отцу въ деревню свой портретъ, такъ ты сама-же хвалила его.... А у насъ съ Ѳедоромъ Семенычемъ только и желанія, чтобъ породниться чрезъ вашу свадьбу...

глашинька. Папенька!

пузыревскій. Нечего опускать глазки-то; вѣдь, я знаю, ты и сама этого желаешь...

глашинька. Кто вамъ сказалъ, папенька?

пузыревскій. А за чѣмъ ты, на-примѣръ, отказала и становому приставу, и засѣдателю...

глашинька. Ахъ, папенька, они такіе гадкіе....

пузыревскій. Ну, этого еще сказать нельзя.... особенно о становомъ.... молодецъ хоть куда.... понимаешь, служилъ прежде въ арміи.... и даже по-французски болтаеть... Такъ нѣтъ, у тебя все въ головѣ пинтерской женишокъ....

глашинька. Да какъ хотите, папенька.... а ужъ столичные люди не то, что наши неучи.... и воспитаніе, и такая деликатность.... ужъ взять одни общества да театры... Ну да вотъ вчера, когда мы гуляли въ Екатерингофѣ, вы сами могли видѣть....

пузыревскій. Правда.... молодые люди такіе все ловкіе.... А ужъ тебѣ, я чай, какъ понравилось, что на тебя-то много смотрѣли.... особенно, я замѣтилъ одинъ какой-то франтъ.... когда мы ѣли мороженое, онъ не спускалъ съ тебя глазъ и все глядѣлъ въ лорнетъ... я еще тебя толкнулъ...

глашинька. Ну что-жь, папенька, развѣ онъ дурень?

пузыревскій. Конечно очень-недурень.... молодецъ!.. Но дѣло не въ томъ, я и ни въѣсть какъ былъ-бы радъ, еслибъ ты вышла за мужъ за Ивана Ѳедорыча.... Сколько я слышалъ, онъ долженъ быть человекъ добрый и умный.... за одно только не хвало я его.... зачѣмъ онъ не пріѣхалъ къ отцу въ деревню?.... Понимаешь-ли? вѣдь съ-тѣхъ-поръ, какъ Ѳедоръ Семенычъ свезъ его въ гимназію, они не разу не видѣлись, а отецъ-то ужъ звалъ, звалъ его....

глашинька. Ахъ, папенька, какъ вы все судите.... вѣдь онъ служить, занять дѣлами....

пузыревскій. Конечно такъ.... но вотъ мы увидимъ его и узнаемъ все сами.... я завтра-же его отыщу, а сегодня займемся-ка лучше нашей квартирой.... я теперь пойду въ гостиницу и прикажу Ванкѣ свезти сюда наши чемоданы и картонки.... Постой, гдѣ-же мы будемъ сегодня обѣдать?

глашинька. Да уже здѣсь, папенька....

пузыревскій. Пожалуй... да что-жь мы будемъ ѣсть?... Вѣдь сегодня, понимаешь, готовить ужъ некогда....

глашинька. Да купите что-нибудь дорогой....

пузыревскій. И то дѣло.... сегодня можно поѣсть и въ сухомятку.... я зайду въ овощную лавку.... куплю сыру, колбасу, рыбы... понимаешь?

глашинька. Ну вотъ и прекрасно!

пузыревскій. А ты межъ-тѣмъ останься здѣсь съ Марфушкой, да посмотри, какъ принесутъ мебель въ ту комнату.... Если боишься, такъ запишись на замокъ....

глашинька. Помилуйте, чего-же бояться? вѣдь здѣсь не деревня....

пузыревскій. Ну такъ прощай!... *(Цѣлуетъ Глашиньку, хочетъ идти и возвращается)*. Этотъ карманъ у меня набить, какъ коробъ.... постой, я оставлю эти бумаги дома.... они теперь мнѣ ненужны.... *(Кладетъ бумаги и письма въ конторку)*.... Да ужъ спрячу здѣсь и письмо съ деньгами, которыя посылаетъ Федоръ Семенычъ сыну.... Терпѣть не могу носить чужія деньги.... понимаешь, того и гляди обронить.

глашинька. А сколько онъ ему посылаетъ, папенька?..

пузыревскій. Сто рублей серебромъ... да ужъ и то я выпросилъ... старикъ такъ на него сердить, что, понимаешь, и гроша не хотѣлъ послать... *(Раскрывая бумажникъ)*. Гдѣ у меня это письмо? а! вотъ!... *(Кладетъ пакетъ съ деньгами въ конторку)*. Только досадно, что эта конторка не запирается.

глашинька. Ахъ, Боже мой! да кто-жь ихъ возьметъ... вѣдь я буду дома.

пузыревскій. Конечно... да я и не боюсь покражи... а такъ, понимаешь, привычка, чтобъ все было подъ ключомъ... Ну, до свиданія-же... я скоро вернусь... *(Уходитъ въ боковую дверь)*.

ЯВЛЕНИЕ V.

глашинька, потомъ марфа.

глашинька. Ахъ, Петербургъ, Петербургъ! сколько я о немъ мечтала! какъ мнѣ хотѣлось пожить здѣсь!... и вотъ Богъ услышалъ наконецъ мои молитвы!

N 4.

Деревня страхъ мнѣ надоѣла!

Какъ жизнь вела я до-сихъ-поръ?

За фортепянами сидѣла,

Да брать грибы ходила въ боръ!

Въ саду цвѣточки поливала,

То бѣдила на сѣнокосъ,

То въ полѣ съ книжкой гуляла,

Или на ригѣ наблюдала,

Какъ рожь молотятъ и овесъ!

Здѣсь любить всѣ трунить надъ нами...

А пожилы-бъ въ глуши, какъ я,

Такъ не были-бъ, навѣрно, сами

Развязтѣй и умнѣй меня!

Ну, что я тамъ приобретаю?

Почти не видя вѣкъ людей,

Я ужъ и свѣтъ изъ книгъ узнала...

А здѣсь отъ одного ужъ бала

Я вдвое сдѣлаюсь умнѣй!

Ахъ, я воображаю, какъ здѣсь будетъ весело... и если Иванъ Федоровичъ дѣйствительно такой хорошенькой, какъ на портретѣ и если я ему повравлюсь... и если онъ предложитъ мнѣ руку... и если... если... о, тогда...

марфа (выглядывая изъ боковой двери). Сударыня, а сударыня! хозяинъ прислалъ стулья!..

глашенька. А! хорошо! сейчасъ!.. (Уходитъ въ боковую дверь).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Мерзлюковъ (одинъ, входя въ среднюю дверь, которую онъ отпираетъ тотчасъ-же по уходѣ Глашеньки).

Уфъ! Наконецъ я дома!... Этакъ измучился!.. вѣдь, по-крайней-мѣрѣ, версты четыре прошелъ пѣшкомъ! Ну ужъ гулянка! До-станется-же мнѣ отъ начальника отдѣленія! А все виноватъ нашъ казначей! безхарактерный человекъ! клянусь честью, безхарактерный!.. Прихожу къ нему въ понедѣльникъ... Кузьма Васильичъ, помогите!... пить, ѣсть нечего... хозяинъ чуть не гонитъ

съ квартиры... съ портнымъ и прачкой долженъ разсчитаться, а отъ папеньки все еще не могу дожидаться денегъ... дайте въ счетъ жалованья хоть пятнадцать цѣлковыхъ... Скорчилъ, знаете, такую жалостную гримасу, слезы на глазахъ... а онъ хоть-бы слово... тотчасъ же и далъ... И вѣдь у меня благородныя были намѣренія, клянусь честью, благородныя! И не будь при этомъ свидѣтелемъ Рожкова, я употребилъ-бы все деньги на дѣло... а онъ, словно лукавый, какъ увидѣлъ ихъ у меня, прильнулъ ко мнѣ мукой, да цѣлое присутствіе не отставалъ... поѣдемъ да поѣдемъ ко мнѣ на дачу въ Вольшину... совѣстно стало, клянусь честью, совѣстно... поѣхалъ къ Рожкову... и сначала, знаете, шло все такъ чинно, пообѣдали, прошлись по мадерѣ... да послѣ обѣда уговорилъ прогуляться въ Марьину-рошу, тамъ, знаете, музыка играла... да съ того и началось!... Подвернулся еще злодѣй Маковкинъ... и пошло, и пошло! да вотъ ровно недѣлю кутили... то въ Марьиной, то въ Лондонѣ, то въ Красномъ-кабакѣ, то въ Воксалѣ... дошло, наконецъ, до того, что я долженъ былъ придти пѣшкомъ домой!.. Даже пяти-алтыннаго не осталось на извозника... а въ роту маковой росинки еще не было!.. Ну, что я буду дѣлать?.. лавочникъ безъ денегъ ничего не дастъ... занять не у кого, а къ казначею ужъ стыдно и глаза показать... Да и къ должности идти страшно!.. Ужасное положеніе!.. Ну ужъ, папенька! Грѣшно, клянусь честью, грѣшно! забылъ ты всеѣмъ меня!.. Слышите, пріѣзжай къ нему въ деревню, тамъ, видите, богатая невѣста у сосѣда.. Вотъ невидаль какая!.. Да можно-ли сравнить этихъ деревенщинъ съ нашими петербургскими... у нихъ и руки-то всегда въ ягодахъ... а здѣсь, посмотрите, какія все бѣлоручки... воспитаніе, образованность, клянусь честью!.. Да только пожелай, такъ свахи мигомъ десять невѣстъ сыщутъ... Я такъ и написалъ папенькѣ, а онъ разсердился да и отвѣчаетъ: Нѣтъ-же тебѣ, говоритъ, съ-этихъ-поръ ни копейки отъ меня... живи однимъ жалованьемъ!.. и вотъ, по его милости, я дошелъ теперь до того, что хлѣба купить не на что!.. Ужасное, невыносимое состояніе!.. (*Ищетъ въ карманахъ*). Рѣшительно ничего!.. хоть-бы пяточокъ остался!.. Вотъ вѣдь, ей Богу, какъ деньги есть, такъ и на извозника безъ торгу сдана!.. А сколько-бы тутъ могло быть экономіи... вотъ-бы теперь и гривна пригодилась!.. Клянусь честью! (*Шаря въ боковую корманъ*). Тутъ что?... (*Вынимая бумагу*). Ба! ба! ба! двѣ подлинныя бумаги!.. Я взялъ ихъ на домъ, чтобъ сдѣлать исполненіе!.. Дѣло срочное! Ну, ужъ, Ваня! достанется-же тебѣ на

калачи! (Отворяетъ конторку и брасаетъ туда бумаги). Хорошо еще, если отдѣлаешься замѣчаніемъ, а то, пожалуй, чего добраго, выключать!... Это что у меня тутъ?... (Вынимая изъ конторки пакетъ и читая надпись). Ивану Ѳедоровичу Мерзлюкову! Чтобы это было? какъ сюда попало это письмо? (Развертывая пакетъ). Ба, ба, ба! письмо ко мнѣ отъ паненьки и съ деньгами! (Считаетъ). Сто рублей серебромъ!.. Добрѣйшее существо! и я смѣлъ еще на него жаловаться!... Но какъ-же оно сюда попало? ума не приложу!.. развѣ Кульковъ получилъ отъ кого-нибудь да спряталъ сюда?.. Не можетъ быть! Какъ-же онъ могъ сюда войти, когда ключъ отъ двери былъ при мнѣ... Можетъ, черезъ эту квартиру... Удивленіе! клянусь честью, удивленіе!.. Это надо разъяснить... Посмотримъ, что же пишетъ паненка... (Развертываетъ письмо и начинаетъ читать). «Любезный сынъ!...»

ЯВЛЕНІЕ VII.

МЕРЗЛЮКОВЪ, МАЛЬЧИКЪ ИЗЪ ЛАВКИ, СЪ КОРЗИНОЙ (онъ входитъ въ среднюю дверь).

МЕРЗЛЮКОВЪ. Кто тутъ?

МАЛЬЧИКЪ. Вѣдь это квартира № 4-й.

МЕРЗЛЮКОВЪ. Эта! а что тебѣ?

МАЛЬЧИКЪ. Да вотъ сюда прислана корзина съ припасами.

МЕРЗЛЮКОВЪ. Откуда?

МАЛЬЧИКЪ. Изъ лавки Трапезникова...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Кто-жъ это прислалъ?

МАЛЬЧИКЪ. Какой-то толстый баринъ...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Да сюда-ли полно велѣно тебѣ нести?

МАЛЬЧИКЪ. Какъ-же, сюда!... въ домъ Кулькова, на Бугоркахъ... квартира № 4-й... вотъ прикащикъ далъ и записку...

МЕРЗЛЮКОВЪ (пряча деньги и письмо въ карманъ и взявъ записку). Да! это сюда! ко мнѣ!... (Читаетъ). «Сыру швейцарскаго два фунта, колбасы два фунта, икры...» Новое чудо!... клянусь честью, чудо! Да не наказывалъ-ли тебѣ что-нибудь этотъ баринъ, что прислалъ...

МАЛЬЧИКЪ. Ничего не приказывалъ... окромя только, что сказалъ, вотъ, говоритъ, положи въ корзину бутылку вина, да и не-

си по адресу.... тамъ ужъ знаютъ.... а я, говорить сейчасъ приду!

МЕРЗЛЮКОВЪ. Рѣшительно ничего не знаю....

МАЛЬЧИКЪ. Такъ, стало, это не къ вамъ....

МЕРЗЛЮКОВЪ (*схвативъ корзину*). Нѣтъ, постой, ужъ если такой адресъ, такъ ко мнѣ.... (*Въ-сторону*) Фу, какой соблазнительный запахъ!... Такъ-бы все и съѣлъ!... (*Мальчику*). И онъ сказалъ, что сейчасъ сюда будетъ?

МАЛЬЧИКЪ. Да-съ....

МЕРЗЛЮКОВЪ (*въ-сторону*). Вѣрно, это кто-нибудь изъ нашего общества.... Ужъ не Маковкинъ-ли?... Онъ надѣялся сегодня получить деньги отъ Индѣйца.... вѣрно, онъ прислалъ въ благодарность за мое угощеніе.... (*Мальчику*). Ну, ты ступай! оставь корзину. Это ко мнѣ... теперь вспомнилъ.... Ты сказалъ, такой полный....

МАЛЬЧИКЪ. Да-съ....

МЕРЗЛЮКОВЪ. Высокаго роста?

МАЛЬЧИКЪ. Нѣтъ-съ, не больно высокъ....

МЕРЗЛЮКОВЪ. Ну да.... Этакъ средняго роста.... Черные волосы?

МАЛЬЧИКЪ. Нѣтъ-съ, кажись, немножко съ просѣдю....

МЕРЗЛЮКОВЪ. Ну, ты врешь!... Ты не разглядѣлъ!... Это Маковкинъ! клянусь честью, Маковкинъ!... Экой проказникъ!... Ну, ступай!...

МАЛЬЧИКЪ. Ужъ потрудитесь расписаться на счетѣ-то, что получили....

МЕРЗЛЮКОВЪ. Пожалуй... (*Расписывается на счетъ и отдаетъ мальчику*). На!

МАЛЬЧИКЪ. А что жъ, на чаекъ-то, сударь?...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Ну вотъ ужъ и на чаекъ!... да за что тебѣ?

МАЛЬЧИКЪ. Да какъ-же, сударь, за переноску.... вѣдь не близкое дѣло, отъ Никольскаго-моста несь....

МЕРЗЛЮКОВЪ. Вамъ вотъ за всякій вздоръ на чаекъ.... только балуетесь.... я вонъ покупаю всегда у Смурова... такъ онъ меня еще самъ всегда просить, чтобъ не давать ни копейки вашей братьѣ... клянусь честью, просить! Дашь вамъ на чай, а вы вмѣсто того въ ресторацію или еще хуже.... Ступай, ступай....

МАЛЬЧИКЪ. Да хоть гривенничекъ пожалуйте....

МЕРЗЛЮКОВЪ. И пяточка не дамъ!... Пошелъ!...

МАЛЬЧИКЪ. Да хоть гривну на ягоды.

МЕРЗЛЮКОВЪ. Говорять тебѣ убирайся.... Я не люблю баловать!...

мальчикъ. Стыдно вамъ, сударь.... отъ этого ужъ не разбогатеете!

МЕРЗЛЮКОВЪ (*выпроваживая его въ среднюю дверь*). Пошелъ! пошелъ!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

МЕРЗЛЮКОВЪ (*одинъ; во-время ельдующаго монолога, онъ открываетъ шкафъ, вынимаетъ тарелку, ножикъ и вилку, кладетъ все на столъ и, раскрывая корзину, принимается есть сыръ, икру и проч., потомъ раскупориваетъ бутылку и пьетъ вино*).

О, судьба, судьба! какъ ты ко мнѣ милостива!... Могъ-ли я] вообразить, что сегодня у меня будутъ и деньги и такой славный завтракъ.... и вино.... (*Разсматривая бутылку*). Хересь! отъ Фохтса... 80 коп сер. Безподобно!... Ай да Маковкинъ! Да полно, онъ-ли это?... Ну, не онъ, такъ другой.... однимъ-словомъ, судьба! благодѣтельная судьба!

Какъ, помотришь, награждаетъ

Иногда судьба людей!

Безъ достоинствъ возвышаетъ,

И терзаетъ безъ связей!

То вдругъ женщиной являясь,

То подъ маской богача,

То гордись, то изгибаюсь,

Бьетъ и млудетъ съ плеча!

И все говорятъ: судьба!

Журналистъ у насъ прескверно

Съ мѣсяцъ должность исправляя;

Мы ужъ думали, навѣрно,

Что бѣднякъ погибъ, пропалъ!

Вдругъ къ директору прислали

Двѣ графини по письму....

Чѣмъ-же кончилось? — дали

Награжденіе ему!

Судьба!

Нашъ начальникъ отъѣзженъ

Какъ-то сильно захворалъ,

И по милости леченья
 Ужъ едва, едва дышалъ;
 Гробовщикъ ужъ улыбался
 Ждалъ присылки за собой....
 Но лишь докторъ отказался,
 Мигомъ ожилъ нашъ больной!

Судьба!

Замужъ вышла-ли колѣка,
 Иль дуракъ вдругъ поумнѣлъ,
 Все, по мнѣнью человѣка,
 Золотой судьбы удѣлъ!
 Въ люди-ль вышелъ кто изъ грязи,
 Иль кто домъ взялъ за женой,
 Въ томъ не умъ, талантъ и связи,
 А судьба всему виной!...

Судьба!... да, милостива и ко мнѣ ты еще до-сихъ-поръ! Что-то будетъ послѣ!... Славный сыръ! такъ и плачетъ!... Что послѣ? женюсь, обзаведусь домкомъ и ребятами!... Хороша и икра! рубля два съ полтиной фунтъ!... Вотъ если-бъ Богъ послалъ мнѣ такую женушку, какъ эта дѣвушка, что я видѣлъ вчера въ Екатерингофѣ... Ужасно мнѣ понравилось... Нѣчего сказать, и колбаса отличная!... Досадно, что я не узналъ, гдѣ она живетъ... а все эти проклятые Рожковъ да Маковкинъ... не будь ихъ, ужъ я-бы проводилъ, клянусь честью, проводилъ-бы! узналъ-бы и фамилю и состояніе... Славный у Фохтса херест!... право, не уступитъ тому, что я пилъ на прошлой недѣлѣ у нашего экзекутора!... Ну, вотъ, я и сытъ!... Подумаешь, много-ли надо человѣку-то!... Теперь не дурно-бы и отдохнуть... Эти всѣ дни мы такъ мало спали... пойду-ка, прилягу на диванъ... (Звѣаетъ). А куда-бы вечеромъ?... Надо сегодня поиграть въ преферансъ... (Звѣая, уходитъ за ширмы). Ахъ, дѣвушка, дѣвушка!

ЯВЛЕНИЕ IX.

ГЛАШИНЬКА, МЕРЗЛЮКОВЪ.

ГЛАШИНЬКА (выходитъ изъ боковой двери). Что это папенька не идетъ?... Ужъ и мебель принесли... (Подходитъ къ окну).
 МЕРЗЛЮКОВЪ. (становясь на диванъ и выглядывая изъ-за ширмы).
 Что это?... Какъ будто сюда кто-то вошелъ?... Что я вижу!....

Женщина!... Новое чудо!... Откуда она явилась!... Досадно, что я не вижу лица!... (Прячется).

глашинька (смотря въ окно). Подумаешь, сколько въ Петербургѣ народу!... Посмотрите, вѣдь ни одного уголка нѣтъ свободнаго....

мерзлюковъ (выходя изъ-за ширмъ и приближаясь къ боковой двери). Чтѣ-бы это значило?... за-чѣмъ она пожаловала!...

глашинька (не видя Мерзлюкова). А у насъ-то въ деревнѣ.... дѣлыя поля пустыя.... Мнѣ кажется, можно-бы другой Петербургъ выстроить... (Оглядывается и видитъ Мерзлюкова). Ахъ! мерзлюковъ (увидя лицо Глашиньки). Ахъ! она!...

глашинька (въ сторону). Боже мой! какой случай!... вчерашній незнакомецъ!

мерзлюковъ (въ сторону). Какая неожиданность!... Опять чудеса!... Чтѣ за волшебный день!

глашинька. И за-чѣмъ онъ сюда явился? Боже мой!... Папеньки нѣтъ дома... Я одна!... Чтѣ мнѣ дѣлать?...

мерзлюковъ (расшаркиваясь). Позвольте... Позвольте узнать...

глашинька (конфузно). Извините... Папенька сейчасъ будетъ...

мерзлюковъ. А!... Такъ вашъ папенька скоро сюда будетъ... очень-радъ!... (Въ сторону). Чтѣ-жъ это такое? Отецъ отпустилъ ее одну къ холостому, незнакомому человѣку... А вѣдь какая милашка!...

глашинька. Сдѣлайте одолженіе, садитесь...

мерзлюковъ. Какъ-съ?... (Въ сторону). Помилуйте, гдѣ это видано, чтобъ гостя просила хозяйна садиться?...

глашинька. Пожалуста, садитесь?...

мерзлюковъ (въ сторону). Опять... (Въ-слухъ, подавая ей стулъ). Нѣтъ-съ... Помилуйте... не угодно-ли скорѣе вамъ....

глашинька. Покорнѣйше благодарю..... напрасно вы беспокоитесь... (Садится).

мерзлюковъ (сидясь подлѣ нея, послѣ нѣкотораго молчанія). Позвольте узнать... чему я обязанъ удовольствіемъ васъ видѣть?...

глашинька. Какъ чему?...

мерзлюковъ (въ сторону). Кажется, она что-то того... (показываетъ на голову). А вѣдь прехорошенькая, клянусь честью, прехорошенькая! — (Въ-слухъ). То-есть... я хотѣлъ сказать... по какому случаю вы изволили пожаловать?...

глашинька. Куда-съ?

мерзлюковъ. Какъ куда-съ?... Сюда...

глашинька. Въ Петербургъ-съ?

МЕРЗЛЮКОВЪ (*въ-сторону*). Она пребезпонятная!... (*Въ-слухъ*). Ну, да-съ... на-примѣръ, хоть въ Петербургъ...

глашинька. А, у папеньки, изволите видѣть... есть дѣло, очень интересное, здѣсь, гдѣ-то въ Палатѣ...

МЕРЗЛЮКОВЪ. А!... Такъ вы по дѣлу пріѣхали?

глашинька. Да-съ!...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Понимаю!... (*Въ-сторону*). Ужъ не хочеть-ли она со мной совѣтоваться!... Нашла совѣтника!... не опять-ли это штуки Маковкина!... (*Въ-слухъ*). А вамъ, вѣрно, нуженъ ходоатай?...

глашинька. Да-съ, папенька говорилъ, что нуженъ... (*Въ-сторону*). А! такъ это стряпчій!... Кто-жъ его прислалъ сюда?...

МЕРЗЛЮКОВЪ. А позвольте узнать, кто вамъ меня рекомендавалъ?

глашинька. Кто-съ?... Право не знаю... я, было, хотѣла спросить васъ...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Меня?... а развѣ вамъ папенька не говорилъ...

глашинька. Нѣтъ-съ, не говорилъ...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Странно!... Такъ за-чѣмъ-же онъ васъ отпустилъ сюда одну?...

глашинька. Какъ одну-съ?... Я только теперь здѣсь одна... а мы пріѣхали вмѣстѣ...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Вмѣстѣ?... Отъ-чего-же вашъ папенька не пожаловалъ съ вами?...

глашинька. Куда-съ

МЕРЗЛЮКОВЪ. Сюда-съ!

глашинька. Сюда-съ?... То-есть, какъ не пожаловалъ?... (*Въ-сторону*). Какъ онъ странно говорить!

МЕРЗЛЮКОВЪ (*въ-сторону*). Фу, какая безтолковая!... Да она, просто, дура!... И при этакомъ личикѣ!... (*Въ-слухъ*). Я хотѣлъ сказать, отъ-чего же нѣтъ съ вами папеньки?...

глашинька. А онъ поѣхалъ въ гостинницу, кой-чѣмъ распорядиться...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Въ гостинницу?... а!

глашинька. Но онъ сію-минуту будетъ... и если вамъ не трудно подождать...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Помилуйте, съ величайшимъ удовольствіемъ!... Мнѣ никуда ненужно...

глашинька. Онъ вамъ все самъ скажетъ...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Очень-хорошо!.... (Въ-сторону). Что за чудакъ этотъ отецъ! вотъ и видно, что провинціалъ... самъ поѣхалъ въ гостинницу, Богъ знаетъ за-чѣмъ.... а дочь оставляетъ съ-глазу-на-глазь съ молодымъ человѣкомъ... и какую еще дочь! хоть глупенькую, но прехорошенькую!.... премилашка! клянусь честью, премилашка!...

ГЛАШИНЬКА (въ-сторону). Боже мой! какъ конфузно сидѣть одной съ молодымъ человѣкомъ!... А надобно признаться, онъ преловкій и прехорошенькій!.... Что-жъ я буду съ нимъ говорить?... Ахъ, этотъ папенька! скоро-ли онъ вернется?....

ГЛАШИНЬКА (послѣ минутнаго молчанія). Какая теперь прекрасная погода!

МЕРЗЛЮКОВЪ. Да-съ, безподобная!.... въ такое время чрезвычайно-пріятно жить на дачѣ... можно сказать, нынѣшнимъ лѣтомъ, не-даромъ заплатили деньги...

ГЛАШИНЬКА. А вы не живете на дачѣ?

МЕРЗЛЮКОВЪ. Нѣтъ-съ... знаете должность, человѣкъ занятой... но у меня пропасть знакомыхъ и на Крестовскомъ, и на Петергофской... Знаете, какъ выдастся свободное время, такъ возьмешь коляску или пролетку, и ѣдешь куда-нибудь въ зелень.... особенно я люблю гулять въ Екатеринбургѣ.

ГЛАШИНЬКА. Ахъ, да-съ, препріятное мѣсто!... мнѣ очень понравилось...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Если не ошибаюсь, кажется, я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ тамъ вчера...

ГЛАШИНЬКА. Вчера?.. Ахъ, да-съ, мы были тамъ вчера съ папенькой... Теперь я припоминаю.... я васъ видѣла...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Неужели вы меня замѣтили?..

ГЛАШИНЬКА. Да-съ... Тамъ очень-весело... такое мѣстоположеніе... музыка безподобная!... и какъ много народу!

МЕРЗЛЮКОВЪ. Очень-много!... и потому-то я никакъ-бы не смѣлъ думать, чтобъ могъ сохраниться въ вашей памяти! Другое дѣло, вы!....

ГЛАШИНЬКА (въ смущеніи). Странно, какъ папеньки долго нѣтъ!

МЕРЗЛЮКОВЪ. Мнѣ кажется, кто однажды увидѣлъ васъ, тотъ уже никогда не искоренитъ изъ своей памяти вашего прекраснаго образа... Клянусь честью!

ГЛАШИНЬКА (вертясь на стуль). Ему давно-бы пора вернуться!....

МЕРЗЛЮКОВЪ. О, нѣтъ еще, что за пора, помилуйте!... Призна-

юсь, когда я васъ вчера увидѣлъ... я чуть не вскрикнулъ, клянусь честью, чуть не вскрикнулъ!...

глашнѣвка (*вставая*). Извините.... мнѣ нужно.... я сію минуту...

МЕРЗЛЮКОВЪ (*хочетъ взять ее за руку*). О, куда же вы?...

глашнѣвка (*отдергивая руку*). Ахъ, не троньте, не троньте!.. (*Бѣжитъ къ боковой двери*).

МЕРЗЛЮКОВЪ (*преслѣдуя ее*). Ради Бога! выслушайте!...

(*Глашнѣвка убѣгаетъ въ боковую дверь и запираетъ ее*).

ЯВЛЕНІЕ X.

МЕРЗЛЮКОВЪ (*одинъ*). Что это? Она убѣжала въ пустую квартиру!... Но кто же отворилъ эту дверь... Ну, такъ и есть, вѣрно, былъ здѣсь хозяинъ! (*Стучитъ въ дверь*). Послушайте! одно слово!... Что-съ?... Не отвѣчаетъ!... Ради Бога, выслушайте!... Ни словечка!... Признаюсь, сегодня со мной такія чудеса происходятъ, что я уже начинаю подозрѣвать, нѣтъ-ли тутъ какого волшебства!... Ахъ, какая милашка!.. И вѣдь какая невинность!.. Отъ одного слова вся вспыхнула и убѣжала!... Какъ она теперь оттуда выйдетъ?... Надо ее какъ-нибудь выпустить... а то прѣдетъ вдругъ отецъ... подумаетъ и Богъ знаетъ что!... (*Подходя къ двери*). Послушайте!... клянусь, я не скажу ни слова!... (*Отходя*). Молчить, да и только!... Что будешь дѣлать?...

ЯВЛЕНІЕ XI.

МЕРЗЛЮКОВЪ, КУЛЬКОВЪ (*входитъ въ среднюю дверь*).

МЕРЗЛЮКОВЪ. Кто тутъ?

КУЛЬКОВЪ. Я!... Мнѣ дворникъ сказалъ, что вы сейчасъ воротились домой...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Что же вамъ угодно?

КУЛЬКОВЪ. Какъ что?... Помилуйте! На что это похоже! вы по дѣлымъ недѣлямъ не бываете въ своей квартирѣ... Богъ знаетъ, гдѣ пропадаете...

МЕРЗЛЮКОВЪ. А вамъ что за дѣло?

КУЛЬКОВЪ. Какъ, что за дѣло!... вы тамъ гдѣ-нибудь могли утонуть... умереть... а я за васъ отвѣчай...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Ну, да, и отвѣчали-бы!...

кульковъ. Нѣтъ ужъ, если-бъ я видѣлъ, какъ вы вошли въ ворота, ужъ ни за что-бы не пустилъ въ квартиру!

мерзлюковъ. Чтѣ?... и вы-бы смѣли?

кульковъ. Да-съ! и очень-бы смѣлъ!.. Я на это имѣю полное право... вотъ ужъ третій мѣсяцъ вы мнѣ не платите за квартиру... Я ненабрень больше терпѣть, и потому прошу покорно сегодня-же....

мерзлюковъ. Чтѣ?

кульковъ. Очистить квартиру!

мерзлюковъ. А если я не захочу?

кульковъ. Такъ я дамъ знать полици... она заставитъ васъ силою...

мерзлюковъ. А если и сила не поможетъ?

кульковъ. Вотъ увидимъ!... Говорите-же рѣшительно: намѣрены-ли вы выѣхать?...

мерзлюковъ. Нѣтъ!

кульковъ. Такъ заплатите за три мѣсяца, а не то... (Въ-сторону, между-тѣмъ, какъ Мерзлюковъ вынимаетъ деньги и отсчитываетъ изъ нихъ нѣсколько кредитокъ). Я знаю, что у него нѣтъ ни копейки... квартальный мнѣ съ-руки... и мы его тотчасъ выпроводимъ... хоть-бы мнѣ это стоило Богъ знаетъ чего!.. Иначе, вѣдь я, просто, острамлюсь предъ этими жильцами!

мерзлюковъ (подходя къ Кулькову, и грозя ему кредитками). Вы мнѣ грозите полици! Вы думаете, что у меня нѣтъ денегъ, и что вы имѣете право говорить мнѣ дерзости!.. Ошиблись! обочлись!... Смотрите, вотъ овѣ!... За всѣ три мѣсяца... Двадцать-одинъ цѣлковый!...

кульковъ (въ-сторону). Я пропалъ!... Какъ я теперь раздѣляюсь съ тѣми жильцами?

мерзлюковъ. А! чтѣ взяли!... Присмирѣли! прикусили языкъ!.. Но слушайте-же!... Вы хотѣли выпроводить меня силой! но никогда-бы до этого не дошли!... Теперь же, глядите, когда у меня есть деньги, когда я въ состояннн заплатить вамъ за цѣлый годъ впередъ, — я самъ не хочу болѣе у васъ жить! не хочу имѣть никакого дѣла съ такимъ сквернымъ хозяиномъ, какъ вы!... Я васъ презираю и сегодня-же выѣзжаю отъ васъ!... Пусть эта негодная комната стоитъ пустою... Ужъ вы не думайте, чтобъ кто-нибудь ее нанять, я буду сторожить у вашего дома и разглашу всѣмъ, что она и сыра, и холодна... Клянусь честью, разглашу!... (Въ-сторону, поглядывая на дверь). Какъ бы мнѣ его скорѣе отсюда выпроводить?...

кульковъ (*ласково*). Иванъ Ѳедорычъ, помиуйте, за что такая вдругъ немилость.... Кажется, ужъ я-ли не терпѣлъ.... ужъ я-ли не желалъ ...

мерзлюковъ. Не хочу ни минуты оставаться въ этомъ погребѣ!... Вонъ! вонъ отсюда!... Вотъ вамъ деньги!... (*Отдаетъ ему деньги*). Сей-часъ-же прикажу дворнику позвать ломового извозчика...

кульковъ (*въ-сторону*). Слава Богу!... (*Въ слухъ*). Но, Иванъ Ѳедоровичъ...

мерзлюковъ. И не упрашивайте! не хочу ничего слышать!... А за ваши грубости я еще буду жаловаться... (*Въ-сторону*). Экъ я его пугнулъ, хотъ и не переѣду, да за то задамъ страху!... Теперь самъ мнѣ кланяйся да проси! (*Въ-слухъ*). Я все сказалъ, намъ не о чемъ больше толковать!

кульковъ (*Въ-сторону*). Теперь, чтобъ онъ скорѣе выѣхалъ, надобно больше его упрашивать!... (*Въ-слухъ*). Да полноте-же, Иванъ Ѳедоровичъ, не сердитесь... останьтесь... Я не такой человекъ!..

мерзлюковъ. Ни слова!... Дайте мнѣ росписку, росписку въ полученіи денегъ... и дѣло кончено! Эй! дворникъ!... (*Взвъ шляпу, въ-сторону*). Уведу его отсюда и тотчасъ-же вернусь чтобъ какъ-нибудь вызвать эту дѣвушку... (*Въ-слухъ*). Пришлите-же мнѣ скорѣе росписку... А я ни минуты здѣсь не остаюсь. Сей-часъ-же велю дворнику позвать извозчика!... (*Идетъ къ средней двери*). Дворникъ!

кульковъ (*идя за нимъ*). Иванъ Ѳедоровичъ! пожалуйста не сердитесь!... вѣдь я...

мерзлюковъ (*уходя за двери*). Дворникъ!...

ЯВЛЕНІЕ XII.

ПУЗЫРЕВСКІЙ, ГЛАШИНЬКА.

(*Они выходятъ изъ боковой двери*).

глашинька (*тихо отцу*). Вотъ онъ здѣсь, папенька?

пузыревскій (*осматриваясь*). Гдѣ?

глашинька. Что это?... Куда-жъ онъ дѣвался?... (*Тихо отцу*).

Посмотрите, вѣтъ-ли за ширмами?

пузыревскій (*осматривая съ осторожностью за ширмами*).

Нѣтъ!... Странно!... Куда-жъ онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, пропалъ?... И ты говоришь, что это стряпчій?

глашинька. Да-съ! онъ самъ сказалъ.

пузыревскій. Не могу понять, кто-жъ его увѣдомилъ, что я имѣю надобность въ стряпчемъ? Кажется, я никому еще объ этомъ не говорилъ!... И это тотъ самый молодой человекъ, котораго вчера мы видѣли въ Екатерингофѣ?...

глашинька. Тотъ самый, папенька!... Онъ даже самъ говорилъ, что замѣтилъ меня...

пузыревскій. Не знаю, что и подумать!... Смотри, Глашинька, нѣтъ-ли тутъ какихъ штукъ? Понимаешь-ли?

глашинька. Ахъ, папенька, да чему-же быть! Онъ такой милый, любезный...

пузыревскій. Да, ты смотри на любезность!...

№ 6.

Что толку въ томъ, что онъ любезенъ?

Не вѣрь ты ласкамъ никогда:

Кто нуженъ намъ, или полезенъ,

Съ тѣмъ мы любезны всегда!

Ужъ кто любезность расточаетъ,

Мнѣ такъ и кажется, ей, ей,

Что для того онъ насъ ласкаетъ,

Чтобы потомъ надуть вѣрнѣй!

Однакожъ, какимъ образомъ онъ исчезъ отсюда?... Вѣдь у тебя дверь была заперта?

глашинька. Да-съ, заперта!... А можетъ-быть чрезъ эту? *(Показываетъ на среднюю дверь)*.

пузыревскій. Но вѣдь и эта была заперта! самъ хозяинъ говорилъ, что нѣтъ ключа... *(Подходя къ средней двери и отворяя ее)*. Такъ и есть, отперта!... Просто непонятно! Кто-жъ ее отперъ?... Смотри, Глаша, право, это не надувальщикъ ли какой-нибудь!

глашинька. Ахъ, что вы папенька!... Его физиономія...

пузыревскій. Я тебѣ говорю, что всѣ эти физиономіи вздоръ!.. Понимаешь-ли, вздоръ! *(Увидя на столѣ корзину и початой за-втракъ)*. Ба, ба, ба! да ужъ ты безъ меня позавтракала!

глашинька. Что вы, папенька, я и не думала...

пузыревскій. Такъ какъ-же это?... Смотри, сколько тутъ съѣдено.

глашинька. Я даже не видѣла, папенька, какъ принесли корзину!....

пузыревскій. Безподобно! Такъ какимъ-же образомъ она сюда попала?

глашинька. Я, право, не знаю, папенька!

пузыревскій. Какъ не знаешь?.... Да чтожь ты смотрила!

глашинька. Ахъ, папенька, да чѣмъ-же я виновата?.... Вѣрно, принесли ее сюда чрезъ эту-же дверь, въ то время, какъ я была въ той комнатѣ!

пузыревскій. Да кто-жь это ѣлъ?.... И смотрите, сколько выпито вина!.... почти полъ-бутылки....

глашинька. Можетъ-быть, этотъ гость....

пузыревскій. Хорошъ гость! и еще она его хвалитъ и защищаетъ!.... Вотъ тебѣ и физиономія!.... Приходитъ въ домъ, безъ позволенія ѣсть и пьеть!.... Ну, понимаешь-ли, какой-же это благородный человѣкъ!.... Ужь если онъ позволилъ себѣ такое невѣжество, такъ пожалуй... Боже мой! а тутъ еще я оставилъ конвертъ съ деньгами!... *(Подбѣгая къ конторкѣ, отворяя ее и роясь въ бумагахъ)*. Нѣтъ! пропалъ! Сто рублей серебромъ пропали!... Ну, что, сударыня, что вы теперь скажете?... Вотъ вамъ и любезность... Вотъ вамъ и стряпчій!.... А еще говоритъ давича: «Чего, говоритъ бояться, папенька!... Вѣдь здѣсь не деревня!...» Ужь именно не деревня!... А вѣтъ она тутъ, и смотритъ, и восхищается еще: «Такой милый, любезный!»!... Славно полюбезничалъ!... Вотъ теперь и плати сто рублей, изъ своего кармана!.... Понимаешь-ли сто рублей! Ну, ужъ квартира! середь бѣлаго дня грабятъ!.... Не успѣли переѣхать, ужъ и исторія, и пропачка!... Нѣтъ, послѣ этого я не жилецъ здѣсь.... А все ты пристала: найми да найми! Вотъ и ваялъ!.... Ну, что мы теперь будемъ дѣлать?... А?... Что-же вы молчите?

глашинька. Ахъ, папенька, да чтожь я буду говорить?.... возможно-ли, чтобъ этотъ молодой человѣкъ!....

пузыревскій. Воръ! чистый воръ! понимаете-ли!...

глашинька. Ахъ, папенька! можно-ли думать, чтобъ онъ рѣшился!...

пузыревскій. Рѣшится не только что обокрасть... но, пожалуй, поподчуетъ еще васъ ножомъ!

N 7.

Ты думаешь, что въ мигъ такъ вора и узнаешь,
Что ежели ужъ воръ, такъ воровъ и глалить?

Нѣтъ, чистый воръ хитерь, ты отъ него растаешь:

Онъ вѣжливъ, ловокъ, милъ и сладко говорить.

За вора чаще свѣтъ ворилку принимаетъ,

Того, кто для рубля рѣшится на обманъ;

А чистый воръ на вздоръ ужъ рукъ не замазаетъ,

И вамъ превѣжливо очиститъ весь карманъ!...

глашинька. Боже мой! я не могу и представить!...

пузыревскій. И не представляйте лучше ничего!... Понимаете-ли? Пошлите скорѣ Марѳушку за хозяиномъ.... Ужъ нѣтъ-ли тутъ штукъ и съ его стороны?... Кому-жъ болѣе отворить дверь, какъ не ему?... Я теперь припоминаю: у него и въ лицѣ есть что-то такое... Ступай-же, пошли!...

глашинька (*увидя входящаго Мерзлюкова*). Ахъ, папенька!
пузыревскій. Что еще?

ЯВЛЕНІЕ XIII.

тѣ-же, мерзлюковъ (*онъ входитъ въ среднюю дверь*).

глашинька (*тихо отцу*). Вотъ онъ и самъ, этотъ стряпчій!

пузыревскій (*въ-сторону*). А!... прошу покорно, какая смѣлость!...

мерзлюковъ (*въ-сторону*). Она вышла.... ба! и отецъ ужъ здѣсь....

пузыревскій (*дочери*). Ты говоришь, физиономія.... а взгляни хорошенько.... видишь-ли, какое звѣрское лицо....

мерзлюковъ (*раскланиваясь*). Мое почтеніе.... извините, я не зналъ, что вы пріѣхали....

пузыревскій. Не знали?... А вамъ что угодно отъ меня?...

мерзлюковъ. Мнѣ?... ничего.... я думалъ.... мнѣ ваша дочь сказала, что вы имѣете во мнѣ надобность....

пузыревскій. Въ васъ надобность?... Нѣтъ-съ, извините.... послѣ того, что я узналъ....

мерзлюковъ (*въ-сторону*). Ай! ай!... ужъ не нажаловась-ли на меня его дочь?... Онъ что-то не очень-любезень!

пузыревскій (*дочери*). Смотри, какъ ужъ отъ одного слова смутился!... Постой я его пугну!...

глашинька (*тихо*). Ахъ, папенька, ради Бога....

ПУЗЫРЕВСКИЙ (*также*). Молчи!... не твое дѣло!... Дай говорить отцу....

МЕРЗЛЮКОВЪ (*въ сторону*). Шепчутся!... Ну, такъ и есть.... одинакожъ, вѣдь я въ своемъ домѣ.... чего-жъ мнѣ бояться?...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Позвольте, милостивый государь, сдѣлать вамъ одинъ вопросъ....

МЕРЗЛЮКОВЪ. Что вамъ угодно?...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Скажите, неужели здѣсь всякому дано право распорядиться чужимъ добромъ по своему произволу?

МЕРЗЛЮКОВЪ. Что вы хотите этимъ сказать?... Я васъ не понимаю. ..

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Нѣтъ-съ, понимаете!... Нечего краснѣть-то.... понимаете!...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Гдѣ-жъ вы видите, что я краснѣю!...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Очень-вижу!... Нѣтъ, ужъ стараго воробья на мякинѣ не обманете....

МЕРЗЛЮКОВЪ. Послушайте.... если вы, можетъ-быть, обижаетесь, что я сдѣлалъ какую-нибудь невѣжливость....

ПУЗЫРЕВСКИЙ (*тихо дочери*). Видишь! Ужъ самъ сознается... (*Въ-слухъ*). А по вашему, этимъ не стоить и обижаться?...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Впрочемъ, кажется, тутъ съ моей стороны не было еще никакой дерзости.... клянусь честью, никакой дерзости!..

ПУЗЫРЕВСКИЙ. А! такъ вы готовы сдѣлать и не такую еще дерзость?..

МЕРЗЛЮКОВЪ. Ну, будьте вы сами на моемъ мѣстѣ!...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. На вашемъ мѣстѣ!... Нѣтъ-съ, извините, я до этого никогда не дойду....

МЕРЗЛЮКОВЪ. Конечно, ваши лѣта уже не такія....

ПУЗЫРЕВСКИЙ. А ваши такія, что все можно себѣ позволить?...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Какъ это можно, помилуйте!... Но я здѣсь былъ вдвоемъ съ вашей дочерью.... и признаюсь, ихъ любезность, ихъ кротость!.. И если я рѣшился....

ПУЗЫРЕВСКИЙ (*возвышая голосъ*). Прошу покорно!... что дочь моя любезна и смирна, такъ онъ рѣшился на такой поступокъ.. на такой дерзкій поступокъ!

ГЛАШИВЬКА (*дергая его*). Ахъ, папенька!...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Молчи! дай говорить отцу!... Это только могутъ дѣлать такіе безчестные люди, какъ вы! Понимаете-ли?

МЕРЗЛЮКОВЪ (*съ удивленіемъ*). Что? Безчестные!...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Но я съ вами раздѣляюсь!... Вы не на такихъ напали!.. Понимаете-ли?

МЕРЗЛЮКОВЪ (*возвышая также голосъ*). Послушайте! вы не очень кричите!... а не-то вѣдь я... вы худо меня знаете... (*Въ сторону, щипая въ карманъ платка*). Какова дерзость!... Даже потъ на лбу выступилъ!...

ПУЗЫРЕВСКІЙ (*струсая, въ сторону*). Онъ чего-то ищетъ въ карманѣ!... Боже мой! ужъ нѣтъ-ли съ нимъ ножа или пистолета!... (*Дочери*). Глаша!... Бѣги, скажи Мароушкѣ, чтобъ она сію-же минуту позвала хозяина и послала дворника за полиціей!... Да вели стоятъ Ванькѣ у этихъ дверей!...

ГЛАШИНЬКА (*тихо*). Ахъ, папенька! что вы хотите дѣлать!

ПУЗЫРЕВСКІЙ. Пошла, говорятъ тебѣ!... Или ты хочешь, чтобъ насъ всѣхъ перерѣзали!...

ГЛАШИНЬКА (*уходя съ боковую дверь, въ сторону*). Ахъ, Боже мой!... Что это будетъ!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

МЕРЗЛЮКОВЪ, ПУЗЫРЕВСКІЙ.

МЕРЗЛЮКОВЪ (*въ сторону*). Что это значить?... Зачѣмъ онъ послалъ ее туда!...

ПУЗЫРЕВСКІЙ (*взявъ потихоньку со стола столовый ножъ и пряча его въ карманъ*). Надо, на всякій случай, запастись обороной... да, главное, не терять смѣлости!... Понимаете!

МЕРЗЛЮКОВЪ (*въ сторону*). И смѣшно и досадно!... Признаюсь, я еще не видывалъ такихъ чудаковъ!... Клянусь честью, не видывалъ!... Пришелъ въ чужой домъ и важничаетъ!... (*Въ слухъ*). Послушайте однако-жъ, скоро-ли кончится эта исторія?

ПУЗЫРЕВСКІЙ (*садясь на стулъ*). Надѣюсь, что скоро... Нѣтъ милостивый государь, вы не на труса попали! Я никакъ не позволю, чтобъ какой-нибудь человѣкъ, который Богъ знаетъ гдѣ таскается..

МЕРЗЛЮКОВЪ. Что-съ?

ПУЗЫРЕВСКІЙ. Который, Богъ знаетъ, съ кѣмъ водится и чѣмъ занимается!...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Что-съ?

ПУЗЫРЕВСКІЙ. И который, безъ стыда и совѣсти, является сю-да Богъ знаетъ откуда!...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Какъ? что? Да вамъ какое дѣло, откуда-бы я

не пришелъ? Я имѣю полное право быть гдѣ захочу, и дѣлать, что мнѣ вздумается!...

пузыревскій. Однако-жъ вамъ не всякій это позволить!...

мерзлюковъ. А кто же, на примѣръ, не позволить?

пузыревскій. Да, на-примѣръ, хоть я!

мерзлюковъ. Вы!... Ха, ха, ха! вотъ это забавно!.. Клянусь честью, забавно!.. (Въ-сторону). Да это какой-то съумасшедшій!

пузыревскій. И вы еще смѣетесь!...

мерзлюковъ. А вамъ и это даже не нравится?.. Но скажите скорѣе, что вамъ угодно отъ меня и оставьте меня въ покоѣ... мнѣ, право, некогда!

пузыревскій. А, у васъ, вѣрно, есть работа въ другомъ мѣстѣ... понимаете?... Нѣтъ, ужъ теперь я отъ васъ не отстану!...

мерзлюковъ. Да чего вы отъ меня хотите? Развѣ я сдѣлалъ такое важное преступленіе?

пузыревскій. А это еще, по-вашему, не важное?... Стало-быть, вамъ и не такія еще дѣла удавались!...

мерзлюковъ. Да что я сдѣлалъ такое?

пузыревскій. Что?... Позвольте васъ спросить, это вы купали?

мерзлюковъ. Я! а вамъ какое дѣло?....

пузыревскій. Слышите!... А позвольте спросить: не заглядывали-ли вы и въ эту конторку?

мерзлюковъ. Можетъ-быть!.... по вамъ какая нужда?.... (въ-сторону). Рѣшительно полоумный!

пузыревскій. Слышите! И какъ вѣдь безстыдно признается!... Хорошъ страпчій!

мерзлюковъ. Я не страпчій, милостивый государь, и никогда не былъ страпчимъ!....

пузыревскій. А, теперь вы сами сознаетесь!

мерзлюковъ. Вольно было выдумать вашей дочери!

пузыревскій. Сдѣлайте милость, оставьте мою дочь въ покоѣ..

Понимаете-ли?

мерзлюковъ. Это мнѣ нравится. Пріѣхалъ Богъ знаетъ откуда... говоритъ какой-то вздоръ и смѣетъ еще важничать!... (Подходя къ Пузыревскому). Оставьте меня, милостивый государь!.... а не то....

пузыревскій. Не подходите ко мнѣ! не подходите!... или я самъ употреблю насиліе!...

мерзлюковъ. Насиліе!... да вы кто?

ПУЗЫРЕВСКИЙ. А вы кто?

МЕРЗЛЮКОВЪ. Вы это должны лучше знать, если рѣшились оставить здѣсь свою дочь...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Это еще что!... Развѣ я не властенъ дѣлать, что хочу?...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Но позвольте вамъ замѣтить, что это могутъ только дѣлать одни безнравственные люди!

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Какъ! вы смѣете еще меня оскорблять!

МЕРЗЛЮКОВЪ. И не такъ еще оскорблю, если вы не выйдете отсюда!... Слышите! оставьте меня! *(Показываетъ на дверь)*.

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Какъ? васъ оставить здѣсь одного?

МЕРЗЛЮКОВЪ. Да-съ!... Я этого хочу! я этого требую!

ПУЗЫРЕВСКИЙ. *(Въ-сторону)*. Боже мой! онъ хочетъ насъ обобрать до чиста! Понимаете?

МЕРЗЛЮКОВЪ. Оставьте-же, говорятъ вамъ!... или я позову сюда людей!

ПУЗЫРЧВРКІЙ. Людей?... *(въ-сторону)*. Боже мой! вѣрно у него тутъ близко сообщники!... Онъ убьетъ насъ!...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Чтожъ вы нейдете?

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Нѣтъ, хоть умру, но не выйду отсюда!...

МЕРЗЛЮКОВЪ. А! такъ вы рѣшились меня взбѣсить?... Вонъ отсюда!...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Не пойду!....

МЕРЗЛЮКОВЪ. Ну, такъ я употреблю силу!

№ 8.

ПУЗЫРЕВСКИЙ.

Вы намъ силой не грозите,

Мы не такъ еще просты!...

МЕРЗЛЮКОВЪ.

Да откуда вы, скажите?

Не съ девятой-ли версты?

ПУЗЫРЕВСКИЙ.

Не бранитесь! будетъ худо!

МЕРЗЛЮКОВЪ.

Я ужъ васъ втѣну въ бѣду!
Говорятъ вамъ, вонъ отсюда!

ПУЗЫРЕВСКІЙ.

Нѣтъ, не выйду, не пойду! (Въ-сторону).

В м ѣ с т ѣ.

Воръ чистѣйшій, нѣтъ сомнѣнья!
Онъ готовъ убить меня!
Нѣтъ, его, безъ разсужденья,
Въ часть отправить долженъ я!
МЕРЗЛЮКОВЪ, (въ-сторону).
Съумасшедшій! нѣтъ сомнѣнья!
Онъ готовъ прибить меня.
Нѣтъ, его, безъ разсужденья,
Въ часть отправить долженъ я!

МЕРЗЛЮКОВЪ. Такъ вы не пойдете?

ПУЗЫРЕВСКІЙ. Нѣтъ!

МЕРЗЛЮКОВЪ (Взявъ шляпу). Пойдите-же!

ПУЗЫРЕВСКІЙ (Схвативъ его за руку). Не пушу!

МЕРЗЛЮКОВЪ (Стараясь высвободиться). Прочь!

ПУЗЫРЕВСКІЙ. Не пушу!...

ОБА (вмѣстѣ). Помогите!.... Помогите!....

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ-ЖЕ, КУЛЬКОВЪ, ГЛАШИНЬКА. (Кульковъ вбѣгаетъ въ среднюю дверь, Глашинька является изъ боковой, за нею показываются изъ дверей лакей и горничная).

КУЛЬКОВЪ (вбѣгая). Что такое, что случилось?

ПУЗЫРЕВСКІЙ и МЕРЗЛЮКОВЪ (вмѣстѣ). Пожалуйте! Пожалуйте!...

ПУЗЫРЕВСКІЙ (съ одной стороны Кулькова). Этотъ безсовѣстный...

МЕРЗЛЮКОВЪ (съ другой стороны). Этотъ сумасшедшій...

ПУЗЫРЕВСКІЙ. Пришелъ безъ церемоніи сюда...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Явился Богъ знаетъ откуда...

ПУЗЫРЕВСКІЙ. Надѣлалъ мнѣ тысячу неприятностей!...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Наговорилъ мнѣ тьму грубостей!...

пузыревскій. И къ довершенію всего, съѣлъ всю мою про-
визию....

мерзлюковъ (съ удисленіемъ). Что!...

пузыревскій. Но это-бы еще ничего... а то здѣсь въ конторкѣ
лежало письмо, а въ письмѣ были деньги... Понимаете?

мерзлюковъ. Ну чтожъ, это письмо и деньги взял я!

кульковъ (въ-сторону). Такъ вотъ онъ чѣмъ расплатился!...

пузыревскій. Слышите... вѣтъ, послѣ этого я ни минуты не
остаюсь въ вашей квартирѣ!... Да у васъ здѣсь, просто, при-
тонъ... Понимаете ли?....

мерзлюковъ. Что такое?....

кульковъ. Помилуйте!... Клянусь, я тутъ нисколько невинно-
вать!... Конечно, съ ихъ стороны это не простительная шалость!

мерзлюковъ. Да вы-то что!... Кажется, я имѣю полное право
распоряжаться въ своей квартирѣ!

пузыревскій. Какъ въ своей квартирѣ!

кульковъ (въ-сторону). Попался!

пузыревскій. Квартира эта моя!

мерзлюковъ. Ваша!... (Кулькову) Что это значитъ?...

кульковъ (улыбаясь). То есть.... какъ вамъ сказать.... я, право,
тутъ нисколько невиновать... (Мерзлюкову) Вы цѣлую недѣлю
не были дома....

пузыревскій (Мерзлюкову). Такъ, стало, вы еще отсюда не-
выѣзжали?...

мерзлюковъ. И не думалъ!....

пузыревскій. И стало-быть, онъ отдалъ мнѣ чужую квар-
тиру!...

кульковъ. Правда, они еще не совсѣмъ выѣхали, но обща-
лись сегодня-же совершенно очистить эту квартиру... стало-быть,
я тутъ нисколько не виновать.... а если они взяли и истратили
чужія деньги....

мерзлюковъ. Что вы толкуете! Какія же это чужія деньги! Онѣ
мои.... Письмо на мое имя!...

пузыревскій. Какъ на ваше имя?

мерзлюковъ. Да!... Только не знаю, кто его положилъ ко мнѣ
въ конторку.... (Вынимая письмо). Вотъ читайте: «Ивану Ѳодо-
ровичу Мерзлюкову....»

КУЛЬКОВЪ (*разсматривая адресъ*). Дѣйствительно такъ!

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Боже мой! Сынъ моего сосѣда и друга!... котораго я собирався искать въ Петербургѣ!...

ГЛАШИНЬКА (*въ-сторону*). Сынъ Ѳедора Семеновича! Какая радость!

МЕРЗЛЮКОВЪ. Неужели!... Позвольте.... стало-быть вы....

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Новгородскій помѣщикъ Петръ Ивановичъ Пузыревскій.... Понимаете-ли?

МЕРЗЛЮКОВЪ (*въ-сторону*). Нарѣченный мой тесть!... (*Въ-слухъ*) Боже мой! какая неожиданность.... а я принялъ васъ.... извините, если я сказалъ что-нибудь такое... но, клянусь честью....

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Помилуйте!... да вѣдь я и самъ.... я столько вамъ надѣлалъ непріятностей!... Но, право, это все виноватъ нашъ хозяинъ!... Ахъ, дайте же васъ расцѣловать!... вотъ неожиданность! вотъ радость!...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Позвольте узнать, Петръ Ивановичъ.... Вѣроятно эта дѣвица....

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Ужъ, разумѣется, моя дочь, Иванъ Ѳедорычъ, моя дочь!... Глафира Петровна!... та самая.... понимаете!...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Ахъ, Боже мой!... Позвольте рекомендоваться!... (*Подходитъ къ рукъ Глашиньки*). Признайтесь, вы, вѣрно, приняли меня за какого нибудь сумасшедшаго....

ГЛАШИНЬКА. Ахъ, нѣтъ-съ!...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Но скажите, ради Бога, здоровъ-ли папенька?...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Слава Богу... ждетъ васъ не дождется!...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Ахъ, я такъ виновинъ передъ нимъ.... но знаете, дѣла, обязанности... служба... я такъ былъ занятъ, клянусь честью, былъ занятъ.... но я ужъ, было, совѣмъ собрался.... и признаюсь сколько хотѣлось повидаться съ папенькой, столько и по другому еще обстоятельству.... которое я желалъ привести въ исполненіе....

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Какое-же это обстоятельство?...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Оно, если не ошибаюсь, извѣстно и вамъ.... (*Посматривая на Глашиньку*). Желаніе папеньки всегда было....

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Понимаю!... И признаюсь вамъ, Иванъ Ѳедорычъ, я не былъ никогда прочь....

МЕРЗЛЮКОВЪ. О, неужели и теперь...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Точно также не прочь!...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Ахъ, какая радость!... Но что скажетъ Глафира Петровна?...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Глашнѣнка! Слышишь!... отвѣчай же Ивану Оеодоровичу!... Понимаешь?

ГЛАШНѢНКА. Ахъ, папенька!... я не знаю!...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Ну, такъ я знаю!... Глаша! вотъ твой женихъ!... понимаешь, твой женихъ! Боже мой, Боже мой!... Могъ-ли я ожидать такой радости!... Воображаю, какъ удивится, какъ обрадуется мой задушевный Оеодоръ Семенычъ!... Нѣтъ ужъ, Иванъ Оеодорычъ, мы теперь поѣдемъ въ деревню вмѣстѣ!... мнѣ только бы здѣсь съ дѣлами управиться!... А тамъ ужъ мы уладимъ и ваше дѣло!

МЕРЗЛЮКОВЪ. Ахъ, почтеннѣйшій Петръ Иванычъ!...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Позвольте, однакожъ, Иванъ Оеодорычъ, какъ-же это я васъ не узналъ!... вѣдь у вашего папеньки есть вашъ портретъ!... Положимъ, у меня глаза худы и память плоха!... но какъ-же Глаша васъ не узнала.

ГЛАШНѢНКА. Потому, папенька, что портретъ нисколько не похожъ на Ивана Оеодоровича!...

МЕРЗЛЮКОВЪ. Дѣйствительно, не совсѣмъ похожъ!... живописецъ не потрафилъ!... я ужъ такъ его послалъ, чтобъ, знаете, исполнить желаніе папеньки!...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Понимаю!... вѣдь не бросить же его было!... Ну, а ты, Глаша, какъ находишь!... что лучше: портретъ или онъ самъ?

ГЛАШНѢНКА. Ахъ, папенька!...

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Ну, ужъ, конечно, онъ!... вижу по глазамъ!...

ГЛАШНѢНКА (опуская глаза). Да-съ!

МЕРЗЛЮКОВЪ. Ахъ, какъ я счастлива!

ПУЗЫРЕВСКИЙ. Ну, слава Богу!... Теперь ужъ мы до отъѣзда въ деревню не переѣдемъ изъ этой квартиры!... Ома Оомичъ!... Да что вы все молчите?

МЕРЗЛЮКОВЪ. Удивляюсь предопредѣленію судьбы!... Вотъ вѣдь сердились на меня, что я отдалъ вамъ обоемъ одну квартиру, а вышло все къ лучшему!... Судьба! (Въ-сторону). Нечего скрывать, подцѣпили гуся!

МЕРЗЛЮКОВЪ. Именно судьба! Клянусь честью!... она меня и теперь не забыла!

пузыревскій. И я скажу, что судьба!... Но что-то она пошлетъ за наши проказы: добро или худо? Какъ ты думаешь, Глаша? Глашинька. Объ этомъ надобно спросить нашихъ гостей.

Лз 9.

Позвольте-жь къ вамъ мнѣ, въ заключенье,

Куплетъ послѣдній обратить:

И мы и авторъ нашъ въ сомнѣньи —

Жить водевилю или не жить!

Хоть мы вамъ угодить старались,

Но въ вашихъ состоитъ рукахъ —

Рѣшить: довольны-ль вы остались

Квартирою на Бугоркахъ!

СВѢТЪ И ТЬМА.

Въ тотъ ясный день, въ началѣ мірозданья
Все было свѣтъ, и радость, и покой;
Но новыя, безплотныя созданья
Святаго дня — родили тьму собой.

* * *

И съ тѣхъ времянь — всеисильный Свѣтъ лучами
Ту гонить тьму, и тьма бѣжить лучей,
— И сталъ свѣтъ дня — ночей смѣняться тьмами,
И сталъ свѣтъ дня — смѣнять ту мглу ночей.

* * *

И стала тьма носиться съ тучей грозной,
А свѣта лучъ сквозь тучи проникать,
И тьма нашъ духъ тревожить думой черной,
И свѣтъ вручать намъ миръ и благодать.

К. САЗОНОВЪ.

ЛЕВЪ И БАРЫШНЯ.

Повесть.

—

1.

Это было въ то время, о которомъ Петербургъ теперь и не вспоминаетъ, но въ которое онъ бѣсновался ничуть не меньше, если еще не больше нынѣшняго.

Занавѣсъ опустилась при громѣ рукоплесканій.

Кончился первый актъ «Озера Волшебницъ».

Балетъ этотъ давали въ первый разъ. Спектакль былъ великолѣпный. Въ ложахъ бель-этажа все лучшее петербургское общество. Первые ряды креселъ заняты важными людьми и самымъ фешенебельнымъ кругомъ. Звѣзды мелькали даже во второмъ ярусѣ. У кассы расхаживали печальныя фізіономіи. Въ сотый разъ подходили онѣ къ окошку, спрашивая самымъ жалкимъ голосомъ: Нѣтъ-ли хоть какого-нибудь мѣста?» — и въ сотый разъ получали тотъ-же отвѣтъ: «Нѣтъ — нѣту-съ!» Самые неугомонные вертѣлись около капельдинеровъ, упрашивая ихъ позволить постоять у входа и взглянуть хоть однимъ глазомъ. Раекъ и верхнія галереи ломились отъ множества зрителей. Надъ головами публики, въ боковой галереѣ, возвышались цѣлые ярусы, столбы и пирамиды бородастыхъ энтузіастовъ, готовыхъ, кажется, ка-

жду минуту обрушиться въ кресла. Въ партерѣ было жарко до невѣроятности. Съ большимъ трудомъ можно было продраться сквозь толпу, скопившуюся у выхода, чтобы подышать менѣе спѣрымъ воздухомъ, въ фойѣ, или совершить путешествіе по логамъ знакомыхъ. Въ этотъ вечеръ Тальйони была очаровательна; при ея появленіи поклонники ея хлопали ровно 10 минутъ, и у многихъ, отъ восторженныхъ доказательствъ удивленія, полопались перчатки. Дамы обмахивались вѣерами. Мужчины, живописно прислонясь къ балюстрадамъ оркестра, наводили четверть-аршинныя трубки на ложи, и поочередно разсматривали всѣхъ петербургскихъ красавицъ. Въ разныхъ углахъ театра составились отдѣльныя группы, толковавшія о Тальйони и о новомъ балетѣ. Со всѣхъ сторонъ слышались восклицанія: *C'est délicieux! c'est incomparable! c'est divin!* Театралы разговаривали съ музыкантами; четвертый рядъ прилежно читалъ афишку и не поднимался съ креселъ. Занавѣсъ сильно колебалась. Изъ за нея раздавались тоненькіе голоса и громкій хохотъ. Все дышало удовольствіемъ, все волновалось ожиданіемъ. Воздухъ былъ напоитанъ дыханіемъ цвѣтовъ и красавицъ. Спектакль былъ великолѣпный!

И объ этомъ времени теперь никто даже и не вспоминаетъ! *Homines dum sumus!*

Въ первомъ ряду креселъ, на лѣвой сторонѣ, стоялъ, прислонясь къ оркестру, молодой человекъ, одѣтый въ черный полу-фракъ и полу-сюртукъ съ золотыми пуговицами. Волосы его были коротко обстрижены, à la Castor, что, правду сказать, не слишкомъ шло къ его блѣдному лицу, имѣвшему какой-то болѣзненный, желтоватый отливъ. Во всемъ костюмѣ молодого человека видна была львиная утонченность. Палевыя перчатки безъ малѣйшей складочки обтягивали его руку; шейный эшарфъ былъ повязанъ самымъ шегольскимъ образомъ; по жилету вися простой резиновый свурокъ съ маленькимъ бриллиантомъ на перехватѣ; правая рука льва была вооружена огромною бѣлою трубкою, которую онъ поочередно наводилъ на ложи бель-этажа. Много женскихъ лицъ, блестящихъ красотою и безобразіемъ, промелькнуло въ полѣ трубки, какъ китайскія тѣни въ волшебномъ фонарѣ; но вдругъ трубка его неподвижно остановилась противъ одной ложи, гдѣ, живописно облокотясь лѣвою рукою на барьеръ, сидѣла дѣвушка, красоты ослѣпительной. Ни въ одной чертѣ лица ея нельзя было подмѣтить малѣйшей неправильности; профиль самый строгій, настоящій греческій, убѣжавшій съ

какой-нибудь древней камен, или со статуи Венеры, свѣжестъ и бѣлизна лица, почти баснословныя по вмѣстѣ съ этимъ ни въ глазахъ, ни въ выраженіи лица красавицы, не замѣтно было слѣда жизни, чувства, одушевленія. Она была настоящею статуею, которая могла внушить удивленіе—и только. Не смотря на это, молодой левъ не отводилъ трубки отъ этой ложи, и невольно вздрогнулъ, когда его ударилъ по плечу чловѣкъ уже немолодыхъ лѣтъ, съ длинными волосами и насмѣшливой улыбкой.

«Неужли и ты, Лавицкій, засмотрѣлся на эту восковую куклу?» сказалъ онъ, смѣясь и играя лорнетомъ.

— И ты называешь это куклой, Вельскій! отвѣчалъ левъ съ какою-то восторженностію, не-хотя опуская свой телескопъ. Неужели больше жизни и чувства въ вашей графинѣ Z. съ ея наглыми движеніями и претензіями на эманципацию и сепъ-символизмъ?

— За что ты такъ вооруженъ противъ графини Z.? Эта жепщина рѣдкость въ нашемъ петербургскомъ обществѣ, гдѣ дамы холодны, какъ ледъ, и не таютъ даже отъ пламенныхъ вздоховъ и взглядовъ ихъ поклонниковъ. Я, по-крайней-мѣрѣ, за-то уважаю графиню, что она старается уничтожить эту манерность и неприступность дамъ и заставить нѣсколько повольнѣе обращаться съ ними. Въ нашъ вѣкъ пора перестать смотрѣть на женщинъ какъ на божества, недоступныя слабымъ смертнымъ. Что ни говори, а кокетство—геній женщины. Я точно также мало уважаю женщину не кокетку, какъ мужчину безъ твердости характера.

— Проздравляю тебя съ наклонностію въ пользу кокетства. Я предпочитаю въ женщинѣ наивность и простодушіе. Посмотри только, съ какимъ любопытствомъ осматриваетъ она всѣ ложи, сколько жизни въ ея быстрыхъ глазахъ.

— Постой, постой, мой идиллическій герой. Мы, кажется, не понимаемъ другъ друга. Неужели всѣ эти достоинства отыскалъ ты въ этой бездушной С—ой?

— Съ чего ты взялъ? Стану я смотрѣть на нее! Я говорю тебѣ про дѣвушку въ длинныхъ локонахъ и бѣломъ кисейномъ платьѣ, которая сидитъ подлѣ этой старухи въ огромномъ чепцѣ съ пунцовыми бантами.

Вельскій посмотрѣлъ въ лорнетъ и захохоталъ.

— Помилуй, гдѣ это видано разсматривать красавицъ втораго яруса. Это *taille à genre* въ самой высшей степени. И что хорошаго нашелъ ты въ этомъ ребенкѣ съ пухленькими щечками

и глупой улыбкой? Это, вѣрно, дочь какого-нибудь столоначальника, который ѣздитъ въ театръ, когда получить награжденіе, и самъ лично закупаетъ на Сѣнной недѣльную провизію.

Ланицкій съ видимой досадой отвернулся и, не отвѣчая ни слова, началъ напѣвать мотивъ галопа изъ «Озера Волшебницъ». Вельскій пожалъ плечами и обратился къ близъ-стоящему толстяку съ вопросомъ о балетѣ. Левъ опять навелъ свою трубку на ложу 2-го яруса.

— Какъ она хороша! думалъ онъ. Есть что-то особенное въ ея темныхъ глазкахъ! Какая-то смѣсь простодушія и лукавства! И какой прекрасный цвѣтъ лица! Какъ можно сравнить ее съ нашими свѣтскими дамами, румяными, какъ египетскія муміи, и здоровыми, какъ петербургскій климатъ. Мнѣ давно надоѣлъ и свѣтъ и его однообразная, холодная жизнь. Право, между этими сонными рыбами, которыхъ называютъ свѣтскими красавицами, я самъ скоро засну! Нѣтъ! мнѣ необходимо какое-нибудь сильное ощущеніе, чтобы разогрѣть засыпающія чувства. Чтѣ, если я и въ-самомъ-дѣлѣ стану отыскивать это ощущеніе между иешими слоями петербургскаго чиновнаго міра? Право, это будетъ очень оригинально. Вскружить голову какой-нибудь столоначальницѣ, внушить романическую страсть дочери начальника питейныхъ сборовъ,—да это придастъ мнѣ большой вѣсъ въ обществѣ, заставитъ нашихъ графинь покраснѣть съ досады даже сквозь густой слой бѣлизы, подъ которымъ они скрываютъ свою желтизну. И къ тому-же новость положенія, пища воображенію, разгоряченное самолюбіе... Рѣшено! волочусь за дѣвушкой съ темными глазами и длинными локонами!

И припавъ это премудрое рѣшеніе, онъ, какъ опытный тактикъ, началъ разсматривать непріятелей, съ которыми ему предстояло начать военныя дѣйствія. Первый врагъ, сидѣвшій по правую руку дѣвушки, была старуха, рослая, плечистая, съ багровымъ лицомъ, въ чепцѣ формы опрокинутаго горшка, съ огромной наколкой на немъ изъ лентъ и цвѣтовъ, въ темномъ коричневомъ платьѣ. Между ею и дочерью сидѣлъ хорошенькій мальчикъ, въ красной рубашечкѣ, съ головкою, завитою въ кудри. На второмъ плашѣ помѣщался какой-то сгорбившійся старичокъ, съ Анною 2-й степени на шеѣ, въ вицъ-мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами; подлѣ него сидѣлъ другой высокій и сухощавый чиновникъ, съ длиннымъ носомъ и Станиславомъ, и наконецъ, третій, также чиновникъ, съ волосами цвѣта болѣе чѣмъ бѣлокураго и улыбающеюся физиономіею.

Разсмотрѣвъ обитателей этой логи, левъ придумывалъ, съ какой-бы стороны открыть нападеніе, какъ вдругъ старуха съ пунцовыми лентами, повернувшись къ сосѣдней ложѣ, начала разговоръ съ женщиной среднихъ лѣтъ, довольно миловидною, которая отдѣлялась отъ нея одною перегородкою логи. Ланицкій сталъ осматривать и эту ложу, въ надеждѣ сдѣлать какое-нибудь открытіе, и судьба, которая, какъ извѣстно, всегда благопріятствуетъ животнымъ всякаго рода, указала обрадованному льву въ углу логи знакомую ему лысину начальника отдѣленія того самаго департамента, гдѣ онъ числился на службѣ, и куда, разумѣется, пріѣзжалъ раза два въ годъ, какъ истинный левъ. Прежде чѣмъ какая-нибудь идея могла родиться въ головѣ его, онъ бросился опростетью изъ кресель и стоялъ уже въ ложѣ удивленнаго начальника отдѣленія, который не видалъ его около года.

«Павель Александровичъ! какими судьбами? кричалъ старикъ, чрезвычайно-довольный неожиданнымъ посѣщеніемъ самаго моднаго льва, самаго аристократическаго животнаго. Сколько лѣтъ! сколько зимъ!... Позвольте поблагодарить васъ! Да прошу присѣсть».... бормоталъ старикъ, раскланиваясь до того, что обратилъ на себя вниманіе всѣхъ сосѣднихъ ложъ.

Левъ поклонился ему съ ласковой улыбкой, и, облокотясь лѣвою рукою о спинку пустаго стула, нагнулся надъ стуломъ начальницы отдѣленія, и самымъ сладкимъ голосомъ сказалъ, разумѣется, по-французски:

— Какъ давно я не видѣлъ васъ?

— Кто-жъ въ этомъ виноватъ, Мг. Ланицкій? Домъ нашъ всегда открытъ для васъ, но вы, вѣроятно, увлеченные шумомъ свѣта, не имѣете времени вспомнить о тѣхъ, которые будутъ всегда вамъ рады.

Вся эта фраза была произнесена съ видомъ упрека и обиженнаго самолюбія. Левъ раскланивался и извинялся путешествіемъ за границу, болѣзнію, и даже — о стыдъ для всей львиной породы! дѣлами по имѣнію.... Наталья Васильевна (такъ звали начальницу отдѣленія) улыбалась и принимала извиненія съ довольнымъ видомъ, не вѣря льву ни въ одномъ словѣ. Начальникъ отдѣленія молчалъ и не вмѣшивался въ разговоръ, по той причинѣ, что онъ, какъ самъ изъяснялъ, иностраннымъ языкамъ не обучался, и не былъ причастенъ французскому діалекту.

Но для того, чтобы понять, какія отношенія могли существовать между начальницей отдѣленія и петербургскимъ львомъ, не-

обходимо сказать нѣсколько словъ о прежней жизни Павла Александровича Ланицкаго.

Отецъ Павла Александровича былъ коренной русскій вельможа; предки его, хотя не спасали Рима, но тѣмъ не менѣе стояли всегда въ ряду первыхъ государственныхъ сановниковъ. Съ самаго ранняго дѣтства онъ былъ окруженъ няньками, мадами и гувернерами всѣхъ націй. Семи лѣтъ онъ болталъ, какъ попугай, на трехъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, и какъ истинно Русскій, говорилъ и на этомъ варварскомъ языкѣ съ одними только лакеями. Въ 17-ть лѣтъ онъ ужъ кончилъ курсъ домашняго воспитанія и началъ являться въ свѣтъ. Давно уже извѣстно всѣмъ, что въ нашъ вѣкъ нѣтъ молодости, и быть ея не можетъ; что назвать человѣка XIX вѣка *юношей*, значитъ обидѣть его смертельно, и кромѣ-того, сдѣлать непростительный анахронизмъ. У насъ есть только дѣти, мужи и старцы. Ребенокъ изъ лѣтъ счастливаго дѣтства переходитъ прямо въ зрѣлый возрастъ. Ребенокъ въ 16 лѣтъ дѣлается человѣкомъ опытнымъ и разочарованнымъ: онъ испыталъ уже все роды свѣтскихъ удовольствій, онъ слышался о Вольтерѣ, Байронѣ, масонахъ и фурьеристахъ, онъ читаетъ соблазнительныя поэмы Парни и Пирона, поетъ пѣсни Беранже, знаетъ наизусть стихи Грекура, снисходитъ даже иногда до непечатныхъ произведеній одного русскаго поэта, котораго имя сдѣлалось синонимомъ отвратительнаго цинизма. Разочарованный 17-ти лѣтній *мужъ* смѣется надъ картиною прошлыхъ вѣковъ, надъ тѣмъ временемъ, когда у насъ была молодость, цвѣтушая здоровьемъ и счастьемъ, съ румяными щеками, съ сердцемъ, открытымъ всему прекрасному; молодость рѣзвая, доврчивая и веселая, которая краснѣла отъ соблазнительныхъ разсказовъ, не кощунствовала надъ предметами высокими и любила людей и природу. Исключенія есть вездѣ и теперь, — но исключенія не правила. Если вы не вѣрите, что въ наше время нѣтъ юности, оглянитесь вокругъ себя, укажите мнѣ во всей этой толпѣ недозрѣлыхъ философовъ, съ впалыми щеками и желтыми лицами, хоть одного, чье сердце билось-бы чистой, истинной любовью къ чему-нибудь на землѣ, чья душа была-бы открыта для чувствъ безкорыстныхъ и благородныхъ, чья жизнь не была-бы отравлена раннимъ пресыщеніемъ, чьи думы не были-бы полны эгоизмомъ и скептицизмомъ. Нѣтъ молодости въ XIX столѣтіи! Нѣтъ болѣе сравненія между четырьмя временами года и возрастами жизни. Нѣтъ лѣта — нѣтъ юности! Поэты нашего просвѣщеннаго вѣка!.. помните эту грустную истину, и не дер-

зайте болѣе въ вашихъ стихахъ дѣлать этого патриархальнаго, наивнаго сравненія. Молодость умерла, — а многіе этого и не примѣтили, многіе и не знаютъ, что они сами хоронили ее!

Итакъ, въ 18 лѣтъ, Павелъ Александровичъ былъ уже мужемъ зрѣлымъ и опытнымъ, и для доказательства этой неоспоримой истины, болѣе полугода пролежалъ въ горячкѣ, послѣ одной пріятельской ириушки, а въ 19 лѣтъ влюбился въ гувернантку своихъ сестеръ, и началъ обдумывать въ головѣ своей планъ оболъщенія. Имѣя возможность видѣть предметъ своей страсти по нѣскольку разъ въ день, онъ сталъ преслѣдовать бѣдную дѣвушку со всею жаромъ и искусствомъ опытнаго оболъстителя. Онъ неистовствовалъ по-прямѣру героевъ Сю и Сульэ, писалъ страстно-безсмысленныя посланія, и восклицалъ съ торжественно-адскою улыбкою: «Она должна быть моею!» По счастью, гувернантка была дѣвушка умная, и незараженная повѣйшею философіею, которая считаетъ предразсудкомъ честь жещины и таинство брака. Она поняла опасность своего положенія и повела свои дѣла такъ искусно, что плѣнила стараго начальника отдѣленія, иногда бывшаго у отца нашего льва, по дѣламъ службы. Женское кокетство ея въ этомъ случаѣ было не только простиительно, но даже похвально. Она отвратила этимъ большія несчастія, и очарованный старикъ предложилъ ей свою руку, шесть тысячъ безгрѣшнаго дохода и Анну съ короной. Гувернантка вышла за-мужъ. Левъ пришелъ въ отчаяніе, и въ пылу неистовой страсти, явился однажды къ своему отцу съ растрепанными волосами, и объявилъ, что онъ убьетъ и гувернантку, и начальника отдѣленія, если отецъ его не расторгнетъ этого ненавистнаго брака. Отецъ отвѣчалъ, что сынъ его сумасшедшій человекъ, и что его надобно всякое утро обливать холодной водою; сынъ пробормоталъ сквозь зубы что-то о тиранствѣ отцовъ, которые не дорожатъ счастьемъ дѣтей своихъ, — и отецъ, опасаясь, чтобы сынъ его, напитанный духомъ французскихъ романовъ, въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлалъ какой-нибудь глупости, отправилъ его на три года за границу. Путешественникъ воротился съ болѣе европейскими идеями, съ презрѣніемъ ко всему человѣчеству, и съ высокою мыслию — жить только для себя и считать себя выше всего на свѣтѣ. Въ первые мѣсяцы по возвращеніи, онъ было вздумалъ продолжать съ начальницей отдѣленія интригу, начатую имъ когда-то съ гувернанткою; онъ былъ даже увѣренъ въ легкой побѣдѣ: знакомству его были очень рады; но совершенно-другая сфера общества, другія привычки и обычаи, особенный

кругъ знакомства, и, всего болѣе, успѣхи въ свѣтъ, отвлекли молодого льва отъ его прежней страсти, и, боясь насмѣшекъ своихъ собратій-животныхъ, онъ почти совсѣмъ прервалъ сношенія съ своимъ начальникомъ по службѣ, когда судьба неожиданно сдѣлала его сосѣдомъ той, которая, по какой-то странной прихоти, обратила на себя львиное вниманіе. Иначе, какъ *прихотью*, и нельзя было назвать чувства, побудившаго человѣка свѣтскаго, въ полномъ смыслѣ этого слова, отыскивать предметъ своей страсти во второмъ ярусѣ. Но при всей своей *львиности* — если такъ можно перевести слово *lionnerie*, — не смотря на трехлѣтнее пребываніе за-границей, нашъ герой не совсѣмъ еще износилъ свое сердце, не вполне влюбился въ свою апатическую безжизненность, не сроднился съ нею душой, какъ съ неизмѣннымъ, нормальнымъ закономъ жизни. Въ сердцѣ его было предчувствіе чего-то лучшаго, стремленіе выдти изъ этого мертвящаго, холоднаго бездѣйствія ума и чувства. Чтобы ни говорили юмористы и сатирики нынѣшняго вѣка, но разочарованіе и апатія свойственны у насъ не всѣму большому свѣту. Большую частію даже это состояніе духа неврожденное въ нашихъ львахъ, но привитое модою, обычаемъ, привычкою. Отъ него даже нетрудно освободиться, стоитъ только *захотѣть* этого. Но воли-то именно и нѣтъ у свѣта. Однообразною дорогою, битою колесою идетъ жизнь его, и на этомъ ровномъ до пошлости пути, должно идти со всѣми и за всѣми, не тише, но тѣмъ болѣе не скорѣе, потому-что отсталыхъ и выскочекъ свѣтъ уже не считаетъ *своими*. Обыкновеннымъ умамъ, которые вездѣ и всюду составляютъ массу, то-есть, большинство, даже и не за-чѣмъ имѣть свою волю. Къ-чему она имъ, эта воля, побуждающая часто человѣка на великіе подвиги, но еще чаще дѣлающая изъ него простаго нарушителя общественныхъ законовъ, заставляющая остальныхъ собратій смотрѣть на него, какъ на вреднаго человѣка, или, крайней-мѣрѣ, какъ на пустаго, нарушающаго, Богъ знаетъ для чего, утвержденные вѣками обычай. И безъ этой воли люди такъ спокойны и довольны! Для чего имъ искать лучшаго, изобрѣтать не бывалое, перешибать, по русской пословицѣ, обухъ плетью. Не ими начался свѣтъ, да не ими и кончится, какъ говоритъ другая, также многозначительная пословица, — стало-быть о чѣмъ имъ заботиться? Все уже обдуманно, приложено, установлено безъ нихъ и не ими; худо-ли, хорошо-ли, но приложено. Чтобы пердѣлывать общество, надобно на это имѣть большое физическое

и духовное право. За мнѣніемъ вѣка не идутъ одни гении, да сумасшедшіе....

Ланицкій, при всемъ своемъ желаніи слѣдовать законамъ того круга, къ которому онъ принадлежалъ, не могъ однако-же принять его постановленій, допускающихъ любовь вообще въ весьма-малыхъ приемахъ, *потоліку*, *поколіку* она содержится въ границахъ общества и не нарушаетъ его ежедневныхъ привычекъ. Между своими дамами онъ нашелъ только *женъ* — вѣрныхъ, потому только, что сильная страсть составила-бы аномалію въ ихъ машинной, математической жизни, или готовыхъ измѣнить своимъ мужьямъ, но измѣнить безъ страсти, безъ увлеченія, безъ горячки чувствъ; полюбить его точно тою-же ровною, размѣренною, рыбьею любовью, какою онъ такъ утомительно-пошло любилъ мужей своихъ. Между *двусушками* своего круга онъ нашелъ только *невѣсты*, которыя, видя въ каждомъ холостомъ челоуѣкѣ заклятаго врага, кажется, для того только и выходятъ за него за-мужъ, чтобы наказать его за то, что онъ раньше не женился. Въ три года, прошедшіе съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ вернулся изъ-за-границы, онъ пробовалъ нѣсколько разъ влюбиться въ одну знаменитую графиню, которою въ то время бредилъ весь большой свѣтъ, но она по нѣскольку разъ отталкивала его отъ себя своею холодностію и ребяческимъ предпочтеніемъ ему самыхъ мелкихъ интересовъ жизни. Успѣла его также въ это время обмануть одна эксцентрическая львица, но обманъ былъ сдѣланъ такъ нагло и пеперемонно, что Ланицкаго не огорчило, а скорѣе разсмѣшило открытіе обмана. Онъ имѣлъ на него и еще то вліяніе, что обманутый получилъ на время какое-то отвращеніе отъ свѣта, что, соединившись съ тяжелою пустотою сердца, томившею его не на-шутку, — и заставило рыцаря петербургскихъ салоновъ заняться обитательницею втораго яруса. Конечно, *истымъ* львамъ подобное забвеніе всѣхъ приличій и условій покажется слишкомъ-невѣроятнымъ, но, собираясь представить разсказъ о походе нашего героя, мы въ этомъ случаѣ беремъ на себя обязанности историка, и отвѣчаемъ только за вѣрность происшествій, а не за правдоподобіе ихъ. Французы давно сказали, что *le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable*.

II.

Едва раздалась первые звуки оркестра, какъ левъ съ самою фешенебельною аллюрою сказалъ своему начальнику отдѣленія:

— Вы мнѣ позволите, почтеннѣйшій Никаноръ Никитичъ, остаться у васъ въ ложѣ. Я-бы хотѣлъ хорошенько посмотрѣть балетъ и вполне насладиться танцами Тальйони, а мой сосѣдъ по кресламъ, Мишель Л., рѣшительно не даетъ мнѣ покоя своею болтовнею.

Начальникъ отдѣленія даже покраснѣлъ при мысли о такой чести, и не найдя словъ для выраженія своего удовольствія, бормоталъ только: «Помилуйте... очень-пріятно». Удивленіе его возрасло до баснословной степени, когда левъ, послѣ минутнаго молчанія, сказаль ему тѣмъ-же развязнымъ тономъ:

— Я не хочу однако-же стѣснять васъ; въ ложѣ вамъ будетъ не такъ хорошо видно. Не хотите-ли вы сѣсть на мои кресла. Въ первомъ ряду, № 21-й. Вы незнакомы съ моимъ сосѣдомъ, и потому онъ для васъ неопасенъ, прибавилъ онъ съ самой граціозной улыбкой.

Кланаясь чуть не до-земли, съ лицомъ, сияющимъ отъ удовольствія, начальникъ отдѣленія вышелъ изъ ложи. Всѣ, сидѣвшіе на крайнихъ креслахъ, мимо которыхъ проходилъ онъ въ первый рядъ, подумали, что этотъ человекъ получилъ какой-нибудь новый орденъ, или взялъ поставку отъ казны въ нѣсколько сотъ тысячъ. Левъ, между-тѣмъ, помѣстился сзади Натальи Васильевны, подлѣ ложи, гдѣ сидѣла дѣвушка, интересовавшая его въ эту минуту больше всѣхъ бель-этажныхъ знаменитостей. На первомъ планѣ, возлѣ начальницы отдѣленія, сидѣла еще ея компаньонка, до того желтая и худая, что ее можно было принять за мумію, убѣжавшую изъ какихъ-нибудь эфептинскихъ пещеръ, или изъ-подъ развалинъ Хеопсовой-пирамиды, посмотрѣть на европейскіхъ танцорокъ, которыя никогда не сравниются съ алмеями допотопныхъ Фараоновъ. За муміею помѣщался какой-то длинный и смуглый гимназистъ, смотрѣвшій на балетъ съ любопытствомъ сфинкса. Больше никого не было въ ложѣ.

Въ продолженіе первыхъ десяти минутъ, левъ не говорилъ ни слова. Онъ молча и со вниманіемъ разсматривалъ дѣвушку въ длинныхъ локонахъ. Наталья Васильевна, сидя впереди, не могла видѣть, на кого устремлено вниманіе ея гостя; къ тому-же она была занята балетомъ, и какою-то мыслью, заставлявшею блистать огнемъ самолюбія ея довольно-голубоватые глазки. Всѣ остальные особы, сидѣвшія въ одной ложѣ съ дѣвушкою, смотрѣли на сцену, глазами людей, два раза въ годъ бывающихъ въ театрѣ, — по этому левъ могъ свободно предаться созерцанію

милаго существа, которое вблизи и въ профиль показалось ему еще лучше.

И она была точно мила, эта дѣвушка, въ сравненіи со всѣмъ, что окружало ее, и носило паравиѣ съ нею, названіе прекраснаго пола. Ей никакъ нельзя было дать болѣе 17-ти лѣтъ, хотя довольно-полный бюстъ могъ-бы съ перваго взгляда обмануть неопытнаго наблюдателя. Въ самомъ этомъ развитіи, неполучившемъ еще полного округленія, въ худобѣ верхней части плечъ, во впадинахъ подъ ключицею, въ самой кожѣ, мѣстами не плотно облегающей верхнюю часть груди и спины, видно было, что дѣвушка еще не вступила въ періодъ женственности, что въ ней еще много было дѣтскаго, наивнаго, пансіонскаго. Это еще болѣе доказывали ея позы и повороты, не всегда граціозные и округленные. Но въ этомъ самомъ незнаніи или пренебреженіи самыхъ простыхъ уловокъ женскаго искусства, было какое-то особенное невыразимое очарованіе. Поминутно отводя въ сторону густые каштановые локоны, набѣгавшіе на ея быстрые голубенькіе глазки, она дѣлала это такъ естественно, съ такимъ нетерпѣніемъ, ясно выражавшимся во всѣхъ чертахъ лица, что Ланицкій невольно повѣрилъ словамъ Вельскаго, утверждавшаго, что натура въ женщинѣ всегда кокетливѣе кокетства. Левъ засмотрѣлся на ея тонкую шейку, на нѣсколько овальный подбородокъ, узенькій влажный ротикъ, полную нижнюю губку, которую изъ дѣтской рѣзвости поминутно закусывали верхніе зубы, ровные и бѣлые, на маленькій прямой носъ, составляющій въ Петербургѣ большую рѣдкость, на дѣтскія руки, съ небольшимъ розовымъ оттѣнкомъ на сгибахъ пальцевъ, длинныхъ, но нѣсколько худыхъ, однимъ-словомъ, на все это созданіе, неправильное во многихъ частяхъ, но очаровательное въ цѣломъ. Онъ забылъ и балетъ, и публику, и театръ, и все на свѣтѣ; передъ нимъ былъ только одинъ образъ, и когда, утомленный напряженнымъ вниманіемъ, онъ на минуту закрывалъ глаза, не смѣя ихъ отвести отъ нея, какъ будто боясь, чтобы она не исчезла, тотъ-же чудный образъ рисовался и передъ закрытыми глазами Ланицкаго, сіяя на темномъ фонѣ какимъ-то фосфорическимъ свѣтомъ.

Погруженный въ это созерцаніе, Левъ не замѣтилъ, какъ Наталья Васильевна, сдѣлавши полуоборотъ, бросила на него одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которыми женщины вдругъ обнимаютъ мужчинъ отъ прически до сапоговъ, отъ выраженія лица до цвѣта брюкъ включительно. Замѣтя, что Ланицкій смотритъ не на нее и не на сцену, начальница отдѣленія съ удивленіемъ обрати-

лась въ ту сторону, куда стремились взоры льва съ такимъ экстагическимъ выраженіемъ, возможности котораго она никогда и не подозрѣвала въ цѣлой породѣ львовъ. Герой нашъ подстерегъ однако-же вторичный поворотъ, услышалъ едва замѣтный шелестъ платья, и когда Наталья Васильевна взглянула на него съ другой стороны, онъ смотрѣлъ уже въ раскъ, съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ.

— На что это вы заглядѣлись, Павелъ Александровичъ, спросила она, повидимому, очень-равнодушно.

— Разсматриваю фязіономіи этихъ лицъ, которыя за гривенникъ наслаждаются балетомъ, вѣроятно, больше насъ, отвѣчалъ левъ также очень-спокойно.

— Не для этого-ли вы и остались у насъ въ ложѣ? проговорила начальница отдѣленія тономъ, въ которомъ уже начинала проглядывать пронія.

— Отчасти! отвѣчалъ левъ еще суше.

— Неужели при вашей близорукости вы отсюда видите лица въ райкѣ? продолжала она уже съ саркастическою улыбкою.

— Зачѣмъ видѣть все? многое можно и угадывать, отвѣчалъ онъ съ легкою краскою досады.

Наталья Васильевна посмотрѣла на него еще пристальнѣе и хотѣла что-то сказать, но громъ оглушительныхъ рукоплесканій остановилъ ее, и въ то же время старуха въ горшкообразномъ чепцѣ нагнулась къ ней изъ сосѣдней ложи.

— Матушка Наталья Васильевна, одолжите сдѣлайте милость на минуточку вашей трубочки взглянуть на эту чудесницу? сказала старуха.

Наталья Васильевна молча передала ей трубку и облокотилась на барьеръ ложи. Оглушительный трескъ все еще раздавался въ залѣ. Въ ложахъ всѣ сидѣвшіе позади выпялились впередъ до невозможности. Гальйони и Шлефохтъ танцевали знаменитый *алемандъ*. Во все продолженіе и повтореніе его Левъ смотрѣлъ на дѣвушку, глазки которой сіяли удовольствіемъ. По окончаніи танца, онъ разсѣянно спросилъ у Натальи Васильевны.

— Кто эта дама, которая просила у васъ трубки?

— Жена одного нашего столоначальника, Пузырина.

— Это, вѣроятно, ея семейство?

— Подлѣ нея сидятъ ея дочь и сынъ, мужъ сзади, съ Анной на шеѣ; двое другихъ, его помощники, тоже наши чиновники. Левъ замолчалъ, хотя замѣтно было, что онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но не рѣшался. Надобно было однако продолжать раз-

говоръ, и потому, думая совѣтъ о другомъ, левъ сдѣлалъ довольно-странный вопросъ.

— Вы съ ними знакомы?

Начальница отдѣленія посмотрѣла на него пристально, какъ-будто желая угадать, отъ чего происходитъ его разсѣянность.

— Вы, вѣрно, не о томъ хотѣли спросить, Павелъ Александровичъ? сказала она, наблюдая за малѣйшимъ измѣненіемъ его физономіи.

Левъ покраснѣлъ во второй разъ и, понявши неумѣстность своего вопроса, сказалъ довольно-быстро.

— Я хотѣлъ этимъ сказать: что они за люди?

— Неужели васъ, модное созвѣздіе первой величины, могутъ интересовать лица, принадлежащія къ среднему сословію? Не собираетесь-ли вы писать повѣсти, какъ одинъ изъ вашихъ собратьевъ, рассказывающій намъ такія удивительныя вещи про *большой свѣтъ*?

— Эти удивительныя вещи можно встрѣтить только въ повѣстяхъ, а не на самомъ дѣлѣ. Скажу вамъ откровенно, мнѣ до того надоѣли пустота и бездѣйствіе этого свѣта, что я хочу, для разнообразія, познакомиться съ среднимъ сословіемъ, какъ вы его называете. Я даже попрошу васъ быть моею руководительницею въ этомъ случаѣ и ввести меня въ кругъ, о которомъ не имѣю никакого понятія.

Наталья Васильевна посмотрѣла на льва еще пристальнѣе.

— Я рѣшительно не понимаю, что съ вами сдѣлалось, сказала она.

— Тутъ рѣшительно нечего и понимать, произнесъ левъ съ легкимъ оттѣнкомъ досады; я даже не вижу ничего страннаго въ моемъ желаніи. Такія-ли идеи приходятъ иногда въ голову отъ скуки, праздности и бездѣйствія. Прихоть моя очень-обыкновенна; я увѣренъ, что просьбу мою съ удовольствіемъ исполнитъ всякій, но, по *старой дружбѣ*, не хотѣлъ ни къ кому обратиться, кромѣ васъ.

При словѣ *старая дружба*, начальница отдѣленія сильно смутилась и отвѣчала, не глядя уже на Лапицкаго:

— Вы знаете, что мнѣ всегда будетъ очень-пріятно оказать вамъ какую-бы то ни было услугу. Я такъ много обязана вашему дому... вашему батюшкѣ....

Левъ съ досадою началъ выбивать трубкою по барьеру ложи какой-то фантастическій маршъ. Наталья Васильевна продолжала:

— Желаніе ваше можетъ исполниться даже очень-скоро. Послѣ театра къ намъ будетъ кое-кто изъ нашихъ знакомыхъ выпить чаю. Если вамъ будетъ угодно заѣхать къ намъ.... Мы живемъ не далеко отсюда, на Фонтанкѣ.

Левъ поклонился съ видимымъ удовольствіемъ.

Остальная часть спектакля прошла безъ особыхъ приключеній. Чтобы отвлечь вниманіе Натальи Васильевны отъ его предложенія, левъ началъ съ нею разговоръ о балетѣ, объ обществѣ, о ея жизни, намекалъ отчасти на ихъ прежнія отношенія, однимъ-словомъ, былъ чрезвычайно-любезенъ. По временамъ онъ поглядывалъ на дѣвушку съ длинными локонами, прислушивался къ разговору сосѣдней ложи, но сосѣди, вѣроятно, боясь не разслушать балета, не говорили между-собою почти ничего, изрѣдка перебрасываясь односложными восклицаніями. Въ-самомъ-концѣ спектакля левъ собрался съ духомъ и сказалъ Натальѣ Васильевнѣ довольно-спокойно:

— А что, сосѣди ваши тоже будутъ у васъ сегодня?

«Вамъ угодно ихъ видѣть?» спросила она отрывисто.

— Нѣтъ... то-есть... отчего-же, пожалуй, говорилъ левъ весьма несвязно: мнѣ бы интересно было узнать мнѣніе о Талійони этого господина съ Анной и другаго съ длиннымъ носомъ.

Наталья Васильевна, не отвѣчая ни слова, обратилась съ приглашеніемъ къ старухѣ, которая, послѣ нѣсколькихъ отиѣкиваній, дала свое согласіе. Левъ не могъ скрыть своего удовольствія.

По окончаніи спектакля онъ простился съ начальницей отдѣленія, обѣщая пріѣхать тотчасъ-же за нею.

— Отъ нашей *старой дружбы* я была-бы въ-правѣ требовать хоть откровенности! сказала она тономъ упрека, садясь въ карету.

Левъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ въ это время смотрѣлъ, какъ дѣвушка въ длинныхъ локонахъ усаживалась на извозникъ, съ матерью, которая страшно торговалась прежде, чѣмъ сѣсть въ сани.

Онъ-бы самъ, можетъ-быть, долго простоялъ на подѣздѣ, все чего-то ожидая, если-бы голосъ Вельскаго не вывелъ его изъ задумчивости.

— Помилуй, Ланичкій, что ты тутъ мерзнешь, говорилъ онъ, садясь въ сани: не только второй, но даже весь четвертый ярусъ давно ужъ разѣхался.

Левъ, не отвѣчая ни слова, велѣлъ подать свои сани и закрычалъ кучеру: на Фонтанку!

— Не топиться ли, кричалъ ему въ-слѣдъ Вельскій: побъжай на Неву, тамъ вода чище и прорубей больше. Въ Фонтанкѣ топятся только чиновники втораго яруса!

Но левъ не слыхалъ словъ Вельскаго. Въ эту минуту онъ не услыхалъ-бы, можетъ-быть, звука послѣдней трубы.

III.

Когда левъ вошелъ въ гостиную Невзорина, (такъ звали начальника отдѣленія) она уже была полна гостями. Въ этой массѣ чиновническихъ лицъ, разрушающихся и разрушенныхъ физиономій, Ланицкій увидѣлъ только одинъ образъ, прекрасный и земной, какъ ангелы Джулио-Романи. Все общество, при входѣ блестящаго льва, встало съ какимъ-то невольнымъ почтеніемъ. Чиновники смотрѣли съ удивленіемъ на покрой его фрака-сюртука, женщины осматривали его съ Еввинымъ любопытствомъ. Даже старики, игравшіе въ преферансъ, пріостановились на минуту, чтобы поглядѣть на страннаго гостя. Всѣмъ было чрезвычайно-лестно его посѣщеніе. Довольнѣе всѣхъ былъ самъ хозяинъ. Онъ усадилъ льва на самое почетное мѣсто въ гостиной и началъ разсыпаться въ увѣреніяхъ признательности, поминутно твердя, что онъ въ восторгѣ отъ такой чести и не знаетъ, чѣмъ занять дорогаго гостя. Левъ съ невозмущаемымъ хладнокровіемъ слушалъ всѣ эти выходки дурнаго тона и былъ даже этимъ доволенъ, потому-что, не слушая и не понимая ни одного слова изъ всего, что ему говорилъ хозяинъ, онъ въ то же время разглядывалъ это странное общество и, разумѣется, чаще всего останавливалъ взоры свои на томъ лицѣ, которое поглядывало по временамъ украдкою на льва, съ дѣтскимъ любопытствомъ. Хозяинъ между-тѣмъ говорилъ:

— Ужъ какъ я вамъ благодаренъ за ваше кресло въ театрѣ, Павелъ Александровичъ. Вашъ сосѣдъ, Л—овъ, что-ли, какъ вы его называли, просто, удивительный человѣкъ. Вообразите, знаетъ всю подноготную про всякую танцорку, и ужъ сколько любопытныхъ вещей онъ тутъ мнѣ рассказывалъ! Признаюсь вамъ, мнѣ даже было немножко конфузно, когда во второмъ дѣйствиіи вышла въ первую кулису танцорка, такая хорошенькая, глаза черные, большіе, брови густыя, собой такая полная, и начала моему сосѣду глазки дѣлать, да разные знаки показывать. А онъ ей такъ

же, разговариваютъ себѣ черезъ всю сцену, въ то время, когда на ней играютъ и танцуютъ! Удивительная способность! Я замѣтилъ, что и другія актрисы тоже кивали со сцены, кто гусару, кто штатскому. Это, вѣдь, правду сказать, довольно-заманчиво....

— Скажите пожалуйста, кто эта дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, съ длинными локонами, стоитъ подлѣ дамы въ чепцѣ? спросилъ левъ, будто мимоходомъ.

— Это-съ? Лизавета Петровна Пузырина, дочь моего столоначальника. Недавно вышла изъ пансіона. Очень-образованная дѣвушка. Отецъ ея хорошій служака... Онъ играетъ въ вистъ... съ Анной на шеѣ... Представленъ даже къ коронѣ. Надо отдать справедливость: дѣла по столу у него всегда въ большемъ порядкѣ. Старшій помощникъ его, вонъ тотъ чиновникъ со Станиславомъ, Акакій Павловичъ Сопенинъ, тоже очень-хорошій человекъ, съ состояніемъ, есть душъ шестьдесятъ въ Смоленской губерніи, по пятаку въ преферансъ играетъ, только характеру немножко молчаливаго, серьезнаго, шепеляетъ, знаете, немножко, можетъ-быть и отъ этого.

— А этотъ бѣлокурый молодой человекъ, который теперь разговариваетъ съ Лизаветой Петровной; — вѣдь вы, кажется, такъ ее называли?

«Точно такъ-съ. Это старшій помощникъ столоначальника, Петръ Петровичъ Щепенко, Малороссъ, по службѣ знаете этакъ неглижируетъ, настольные реестры ведетъ неаккуратно, ну да мы посмотримъ на это сквозь пальцы. Бонъ-виванъ такой, что чудо. Весельчакъ единственный, вотъ ужъ можно сказать, что съ нимъ никогда не соскучишься. Мертваго раземѣшить. Праздника или вечера какого-нибудь безъ него ужъ и не затѣвай, все не то будетъ. Всѣ наши чиновницы отъ него безъ ума. Я вамъ говорю, просто, настоящій левъ!

Последнія слова хозяинъ произнесъ такъ восторженно, съ такимъ полнымъ убѣжденіемъ, что Ланицкій навелъ свой лорнетъ на этого департаментскаго льва.

На немъ былъ коричневый фракъ съ золотыми пуговицами, черный бархатный жилетъ съ желтыми полосами, шарфъ также черный съ желтыми клѣтками, зашпиленный двойною булавкою съ мелкими брилліантами и гранатомъ. Лицо его было чрезвычайно-обыкновенное, носящее отпечатокъ татарскаго типа, такъ часто встрѣчающагося въ русскомъ человекѣ, толстое, широкое, съ нѣсколько выдающимися скулами и большими ушами, кото-

рыя сплелись принять перпендикулярное положеніе къ щекамъ; впрочемъ цвѣтъ лица былъ довольно-свѣжъ и здоровъ. Волосы чиновника были совершенно-бѣлые, льняные, съ порядочными пробѣлами на маковкѣ, кокетливо закрученные на вискахъ, завитые и напомаженные до того, что тонкое обоняніе льва и на такомъ огромномъ разстояніи ощущало запахъ резеды. На рукахъ помощника столоначальника были желтыя, въ два съ половиной перчатки, уже порядочно запачканныя на сгибахъ пальцевъ. Департаментскій левъ съ жаромъ размахивалъ руками и говорилъ должно быть что-нибудь интересное, потому-что Лизавета Петровна, слушая его, часто закрывала ротъ платкомъ.

Въ то время, какъ онъ дѣлалъ эти наблюденія, въ гостиную вошла хозяйка, окончившая уже всѣ домашнія распоряженія. Она сказала нѣсколько словъ на ухо мужу, который тотчасъ же исчезъ въ другую комнату, и сѣла подлѣ Ланицкаго.

— Въ нашемъ кругу, Павелъ Александровичъ, иначе не знакомятся съ молодыми дѣвушками, какъ въ танцахъ, и потому я сказала мужу, чтобы онъ попросилъ кавалеровъ танцевать, и послалъ за однимъ чиновникомъ, который у насъ играетъ на фортепіано на всѣхъ вечерахъ.

Льву было нѣсколько досадно, что хозяйка угадала его тайную мысль, но въ тоже время онъ не могъ не поблагодарить ее за то, что она давала ему случай ближе узнать Лизавету Петровну.

— Благодарю васъ за то, что вы такъ заботитесь объ исполненіи моей пустой прихоти, сказалъ онъ.

— Вы должны будете танцевать кадрили подъ разстроенное фортепіано, въ маленькой комнаткѣ, не на паркетѣ, окруженные лицами, на которыхъ въ другое время вы-бы и не взглянули. Что-же дѣлать? Это будетъ, конечно, вамъ тяжело, обидно для самолюбія, — но для вашей *пустой прихоти* необходимо рѣшиться и на это.

Левъ самъ очень-хорошо понималъ, что поступокъ, на который онъ рѣшился, будетъ стоить очень-большихъ жертвовацій, поставить его въ смѣшное положеніе, но, не хотѣвъ признаться въ этомъ, отвѣчалъ:

— Вы приписываете слишкомъ-много важности и моему желанію, и тѣмъ послѣдствіямъ, которыя могутъ отъ него произойти. Къ чему вы хотите видѣть влеченіе сердца тамъ, гдѣ только одинъ капризъ воображенія?

— Воображеніе часто увлекаетъ гораздо-далѣе, чѣмъ искреннее чувство, отвѣчала хозяйка съ упрекомъ.

Видя, что разговоръ принимаетъ направленіе спора *о чувствахъ*, самаго приторнаго и пошлаго изъ всѣхъ разговоровъ, левъ обратился къ другому предмету и спросилъ у Натальи Васильевны.

— Скажите, пожалуста, кто эта дама, которая изъ того угла такъ пристально меня разсматриваетъ?

— Даму эту называютъ въ нашемъ кругу *графиней Д.*, хотя она не больше и не меньше, какъ жена начальника отдѣленія Бобкова, этого вертляваго чиновника съ калмыцкимъ лицомъ и рѣзкими жестами, который такъ громко разговариваетъ съ моимъ мужемъ, что его слышно во всѣхъ углахъ этой комнаты.

— Что-же за причина такого страннаго прозванія? Неужели эта чиновница похожа на графиню Д.

По-крайней-мѣрѣ старается походить на нее, до того, что это дѣлается смѣшнымъ. Въ среднемъ обществѣ вообще господствуетъ страсть подражанія большому свѣту. Вы, господа львы, и не подозреваете, что всѣ ваши походы точно также извѣстны Коломнѣ, какъ и аристократическимъ частямъ города, и что почти каждый шагъ и каждое слово знаменитой львицы строго обсуживается и комментируется въ *Офицерской-улицѣ* и на *Пескахъ*. Не могу объяснить вамъ, какимъ образомъ все, что дѣлается въ большомъ свѣтѣ, съ быстротою молніи узнается на противоположномъ концѣ города. Это такой-же любопытный фактъ, какъ и вообще распространеніе по Европѣ какой-нибудь новости, опережающей всѣхъ курьеровъ и всѣ газеты. Въ нашей однообразной, чиновнической жизни, всякой слухъ, всякая новость, сколько-нибудь выходящая изъ разряда ежедневныхъ происшествій, принимаются съ жадностію, и дѣлаются предметомъ неистощимыхъ разговоровъ, прекращающихся только съ появленіемъ другаго извѣстія. Насъ занимаетъ часто гораздо-болѣе, чѣмъ васъ самихъ, то, что вы дѣлаете. Графиня Д. гремитъ теперь въ вашемъ кругу, какъ представительница женщинъ большого свѣта, какъ настоящая львица, и я увѣрена, что она свела съ ума гораздо менѣе львовъ, чѣмъ бѣдныхъ чиновниковъ, о существованіи которыхъ она даже и не подозреваетъ.

— Мнѣ любопытно-бы узнать однако, какимъ образомъ эта чиновница разыгрываетъ роль графини Д.?

— Вы непременно узнаете это на дѣлѣ. Появленіе льва въ нашемъ скромномъ кругу такъ рѣдко, что она употребитъ всѣ усилія, чтобы сблизиться съ вами. Разыгрываетъ-же роль свою

она очень-просто. Ей извѣстно почти все, что дѣлаетъ и говоритъ графиня Д. Она одѣвается также, какъ ея знаменитый подианникъ, то-есть, по-крайней-мѣрѣ, покрой и цвѣтъ ея платьевъ точно такой, какъ у графини. Сегодня на ней, какъ вы видите, надѣто голубое платье, а на головѣ феска изъ темно-малиноваго бархата, съ золотыми кистями. Если вы обратили ваше вниманіе на графиню Д. въ театрѣ, то могли видѣть, что она была точно также одѣта. Вся разница только въ цвѣтѣ и въ рисунокѣ матеріи.

— Въ-самомъ-дѣлѣ!... но мнѣ кажется, что это значить уже слишкомъ-далеко простираться подражаніе.

— Если-бы она ограничивалась однимъ костюмомъ, то это было-бы еще не такъ смѣшно; но, наслышавшись о томъ, что ваша львица ведетъ себя нѣсколько эксцентрически, наша департаментская графиня Z. ведетъ себя иногда довольно-странно, чтобы не сказать болѣе. Думая вполне походить на оригиналь, она собрала вокругъ себя довольно-большой кругъ обожателей изъ мелкихъ чиновниковъ, и кокетничаетъ съ ними на-пропалую, толкуя о равенствѣ правъ женщинъ, и употребляя иногда такіа выраженія, которыя заставляли-бы смѣяться, если-бы не были слишкомъ-рѣзки. Она впрочемъ гораздо-лучше на-самомъ-дѣлѣ, нежели какую себя показываетъ, и безъ этой странности была-бы очень-милою женщиною.

— Все, что вы рассказали мнѣ о ней, возбуждаетъ во мнѣ желаніе покороче узнать это любопытное явленіе. Судя по прелюдіямъ, которыя этотъ красноносый господинъ такъ неистово разыгрываетъ на фортепіано, танцы сей-часъ начнутся. Я пойду ангажировать графиню Д. Говорить она по-французски?

— Разумѣется?

— А по-русски какъ зовутъ ее?

— Настасья Всеволодовна.

И прежде, чѣмъ хозяйка успѣла сказать ему еще слово, левъ, рассчитавши, что танцовать прямо съ Лизаветой Петровной, значило-бы дать замѣтить, что онъ предпочитаетъ ее всему обществу, — твердыми шагами подошелъ къ Бобковой и попросилъ ее на кадрили.

Настасью Всеволодовну поразила эта неожиданная атака льва. Она смутилась, покраснѣла отъ радости еще больше, чѣмъ отъ удивленія, и отвѣчала однимъ наклоненіемъ головы самой блестящей фразѣ. Когда раздался звукъ первой фигуры, она бы-

стро поднялась съ своего мѣста, и сказала подходящему къ ней чиновнику, скоро и повелительно:

— Alexandre! я танцую съ вами не этотъ кадрили, а слѣдующій.

Чиновникъ, съ низкими поклонами, размахивая руками, началъ что-то объяснять о ея прежнемъ согласіи, о томъ, что онъ первый ангажировалъ ее. Департаментская графиня прервала его рекриминаціи энергическимъ жестомъ и фразою:

— Laissez moi tranquille, vous m'embêtez!

Фразы этой чиновникъ очевидно не понялъ, и она явно была сказана только для того, чтобы показать льву, какую власть графиня Д. имѣетъ надъ своими поклонниками. Другой жестъ, еще выразительнѣе перваго, заставилъ чиновника ретироваться съ видимымъ замѣшательствомъ. Кадрили начался.

Приготовившись рѣшительно побѣдить второй экземпляръ графини Д., левъ, до начатія военныхъ дѣйствій, осмотрѣлъ своего противника со всею подробностію: Бобкова была недурна собой, большіе голубоватые глаза не были лишены ума, или, лучше сказать, лукавства; но вообще въ цѣломъ лицѣ ея было замѣтно отсутствіе всякой жизни, всякаго выраженія; фізіономія ея была одна изъ тѣхъ, которыя Французы называютъ *hebetée* и которыя на нашемъ грубомъ и неблаговоспитанномъ языкѣ носятъ названіе *телячьихъ*. Конечно, подобное свойство лица не весьма согласовалось съ притязаніями Бобковой на титулъ львицы, но между-тѣмъ нельзя сказать, чтобы въ ней не было чего-то, могущаго правиться, оригинальнаго, заманчиваго, однимъ-словомъ, того, что въ Парижѣ называется *du piquant*.

Ланицкій не успѣлъ придумать, чѣмъ-бы начать кадрилиный разговоръ съ своею дамою; она сама, послѣ первой фигуры, обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Скажите, Mr. Ланицкій, ваше появленіе въ домѣ Натальи Васильевны, вѣроятно, было слѣдствіемъ какого-нибудь парі?

— Отъ-чего-же вы это думаете?

— Чему-же другому можно приписать пребываніе самаго арццо-кратическаго льва въ гостиниѣ общества чиновниковъ? Если-бы вы писали повѣсти, то можно-бы еще было подумать, что вы изучаете нравы нашего круга, а такъ-какъ вы, сколько мнѣ извѣстно, вовсе не занимаетесь литературою, то я не могу иначе объяснить вашъ сегодняшній визитъ, какъ слѣдствіемъ какого-нибудь заклада?

— Дамы любятъ вообще въ каждомъ поступкѣ находить при-

чину тайную и дальнюю, а не ту, которая прежде всѣхъ и прежде всего имъ представляется.

— Какая-же это самая простая причина?

— Желаніе узнать въ среднемъ кругу лица, которыя были-бы украшеніемъ большаго свѣта.

Нельзя сказать, чтобы этотъ комплиментъ былъ очень-удаченъ, но левъ разсчиталъ прекрасно. Самолюбіе начальницы отдѣленія было тронута. Комплиментъ этотъ былъ сказаѣъ такимъ тономъ и съ такимъ взглядомъ, что не могъ относиться ни къ кому, кромѣ нея. Одна мысль, что ее знаютъ въ большомъ свѣтѣ, заставила ее вспыхнуть отъ удовольствія, и она подарила льва такою улыбкой, отъ которой растаялъ-бы весь чиновническій кругъ, по которую левъ принялъ довольно-равнодушно. Онъ въ это время смотрѣлъ на Лизавету Петровну, танцовавшую вторую фигури въ парѣ, стоявшей перпендикулярно къ нимъ.

Дальнѣйшій разговоръ львицы средней руки со львомъ большаго свѣта шелъ о нѣкоторыхъ аристократическихъ лицахъ, о послѣднихъ балахъ при дворѣ, о томъ, что графиня Д. послѣдній четвергъ была не такъ здорова и танцевала всего два кадрили, и т. п. Левъ умѣлъ искусно навести его потомъ на лица, ихъ окружающія, на замѣчательные характеры въ ихъ кругу, и наконецъ, незамѣтно и будто мимоходомъ, спросилъ, кто была эта дѣвушка въ длинныхъ локонахъ, танцовавшая съ знаменитымъ департаменскимъ львомъ, Петромъ Петровичемъ Щепенко.

— Это Лизанька Пузырина. Въ нынѣшнемъ году выпущена изъ какого-то коломенскаго пансіона. Можете представить, какое воспитаніе получила она тамъ, когда за нее платили по 10-ти цѣлковыхъ, съ музыкаю, въ мѣсяцъ. Пустая дѣвчонка, довольно впрочемъ бойкая и лукавая, производящая въ нашемъ кругу нѣкотораго рода сенсацію. По-французски говоритъ съ грѣхомъ пополамъ, читаетъ одну «Библиотечку для Чтенія», безъ ума отъ Марлинскаго и Бенедиктова, танцуетъ не дурно, но ужъ съ этихъ лѣтъ пріучается кокетничать и дѣлать глазки этому Щепенкѣ, который формально объявляеъ ея *chicrone*.

Настасья Всеволодовна очевидно хотѣла сказать ея *chicribeemъ*, но, сбившись въ иностранныхъ прозваніяхъ, сдѣлала непростительный промахъ, который заставилъ невольно улыбнуться Ланицкаго, хотя въ то-же время ему было какъ-то неприятно слышать объ ухаживаніи помощника столоначальника за Лизаветою Петровной.

— Однимъ-словомъ, она настоящая коломенская барышня! при-

совокупила начальница отдѣленія къ не весьма-утѣшительному описанію героини нашего разсказа.

Слово *барышня* заставило льва не на-шутку задуматься. Это названіе, опошенное до-нельзя александрынскими водевилями, осмѣянное веѣми писателями доморощенныхъ повѣстей, сдѣлавшееся синонимомъ самой мелкой, пустой натуры, только по родовому различію принадлежащей къ женскому полу, натуры, почти безжизненной и безчувственной, доказывающей свою женственность опусканіемъ глазокъ и туго-накрахмаленными юбками, свою чувствительность — плачемъ надъ романами московскихъ фабрикъ, свою любовь — вышиваніемъ подтяжекъ милому сердца, свой образованный вкусъ — ребяческимъ пристрастіемъ къ шпорамъ и эполетамъ. И къ этой-то рыбьей, апатической натурѣ, принадлежащей столько-же породѣ червя и полипа, какъ и породѣ человѣка, почувствовалъ наклонность человѣкъ образованный, модный, бывший за границею, однимъ-словомъ, до того не похожій на другихъ своихъ собратьевъ, что общій голосъ людей произвелъ его даже во львы, пожаловалъ ему значительно высшее достоинство животного. И *барышня* эта сверхъ-того дѣлаетъ еще глазки какому-то гадкому чиновнику, съ манерами гостинодворцевъ и придворныхъ александрынской сцены. И ее зовутъ *Пузыриной!* И онъ, благородный левъ, съ его фешьонбельною натурою, долженъ будетъ тереться въ этомъ допотопномъ обществѣ, мараться объ эти сальныя существа, дѣлать, говорить и слушать пошлости для того, чтобы снискать расположеніе этихъ людей, которые даже не понимаютъ, какое неизбѣримое разстояніе раздѣляетъ ихъ вице-мундирныя, форменныя души отъ его фрачной, независимой, свѣтской натуры, незнакомой съ мязгами ихъ мутнаго существованія, въ которомъ коношатся они съ ихъ мелкими чувствами, идеями и потребностями. — При одной мысли объ этомъ, левъ невольно поблѣднѣлъ и готовъ былъ отказать отъ своего намѣренія... Но вдругъ началась шестая фигура; департаментскій левъ потребовалъ, чтобы сдѣлали *большой рондѣ*, и Ланиціей, машинально протягивая свою лѣвую-руку стоявшей близъ него дамѣ, вдругъ почувствовалъ какое-то странное ощущеніе. Какая-то сладкая дрожь пробѣжала по рукѣ его, какая-то пріятная теплота проникла сквозь его перчатку; въ рукѣ его лежала маленькая ручка Лизаветы Петровны въ черныхъ шелковыхъ митеняхъ. Онъ взглянулъ ей въ глаза, — въ нихъ было столько удовольствія, жара, одушевленія, жизни, — онъ окинулъ всю ее испытующимъ, долгимъ взглядомъ, — вся она бы-

да такъ мила, такъ роскошна, такъ обаятельна, все въ ней дышало такою чистотою, прелестью, граціей,— что Ланицкій позабылъ о томъ, что онъ левъ, что она сама—*барышня и Пузырина*.... все, все забылъ онъ, и едва кончился кадрили, бросился ангажировать Лизавету Петровну на слѣдующій, съ быстротою чиновника, торопящагося поднять платокъ своему начальнику. И онъ, обнимавшій спокойно и хладнокровно станы первыхъ петербургскихъ красавицъ, смотрѣвшій прямо въ глаза самымъ очаровательнымъ львицамъ, едва могъ высказать ей пошлую и обычную фразу ангажирования. И какъ замерло въ немъ сердце въ ожиданіи ея отвѣта!.... Если она откажетъ, если она уже ангажирована, если она не будетъ больше танцевать.... Барышня не долго однако-же томилась его ожиданіемъ. Поднявъ на него голубые глазки, въ которыхъ блистало удивленіе, она съ легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчала ему согласіемъ.

IV.

Довольный и счастливый левъ не рѣшился однакоже остаться подлѣ барышни, и тихими шагами пошелъ по комнатѣ, занятый одною мыслію, не думая ни о чемъ, его окружающемъ. На серединѣ комнаты его остановила хозяйка.

— Павелъ Александровичъ! дама, которая танцевала съ вами, чрезвычайно-удивлена тѣмъ, что вы нарушили самый обыкновенный законъ учтивости, не сказавши ей ни слова по окончаніи кадрили, и оставивши ее такъ быстро и неожиданно. За-чѣмъ обращать на себя общее вниманіе, за-чѣмъ такъ рѣзко высказывать свои настоящіе чувства? Чтобы ихъ не поняли и осмѣяли люди, которые гораздо-ниже васъ? Совѣтую вамъ сказать нѣсколько любезностей Настасѣ Всеволодовнѣ. Она сидитъ тамъ, въ углу, и какъ-будто дожидается вашего объясненія. Впрочемъ я васъ сей-часъ-же отъ нея избавлю!

Въ другое время левъ ни за что-бы не воспользовался такимъ совѣтомъ, только для того, чтобы показать, что онъ въ немъ не нуждается, но теперь онъ былъ такъ счастливъ, что, не говоря ни слова, незамѣтно пожалъ руку Невзориной и пошелъ прямо къ своей дамѣ.

А Невзориная, оставшись одна посреди комнаты, украдкою о чемъ-то вздохнула и задумалась на нѣсколько минутъ.

— Извините меня, Настасья Всеволодовна, говоритъ левъ департаментской лъвицѣ, что я оставилъ васъ тотчасъ-же послѣ кадрили, даже не поблагодаривши васъ. Вы мнѣ насаказали столько любопытнаго про Коломенскихъ барышень вообще, и про Лизавету Петровну Пузырину въ особенности, что мнѣ захотѣлось покороче узнать этотъ классъ женщинъ, и я поторопился ангажировать ее на слѣдующій кадрили, чтобы какой-нибудь чиновникъ не перебилъ у меня этого удовольствія.

Левъ сильно покраснѣлъ произнеся такую ложь, но Бобкова осталась довольна его объясненіемъ, и засыпала его вопросами о томъ, долго-ли они будутъ имѣть счастье видѣть его въ ихъ кругу, и неужели только одинъ домъ Натальи Васильевны будетъ гордиться его посѣщеніями. Левъ не зналъ, что отвѣчать на атаку начальницы отдѣленія, какъ вдругъ хозяйка вывела его изъ этого затруднительнаго положенія. Подводя къ нему серьезнаго старика, съ Анной на шеѣ, она сказала.

— Павелъ Александровичъ, — Петръ Семеновичъ Пузыринъ, узнавши, что вы желаете съ нимъ познакомиться, просилъ, чтобы я вамъ его представила.

Лъвицкаго удивило нѣсколько, что Невзорина угадываетъ его намѣренія, и какъ будто помогаетъ ему, хотя онъ нисколько ее объ этомъ не просилъ. Ему даже было это не совсѣмъ приятно, но, скрывъ свое неудовольствіе, онъ сказалъ, раскланиваясь:

— Наталья Васильевна передала вамъ только мое желаніе, но мнѣ чрезвычайно-жаль, что вы предупредили меня. Какъ вашъ сослуживецъ, какъ человѣкъ, который менѣе васъ имѣетъ значенія въ обществѣ, я-бы хотѣлъ самъ представиться вамъ.

Серьезный столоначальникъ отвѣчалъ съ своимъ неизмѣннымъ хладнокровіемъ.

— Честъ съ моей стороны-съ. Позвольте попросить васъ принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

— Я давно искалъ случая познакомиться съ вами, говорилъ левъ: чрезвычайно-много о васъ слышавшійся, и вы, вѣрно, позволите мнѣ посѣтить васъ въ минуты, свободныя отъ вашихъ занятій. Здѣсь мы не успѣемъ сказать другъ-другу ни слова. Сейчасъ начинается второй кадрили, я уже ангажировалъ даму, а васъ въ тоже время, какъ кажется, отвлекъ отъ преферанса.

— Ничего-съ. Мы кончили первую пульку, мнѣ весьма-лестно ваше знакомство, чрезвычайно обяжете вашимъ посѣщеніемъ, утромъ я въ департаментъ, но вечеромъ почти каждый день дома.

И высказавши все это однимъ и тѣмъ-же тономъ, Пузыринъ протянулъ ему свои холодные и морщинистые пальцы, два раза потрясъ руку льва, ровно и спокойно, и тѣмъ-же размѣреннымъ шагомъ отправился на свое мѣсто.

Хотя въ это время точно раздался звукъ кадрили, но левъ остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ, и смотрѣлъ за ухидившимъ чиновникомъ. Ему никогда еще не случалось видѣть физиономіи, до такой степени мертвенной и безчувственной. — Казалось, что природа вымела лицо Петра Семеныча въ какую нибудь-твердую форму и что форма эта такъ и осталась на лицѣ. Пятнышки и крапинки на немъ были тѣже самыя, какъ и въ день рожденія. Двѣ вертикальныя морщины, на лбу небольшая впадина, шедшая отъ носа его къ лѣвой скулѣ, продольная складка на подбородкѣ, — замѣтны были на немъ еще съ самаго дѣтства. Никогда, ни одинъ мускулъ не шевелился на этомъ сфинкисическомъ лицѣ. Сѣрые глаза съ зеленоватымъ отливомъ прикрывались рѣсницами, въ положенное для этого время, ни раньше ни позже, ни чаще, ни тише. Петръ Семенычъ кашлялъ, чихалъ, сморкался въ извѣстныя минуты, съ одинаковыми звуками и напряженіемъ. Департаментскіе чиновники даже приучились различать время по кашлю столоначальника, и когда одни спрашивали: «Что это, неужто нѣтъ еще трехъ часовъ?» другіе отвѣчали: «Не можетъ-быть, — послѣ двухъ часовъ Петръ Семенычъ кашлянулъ всего два раза!» Голосъ Петра Семеныча, съ первыхъ лѣтъ дѣтства настроенный въ одномъ тонѣ, отзывался тѣмъ-же однообразнымъ хрипѣніемъ, похожимъ на жужжанье, поднимающееся въ старинныхъ стѣнныхъ часахъ въ то время, когда имъ надобно бить. Никакая радость, никакое огорченіе не могли заставить Петра Семеныча возвысить свой голосъ даже на четверть тона. Всегда тотъ-же ровный, спокойный, непоколебимый, онъ однимъ и тѣмъ-же тономъ торговался съ извозчиками и сдѣлалъ признаніе въ любви женѣ своей. Какой-то шальной регистраторъ, выгнанный изъ департамента за пьянство, — нанесъ ему однажды, въ присутствіи всѣхъ чиновниковъ, личную обиду. Петръ Семеновичъ и тутъ не измѣнился въ лицѣ. Онъ провелъ только рукою по лицу, какъ будто смахивая съ него что-то неприятное, и сказалъ: «Съ васъ будетъ строго взыскано за этотъ неприличный поступокъ!» Другой разъ какой-то вспылчивый начальникъ, за уиущеніе по службѣ, закричалъ, что упрячетъ его въ Сибирь. Петръ Семенычъ отвѣчалъ: «Слушаю, Ваше Превосходительство,» — и кашлянулъ, потому что въ это время ему

пришло время кашлять. — Должны-ли мы завидовать подобнымъ характерамъ, или жалѣть объ нихъ?

Покаместъ левъ разсматривалъ Пузырина, съ должнымъ вниманіемъ сдававшего карты, красноносый музыкантъ сильно ударилъ по клавишамъ фортепіана, и танцующіе поспѣшили занимать мѣста. Съ сильнымъ біеніемъ сердца подошелъ Ланицкій къ барышнѣ. Молча подаль онъ ей руку, и рука его задрожала противъ воли, и ни за какія-бы блага мира онъ не смѣлъ теперь взглянуть ей въ глаза.

— Гдѣ вамъ будетъ угодно стать? спросилъ онъ наконецъ, едва слышно.

— Все равно-съ! отвѣчала барышня, тихимъ, но звучнымъ голосомъ, отзывающимся какимъ-то металлическимъ тономъ.

— Здѣсь, если вамъ угодно, продолжалъ левъ, подводя ее къ углу комнаты и подавая стулъ.

— Все равно съ! отвѣчала тѣмъ-же тономъ барышня.

Положеніе льва было довольно затруднительно. О чемъ говорить съ нею? Онъ рѣшительно не зналъ, съ чего начать, онъ изумлявшій всегда львицъ своею неистощимою и ловкою болтовнею, остроуміемъ соперничествовавшій съ Вельскимъ! А она, была такъ развязна и свободна, какъ будто-бы танцевала съ Петромъ Петровичемъ Щепенко. — Влюбленный мужчина всегда смѣшше влюбленной женщины.

Къ стыду своему и всей своей породы, левъ началъ разговоръ съ барышней также, какъ его начинаютъ и чиновники:

— Какъ вамъ понравилась Тальйони?

— Очень-съ? отвѣчала барышня, не смотря на своего кавалера и расправляя складки платья.

Начатый такимъ-образомъ разговоръ продолжался во весь кадрилъ о томъ-же самомъ предметѣ. Противъ обыкновенія, левъ затруднялся въ выборѣ фразъ, въ оборотѣ выраженій, не могъ придумать ни одного блестящаго парадокса, ни одной остроты или насмѣшки. Это расположеніе ума отразилось и въ его поступкахъ. Онъ то опаздывалъ начинать, то не внопадъ торопился. Неловкость положенія отразилась даже въ его приемахъ и манерахъ; онъ принималъ какую-то связанную, неестественную позу, — изъ желанія казаться проще дѣлался изысканнымъ. Барышня говорила мало съ извѣстнымъ лаконизмомъ Коломны, полковъ и другихъ скромныхъ частей города. Говоря, она не глядѣла на своего кавалера по общепринятой методѣ благовоспитанныхъ дѣвушекъ, краснѣла при началѣ и въ концѣ каждой фразы, но

левъ въ тоже время очень-хорошо замѣтилъ, что барышня была такъ застѣнчива только съ нимъ однимъ, потому-что во-время переходовъ въ фигурахъ кадрили, очень-мило улыбалась танцовавшему напротивъ ея Петру Петровичу Щепенко. Благородному льву было это чрезвычайно досадно, но досаду онъ умѣлъ лучше скрывать, чѣмъ удовольствіе, и потому ее никто не замѣтилъ.

Такъ кончился и второй кадрилъ. Еще послѣдніе звуки фортепіано не успѣли замереть въ воздухѣ, какъ барышня, приѣхавши Ланицкому на скорую руку, убѣжала отъ него тотчасъ-же, прямо къ маменькѣ. Левъ, нѣсколько разочарованный своею *первою* попыткою знакомства съ барышнею, уѣхалъ вскорѣ послѣ этого кадрили.

Когда онъ простался съ хозяйкою, она, вѣроятно, замѣтивши грустное выраженіе, противъ воли мелькнувшее на лицѣ льва, сказала ему тономъ, въ которомъ выражалось истинное участіе:

— Она очень-добрая и милая дѣвушка; застѣнчивость ея при первомъ свиданіи съ человѣкомъ высшаго круга очень-понятна и извинительна.

Левъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ крѣпко пожалъ руку Натальи Васильевны, молча сѣлъ въ сани и всю дорогу до своего дома было ему какъ-то досадно и грустно.

У.

Черезъ три дня послѣ описаннаго нами вечера, въ третьемъ часу утра, сани Ланицкаго остановились у воротъ огромнаго пяти-этажнаго дома въ Малой Коломнѣ. Распросивши дворника, гдѣ живетъ *чиновникъ* Пузыринъ, герой нашъ отправился по довольно-грязной и крутой лѣстницѣ, со двора въ четвертый этажъ, въ квартиру столоначальника. Къ двери была прибита продолговатая бляха, на синемъ фонѣ которой красовалась золотыми буквами надпись: *Коллежскій Ассесоръ Пузыринъ*. Дверь была обтянута черной клеенкой, по которой косвенно были прибиты узенькіе кожаные ремешки. Ручка колокольчика была довольно въ жалкомъ положеніи, и качалась отъ вѣтра, проходившаго въ разбитое стекло окна, смотрѣвшаго въ какой-то длинный корридоръ, уставленный разнаго рода кадками и шкафами. Передъ дверью былъ ключекъ стараго войлока, сильно пахнувшій собаками, о которой скорѣе можно было замарать,

нежели вытереть ноги. Ланицкій осторожно обошелъ его, и позвонилъ довольно-тихо. Никто не шевельнулся за дверью; онъ во второй разъ повторилъ тотъ-же самый маневръ, но безо всякаго успѣха; наконецъ на третій, весьма-сильный звонокъ — упалъ желѣзный крюкъ, запиравшій дверь изнутри, и глазамъ Павла Александровича предстала дѣвка, дюжая и пчесанная, съ талією подъ мышками, съ маленькимъ носомъ, совершенно-провалившимся въ красныя, отдуловатыя щеки.

— Петръ Семенычъ у себя? спросилъ Ланицкій.

Дѣвка устремила на него свои маленькія, едва прорѣзывавшіяся щели, которыя развѣ только изъ одной учтивости можно было назвать глазами, и сказала хриплымъ басомъ:

— Баринъ-то? Дома! Вамъ его по-дѣлу што-ль нужно?

— Нѣтъ! Я просто хотѣлъ-бы видѣть его? Развѣ онъ занятъ?

— Нѣтъ! незанятъ, только у насъ танерь гости, такъ може ему и не слабодно будетъ васъ повидать.

— Доложи ему во всякомъ случаѣ. Можетъ-быть, онъ и приметъ меня.

— Доложить, чаво доложить? спросила дѣвка съ изумленіемъ.

— Скажи ему только, что его хочеть видѣть Петръ Александровичъ Ланицкій.

— Алцынскій?

— Ланицкій, слышишь-ли, Ланицкій!

— Слышу, пробормотала дѣвка, почесала въ головѣ, и рѣшилась наконецъ впустить его въ переднюю, потомъ отворила дверь въ кухню, изъ которой несся какой-то густой запахъ и туманъ, и исчезла въ этомъ туманѣ, закричавъ мальчишкѣ, во все время переговоровъ стоявшему за нею:

— Смотри ты, Ванюшка, не сходи съ ларя, смотри за шипелямъ.

И оборванный мальчишка спокойно усѣлся на чьи-то шинели, лежавшія на ларѣ, съ любопытствомъ смотря на Ланицкаго, и вода рукою подъ носомъ.

Ланицкаго чрезвычайно поразилъ и этотъ пріемъ, и это странное обыкновеіе, оставлять гостей въ передней, весьма-узкой, грязной, уставленной разнаго вида шкафами, на которыхъ стояли картонки, самовары и саожныя колодки. Его, впрочемъ, не долго заставили дожидаться. Черезъ нѣсколько минутъ въ переднюю явился самъ хозяинъ, и съ тѣми-же неизмѣнными поклонами и хладнокровіемъ ввелъ льва въ гостиную.

Гостиная была маленькая квадратная комнатка, загроможден-

ная еще болѣе стоявшимъ у одной стѣны флигелемъ, и диваномъ, помѣщавшимся напротивъ. На диванѣ сидѣла хозяйка съ какою-то дамою, поминутно выдвигавшею впередъ при разговорѣ шею и голову, и потомъ убиравшую ихъ снова въ широкія открытыя плечи. На креслѣ, подлѣ дивана, сидѣлъ Акакій Павловичъ Сопенинъ, старшій помощникъ столоначальника со Станиславомъ. У окна, немножко поодаль, сидѣла за пяльцами Лизавета Петровна, въ голубенькомъ ситцевомъ платицѣ, сшитомъ однакожь со всеми претензіями моды, съ бертою, рукавами, перехваченными въ трехъ мѣстахъ буфами, и со сборчатымъ лифомъ. На шеѣ у нея была черная бархатная ленточка, концы которой не доходили до лѣва. Густые, волнистые локоны были отведены за уши. Противъ нея изгибался на креслахъ Петръ Петровичъ Щепенко, въ синемъ фракѣ, жилетѣ съ красными полосами, и огромномъ шарпѣ, изъ-за котораго выставлялись накрахмаленные кончики не совсѣмъ тонкой рубашки. Послѣ первыхъ привѣтствій и комплиментовъ, хозяинъ усадилъ Ланицкаго на креслахъ подлѣ хозяйки, и самъ сѣлъ около него, съ другой стороны. Въ-то самое время, какъ онъ усаживался, дама съ необыкновенно-подвижною шеєю, сдѣлала хозяйкѣ довольно-громко вопросъ: кто такой этотъ господинъ? — на который та отвѣчала ей что-то на ухо. Лизавета Петровна привстала при входѣ лѣва, и присѣла на его поклонъ, потомъ нѣсколько разъ окидывала его изъ подлѣбья взорами, но гораздо-болѣе занималъ ее разговоръ Петра Петровича, нашептывавшаго ей, по видимому, что-то интересное, потому-что барышня очень-часто хохотала рѣзкимъ и худо-подавляемымъ смѣхомъ.

— Кажется, мы имѣли удовольствіе видѣть васъ въ театрѣ въ послѣднее представленіе Тальйони, въ ложѣ Натальи Васильевны Невзориной, сказала хозяйка.

— Вы сидѣли подлѣ, съ правой стороны, отвѣчалъ левъ. Вѣроятно, не зачѣмъ и спрашивать, повралась-ли вамъ наша удивительная танцовщица?

Хозяйка хотѣла что-то отвѣчать, но ее прервала дама съ быстрыми поворотами шеи.

— О да! говорила она, жемаясь и стараясь придать выразительность своему довольно-пискливому голосу: Тальйони такая прелесть, такое совершенство! — я всякую недѣлю вижу ее въ театрѣ, и не могу удержаться, чтобы не хлопать ей. Какая неподражаемая грація, пируеты, какъ она на цыпочки становится... очень, очень-удивительно!

— И какія она трудныя штуки выдѣлываетъ, прибавила хозяйка, съ чувствомъ качая головою.

— Миѣ кажется, говорилъ левъ, что достоинство ея именно состоитъ въ томъ, что самыя величайшія трудности хореографическаго искусства она исполняетъ съ легкостью, которая...

— О да! прервала дама съ подвижною шеєю: съ удивительной легкостью. Я вамъ скажу, Аграфена Купреяновна, продолжала она, обратившись къ хозяйкѣ: мою Машеньку учить танцовать Гольцъ, теперь онъ ей показываетъ качучу. Такъ ужъ онъ самъ говорить, — кажется, долженъ толкъ знать въ танцахъ, — ваша Машенька, говорить, со временемъ превзойдетъ самую Тальйони. Ей Богу!

Льву показался нѣсколько страннымъ этотъ обычай перебивать слова человѣка, котораго видятъ въ первый разъ, и рассказывать ему о себѣ самой, и о своей Машенькѣ, какъ-будто это такъ интересно, но онъ, скрѣпя сердце, слушалъ долго и внимательно толки двухъ старухъ о Тальйони и о прочемъ. Изрѣдка взглядывалъ онъ на барышню, которая безъ умолку болтала съ департаментскимъ львомъ, однимъ ухомъ прислушиваясь къ общему разговору. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, мать, вѣроятно, найдя *неприличнымъ*, что дочь ея такъ долго разговаривала съ помощникомъ столоначальника чуть не на-ухо, сказала ей:

— Лизочка, полно шить, что ты такъ заработалась? И еще въ праздникъ! Поди, сядь къ намъ.

— Да я почти ничего не шью, маменька, отвѣчала очень-наивно дочка: Петръ Петровичъ все смѣшитъ меня, рассказываетъ такія смѣшныя вещи, что ужаси!

— Ну, ужъ знаю я Петра Петровича, сказала матушка. Съ нимъ поговори минуточку, такъ просто колотье сдѣлается.

— Помилуйте, Аграфена Купреяновна, началъ говорить «душа общества», гнуся неимовернымъ образомъ изъ любезности: отъ-чего-же колотье? я, кажется, человѣкъ не острый, и никого не колю.

— Ну ужъ вы подите, продолжала старуха, махнувши рукою: съ вами не сговоришь. Ужъ вы когда-нибудь уморите у меня Лизочку вашими выдумками.

— Мадмуазель Лизъ можетъ сама умертвить, когда захочетъ, своими взглядами, говорилъ Щепенко, ломаясь точно укушенный бѣшеною собакою.

— Подите вы, выдумщикъ, отвѣчала барышня, краснѣя и складывая свою работу.

Левъ съ удивленіемъ слушалъ весь этотъ разговоръ. Въ про-

долженіе получаса онъ испыталъ столько новыхъ и странныхъ ощущенийъ, что совершенно растерялся, и когда ему надобно было что-нибудь отвѣчать, то онъ составлялъ фразы чуть-ли не глупѣ Петра Петровича. Хозяинъ говорилъ очень-мало или отпускалъ съ приличною важною фразою о погодѣ. Сопенивъ все время не сказалъ рѣшительно ни одного слова, изрѣдка только утвердительно качая головою, и улыбаясь чему-то по временамъ. Большею-же частью онъ смотрѣлъ въ свою шляпу, которую держалъ у себя между колѣнками. Дама съ подвижной шеею, рассказывая все про себя, да про свою Машеньку, иногда до того вертѣла головою, что можно-было, не шутя, бояться, чтобы она, при сильномъ загибаніи шеи, когда-нибудь не повернула головы на затылокъ.

Въ продолженіе этого визита, въ-то время, когда неизбежный помощникъ столоначальника рассказывалъ хозяевамъ какую-то длинную исторію, Ланицкому удалось сказать нѣсколько словъ Лизаветѣ Петровнѣ, о ея работѣ, о ея занятіяхъ, о томъ, какой родъ жизни ведетъ она. Барышня отвѣчала гораздо-развязнѣе, чѣмъ на знаменитомъ вечерѣ, и если краснѣла безъ всякой причины, за-то и смѣялась также безо всякаго повода. Это уже былъ большой шагъ въ приобрѣтеніи ея благорасположенія. Барышнямъ, какъ извѣстно, правится гораздо-болѣе тотъ, кто разсмѣшитъ ихъ, нежели тотъ, который заставитъ ихъ плакать.

Къ тремъ часамъ собрались къ Пузырину еще какіе-то чиновники. Ланицкій не хотѣлъ болѣе продолжать визита, и раскланялся съ хозяевами. Въ залѣ, которая въ то же время служила и столовою, онъ долженъ былъ пробираться вдоль стѣнки, мимо накрытаго стола. Въ передней, надѣвая шинель, онъ замѣтилъ на ней какое-то пятно, какъ будто кто-нибудь вытиралъ объ нее руки. Сходя по лѣстницѣ, онъ долженъ былъ обходить почти на каждой ступени разныя непрінадлежащія ей вещества; на дворѣ снѣгъ, обливаемый помоями, во многихъ мѣстахъ обратился въ грязь весьма непріятнаго свойства и запаха, по которой Левъ долженъ былъ пробираться за ворота. Но, не-смотря на все это, онъ былъ чѣмъ-то доволенъ и счастливъ, и цѣлый день провелъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

VI.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ начался нашъ рассказъ, прошло около двухъ мѣсяцевъ. Нашъ вѣкъ, какъ кажется, бѣется только изъ

того, чтобы уничтожить время и разстояніе, этихъ двухъ страшныхъ враговъ его, поставленныхъ самою природою преградой его самолюбивымъ мечтамъ и дерзкимъ намѣреніямъ. Для этой цѣли онъ изобрѣлъ желѣзныя дороги и романы. Въ послѣднихъ удивительнѣйшихъ происшествіяхъ, рѣшительные перевороты судьбы и сердца, совершаются въ одинъ день. Этими двумя изобрѣтеніями онъ обманываетъ самого-себя. Сидя въ вагонѣ желѣзной дороги, онъ воображаетъ себѣ, что летитъ; читая романы, онъ воображаетъ себѣ, что живетъ. Одно изобрѣтеніе, по его мнѣнію, убило разстояніе, другое — время. Если-бы могъ онъ догадываться, какъ оба эти изобрѣтенія далеки еще до того, чтобы быть совершенными....

Когда писатель въ романѣ создаетъ какія-нибудь обстоятельства, ему, можетъ-быть, не приходитъ въ голову, что въ дѣйствительной жизни человѣкъ не можетъ создавать ихъ, а только пользоваться ими. Безъ обстоятельствъ нельзя сдѣлаться ни великимъ человѣкомъ, ни преступникомъ. Жизнь пошла и однообразна. Не всякій день представляетъ она случай совершить что-нибудь особенное. Въ жизни каждаго человѣка когда-нибудь былъ романъ, въ дѣйствительности или въ воображеніи, но былъ непременно. Только не всякій умѣлъ воспользоваться имъ, или даже подмѣтить его. У инаго романъ основанъ на такихъ, повидному, ничтожныхъ случаяхъ, тянется иногда такъ долго, и такъ незамѣтно, что никакой романистъ не подстережетъ его или не рѣшится разсказать, боясь показаться скучнымъ и незанимательнымъ разскащикомъ. Перевороты рѣдки и въ жизни, какъ въ природѣ. Въ послѣдніе года, романъ основанный на ужасныхъ, неожиданныхъ происшествіяхъ, сдѣлался анахронизмомъ. Писатели, вполне постигнувшіе духъ вѣка, изображаютъ теперь чувства, а не анекдоты, жизнь внутреннюю, а не внѣшнія похожденія дѣйствующихъ лицъ. Можетъ случиться романъ въ одинъ часъ, но онъ произойдетъ въ душѣ человѣка, въ глубинѣ сердца его; въ одинъ часъ можно, конечно, пережить и перечувствовать болѣе, чѣмъ въ годъ жизни; но кто подстережетъ и подмѣтитъ, что собрать его по челоѣчеству, живущій вмѣстѣ съ нимъ, подлѣ него, прожилъ въ этотъ одинъ часъ больше, чѣмъ иной во всю свою жизнь.

Въ эти два мѣсяца Лавицкій также прожилъ много эпохъ въ душѣ своей, побывавъ въ это время разъ шесть или семь у столоначальника, и кромѣ-того, видѣвши Лизавету Петровну еще раза два у Невзориныхъ. Въ эти свиданія однако не произошло

ничего необыкновеннаго. Барышня была только нѣсколько откровеннѣе, любезнѣе и развязнѣе со львомъ. Она скоро замѣтила, да и трудно было не замѣтить, что для нея одной левъ спускается въ этотъ чиновническій кругъ. Это было, разумѣется, очень-пріятно ея коломенскому самолюбію, но постигая инстинктомъ все превосходство льва и того круга, къ которому онъ принадлежалъ, надъ обществомъ и лицами, ее окружающими, барышня въ тоже время чувствовала какое-то странное влеченіе къ тому классу людей, въ которомъ она родилась и никогда не грезилось ей, какъ болѣе части ея подругъ, желаніе попасть въ графини, въ знатный кругъ, въ большой свѣтъ. Конечно, при разсказахъ о блестящихъ вечерахъ, о чудныхъ нарядахъ дамъ, объ этой упонительной, увлекательной свѣтской жизни, глаза барышни разгарались огнемъ любопытства, но сердце ея было спокойно, и когда левъ, полусутливымъ, полутрепещущимъ голосомъ спрашивалъ ее: «Желала-ли бы она испытать упоеніе этой жизни?» — она отвѣчала равнодушно: «Отъ-чего-же-съ? пріятно-бы было посмотрѣть на все это!» Многимъ можетъ показаться страннымъ, что барышня хотѣла быть только зрительницей свѣтской жизни, но, познакомившись съ нею поближе, всякій нашель-бы, что она совершенно-права, не завидуя блестящей участи любимцевъ счастія. Стремиться стать выше того круга или званія, въ которое поставило его рожденіе, можетъ только человѣкъ гениальный или совершенный глупецъ. Лизавета Петровна не была ни дурой, ни гениемъ. Она очень-хорошо понимала, что въ высшемъ кругу будетъ не на своемъ мѣстѣ, что при всѣхъ условіяхъ перемѣны состоянія, при богатствѣ, красотѣ, образованности ей будетъ все еще недоставать чего-то такого, что нельзя объяснить словами, но что составляетъ главное отличіе свѣтскаго человѣка отъ умнаго, богатаго и благороднаго лица, не принадлежащаго къ высшему обществу. Она поняла, какое неизмѣримое разстояніе будетъ между ею, если-бы она осмѣлилась вступить въ этотъ кругъ, и послѣднимъ звеномъ этой цѣпи, скованной вѣками и давностью прошедшихъ временъ. Смутно предчувствовала она, что все это можно побѣдить и обратить на свою сторону, что, пренебрегая основными законами общества, можно наконецъ это-же самое общество заставить удивляться тому, кто нарушилъ его постановленія, что, постоянными усиліями, направленными къ одной и той-же цѣли, можно достигнуть до всего, что, идя все время одною дорогою, можно наконецъ придти къ цѣли, не смотря на то, что на пути этомъ придется пережить ужасныя

и тяжкія минуты; все это постигала она, но мы уже сказали, что борьбу эту могъ предпринять и выдержать одинъ геній, а слабая, апатическая душа барышни не имѣла, не могла имѣть ни силы, ни желанія къ началію этой борьбы. Она боялась сильныхъ ощущеній, и читая описанія ихъ въ романахъ, говорила: это очень-мило, а между-тѣмъ не вѣрила имъ. Съ нея довольно было удивленія и похвалъ окружавшаго ее департаментскаго міра. Какъ Помпей она хотѣла быть лучше первою въ деревнѣ, чѣмъ второю въ Римѣ.

Ланцкій между-тѣмъ въ два эти мѣсяца прошелъ всѣ фазисы страсти, какъ человѣкъ рѣшившійся однажды убѣдить себя, во что-бы то ни стало, что онъ дѣйствительно влюбленъ. Сначала замѣчалъ онъ въ барышнѣ много недостатковъ: однимъ изъ самыхъ главныхъ было весьма-поверхностное воспитаніе. Она не имѣла самыхъ раціональныхъ, самыхъ простыхъ свѣдѣній объ обыкновенныхъ предметахъ. Коломенскій пансіонъ, въ которомъ воспитывалась Лизавета Петровна, слѣдовалъ новой методѣ воспитанія, основанной главнѣйше на изученіи языковъ. Всякое утро любопытный посѣтитель могъ-бы найти въ пріемной комнатѣ пансіона, въ золотой рамкѣ, подъ стекломъ, слѣдующее распределеніе классовъ: *Утренніе уроки*: отъ 8 до 9 часовъ нѣмецкій языкъ, отъ 9 до 10 русскій языкъ, отъ 11½ до 1 английскій языкъ. *Вечерніе уроки*: отъ 3 до 4½ французскій языкъ, отъ 4½ до 6 славянскій языкъ. Это несмѣтное количество языковъ подавалось пансіонеркамъ всякій день съ небольшою перемѣною. Вечерніе уроки оканчивались, то славянскимъ языкомъ, то оставался на закуску нѣмецкій или англійскій, для разнообразія. По субботамъ кромѣ-того, показывали воспитанницамъ музыкальный и танцевальный языки, да по понедѣльникамъ, приличія ради, ходилъ къ нимъ учитель показывать имъ исторію и географію. При такомъ родѣ преподаванія, по крайвей-мѣрѣ, языки должны были, казалось, процвѣтать, но весьма странный фактъ состоялъ именно въ томъ, что языки-то хуже всего и знали пансіонерки. Объясненіе, отъ-чего это могло происходить, весьма-затруднительно, и завлекло-бы насъ въ разсужденія, которыя, надо-вѣ читателямъ, были-бы, сверхъ-того, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Мы всѣ увѣрены, что система воспитанія, по которой мы сами воспитывались и будемъ воспитывать нашихъ дѣтей, самая лучшая. Чего-же намъ больше? — Кромѣ воспитанія, въ барышнѣ былъ большой недостатокъ начитанности. Конечно, она читала много, но увы! что читала она? Марлинскаго, Бенедиктова, со-

чипенія г-на Штевена, Маркова, Машкова, Масальскаго и другихъ петербургскихъ романистовъ средней руки, читала русскіе журналы, отъ «Библіотеки для Чтенія» до «Маяка», включительно, по частямъ, разрозненными книжками, которыя ей доставали депарментскіе поклонники. Но и тамъ, въ этихъ журналахъ болѣе всего нравились ей стихотворенія гг. Нахтигала, Траума, Глѣбова, Кропоткина, Грекова и другихъ имъ подобныхъ стихосплетателей, наводнявшихъ и наводняющихъ еще до сихъ-поръ страницы допотопныхъ русскихъ журналовъ. Изъ журнальныхъ повѣстей она болѣе всего восхищалась сладенькими и приторными рассказами покойной г-жи Ганъ, въ родѣ *Утбаллы*, *Джесалледица* и тому подобныхъ дикихъ происшествій, въ которыхъ герой непременно Татаринъ, Индѣецъ или Китаецъ, а героиня, любящая его страстно, Русская, или на оборотъ, героиня Индіянка, а герой русскій человѣкъ.

Изъ Пушкина барышня любила только тѣ поэмы, которыя слабѣе и доступнѣе другихъ: Бахчисарайскій фонтанъ, Кавказскій Пльбникъ, Русланъ и Людмила. Донъ-Жуанъ и Борисъ Годуновъ ей казались очень-скучны. Гоголь ей нравился потому только, что онъ *такой смѣшной*, но въ тоже время она въ этомъ не признавалась, и говорила, всегда краснѣя, что онъ пишетъ очень не *деликатно*. По-французски барышня не очень-любила читать. Не понимая, можетъ-быть, трети словъ и оборотовъ, она считала стыдомъ заглядывать въ лексиконъ, и хотя любила, чтобы чиповники заставляли ее съ французскимъ романомъ въ рукахъ, но въ этомъ случаѣ главнымъ дѣломъ была все-таки сама книга, а то, что въ ней заключалось, не приносило барышнѣ ни вреда или ни пользы, потому-что, обращая вниманіе на одни слова, она очень-мало занималась идеею и содержаніемъ произведенія. Часто, разговаривая съ барышнею, левъ замѣчалъ въ ней совершенное незнаніе главнѣйшихъ физическихъ явленій и историческихъ происшествій. Но, какъ мы уже сказали, самые эти недостатки леву, ослѣпленному страстью, казались оригинальными, имѣли въ себѣ что-то заманчивое, привлекательное. Къ числу мелкихъ недостатковъ относилось и то, что барышня смѣялась чрезвычайно-рѣзко, съ замѣтнымъ носовымъ акцентомъ, и безо всякаго милосердія затягивалась въ корсетъ, что, какъ извѣстно, считается большою красотою у прекраснаго пола. Послѣ этого ни кому не покажется страннымъ, если эти недостатки барышни левъ считалъ особеннаго рода странною, красотою, *шикомъ*, *du chicue*.

Познакомься ближе съ домоь Пузыриныхъ, левъ получилъ право оказывать имъ небольшія услуги. Въ своемъ экипажѣ возилъ нѣсколько разъ на гулянья, доставалъ имъ билеты на представленія Тальйони и даже во французскіе спектакли, въ которыхъ барышня впрочемъ очень-скучала, и ѣздила только для того, чтобы сказать на другой день чиновникамъ: «Вчера мы были во французскомъ театрѣ». Необходимо замѣтить, что слово *Франція* и всѣ отъ него производныя, барышня произносила съ особымъ удареніемъ въ носъ, также, какъ произносятъ его и по-французски. Со словомъ *Англія* была таже исторія, вѣроятно, потому, что и *Англичане произносятъ его также въ носъ*. Левъ былъ даже однажды и въ Александрьскомъ-театрѣ. Тамъ въ особенности узналъ онъ то неизмѣримое разстояніе, какое существуетъ между высшимъ и нисшимъ обществомъ во вкусѣ, привычкахъ, идеяхъ и понятіяхъ. — Въ русскомъ спектаклѣ, гдѣ онъ былъ первый разъ въ жизни, его въ особенности поразило то, что актеры и піеса произвели на него вліяніе, діаметрально противоположное тому, которое чувствовала вся публика. Давали какую-то странную драму и послѣ нея водевилъ. Въ драмѣ не соблюдены были ни малѣйшія условія истины и правдоподобія, дѣйствующія лица приходили, уходили, молчали, говорили безо всякой къ тому причины; рыцари въ поношенныхъ костюмахъ какъ-то странно размахивали руками и выворачивали ноги. Какой-то господинъ въ красномъ плащѣ зарѣзалъ дѣвушку въ крестьянскомъ платьѣ, неизвѣстно для какой причины, и по этому случаю главный герой мстилъ ему всѣ пять актовъ самымъ страшнымъ маперомъ. Убитая дѣвушка и послѣ смерти являлась еще на сцену, въ видѣ тѣни, и уговаривала разевирѣбѣшаго героя не мстить за нее и не горячиться изъ пустяковъ. При этомъ удобномъ случаѣ она пѣла очень-жалобный романсъ, совсѣмъ не тѣмъ голосомъ, какимъ говорила въ первыхъ актахъ, изъ чего можно было заключить, что или по смерти голосъ замѣтно перемѣняется. Самъ главный герой дѣлалъ удивительные штуки, и публика, вызывала его разъ по пяти послѣ каждой сцены, хлопала и топала такъ громко, что Ланидкій съ ужасомъ посматривалъ на потолокъ, ожидая каждую минуту, что онъ обрушится, и на соеѣднія ложи, того и ждя, что кто-нибудь оттуда въ азартѣ выскочитъ и укуситъ его. Половинны піесы левъ не слыхалъ, потому-что публика когда не хлопала, то шумѣла, кашляла, чихала, сморкалась, такъ громко, что нельзя было разслышать ни одного слова. До самаго конца піесы левъ не догадался, прозой

или стихами писана она. Послѣ нея давали какой-то водевиль, гдѣ одинъ маіоръ воочился за двумя женами какихъ-то господъ и говорилъ дамамъ весьма двусмысленныя вещи. Публика заставляла по пяти разъ повторять куплеты съ такими каламбурчиками, въ которыхъ левъ не понималъ рѣшительно ничего. Въ концѣ водевиля всѣ дѣйствующія лица схватились за руки и начали танцевать галопъ. Спектакль окончился безчисленными вызовами.

— Вотъ ужъ спектакль, такъ спектакль, сказала Аграфена Куприяновна, выходя изъ ложи. Не даромъ деньги взяли, потѣшили, разбойники!

— Ахъ, какъ хорошо! Прелесть, просто! со вздохомъ произнесла барышня. Вамъ понравилось, Павелъ Александровичъ, неправда-ли?

— Очень! отвѣчалъ Павелъ Александровичъ, совершенно-разстроенный, думая о томъ, не сошелъ-ли онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, съ ума, что не можетъ постигать, чему восхищается весь этотъ народъ?

VII.

Долго-бы еще, можетъ-быть, дѣло Ланицкаго находилось въ одномъ и томъ-же положеніи, если-бы судьба не создала *обстоятельства*, которое имѣло большое вліяніе на нашего героя. Въ одинъ вечеръ, тотчасъ-же послѣ-обѣда, получилъ онъ отъ Невзориной записку слѣдующаго содержанія:

«Пріѣзжайте къ намъ сейчасъ-же *непретменно*. У насъ будутъ гости, но я найду время поговорить съ вами. Мнѣ надобно сообщить вамъ чрезвычайно-важную и *непріятную* новость».

Сердце льва сжалось ожиданіемъ. Часу въ восьмомъ онъ отправился на Фонтанку. Хозяйка только-что одѣлась, и приняла Ланицкаго въ освѣщенной, но пустой гостиной. Какъ не былъ занятъ левъ тяготившимъ его предчувствіемъ, но онъ не могъ не замѣтить, что въ этотъ вечеръ, въ лиловомъ клѣтчатомъ платьѣ, въ наколкѣ темныхъ атласныхъ лентъ, Наталья Васильевна была чрезвычайно-мила.

— Я рада, что вы пріѣхали пораньше, сказала она, сажая его подлѣ себя на диванъ: я хотѣла сообщить вамъ одно извѣстіе, которое, можетъ-быть, будетъ вамъ очень-непріятно. Хотя

вы скрывали отъ меня вашу привязанность къ Лизанкѣ Пузыриной, но мнѣ очень-нетрудно было угадать ее. Не знаю, какъ сильна *ваша прихоть*, какъ вамъ всегда угодно называть ее, но во всякомъ случаѣ почла нужнымъ увѣдомить васъ, что Петръ Петровичъ Щепенко сдѣлалъ вчера Лизанкѣ формальное объясненіе въ любви и просилъ руки ея.

Левъ поблѣднѣлъ. Ударъ былъ слишкомъ-неожиданъ.

— Что-жъ отвѣчала она? спросилъ онъ едва слышно.

— Она покраснѣла и сконфузилась, какъ всякая барышня, и хотя съ своей стороны очень-расположена въ пользу Петра Петровича, — я это знаю на-вѣрное, — и совершенно согласна выдти за него за-мужъ, по, начитавшись русскихъ романовъ, и не желая, вѣроятно, въ ту-же минуту осчастливить согласіемъ страстнаго обожателя, отвѣчала ему, что должна еще прежде посо-вѣтоваться съ своимъ сердцемъ, и что черезъ три дня дастъ ему отвѣтъ.

— И отецъ ея знаетъ объ этомъ?

— Нѣтъ еще. Щепенко, какъ книжный любовникъ, обратился также сначала къ дочери, и только по полученіи ея согласія сдѣлаетъ формальное предложеніе отцу и матери.

— И вы... вы знаете это на-вѣрно? спросилъ Левъ, напрасно стараясь поблѣднить въ себѣ внутреннее волненіе.

— Щепенко всѣмъ обязанъ моему мужу и ничего отъ меня не скрываетъ. Онъ обѣдалъ у насъ сегодня, и какъ мужчина, разумѣется, проговорился о своемъ вчерашнемъ сватовствѣ. Услышавши одно слово, мнѣ нетрудно было заставить его рассказать все подробности. Повторяю вамъ, что я очень-хорошо знаю сердце барышень вообще, и Лизаветы Петровны въ-особенности, и заранѣе отвѣчаю, что она съ удовольствіемъ приметъ предложеніе Щепенко. Теперь, спросите сами у своего сердца: какъ сильна въ немъ привязанность къ Лизанкѣ. Точно-ли это прихоть, или что нибудь посерьезнѣе. Въ состояніи-ли вы равнодушно забыть ту, которая не поняла и не можетъ понять васъ, или хотите вступить въ борьбу съ счастливымъ соперникомъ?

— Соперникомъ? вскричалъ въ досадѣ Ланицкій.... Мнѣ кажется, что г. Щепенко не весьма-опасный соперникъ.

— Не говорите этого. У барышень есть свои вкусы. Ваша молчаливая любовь могла быть понята дамою большаго свѣта, а не молодою дѣвушкою Малою-Коломны. Я не хочу сказать этимъ, чтобы вы не могли понравиться ей, но, вѣроятно, вы досихъ-поръ не старались объ этомъ, и другой предупредилъ васъ.

Разумѣется, что еще не все потеряно и что вы можете побѣдить врага, если вступите съ нимъ въ состязаніе. А для этого, вы знаете, первое условіе тактики—никогда не презирать непріятеля, какъ-бы слабъ онъ ни былъ. Для этого-то я и спросила васъ: хотите-ли вы забыть вашу прихоть, или намѣрены оспаривать обладаніе любимаго вами предмета?

— Хоть-бы изъ одного самолюбія, я не долженъ уступать этому департаментскому леву, отвѣчалъ модный левъ съ видимымъ смущеніемъ.

Съ упрекомъ взглянула на него Наталья Васильевна.

— Неужели я до сихъ-поръ не заслуживаю вашей довѣренности? сказала она.

Леву стало стыдно. Онъ побѣдилъ въ себѣ голосъ мелкаго самолюбія и вскричалъ:

— Нѣтъ! я, не стану, не долженъ скрываться отъ васъ. Вы принимаете во мнѣ такое участіе, оказали мнѣ столько услугъ!... Напрасно стараюсь я подавить въ моемъ сердцѣ чувство, которое противъ моей воли вырывается наружу. Да, я люблю ее, несмотря на то, что она барышня, что она не понимаетъ любви моей, что страсть моя неизвѣдательна въ глазахъ большаго свѣта, смѣшна въ глазахъ всего чиновническаго міра, гдѣ на меня чуть не показываютъ пальцами эти коломенскіе франты и столоначальники. Что же дѣлать, если я не могу подавить въ себѣ этого чувства? Вы знаете, что у меня никогда не было твердости въ характерѣ; я не думаю, ни къ чему поведетъ меня эта любовь, ни чѣмъ можетъ она окончиться,—знаю только одно, что въ тотъ день, когда я не вижу ея, мнѣ чего-то недостаетъ, что говоря съ ней, смотря на нее, я чувствую больше, чѣмъ удовольствіе. Скажу вамъ болѣе,—до сегодняшняго вечера, до той минуты, въ которую вы сказали мнѣ, что я могу навсегда лишиться ее, я не понималъ самъ, какъ сильна моя привязанность, и только теперь убѣдился, какъ дорога для меня эта Лизанька, эта барышня. При одной мысли объ этомъ Щепенкѣ, кровь бросается мнѣ въ голову. Чувствую, что я въ состояніи надѣлать величайшихъ глупостей. Вы ужъ такъ много сдѣлали для меня, научите, скажите мнѣ, что я долженъ еще дѣлать, и моя дружба къ вамъ прекратится только съ моею жизнью.

И окончивъ свой отрывистый, несвязный монологъ, левъ схватилъ руку Натальи Васильевны и крѣпко сжалъ ее.

Съ легкою краскою въ лицѣ освободила Невзорина свою руку

изъ пожатій Ланицаго, и отвѣчала тономъ, въ которомъ проглядывала какая-то грусть:

— Теперь я вижу сама, что прихоть ваша не такъ ничтожна, чтобы ею можно было шутить. Простите, если въ началѣ нашего разговора я отзывалась объ ней съ небольшою насмѣшкою. Вижу, что вы даже еще болѣе любите Лизаньку, чѣмъ сами думаете. Я незлопамятна и готова отъ души помогать вамъ. Подумаемъ вмѣстѣ, что намъ дѣлать? Открывались-ли вы ей въ любви, давали-ли вы ей замѣтить, что любите ее?

— Прямо и явно никогда, но по моимъ посту-камъ можно было-бы догадаться...

— Конечно, каждая женщина очень-хорошо видитъ, если она кому-нибудь правится, но отъ простаго предпочтенія до любви еще очень-далеко. Щепенко сдѣлалъ ей формальное предложеніе, которое на всѣхъ всякой барышни тянетъ гораздо-болѣе романической привязанности. Впрочемъ, она не была поставлена въ положеніе выбора... Совѣтую вамъ прежде всего прямо объяснить ей и открыть ей вашу любовь.

— Но мнѣ кажется.... Будеть-ли ото ловко.... Открыть ей любовь свою, значитъ тоже, что просить ея руки.

— А вы еще не рѣшились на это, понимаю! При мысли о женитьбѣ любовь ваша опускаетъ крылья. Впрочемъ я и не совѣтую вамъ дѣлать прямаго объясненія. Главное, постарайтесь внушить ей, что Щепенко ея не стѣбитъ — это впрочемъ и правда, и что есть другой, который ждетъ только малѣйшаго знака расположенія съ ея стороны, чтобы открыться. Такимъ-образомъ вы ничѣмъ не рискуете и остаетесь въ сторонѣ. Скажите, между прочимъ, Лизанькѣ, что обожатель ея очень-вѣтряный человекъ, что онъ началъ ухаживать за нею только потому, что Настасья Всеволодовна отвергла его любовь, и что стѣбитъ ей сказать два ласковыхъ слова, — онъ тотчасъ-же опять начнетъ за нею ухаживать.

— И это все правда? спросилъ левъ съ худо-скрываемою радостью.

— Не совсѣмъ: Щепенко никогда не ухаживалъ за Бобковой. Это, можетъ-быть, отчасти происходило отъ того, что она никогда не обращала на него вниманія. Но онъ чрезвычайно самолюбивъ, и начини она обходиться съ нимъ ласково, я увѣрена, — что это будетъ ему чрезвычайно-лестно.

— О! въ такомъ случаѣ! вскричалъ левъ, вполне обнадежен-

пый? этотъ коломенскій франтъ погибъ невозвратно. Я самъ попрошу вашу департаментскую львицу взять его въ свои когти.

— Смотрите только, чтобы она не замѣтила, съ какою цѣлью вы хотите это дѣлать. Въ ней также очень-много самолюбія.

— Не безпокойтесь. Если я дурно веду атаку, то, по-крайней-мѣрѣ, умѣю хорошо обороняться.

— Желаю вамъ отъ-души одержать побѣду. Извините меня, если я васъ оставлю. Гости мои начинаютъ съѣзжаться.

И хозяйка перешла въ залу, пославши напередъ Ланицкому очень-милую улыбку, въ которой мелькало однако какое-то принужденное чувство.

Левъ, между-тѣмъ, усѣвшись въ углу гостиной, обдумывалъ планъ защиты, и осматривалъ лица, по-очередно являвшіяся на вечеръ.

Въ числѣ этихъ лицъ мелькнула передъ нимъ одна знакомая фізіономія человѣка, съ длиннымъ носомъ и Станиславомъ, котораго онъ во все это время очень-часто видалъ и у Пузыриныхъ, и у Невзориной, но съ которымъ не сказалъ ни одного слова. Сколько онъ могъ себѣ припомнить, человѣкъ этотъ былъ вообще неразговорчивъ, и леву показалось даже, что онъ ни разу не слышалъ, какъ изъясняется Акакій Павловичъ Сопенинъ, старшій помощникъ столоначальника, обладавшій, по увѣренію Невзориной, 60-ю душами въ Смоленской губерніи. Изъ любопытства и еще для того, чтобы какъ-нибудь убить время, въ ожиданіи пріѣзда Пузыриныхъ, Ланицкій подошелъ къ Сопенину, сказавши ему, какъ Чацкн Молчалину:

— Миѣ не удавалось ни разу, съ-тѣхъ-поръ, какъ мы знакомы, побесѣдовать съ вами, Акакій Павловичъ.

— Помилуйте! отвѣчалъ чиновникъ, съ низкимъ поклономъ.

— Скажите, много дѣла у васъ въ столѣ?

— Да-съ, достаточно!

— Вашъ столоначальникъ не нахвалится вашею дѣятельностію и усердіемъ къ службѣ.

— Помилуйте.

— Ну, а виѣ службы какъ вы проводите время, чѣмъ занимаетесь?

— Да такъ-съ, ничего-съ!

— Часто вы бываете въ обществѣ, или больше въ семейномъ кругу?

— У меня нѣтъ родныхъ. Я человѣкъ одинокій-съ.

— Неужели вамъ не надоѣла холостая жизнь. Съ вашимъ со-

стояніемъ вы-бы легко могли найти себѣ достойную подругу въ жизни.

— Помилуйте! сказалъ чиновникъ обиженнымъ тономъ, какъ будто сердясь за то, что его спрашиваютъ о предметахъ, все некасающихся до службы.

— Въ семействахъ нашихъ чиновниковъ есть много прекрасныхъ дѣвицъ. Вѣроятно, всякая почла-бы за счастье раздѣлить съ вами бремя жизни и службы.

— Помилуйте-съ! вы все говорите такія вещи! — прервалъ чиновникъ ужъ чисто тономъ оскорбленнаго достоинства, и отошелъ отъ Ланицкаго, который едва могъ скрыть свой смѣхъ.

Между-тѣмъ пріѣхали Пузырины. Аграфена Купріяновна явилась въ фантастическомъ чепцѣ, напоминавшемъ архитектурныя постройки древнихъ Мидянъ и Ассирійянъ. Анна Петра Семеновича занимала чуть не полманьшки, а красная лента ея была такъ широка, что выходила на затылкѣ выше галстука. Лизавета Петровна была еще милѣе, бѣлѣе, свѣжѣе и розовѣе обыкновеннаго. При взглядѣ на нее левъ почувствовалъ, что любовь его была точно сильнѣе, чѣмъ онъ самъ думалъ. Ланицкій бросился ангажировать ее на кадрили.

— Извините, я уже ангажирована! отвѣчала барышня.

Ланицкій поднялъ голову; за Лизаветой Петровной сіяла торжественная фигура Щепенки.

Левъ скрылъ досаду и ревность, попросилъ барышню на второй кадрили и подошелъ къ вошедшей въ то время Бобковой, сдѣтой точно также, какъ въ этотъ же вечеръ была одѣта графиня Д. на балѣ у англійскаго посланника.

— Вы сегодня, просто, очаровательны, Настасья Всеволодовна, говорилъ левъ, садясь подлѣ нея, и рѣшившись спуститься до пошлостей, лишь-бы только достигнуть цѣли.

— Flatteur, отвѣчала Бобкова, грозя ему пальчикомъ, какъ настоящая графиня Д.

— Глядя на васъ, можно-ли подумать, что между этими чиновничьими сердцами и департаментскими душами есть такія, которыя осмѣливаются отвергать не только ваше превосходство и красоту, но даже сомнѣваться въ вашемъ умѣ и любезности.

— У всякаго свой вкусъ, отвѣчала довольно-холодно Настасья Всеволодовна.

— Но и у вкуса есть законы. Можетъ нравиться или не нравиться какой-нибудь незначущій предметъ, но отвергать достоинство или красоту, всеми признанныя и утвержденныя, воору-

жаться противъ общаго приговора и рѣшенія, значить брать на себя слишкомъ-много.

— Эти люди могутъ имѣть какую-нибудь причину отзываться обо мнѣ съ неуваженіемъ.

— Мнѣ кажется, что если-бы я былъ женщиной, то простилъ-бы скорѣе ненависть ко мнѣ, чѣмъ презрѣніе.

— Презрѣніе? вскричала Бобкова съ видимой досадою. Кажется, что никто изъ окружающаго насъ общества не имѣетъ права презирать меня.

— Знаете ли, Настасья Всеволодовна, какъ въ подобномъ случаѣ поступила однажды графиня Д.

— Она своими насмѣшками заставила этого человѣка избѣгать встрѣчи съ нею, заставила его просить у нея прощенія?

— Это было-бы слишкомъ-обыкновенно. Она стала, напротивъ, обращаться съ нимъ гораздо-лучше, чѣмъ съ другими поклонниками, покорилась, по-видимому, его волѣ, была съ нимъ такъ мила и любезна, что заставила его влюбиться въ себя по-уши, и однажды, когда онъ осмѣлился сдѣлать ей формальное признаніе въ любви и просить ея взаимности, всему высшему кругу петербургской аристократіи разсказала исторію презрѣнія и обращенія этого человѣка и свою выдумку, скрывая, конечно, имена, которыя впрочемъ были и ненужны — такъ ясны были всѣ подробности происшествія. Дѣло, разумѣется, кончилось тѣмъ, что мистифицированный герой долженъ былъ бѣжать изъ большаго свѣта, уѣхалъ на Кавказъ и былъ тамъ убитъ,

— Это прекрасно! вскричала Настасья Всеволодовна: это превосходно!

— Вамъ предетоптъ теперь случай сдѣлать тоже самое, сказалъ Ланицкій, съ какою-то торжественностію. Принимая въ васъ искренное участіе, я не могу скрыть отъ васъ, что Петръ Петровичъ Щепенко отзывается объ васъ съ чрезвычайнымъ неуваженіемъ. Вчера, при мнѣ и при Натальѣ Васильевнѣ, онъ смѣлъ сказать что не понимаетъ, какъ могутъ умные люди находить удовольствіе въ разговорѣ съ вами, и что онъ гордится тѣмъ, что никогда не сказалъ вамъ ни одного комплимента.

— Дерзкій мальчишка! вскричала Бобкова въ досадѣ, не замѣчая сильной краски, которая выступила на лицѣ льва, послѣ его безсовѣстной лжи: — то правда, что я почти никогда не говорила съ нимъ, ни слова, но только потому, что онъ не стоилъ моего вниманія. Благодарю васъ, что вы мнѣ открыли глаза на его счетъ. Я покажу ему, что значить презирать меня!

И департаментская львица встала съ своего мѣста и твердыми шагами пошла прямо къ Щепенко, который стоялъ за стуломъ Лизаветы Петровны и нашептывалъ ей какія-то любезности. Съ своего мѣста Ланцкій не могъ слышать, что она сказала ему, но онъ видѣлъ изумленіе, ясно выразившееся на безжизненномъ лицѣ помощника столоначальника, видѣлъ, какъ Бобкова отошла и сѣла вмѣстѣ съ нимъ въ противоположный уголъ гостиной.

— *Hippé!* сказалъ левъ и пошелъ отыскивать Наталью Васильеву, чтобы рассказать ей о своемъ разговорѣ съ Бобковой, и попросить ее, на всякій случай, подтвердить сказанную имъ ложь.

VIII.

Въ два кадрия, протанцованные со Щепенко, Настасья Всеволодовна овладѣла имъ совершенно. Разговоръ ихъ былъ чрезъвычайно-интересенъ, но мы не приводимъ его, потому-что это слишкомъ продолжилось бы нашъ и безъ того довольно-вяло-движущійся разговоръ. Довольно, если мы скажемъ, что къ концу вечера помощникъ столоначальника былъ безъ ума отъ начальницы отдѣленія, не отходилъ отъ нея ни на шагъ и совершенно забылъ о своей невѣстѣ. Левъ съ своей стороны протанцовалъ съ нею одинъ кадрий, намекнувши ей слегка на свою страсть и на измѣну Щепенко. Барышня была видимо не въ-духъ, кусала губки, отвѣчала отрывистыми фразами, и Ланцкій очень умно поступилъ, оставивши ее тотчасъ послѣ танцевъ одну — подумать объ явной перемѣнѣ жениха.

— Объяснялись-ли вы? спросила его хозяйка, встрѣтившись съ нимъ въ залѣ.

— Нѣтъ еще! Она теперь сердита на Щепенко; надо дать время усилиться ея досадѣ. Завтра утромъ я приѣду рѣшительно объяснитьсь съ нею.

— Я-бы вамъ совѣтовала дать пройти еще одному дню: вы и она въ это время можете лучше обдумать ваши планы и предположенія. Къ тому-же, послѣ-завтра Щепенко долженъ явиться за рѣшительнымъ отвѣтомъ къ Лизанкѣ, и я попрошу, чтобы Настасья Всеволодовна удержала его у себя весь этотъ день, подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

— Я не знаю, какъ благодарить васъ, отвѣчалъ левъ, нѣжно сжимая ей руку, которую она на этотъ разъ однако не отняла.

Весь этотъ вечеръ и слѣдующій день, Лавицкій продумалъ о своей любви. Вопросъ о ней, очевидно, былъ уже приведенъ въ совершенную ясность — и теперь ему оставалось только рѣшиться на одно: жениться или нѣтъ, быть или не быть? Какъ ни старался онъ отдалять это рѣшеніе, но надобно-же было наконецъ на немъ остановиться. Взвѣсивъ всевозможныя *pro* и *contra*, левъ наконецъ убѣдился, что онъ, говоря слогомъ старинныхъ романовъ, «не можетъ жить безъ нея», и потому отправился на третій день къ Пузыринымъ съ твердымъ намѣреніемъ предложить коломенской барышнѣ свою львиную лапу. «Какъ пріятно мнѣ будетъ самому образовать ее», думалъ онъ, сидя въ каретѣ: «давать ей уроки въ необходимыхъ свѣтскихъ познаніяхъ и въ умѣнн жить въ свѣтѣ, слѣдить за постепеннымъ развитіемъ ея бойкаго, природнаго ума, любить ее, какъ жену, и заниматься съ нею, какъ съ ученицею. Какъ пріятно мнѣ будетъ потомъ показать ее нашему холодному и невѣрующему свѣту, ее, живую, милую, образованную, остроумную, съ совершеннымъ знаніемъ свѣта, и въ тоже время чуждую его пороковъ, незараженную его губительною апатіею, его тяжелымъ равнодушіемъ ко всему высокому и прекрасному. Съ какою гордостью тогда скажу я нашимъ блестящимъ дамамъ: — Эта женщина, которой вы всѣ удивляетесь, была простою коломенскою барышнею. Я, моими стараніями, моею любовью — создалъ изъ нее свѣтскую даму. — О, я увѣренъ, что минута эта настанетъ скоро! Лиза! Лиза, мы будемъ счастливы!»...

И въ припадкѣ восторга, онъ, вбѣгая по лѣстницѣ въ четвертый этажъ, чуть не сбилъ съ ногъ водоноса, взбиравшагося подъ небеса съ двумя ведрами, которыхъ не снести-бы четыремъ нѣмецкимъ ремесленникамъ.

Самого Пузырина не было дома. Лавицкій очень-хорошо зналъ, что скорѣе солнце не выйдетъ когда-нибудь на небѣ, чѣмъ Петръ Семенычъ не явится въ департаментъ. Безъ него въ департаментѣ, какъ безъ солнца въ природѣ, были-бы мракъ и уныніе. Кромѣ-того, Петръ Семенычъ имѣлъ еще и то сходство съ этимъ свѣтиломъ, что никогда не хворалъ, точно также, какъ и солнце.

Дома была Аграфена Купреяновна, которая приняла гостя въ чепцѣ и въ шаль, для показанія знанія приличій. Въ гостиной, на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, у окошка, сидѣла за пальцами, Лизавета Петровна. Она была какъ-то важна и задумчива.

Маменька, поговоривши нѣсколько времени о погодѣ, о зимѣ, дороговизнѣ говядины и другихъ тому подобныхъ, пріятныхъ и

поучительныхъ предметахъ, употребила извѣстный маеввръ, который отъ сотворенія міра повторяютъ всѣ маменьки, имѣющія взрослыхъ дочекъ. Она ушла хлопотать по хозяйству, прося дочку покамѣть занять гостя.

По уходѣ маменьки, левъ нѣсколько времени сидѣлъ молча, смотря на потолокъ этой маленькой, довольно грязной комнатки, думая о томъ, какая страшная судьба занесла его въ этотъ міръ чиновниковъ, Аннѣ и Станиславовъ, разговоровъ о наградахъ, отчетахъ, отношеніяхъ, цѣнѣ муки и говядины, коломенскихъ любезностей, допотопныхъ идей и костюмовъ; какимъ случаемъ очутился онъ въ этой неуклюжей комнатѣ, гдѣ на потолкѣ были нарисованы яблоки, груши и виноградъ, у оконъ висѣли занавѣси, шитыя изъ старыхъ кисейныхъ платьевъ, со стѣны улыбались портреты Аннѣ на шеѣ и чудовищныхъ брошекъ, съ принадлежащими къ онимъ бюстами и лицами чиновниковъ и чиновницъ. Зачѣмъ явился онъ въ этой странной комнатѣ, гдѣ стѣны были выкрашены грязной охрой, истертая черная волосаная мебель была гораздо-старѣе хозяевъ, гдѣ одна половинка скрипѣла съ незапамятныхъ временъ подъ ногою всякаго, кто наступалъ на нее, и которую не приходило никому въ голову когда-нибудь починить. — Не смѣшно-ли, что онъ вздумалъ искать сердца и чувства въ груди барышни, до того перетянутой корсетомъ, что самому дѣлалось больно за нее? А между-тѣмъ эта барышня была такъ мила, такъ привлекательна, что левъ готовъ былъ броситься передъ нею на колѣни, и умолять ее о любви и счастіи.

Съ сильно-бьющимся сердцемъ, подошелъ онъ къ окошку и сѣлъ напротивъ нея.

— Что вы сегодня такъ скучны, Лизавета Петровна? спросилъ онъ ее.

— Такъ-съ! отвѣчала барышня съ лукавой улыбкою.

— Какъ вы провели время послѣ вечера у Натальи Васильевны?

— Обыкновенно-съ. Вчера цѣлый день была дома.

— У васъ никого не было?

— Никого!

Левъ помолчалъ съ минуту, посмотрѣлъ на барышню, которая, согнувшись надъ пальцами, какъ казалось, шила очень-усердно, и собравшись съ духомъ сказалъ:

— Позвольте мнѣ говорить съ вами откровенно, Лизавета Петровна.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчала барышня, въ разсѣянности, очевидно не думая о томъ, что говорила.

— Петръ Петровичъ предлагалъ вамъ свою руку? продолжалъ Ланицкій.

Барышня вспыхнула и, ничего не отвѣчая, еще болѣе нагнулась надъ пальцами.

— Вопросъ мой нескромный, конечно, но во мнѣ такъ велико участіе къ вамъ, что я рѣшился говорить объ этомъ. Я знаю *навѣрное*, что Щепенко сватался за васъ. Прошу васъ, умоляю сказать мнѣ, неужели вы согласились выдти за него?

Барышня не отвѣчала ни слова, но грудь ея сильно колебалась и щеки пылали самымъ яркимъ карминомъ.

— Вы молчите?... Неужели все кончено, неужели изъ одного самолюбія, изъ желанія надѣть чепчикъ и называться госпожою Щепенко, вы рѣшаетесь отдать вашу руку человѣку, который рѣшительно васъ не стѣитъ и во всѣхъ отношеніяхъ гораздо ниже васъ. Подумайте сами, хотя о матеріальныхъ невыгодахъ этого брака. Что за жалованье у этого человѣка, какія у него надежды въ будущемъ? Теперь, живя въ домѣ отца, вы не имѣете ничего лишняго, но и не нуждаетесь въ необходимомъ. Чтоже будетъ съ вами, когда вы, живя хозяйкою, узнаете бездну лишеній и этихъ мелочныхъ неприятностей, которыя отравляютъ жизнь нашу хуже, чѣмъ большія несчастія. Стѣитъ-ли вашего вниманія человѣкъ, который для одного ласковаго слова кокетки, забываетъ ту, на которой наканунѣ сватался, забываетъ часть, въ который онъ долженъ былъ услышать отъ нея рѣшеніе своей участи.

Барышня при этихъ словахъ подвинула голову; въ большихъ глазахъ ея сіяли досада и негодованіе. Рука ея съ поднятою иголкою остановилась въ воздухѣ.

— Павелъ Александровичъ, сказала она: Петръ Петровичъ дурной человѣкъ. Онъ не стѣитъ того, чтобъ объ немъ думать, не только чтобъ выдти за него замужъ. Хотя Настасья Всеволодовна и нарочно начала съ нимъ кокетничать, можетъ-быть, по чьей-нибудь просьбѣ (прибавила она, лукаво поглядывая на льва, котораго бросило въ жаръ при мысли, что барышня поняла его дѣйствія), но все таки онъ-бы не долженъ былъ и думать о другой женщинѣ, послѣ того, какъ за меня посватался. Если-бы онъ даже и пришелъ теперь, я-бы на-отрѣзъ отказала ему и сказала рѣшительно, что терпѣть его не могу.

— О! благодарю васъ! вскричалъ левъ съ восторгомъ.

— Я должна напротивъ благодарить васъ, скромно отвѣчала барышня: что вы вашими совѣтами открыли мнѣ глаза, показали мнѣ въ настоящемъ видѣ характеръ этого несноснаго Щепенко.— Ваше участіе...

— Лизавета Петровна!.. Неужели всѣ поступки мои приписываете вы только одному участію?

Барышня опять смутилась и спрятала голову въ пальцы. Левъ продолжалъ, съ возрастающимъ волненіемъ и жаромъ:

— Неужели вы до-сихъ-поръ не поняли того чувства, которое руководило всѣми моими поступками, заставило меня бросить большой свѣтъ и переселиться въ вашъ непышный кругъ, который только потому и привлекалъ меня, что въ немъ были вы, вы, о комъ я думаю день и ночь. Неужели вы думаете, что я-бы обратилъ вниманіе на любовь этого Щепенко, если-бъ самъ не любилъ васъ, какъ сумасшедшій. Теперь вы знаете то, что я хотѣлъ-бы скрыть отъ самого-себя, какъ отъ цѣлаго свѣта. Скажите, чего я долженъ надѣяться, что могу ожидать послѣ моего признанія!

Вопреки ожиданіямъ льва, барышня, вмѣсто замѣшательства, обратила прямо къ нему свои быстрые глазки, въ которыхъ блистало выраженіе какой-то гордой радости и лукавства, и отвѣчала ему твердымъ голосомъ.

— Я ожидала этого признанія и потому приготовилась отвѣчать на него. Простите-же и вы, въ свою очередь, мою откровенность, и выслушайте меня спокойно и хладнокровно. Вы мнѣ дали цѣлый день обдумать мое положеніе, и я вамъ за это чрезвычайно-благодарна. Явитесь вы еще вчера, я, можетъ-быть, дала-бы вамъ другой отвѣтъ, въ которомъ и вы и я современемъ могли-бы раскаяваться. Теперь-же я все обдумала и буду говорить съ вами прямо. Съ первыхъ вашихъ визитовъ къ намъ, я, конечно, поняла, что посѣщенія ваши не могли относиться ни къ папенькѣ, ни къ маменькѣ. Признаюсь вамъ, что это мнѣ было очень-пріятно, хотя я и не думала, чтобы вы когда-нибудь сдѣлали мнѣ предложеніе. Оно для меня чрезвычайно-лестно. Я совсѣмъ не романтическая дѣвушка, и матеріальные расчеты, какъ вы ихъ называете, также прежде всего пришли мнѣ въ голову. Но съ другой стороны, меня также не слишкомъ прельщаетъ вашъ большой свѣтъ, и я не имѣю сильнаго желанія ближе узнать его, особенно когда посмотрю на Настасью Всеволодовну, которая старается походить на какую-то знаменитую графиню. Я въ немъ рѣшительно буду не на своемъ мѣстѣ. Еще разъ

повторяю вамъ, что предложеніе ваше мнѣ пріятно, — по ска-зали вамъ по правдѣ, что я думаю, Павелъ Александровичъ? Во-первыхъ, я не слишкомъ увѣрена въ томъ, что вы меня любите. Можетъ-быть, васъ самихъ обманываетъ самолюбіе, и вы послѣ сами будете раскаяваться въ томъ, что предложили мнѣ вашу руку. Не случись тутъ сватовства Петра Петровича, вы-бы, можетъ-быть, обо мнѣ и не вспомнили. Вѣрю, что *теперь* вы чувствуете точно то, что говорите, но кто поручится мнѣ, что вы и всегда будете чувствовать тоже самое? Скажу вамъ чисто-сердечно, — мы съ вами не пара, Павелъ Александровичъ, или, какъ, это у васъ говорится, не созданы другъ для друга. Вы, вѣрно, не захотите краснѣть за свою жену, которая не знаетъ тонкостей вашего свѣта, и на каждомъ шагу можетъ сдѣлать такую ошибку, надъ которой вашъ свѣтъ будетъ вѣчно смѣяться. Да и мнѣ самой также будетъ не очень-пріятно, когда мужъ мой будетъ го-раздо-умнѣе меня, и говорить о такихъ вещахъ, въ которыхъ я ровно ничего не понимаю. По этому вы можете видѣть очень-ясно, что я не могу согласиться на ваше предложеніе. За-мужъ мнѣ надобно идти, конечно: я давно замѣчаю, что становлюсь въ тягость папенькѣ и маменькѣ, и отъ-того рѣшилась отдать свою руку, но не такому вѣтреннику, какъ Петръ Петровичъ, а чело-вѣку съ состояніемъ, который давно уже сватался за меня, и, молча, съ терпѣніемъ, ждалъ, когда я рѣшительно откажу ему, или назначу день свадьбы. Вотъ мой женихъ, Павелъ Алексан-дровичъ, прибавила она, вставая и показывая на вошедшаго Сопенина: надѣюсь, что вы одобрите мой выборъ.

Левъ остался на своемъ мѣстѣ, какъ пораженный громомъ. Онъ не могъ найти ни одного слова, чтобы выразить свою до-саду, гнѣвъ, негодованіе.... а Акакій Павловичъ, съ той-же пелзѣн-ною улыбкою, услыша послѣднія слова барышни, раскланывался и говорилъ.

— Помилуйте! какъ можно!

Левъ наконецъ собралъ растерянные мысли, взялъ шляпу и сказалъ:

— Вы правы! Благодарю васъ за урокъ. Смѣшонъ тотъ че-ловѣкъ, который, выйдя изъ своего круга, захочетъ въ другомъ, вышемъ или нишемъ, отыскивать того, что не нашелъ въ своемъ собственномъ. Вы надолго, если не навсегда, излечили меня отъ романтизма. Признаюсь даже, что въ васъ я не ожи-далъ найти столько благоразумія и расчетливости. До-сихъ-поръ

я думалъ, что хорошо знаю женщинъ, но въ первый разъ только узнаю, что такое *барышня*!

Левъ не могъ говорить болѣе. Досада душила его до такой степени, что онъ не находилъ словъ. Молча поклонился онъ и вышелъ съ растерзаннымъ сердцемъ изъ того дома, куда, за полъ-часа передъ тѣмъ, явился полный надежды и счастья. Онъ не помнилъ самъ, какъ доѣхалъ до дому. Взволнованный, вбѣжалъ онъ въ себѣ въ кабинетъ, и первый предметъ, представившійся глазамъ его, былъ Вельскій, сидѣвшій на маленькомъ кругломъ диванѣ, въ самомъ эпикурейскомъ положеніи.

IX.

— Я ждалъ тебя, сказалъ Вельскій своимъ обыкновеннымъ насмѣшливымъ тономъ. Мнѣ сказали, что ты уѣхалъ въ Коломну. Я собственно за тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы узнать, на чемъ остановилась твоя коломенская любовь. Знаешь-ли, что въ прошедшую субботу, на вечерѣ у князя О., говорила о тебѣ графиня Д.: Ланицкій влюбленъ до-того въ какую-то барышню, что ѣздитъ въ Александринскій театръ, и сочиняетъ для него водевили, потому-что барышня очень любитъ сочинителей.

— Какой вздоръ! вскричалъ, краснѣя, Ланицкій. Это было минутною прихотью, развлеченіемъ отъ скуки.

— Продолжавшимся почти три мѣсяца. Въ свѣтѣ въ это время можно успѣть раза три влюбиться, и разлюбить другъ-друга. Видно, въ Коломнѣ страсти гораздо-продолжительнѣе. Не мудрено, тамъ долженъ былъ климатъ теплѣе. Вѣдь Коломна чуть не на границѣ Китая.

— Полно смѣяться, Вельскій! выслушай серьезно, что я буду говорить тебѣ и потомъ посоветуй, что я долженъ дѣлать.

И Ланицкій разсказалъ ему всю свою исторію, со всѣми подробностями, со дня перваго представленія «Озера Волшебницъ», до послѣдней минуты включительно. — Положеніе мое, продолжалъ онъ, какъ ты видишь, чрезвычайно-затруднительно. Разумѣется, что я долженъ прервать все сношенія съ этимъ глупымъ кругомъ, въ который мнѣ никогда-бы не слѣдовало заглядывать, но какъ сдѣлать это? Скрыть-ли отъ свѣта, который трудно обмануть, мои пошлыя похождения, или первому начать смѣяться надъ ними? Я жду твоего совѣта?

— Ты не можешь пожаловаться, чтобы я не серьезно слушал тебя, сказалъ Вельскій. Въ твоёмъ разказѣ были мѣста, проникнутыя такимъ высокимъ комизмомъ, что надобно было имѣть характеръ индѣйскаго факира или египетскаго сфинкса, чтобы не расхохотаться отъ всей души. Твоя барышня, просто, удивительное созданіе. Вотъ настоящій типъ эманципированной русской женщины, какою я только могу вообразить ее. Если она въ семнадцать лѣтъ знаетъ такъ хорошо житейскую арифметику, то въ двадцать, безъ сомнѣнія, проведетъ самого Мефистофеля. Теперь ты всего лучше сдѣлаешь, если позабудешь о твоей смѣшной пассіи, и не только перестанешь ѣздить въ это курьезное общество, но и отвернешься отъ него, какъ отъ незнакомаго, если гдѣ-нибудь случится съ нимъ встрѣтиться. Въ свѣтъ-же ты, пожалуй, можешь увѣрять, что возобновлялъ въ это время связь съ стариннымъ предметомъ твоей страсти, съ этой Натальей Васильевной, что-ли?... Знаешь-ли, что ты-бы гораздо-лучше сдѣлалъ, если-бъ, вмѣсто твоей положительной барышни, вздумалъ ухаживать за начальницею отдѣленія. Мнѣ что-то сдается, что она не выпроводила-бы тебя, какъ барышня... А знаешь-ли, что вѣдь она очень-оригинальное созданія. Тебя, вѣроятно, поразилъ въ ней неожиданный переходъ отъ пошлостей первыхъ вашихъ разговоровъ, до послѣдняго, весьма-благо-разумнаго монолога, но въ этомъ-то самомъ переходѣ и выказался настоящій типъ *барышни*. Созданія эти совсѣмъ не такъ глупы, какъ кажутся съ перваго взгляда. Отличительный признакъ ихъ породы именно въ томъ и заключается, что пошлыя до крайности въ обыкновенныхъ свѣтскихъ разговорахъ, онѣ становятся очень разсудительны, когда дѣло коснется до важныхъ вопросовъ въ жизни. И твоя барышня разсчитала прекрасно. Такой мужъ, какъ Сопенинъ, будетъ вѣчно слугою и ширмами своей жены. Можетъ-быть, поступокъ ея потому именно и кажется намъ глупъ, что онъ гениаленъ.

Ланицкій не отвѣчалъ ни слова и о чемъ-то задумался.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ онъ, послѣ довольно-продолжительнаго молчанія. Что, если-бъ я теперь обратился къ Натальѣ Васильевнѣ?

— Она-бы учтивымъ образомъ попросила тебя не посѣщать ея дома. Прежде я-бы не поручился за это, но съ-тѣхъ-поръ, какъ ты имѣлъ глупость сдѣлать ее повѣренной своей любви къ этому комоленскому ангелу, она тебя, вѣрно, терпѣть не можетъ, и помогала тебѣ для того только, чтобы унижить твое са-

молюбіе. Обратиться съ предложеніемъ любви къ одной женщи-
нѣ, послѣ того-какъ любовь эту отвергла другая, и въ то вре-
мя, когда первая знаетъ объ этомъ, — по моему, также неучти-
во и глупо, какъ ангажировать на кадрили даму послѣ того, какъ
ея сосѣдка отказала вамъ. Это все равно, что сказать: Я не
васъ выбиралъ, но мнѣ отказали, и потому, за немѣнимъ луч-
шаго, обращаюсь къ вамъ.

— Ты все смѣешься! прервалъ левъ почти съ досадою.

— Нисколько. Я прибираю только сраженія попонятнѣе.
Мой совѣтъ забыть совершенно объ этой глупой исторіи, какъ-
будто-бы ея никогда и не было.

Леницкій вздохнулъ глубоко, взялъ со стола небольшую пи-
лочку и началъ ею очень прилежно скоблить свои ногти. Вель-
скій дѣшнво поднялся съ дивана и взялся за шляпу.

— И вѣдь пришло-же тебѣ въ голову влюбиться въ барышню,
то-есть, въ дѣвушку, сказалъ онъ въ дверяхъ. Развѣ ты не
знаешь, что *дѣвушка, pucelle, virgo*, есть существо неполное, не-
досозданное, своего рода моральный и физическій недопосонокъ,
евфоріонъ, отъ котораго нельзя требовать ни сознательныхъ по-
ступковъ, ни совершенныхъ чувствованій. Можетъ-ли любить
подобное существо, которое не понимаетъ еще хорошенько, что
значитъ это чувство? Ей съ малолѣтства твердятъ, что она дол-
жна заботиться только объ одномъ: найти себѣ мужа, и вѣрная
наставленіямъ дѣтства, она раздѣляетъ всѣхъ мужчинъ только на
два разряда: жениховъ и не-жениховъ. Чтобы любить надобно
видѣть и знать многое. Любовь не искусство, которое приобрь-
тается часто однимъ взглядомъ на предметъ, одною минутою
вдохновенія. Любовь — наука, а чтобы постичь науку, надобно
долго и прилежно заниматься ею. Любовь должна основываться
на выборѣ, на знаніи людей и ихъ чувствъ. А знаніе это мо-
жетъ приобрьсти только женщина, для которой природа чело-
вѣка не имѣетъ уже болѣе тайнъ. Можетъ-ли выбирать дѣвушка,
которой и общественныя приличія и семейный образъ жизни
позволяютъ видѣть только небольшой кругъ знакомыхъ? На
чемъ она можетъ основать свое предпочтеніе, если и придется
ей *выбирать* между своими кавалерами и присяжными поклон-
никами? На одной наглядной, поверхностной оцѣнкѣ лицъ и ха-
рактеровъ. Можетъ-ли умный, образованный чело-вѣкъ развер-
нуть передъ дѣвушкой все богатство своихъ мыслей, все разно-
образіе своихъ познаній? Если ему и удастся поговорить съ нею
съ поль-часа, безъ того, чтобы встревоженная маменька не по-

ДВА ЭГОИЗМА.

ДРАМА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно,
Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной;
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
И были и пусты, и хладны ихъ краткія рѣчи.

Лермонтовъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

СТЕПАНЪ СТЕПАНОВИЧЪ донской, московскій баринъ, членъ Англійскаго-клуба.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА, его жена.

ЛЮБОВЬ СТЕПАНОВНА или Эмѣ, сестра его, 30-лѣтняя дѣва.

ВЛАДИМИРЪ ПЕТРОВИЧЪ ставупинъ, молодой неслужащій человекъ.

НИКОЛАЙ ПЬЛИЧЪ столѣтній, капитанъ въ отставкѣ.

БОРИСЪ ОБОДОРЫЧЪ Вязминъ, 18 лѣтній юноша.

КОБЫЛОВИЧЪ, заѣзжій петербургскій чиновникъ.

БАСКАКОВЪ, философъ-славянофилъ.

МЕРТВЫЛОВЪ, философъ-гегелистъ.

ВѢТУШЕВСКІЙ, фурьеристъ изъ Петербурга.

РАСКАТИНЪ, молодой поэтъ, подающей большія надежды.
 ЛОМБЕРОВЪ, поэтъ безнадежный.
 ПОДГОСЛОВЪ, опасный сосѣдъ.
 ОТЕЦЪ СЕМЕЙСТВА.
 ПОСТИНЪ, богатый откупщикъ.
 КОРНЕТЪ.
 ДОКТОРЪ ГОЛЬДЗЕЛНГЪ.
 ВѢРА ВЯЗМИНА.
 ЕЛЕНА.
 ДАМА ПОДЪ ВУАЛЕМЪ.
 НЕЗНАКОМЕЦЪ.
 МАСКН.

Дѣйствіе въ Москвѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Авансъ-зала Благороднаго-собранія, на-лѣво рядъ колоннъ. Маски и лица безъ масокъ входятъ почти безпрестанно. Изъ залы несутся звуки Hoffnungs-Strahlen.

СТАВУНИНЪ, *(въ маскѣ и шляпѣ выходитъ изъ залы и медленно идетъ къ кресламъ на-право. Вскорѣ за нимъ Капуцинъ.)*

СТАВУНИНЪ *(про себѣ.)*

Безумецъ! таже дрожь и нетерпѣнье тоже,

Какъ за пять лѣтъ тому назадъ.

И для чего я здѣсь? чего ишу я, Боже?...

Чего я трепещу, чему я глупо радъ?...

Пять лѣтъ.... Давно, давно.... Иль не дано забвенья

Душѣ измученной моей...

Иль въ пустотѣ ея сильнѣе и сильнѣй

Воспоминанія мученья?...

Иль есть предчувствіе? Иль точно было намъ

Не суждено разстаться безъ признанья
И равнодушнаго страданья
Мы выпьемъ чашу по-поламъ?

капуцинъ (ударя ево по плечу, тихо).

Memento mori. .

ставуинъ (спокойно взглядывался въ него).

Вы ошиблись, вѣроятно,

Святой отецъ!

капуцинъ.

Что, вѣрно, не совѣмъ,

Memento mori нравится вамъ всѣмъ?...

Напоминаеь неприятно?

ставуинъ.

Ступай къ другимъ, тебѣ я незнакомъ.

капуцинъ.

Богъ вѣдаетъ, по дѣло лишь въ одномъ

Memento mori. Часъ расплаты,

Быть-можетъ, близокъ. Быстрымъ спомъ

Бѣгутъ минуты безъ возврата.

ставуинъ.

Я' старыхъ петинъ не люблю,

Ступай другихъ морочить имп...

капуцинъ.

Я такъ не говорю съ другими, —

На уду ихъ другую ловлю...

ставуинъ (оборачивался къ нему спиною).

Такъ въ добрый часъ!

капуцинъ (тихо).

Ставуинъ.... Въ часъ послѣдній

Ты также-ль скажешь въ добрый часъ?...

СТАВУНИНЪ (*быстро оборачиваясь, но твердо и спокойно*).

А отъ чего-же нѣтъ? Давно не рабъ я бредней,
И удивить меня труднѣе во сто разъ,
Чѣмъ знать, что многіе не знаютъ ..

КАПУЦИНЪ.

Memento mori — повторяютъ
Уставы братства моего...

СТАВУНИНЪ.

И что-же? Вѣрно, отъ того
Гораздо легче умираютъ?

КАПУЦИНЪ.

Быть-можетъ.

СТАВУНИНЪ.

Знаешь-ли — тебѣ обязанъ я
За развлеченіе...

КАПУЦИНЪ.

Давно душа твоя
Искала мира и забвенья, —
Ты ихъ найдешь....

СТАВУНИНЪ.

Все это знаю я.

КАПУЦИНЪ.

И скоро можетъ-быть....

СТАВУНИНЪ (*задумчиво*).

Но тайны разрѣшенья
Добиться-ль мнѣ?.... (*Капуцинъ уходитъ*).

Кто онъ? Но что за дѣло мнѣ?

Смутить меня не могъ онъ рѣчью страшной....

Вѣдь къ жизни-ль, къ смерти-ль, постоянно

Я равнодушенъ — и вполнѣ. (*Садится*).

вѣзми нѣ и столѣтній, (*въ костюмѣ пѣтуха, рука объ руку*).

СТОЛѢТНІЙ.

Вотъ видишь, милый мой.... я плохо какъ-то вѣрю

Въ эманципацію — и въ этомъ вовсе я

Для странности не лицемѣрю.

По моему, для женщины семья

Есть дѣло первое. Донская,

Положимъ и умна, какъ бѣсъ, и хороша....

ставунинъ (*вздрагивая, про-себя*).

Донская....

СТОЛѢТНІЙ.

Но повѣрь, моя душа,

Что мужу-то съ ней каторга прямая....

вѣзми нѣ (*съ жаромъ*).

Молчи — не оскорбляй, чего не въ-силахъ ты

Понять и оцѣнить. Вглядѣлся-ль ты глубоко

Въ ея болѣзненно-прозрачныя черты?

Въ ея страданіемъ сіяющее око?....

Да! женщины судьбу готовы вы всегда

Понять по своему — и гнуснаго суда

Неотмѣнимы приговоры....

Зачѣмъ она чиста, зачѣмъ она горда,

Зачѣмъ больна она? Зачѣмъ пустые вздоры

Ее не могутъ занимать....

Зачѣмъ ей гадокъ мужъ? Какъ смѣешь презиратьъ

Она рабовъ общественнаго мнѣнья?....

СТОЛѢТНІЙ.

Не то, совсѣмъ не то.... Вѣдь мужа жизнь — мученье;

Его не знаешь ты — добрейшій человекъ;

Не много лгать привыкъ — и то, когда женился;

Водой не замутить — и безъ нея-бы въ вѣкъ

Съ нимъ никогда, никто не поборанлся.

(*Уходятъ оба въ залу*).

СТАВУНИНЪ.

Я узнаю ее... Проклятiя печать
 Лежить на ней — ей суждено страдать,
 И мучить суждено. Но Боже, эти муки
 Мнѣ возврати скорѣй... Бѣжалъ я тщетно ихъ,
 Ни здѣсь, ни въ небѣ, нѣтъ разлуки
 Для насъ двоихъ!

СТАВУНИНЪ, РОЗОВОЕ ДОМНО.

РОЗОВОЕ ДОМНО, *(вглядываясь, про себя)*.

Да — это точно онъ, меня не обманули,
(ему).

Je vous connais beau masque....

СТАВУНИНЪ.

Едвадь —

А если такъ, то очень-жаль....

РОЗОВОЕ ДОМНО.

Жаль — отъ чего-жь?

СТАВУНИНЪ.

Вы вспомянули

Некстати слишкомъ старину.

Скажу вамъ истину одну,

Увы! печальную, быть-можетъ :

Я знаю васъ....

РОЗОВОЕ ДОМНО.

И что-же?...

СТАВУНИНЪ.

Это васъ тревожить?

Не правда-ли?... Но вѣрьте, между насъ

Давнымъ давно печальною развязкой

Окончилась комедiя — одно

Скажу я вамъ: разстались мы давно.

розовое домино (сз видимымъ волненіемъ).

Хотите-ль васъ я позабавлю сказкой,
И длинною?

ставунинъ (спокойно подавая стулъ).

Садитесь, — все-равно, —

Я слушаю.

розовое домино (сз трепетомъ).

Она и онъ когда-то...

ставунинъ (улыбаясь).

Она и онъ — заглавіе старо....

розовое домино (сквозь слезы).

О, знаю я, что вамъ ничто не свято,

Что надо всѣмъ вы шутите остро,

Но умоляю васъ, какъ брата,

Какъ друга, выслушать....

ставунинъ.

Извѣстно вамъ, что слезъ

Я не терплю — воспоминаній то же.

розовое домино.

Ставуинъ... я была тогда моложе

И вѣтреннѣй...

ставунинъ.

И кромѣ дѣтскихъ грезъ

Изъ жизни ничего не вынесли вы, Боже!

О, мнѣ васъ жаль, глубоко жаль.

розовое домино.

И только?....

ставунинъ.

Что-же вамъ угодно?

РОЗОВОЕ ДОМИНО (*схватывая его за руку*).
Любви....

СТАВУНИНЪ.

Увы — любовь свободна.

РОЗОВОЕ ДОМИНО.

Ты любишь?

СТАВУНИНЪ.

Можетъ-быть.

РОЗОВОЕ ДОМИНО.

Любилъ?

СТАВУНИНЪ.

Едваль.

РОЗОВОЕ ДОМИНО (*грустно*).

По крайней-мѣрѣ!

СТАВУНИНЪ.

Рада ты?

РОЗОВОЕ ДОМИНО.

Чему-же?

Мнѣ развѣ лучше отъ того,

Что для тебя на свѣтѣ хуже?..

Ты женщинъ знаешь, можетъ-быть,

Но не совѣмъ....

СТАВУНИНЪ

Любить и мстить

Вотъ общій ихъ девизъ....

РОЗОВОЕ ДОМИНО.

О нѣтъ.... любить, любить

И только.... Ты бѣжишь....

СТАВУНИЦЪ (*вставая*).

Прощайте, маска....

РОЗОВОЕ ДОМИНО.

Минуту; общалъ ты — что-же сказка?

СТАВУНИЦЪ.

Конечъ я знаю напередъ

РОЗОВОЕ ДОМИНО.

А если нѣтъ?....

СТАВУНИЦЪ.

Такъ пусть неожиданно онъ придетъ.

(*Уходитъ*).

РОЗОВОЕ ДОМИНО (*потомъ капуцинъ*).

Безумная!... искать, что отвергала прежде
И глупо вѣрить такъ несбыточной надеждѣ....

О Боже, Боже! пала я....

Но что-бы ни было, слезами и тоскою

Ужель хоть мигъ одинъ забвенья съ тобою

Не заслужила я?....

КАПУЦИНЪ.

Зачѣмъ ты здѣсь?

РОЗОВОЕ ДОМИНО.

Кто вы?....

КАПУЦИНЪ.

Тебѣ скажу я

Кто ты?

(*Говоритъ ей на ухо*).

РОЗОВОЕ ДОМИНО (*съ смущеніемъ*).

Что-жъ далѣе?

Два эгоизма

КАПУЦИНЪ.

Ты хочешь?

РОЗОВОЕ ДОМИНО.

Да, хочу....

КАПУЦИНЪ (*тихо*).

Оставь его....

РОЗОВОЕ ДОМИНО.

Его?....

КАПУЦИНЪ.

Твою мечту пустую.

Тебя не любить онъ.

РОЗОВОЕ ДОМИНО.

Молчите.

КАПУЦИНЪ.

Я молчу.

РОЗОВОЕ ДОМИНО.

Кого онъ любить?

КАПУЦИНЪ.

Я молчу.

РОЗОВОЕ ДОМИНО.

Скажите,

Что нужно вамъ: моленій, слезъ?... Кого
Онъ любить?.... Говорите, говорите....

КАПУЦИНЪ.

Узнаете.... За мною.

РОЗОВОЕ ДОМИНО.

Для чего?

КАПУЦИНЪ.

Узнаете.

(*Подаетъ ей руку; они уходятъ*)

ВЯЗМИНЪ, БАСКАКОВЪ (рука объ руку).

БАСКАКОВЪ.

Семья — славянское начало,
 Я въ диссертациі моей
 Подробно изложу, какъ въ ней преобладала
 Безъ примѣси другихъ идей
 Идея чистая, славянская идея....
 Читая Гегеля съ Мертвиловымъ вдвоемъ,
 Мы согласились оба въ томъ,
 Что, чувство съ разумомъ согласовать умѣя,
 Различіе половъ — Славяне лишь одни
 Уразумѣть могли такъ тонко и глубоко....
 У нихъ однихъ, отъ самой старины,
 Поставлена разумно и высоко
 Идея мужа и жены....
 Жена не гес у нихъ, не вещь, но пѣчто; воля
 Не признается въ ней конечно, но она
 Законами ограждена....
 Мужъ можетъ бить ее, но убивать не смѣетъ:
 Надъ ней духовное лишь право онъ имѣетъ,
 И только частію in corpore: притомъ
 Глубокій смыслъ въ преданьи томъ
 Иль лучше въ мысли той о власти надъ женою.
 Пусть проявляется подъ жесткою корою,
 Подъ формою побой; что форма? Признаюсь,
 Семья меня всегда приводитъ въ умиленье....
 Власть мужа, и жены покорное смиренье....
 Чета славянская — я ей не надивлюсь!

ТѢЖЕ, ПѢТУШЕВСКІЙ, МЕРТВИЛОВЪ.

МЕРТВИЛОВЪ.

Баскаковъ — вотъ рекомендую
 Мосѣ Пѣтушевскій....

ПѢТУШЕВСКІЙ И БАСКАКОВЪ (кланяются другъ
 другу и проникаютъ одинъ другаго взглядами).

ПЪТУШЕВСКИЙ.

Васъ узнать
 Давно хотѣлось мнѣ.... Я истины искать
 Привыкъ во всемъ, и мнѣнѣя чту я.

БАСКАКОВЪ.

Да.... то-есть, мнѣнѣе....

ПЪТУШЕВСКИЙ.

Да, субъекты изучать,
 Какъ анатомикъ, я въ виду имѣю....
 Семейства, слышалъ я, штудирую идею

О немъ хотите вы писать?

Вы — новый мiръ Фурье изволили читать?

БАСКАКОВЪ (*вспылчиво*).

Фурье, сударь.... ужель отсталое ученье?

ПЪТУШЕВСКИЙ (*оскорбленный*).

Отсталое? — Я фурьеристъ.

БАСКАКОВЪ.

Тѣмъ хуже вамъ — вы въ заблужденнѣ.

ПЪТУШЕВСКИЙ (*насмѣшливо*).

Не вы-ль скорѣй, московскій гегельистъ?

МЕРТВИЛОВЪ (*становясь между ними*).

Messieurs, помилуйте.... За мнѣнѣя!

ПЪТУШЕВСКИЙ.

Но мнѣнѣ

И человекъ — одно и то-жь...

МЕРТВИЛОВЪ.

Э, полноте шутить, — ну кто-жь
 Серьезно вѣрить въ убѣжденье?

ТЪ-ЖЕ, ДОНСКОЙ, ДОНСКАЯ (за нею два поэта).

ДОНСКАЯ (обращаясь къ нимъ).
Bon soir, Messieurs....

МЕРТВИЛОВЪ (давая ей дорогу).

Madame.

ДОНСКАЯ (къ Баскакову).

Вы спорили?

ПЪТУШЕВСКІЙ (красуясь).

Со мной.

ДОНСКАЯ (небрежно).

Танцуютъ тамъ?

Вязминъ.

Давно.

ДОНСКАЯ (подавая ему руку).

Вы нынче мой.

Вязминъ (робко и почтительно).

Madame....

ДОНСКАЯ (къ тремъ философамъ).

Къ себѣ васъ завтра жду я....

(Они безмолвно кланяются).

(Мужу). Etienne, поправьте мнѣ боа...

Какъ душно, Боже мой....

(Мужу и двумъ поэтамъ).

Messieurs, suivez moi.

БАСКАКОВЪ, МЕРТВИЛОВЪ, ПЪТУШЕВСКІЙ.

МЕРТВИЛОВЪ (въ серединѣ).

Не вздорьте, господа....

ПЪТУШЕВСКІЙ.

Всѣ мнѣня свято чту я....

МЕРТВИЛОВЪ (à parte).

Свое особенно.... (Въ-слухъ).

Я также гегелистъ,

Какъ онъ, какъ всѣ въ Москвѣ... здѣсь рѣдкость фурьеристъ.

Подайте-жъ руки мнѣ....

(Соединяетъ ихъ руки).

Обоихъ васъ везу я

Отсюда въ Англійскій... За ужиномъ скорѣй

Сойдутся крайности идей...

(Уходитъ подъ руку съ обоими, Баскаковъ видимо недоволенъ).

СТОЛѢТНІЙ (выходитъ изъ залы).

И вотъ онъ, ихъ кумиръ...! За нихъ мнѣ, право, стыдно.

Какъ мальчиковъ она трактуетъ ихъ,

А имъ нисколько не обидно....

Презрѣнье женщины... Ея насмѣшекъ злыхъ

Они совсѣмъ не замѣчаютъ....

Эхъ, жаль мнѣ Вязмина — имъ женщины играютъ,

Какъ куклою....

(Садится).

КАПУЦИНЪ (подходитъ къ нему).

Кричи скорѣй пѣтухъ,

Зови скорѣе часъ разсвѣта....

СТОЛѢТНІЙ.

Гм! кажется, что мнѣ знакома маска эта....

Кто вы?...

КАПУЦИНЪ.

За-чѣмъ тебѣ? Твой другъ.

СТОЛѢТНІЙ.

Пусть будетъ такъ... Что-жъ дальше.

КАПУЦИНЪ.

Пробужденье

Отъ сна любви, отъ жизни сна

Подъ-часъ невесело.... Лови скорѣй мгновенье

У женщины — какъ вольная волна,
Лобзаетъ грудь твою она,
Потомъ уходитъ вдаль, упасть на грудь иную...

СТОЛѢТНІЙ.

Загадки!...

КАПУЦИНЪ.

Разгадать успеешь скоро самъ....

Скажу одно — не вѣрь волнамъ....

СТОЛѢТНІЙ.

Какимъ волнамъ?... Оставь игру пустую.

КАПУЦИНЪ.

Ты вѣришь? Да.... но вѣру потерять

Придется, можетъ-быть....

СТОЛѢТНІЙ (блѣдитъ).

Ты долженъ мнѣ сказать....

ТѢ-ЖЕ, ПОДКОСИЛОВЪ (Капуцинъ уходитъ).

ПОДКОСИЛОВЪ.

Моншеръ, не скроешься.... у Ваньки я справлялся,

Въ чемъ ты сегодня отправлялся....

Ну, молодець-же, пѣтухомъ!

Да что-же ты молчишь.... Ну полно-же, кутнемъ

Сегодня мы съ тобой?

СТОЛѢТНІЙ (хочетъ идти за капуциномъ).

Оставь меня.

ПОДКОСИЛОВЪ.

Куда ты?

Что Вѣрочка твоя?... Ея я видѣлъ брата

Недавно.... Что съ тобой?

Два эгоизма

СТОЛЪТНІЙ (съ нетерпѣніемъ).

Я нездоровъ.

Пойдемъ

ПОДКОСИЛОВЪ.

Отсюда! Скучно здѣсь.... кутнемъ душа, кутнемъ....

Развеселись-же, братъ!... ты общалъ недавно
Со мною покутить.... мы дернемъ на лихихъ

СТОЛЪТНІЙ.

Чтобъ чортъ тебя побралъ!

ПОДКОСИЛОВЪ.

Мы въ таборъ хватимъ въ мигъ.

И «Я на лавочкѣ сижу».... отдернуть славно.

Поѣдемъ-же.

СТОЛЪТНІЙ.

Отстанъ

ПОДКОСИЛОВЪ.

«Пойду, пойду косить»....

Эхъ чортъ меня возьми.... Душа, тебя люблю я....

Поѣдемъ-же.... Ну, что ты за подлецъ!

Самъ для тебя въ присядку отдеру я....

Поѣдемъ, милочка....

ТЪ-ЖЕ ЛОМБЕРОВЪ (съ неостественно-растрепанною физиономією).

ЛОМБЕРОВЪ (не замѣчая никого).

Итакъ всему конецъ....

Непризнанный людьми, обманутый любовью....

О! я обиду смою кровью

ПОДКОСИЛОВЪ (подходя къ нему и держа одного комика).

О! крови, крови жажду я!

ЛОМБЕРОВЪ.

Эхъ, Боже мой — все тѣже вѣчно шутки.

ПОДКОСИЛОВЪ (подмигивая).

Кутнемъ, душа.

ЛОМБЕРОВЪ.

Ни, ни.... ни за что.

ПОДКОСИЛОВЪ.

Лудки!

Вѣдь ты поэтъ, вѣдь ты — душа!

Ну пусть Донская хороша,
Да Груша, Груша-то чего-нибудь да стоить.

ЛОМБЕРОВЪ.

Когда-бъ ты зналъ.... Молокососъ
У ней какой-то тамъ.

ПОДКОСИЛОВЪ.

Эхъ плюнь, душа — не стоить!

Зацѣпимъ лихача.

ЛОМБЕРОВЪ.

Куда-же?

ПОДКОСИЛОВЪ.

Вотъ вопросъ!

Извѣстно ужъ куда!

ЛОМБЕРОВЪ.

Я твой.... Живую душу

Я утоплю въ винѣ.

ПОДКОСИЛОВЪ.

Поѣдемъ слушать Грушу.

(Уходитъ подъ руку съ Ломберовымъ, напывая въ-полголоса).

Съ тобой на полъ чести

Съ тобою неразлучно....

Съ тобою встрѣтимъ вмѣстѣ
Побѣду или смерть....

СТОЛѢТНІЙ.

Мнѣ душно.... голова горитъ
Кто эта маска?... что за рѣчи?....
Быть-можетъ, вздоръ, но кровь моя кипитъ....
Пойду искать съ нимъ новой встрѣчи. *(Уходитъ).*

донская *(объ руку съ Ставунинимъ).*

СТАВУНИНЪ.

Но если для-кого забвенья нѣтъ
Но если для-кого и муки даже сладки?...

донская.

Повѣрьте мнѣ, что вотъ ужъ много лѣтъ
Я небольшая болѣзью лихорадки....

СТАВУНИНЪ *(съ ироніей).*

Я вѣрю вамъ.... я вѣрить вамъ готовъ
Во всемъ, хотя-бы вы сказали мнѣ, что въ счастье
Вы вѣрите, что любите глупцовъ,
Что въ нихъ вы ищете участя....
О вѣрьте мнѣ, во всемъ, я вѣрить вамъ готовъ....
И какъ не вѣрить вамъ?...

донская.

Мнѣ кажется, вы сами
Теперь играете словами?

СТАВУНИНЪ.

Не правда-ли?... О да! вамъ это лучше знать,
Вы такъ въ игрѣ искусны этой....

донская *(задумчиво идя съ нимъ).*

Вы странны какъ всегда.... законовъ свѣта
Вы такъ упорно не хотите знать?

СТАВУНИНЪ (*насмѣшливо*).

А вы ихъ знаете?... Скажите, ради Бога,
Давно-ль? Послушайте: я зналъ васъ слишкомъ-много,
Чтобы теперь васъ также знать!
Къ чему притворство вамъ со мною?....
Я васъ не стану упрекать
Иль тѣшить праздною хвалою....
Я знаю васъ.

ДОНСКАЯ (*играя концомъ боа*).

Давно вы здѣсь?

СТАВУНИНЪ.

Вчера приѣхалъ я.

ДОНСКАЯ (*бросая на него испытующій
взглядъ*).

И надолго?

СТАВУНИНЪ.

Богъ вѣсть!

ДОНСКАЯ.

Зачѣмъ вы здѣсь?

СТАВУНИНЪ.

Зачѣмъ? Я самъ не знаю....

Есть слово: такъ! я все имъ объясняю.

ДОНСКАЯ (*качая головою*).

Безумецъ вы по-прежнему.

СТАВУНИНЪ.

Всегда.

Себѣ я вѣренъ.... Кстати, хотъ случайно,
Собою вы бываете-ль когда?

ДОНСКАЯ.

Была.

СТАВУНИНЪ.

Но будете-ль?

ДОНСКАЯ.

Покаместъ это тайна.

СТАВУНИНЪ.

Неразрѣшимая?

ДОНСКАЯ.

Быть-можетъ.

СТАВУНИНЪ.

Никогда?

ДОНСКАЯ.

Есть часъ одинъ, когда вполне собою
Я буду.

СТАВУНИНЪ.

Это?

ДОНСКАЯ.

Смертный часъ.

СТАВУНИНЪ.

Но онъ далекъ....

ДОНСКАЯ.

И близокъ онъ отъ насъ.

СТАВУНИНЪ.

Смѣтеть вы....

ДОНСКАЯ.

Надъ чѣмъ-же?

СТАВУНИНЪ.

Надъ судьбою!

ДОНСКАЯ.

Ее я жду съ покорностью нѣмою.

СТАВУНИНЪ.

А ежели она неожиданно встрѣтитъ васъ?

Такъ что-же?

донская (грустно).

Тъ-же. Донской, Раскатиный, еще нѣсколько молодыхъ людей.

донская (идя къ нимъ на-встрѣчу).

Вотъ мой мужъ.... Этьень, рекомендую Знакомый старый мой, Monsieur Ставунинъ.

донской (дружески тряся руку Ставунина).

Радъ, Душевно радъ.... Васъ въ клубъ не видать?

ставунинъ.

Я только что вчера....

донской.

Я васъ балотирую. Пожалуй, завтра-же.... Вы завтра, вѣрно, къ намъ.

донская.

Вы будете?...

ставунинъ.

Когда угодно вамъ....

раскатиный (лорнируя, про себя).

Ставунинъ.... Qu'est ce que c'est?.... Соперникъ неопасный.

донской (Ставунину).

Вѣдь вы играете, надѣюсь?

ставунинъ.

Иногда.

донской.

Теперь-бы партію составить.

СТАВУНИНЪ.

Я всегда.

Къ услугамъ вашимъ.

(Донской беретъ его подъ руку и ведетъ съ собою. Донская садится у колонны и разспянно смотритъ имъ въ-слѣдъ. Раскатинъ лорнируетъ и красуется).

РАСКАТИНЪ (*es parte*).

Трудъ напрасный

Припоминать....

(Донской).

Вамъ кажется скучна

Веселость общая.... быть-можетъ, вы устали.

ДОНСКАЯ (*вздрагивая*).

Ахъ! Боже мой, меня вы напугали.

РАСКАТИНЪ.

Нечаянно....

ДОНСКАЯ (*подавая ему руку*).

Пойдемте.

(Идутъ и встрѣчаютъ Капуцина обзъ руку съ розовымъ домино).

КАПУЦИНЪ (*останавливаясь у колонны и показывая глазами на Донскую*).

Вотъ она! (*Розовое домино пристально смотритъ на Донскую*)

=

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная Донскихъ. Мебель рококо; по мѣстамъ козетки. Освѣщено. 9 часовъ вечера.

*донской (съ сигарой прохаживается
взадъ и впередъ, заложя руки на спину).*

Чтобъ чортъ его побралъ!.... Его я жду съ утра....
И въ клубъ не удалось... неужто, какъ вчера,
Обманеть онъ? Ну, ну, тогда я славный мальи!
Блаженъ, стократъ блаженъ, кто можетъ отдавать
Имѣніе въ залогъ... Ну то-ли, какъ бывало,
Лишь въ Опекунскій заѣзжать?
А то гоняй себѣ по всѣмъ концамъ столицы,
Иль дома цѣлый день сидѣ
Зѣвай, кури и спи — да аферистовъ жди....
И что за тонъ, и что за лица
У этихъ всѣхъ господъ? Ей Богу, на порогъ
Я не пустил-бы ихъ къ себѣ въ другую пору....
А вотъ теперъ попуталъ Богъ —
Всѣмъ кланяйся и безъ разбору....
На спекуляцію надѣяться пришлось....
Акціонеромъ быть.... имѣнье
Разорено хоть просто брось....
А надо поддержать общественное мнѣнье.
Женатый человекъ — нельзя-жъ безъ вечеровъ!
Женатый, Боже мой, да это не во снѣ-ли

Ужъ дѣлается все?... Но нѣтъ, отъ этихъ словъ
 Съдѣть голова... И для какой мнѣ цѣли
 Жениться вздумалось?... зачѣмъ и для чего?
 Женатъ не для себя, живу не для себя я;
 Жена умна какъ бѣсъ, но въ женщинѣ ума я
 Терпѣть не могъ давно: довольно своего...

донской, донская (совершенно *одытал*).

донская (*тихо*).

Вы такъ встревожены: что съ вами?

донской (*бросая сигару*).

Ничего.

Жду кой-кого теперь.... Моп Анге, вы очень-кстати,
 Я съ вами говорить хотѣлъ.

донская (*съ удивленіемъ*).

Со мной? о чемъ?

донской

Я былъ вчера въ палатѣ, —

Хотѣлось ускорить раздѣлъ

Съ кузиною.... Дѣло въ томъ, къ необходимой тратѣ

Все это повлекло.

донская (*холодно*).

Такъ что-жъ за дѣло мнѣ?

донской.

Придется заложить намъ Тульское имѣнье....

донская (*пристально смотря на него*).

Скажите мнѣ, Этьень, зачѣмъ вы ждете мнѣ?

донской (*съ видомъ оскорбленнаго до-
 стоинства*).

Я лгу, сударыня?

донская (*презрительно*).

Вамъ правда — оскорбленье....

Но дѣло въ томъ — къ чему безъ нужды лгать?...

Вчера, навѣрно, вамъ случилось проиграть....

Но мнѣ-то что до этого за дѣло?

Зачѣмъ-же прямо вамъ и смѣло

Иль лучше вовсе не сказать?....

(*Донской, уничтоженный, садится на козетку; Донская на диванъ*).

СЛУГА (*входитъ*).

Приѣхалъ-съ?

донской (*поспѣшно вставая*).

Въ кабинетѣ?

СЛУГА.

Въ кабинетѣ.

донской (*уходя*).

Вели закладывать! Поѣду я въ каретѣ.

донская, (*одна*).

Несчастный человѣкъ! Его мнѣ часто жаль!

Но виновата-ль я въ моемъ къ нему презрѣнью?

Другъ-другу чужды мы — едва-ль

Не будетъ вѣчно такъ: чужое униженье

Мнѣ слишкомъ тягостно.... сама я, для смиренья

Несоздана, о нѣтъ, мой Боже, нѣтъ!....

Что будетъ далѣе?... Я чувствую, больна я,

Быть-можетъ, зла.... Мечты минувшихъ лѣтъ,

Меня преслѣдуютъ.... День каждый, засыпая

Молюся я о вѣчномъ снѣ....

Мечты прошедшаго гоню я — но онѣ

Меня тоскою безъотрадной

Неумолнно-долго жгутъ....

И снова образы встаютъ,
 И сердце просится такъ жадно
 Вздохнуть вольнѣй — любить хоть что-нибудь,
 Надѣяться, молиться, плакать, вѣрить....
 Но день встанетъ — и снова лицемѣрить,
 И снова сдавлена моя больная грудь....

Онъ часто говорилъ, я помню: мы одною

Идемъ дорогою, и вы когда-нибудь

Меня поймете.... Этотъ путь

Теперь, какъ онъ, уже прошла я,

Теперь его насмѣшка злая,

Его проклятіе безумное всему....

Его невѣріе и искренность сухая,

Бывало вредная ему,

Они понятны мнѣ.

ДОНСКАЯ, ЛЮБОВЬ СТЕПАНОВНА ИЛИ ЭМЕ (вся въ розовомъ)

ЭМЕ.

Cher ange.... Вы замечались....

Я испугала васъ.

ДОНСКАЯ (равнодушно).

О нѣтъ.

ЭМЕ.

Готова я....

А вы еще не одѣвались?

ДОНСКАЯ.

Давно уже.

ЭМЕ.

Совѣтовала-бъ я

Надѣть вамъ черное.... вы въ немъ чудесно милы....

Блондинкамъ черное пристало а merveille....

Но вы сегодня такъ унылы....

Такъ блѣдны — et faut-il que je vous conseille?

Вамъ, просто, надобно лечиться....

ДОНСКАЯ (разспянно).

Вы думаете?

ЭМЕ.

Цвѣтъ у васъ совсѣмъ больной....

ДОНСКАЯ.

Вамъ кажется....

ЭМЕ.

Сhez ange.... Вы скрытны.... не годится

Такъ скрытной быть съ сестрой.

ДОНСКАЯ (съ улыбкою).

Эмѣ, сего-дня васъ, навѣрно, ждуть побѣды?

(ЭМЕ, скромно потупляя глаза).

Меня?

ДОНСКАЯ.

Я думаю....

МЕРТВИЛОВЪ (входитъ фатомъ).

Bonsoir, Mesdames — я къ вамъ

Сегодня рано — съ званаго обѣда.

ДОНСКАЯ.

Садитесь.

МЕРТВИЛОВЪ (разваливаясь подлѣ нея на козеткѣ.)

Что вашъ мужъ?

(доставая port de cigarres)

Vous permettez, madame?

ДОНСКАЯ.

Уѣхалъ.

МЕРТВИЛОВЪ.

Въ клубъ.

ДОНСКАЯ.

О нѣтъ, напротивъ, по дѣламъ.

МЕРТВИЛОВЪ.

Сегодня много вамъ готовлю я смѣшнаго.

ДОНСКАЯ.

Чего-жь? — Баскакова!

МЕРТВИЛОВЪ.

Кого-жь инаго?

Во-первыхъ, явится онъ къ вамъ
Въ костюмѣ истинно-славянскомъ

ДОНСКАЯ.

Вы злы....

МЕРТВИЛОВЪ

Мы съ нимъ друзья. Въ театрѣ итальянскомъ
Его вчера уже я многимъ показалъ.
Онъ будетъ въ охабнѣ: за входъ сюда свободный
Уже за васъ я слово далъ.
Онъ чудно савонить въ одеждѣ благородной.
Приѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ забзжій фурьеристъ....

ДОНСКАЯ.

Вы ихъ поссорите?

МЕРТВИЛОВЪ.

Я умываю руки,

И, какъ Пилать, хочу быть въ этомъ чистъ.
Еще кто будетъ къ вамъ? навѣрно Кобыловичъ?
Il est habitué chez vous....

ЭМЕ (облакачиваясь на спинку козетки).

Кто это! — Николай Петровичъ?

МЕРТВИЛОВЪ.

Я злымъ у васъ давно слыву.
А все не въ-силахъ удержаться,
Чтобъ русской правды не сказать....

Въ Москвѣ я не встрѣчалъ, признаться,
 Подобной глупости: за деньги я казатъ
 Его готовъ, какъ рѣдкость, — любоваться
 Имъ надобно — онъ, просто, кладъ, —
 Его всегда я видѣть радъ,
 Чтобъ Петербургу удивляться,
 Какъ дураками онъ богатъ.

ЭМЕ.

Онъ что-то медлитъ здѣсь.... По важнымъ приказаньямъ....

МЕРТВИЛОВЪ.

По государственнымъ.... такъ говоритъ онъ самъ
 За тайну вѣзмъ, а чудесамъ
 Здѣсь вѣрять свято, по преданьямъ....

ДОНСКАЯ.

Смотрите! — онъ извѣстный дуэлистъ.

МЕРТВИЛОВЪ.

Ужъ онъ вамъ сказывалъ?.... Слыхалъ я, передъ боемъ
 Онъ удивительно рѣчисть....
 Глядитъ рѣшительно героемъ,
 И не одинъ послѣдній листъ
 Съ рапортомъ или отношеньемъ
 Въ послѣдній разъ успѣлъ ужъ подписать
 Съ трагическимъ тѣлодвиженьемъ.
 Дивлюсь я, какъ онъ уцѣлѣлъ
 Въ несостоявшихся дуэляхъ....

ДОНСКАЯ.

Но онъ не очень-глупъ.

МЕРТВИЛОВЪ.

Да! — все о вышнихъ цѣляхъ
 Толкуеть онъ. — И даже онъ умѣлъ
 Подъ умъ поддѣлаться; о немъ слыхалъ онъ много.

ДОНСКАЯ.

Скажите мнѣ, вы умъ встрѣчали-ли когда?

МЕРТВИЛОВЪ.

Да рѣдко, но встрѣчалъ....

ДОНСКАЯ.

А чувство?

МЕРТВИЛОВЪ.

Никогда.

ЭМЕ.

Ахъ, перестаньте ради Бога:

Вы въ чувствѣ не судья

МЕРТВИЛОВЪ.

Сужу я слишкомъ строго....

Что дѣлать.... Но умы — ихъ всѣхъ на-перечетъ

Я знаю, — два или три, не больше: остальное

Съ чужаго голосу поеть

ДОНСКАЯ.

Знавали вы Ставупина?

МЕРТВИЛОВЪ.

Его я

Имѣлъ сей-часъ въ виду.... Знакомъ онъ вамъ?

ДОНСКАЯ.

Знакомъ.

МЕРТВИЛОВЪ.

Онъ дьявольски уменъ, но дѣло только въ томъ,

Что, къ-сожалѣнію, картежнымъ игрокомъ

Онъ сдѣлался....

ДОНСКАЯ (равнодушно)

Давно?

МЕРТВИЛОВЪ.

Лѣтъ пять или шесть. Имѣнне

Онъ проигралъ давно; общественное мнѣнне....

Съ-тѣхъ-поръ....

ДОНСКАЯ.

Съ-тѣхъ-поръ, когда имѣнне проигралъ?

Не правда-ли? — добавьте прямо.

МЕРТВИЛОВЪ.

Почти что такъ: но нѣтъ, онъ мнѣнїемъ играѣ

Непозволительно, упрямо....

На-перекоръ идя всему,

Разсудку, чести и преданьямъ,

И вѣря одному уму....

За то общественнымъ наказанъ онъ изгнаньемъ....

тѣ-же, вязьминъ (однѣтъ довольно-изысканно).

визьминъ.

Простите — безъ доклада къ вамъ

Вошелъ я нынче...

МЕРТВИЛОВЪ (протягиваясь на козеткѣ).

Стыдъ и срамъ!

Что говорите вы, мой милый?...

(Пожимаетъ ему руку).

ДОНСКАЯ.

Я очень-рада вамъ.... садитесь: вы давно

Мнѣ ничего не говорили

О вашихъ.

визьминъ (сидясь противъ нея на кресло).

Отъ сестры — я съ сентября одно

Всего лишь получилъ письмо.

ДОНСКАЯ.

И отвѣчали?...

Молчите... вѣрно, нѣтъ, — ну какъ нестыдно вамъ?

МЕРТВИЛОВЪ.

Васъ en flagrant dѣlit, mon cher ami, поймали.

Впередъ остерегайтесь дамъ....

Вы курите — хотите-ли сигару?

Берите-же смѣлѣй....

ДОНСКАЯ.

Курите.

ВЯЗЬМИНЪ.

Mais madame....

ДОНСКАЯ.

Къ сигарамъ я привыкла.

МЕРТВИЛОВЪ.

И угару

Вы не боитесь ужъ давно,

Не правда-ли?

тѣ-же, КОБЫЛОВИЧЪ (*разодѣтый въ-пучъ, входитъ съ увѣрен-
ностію*).

КОБЫЛОВИЧЪ (*кланяясь*).

Mesdames, Messieurs... сейчасъ лишь дѣло

Окончилъ, тотчасъ къ вамъ... мнѣ рѣдко суждено

Свободно подышать.... у васъ, скажу я смѣло,

Совсѣмъ забудешься.

ДОНСКАЯ (*граціозно улыбается*).

Тѣмъ лучше.

КОБЫЛОВИЧЪ (*садясь*).

Да — оно,

Когда хотите, такъ; въ Москву для излеченья

Пріѣхалъ я, — разсѣянье, забвенье

Мнѣ нужно было-бы — зимой

Пророчилъ мнѣ чаотку, докторъ мой....

Да, что прикажете?... когда-же мнѣ лечиться?

Андрей Михайлычъ навязалъ

Мнѣ порученій тьму; работой на-поваль

Я заваленъ и здѣсь. Рѣшительно, кружится

Отъ дѣлъ различныхъ голова...

У васъ въ Москвѣ совсѣмъ не знаютъ, какъ трудиться....

Чужимъ трудомъ живетъ Москва....

Ей до практическихъ вопросовъ

И дѣла нѣтъ — онѣ абстрактами живеть,
 И каждый здѣсь сидить и ждетъ
 Доходовъ съ пашни, сънокосовъ
 И прочаго... Прощаясь со мной,
 Мнѣ говорилъ Андрей Михайлычъ мой,
 Что онѣ и воздуха московскаго боится....
 Но, видно, мнѣ не заразиться
 Московской праздностью.. Я страшную хандрой
 Томлюсь въ бездѣйствіи, — мнѣ дѣла вѣчно мало,
 Андрей Михайлычъ говорить,
 Что онѣ хоть также мало спитъ,
 Но больше моего... Me stoіtez vous? бывало,
 Двѣнадцать сряду я часовъ,
 Былъ просидѣть всегда готовъ,
 Потомъ куда-нибудь на вечеръ отправляться...
 И тамъ все та-жъ потребность заниматься.
 Не сладишь съ глупою хандрой....
 Чтѣ-жъ дѣлалъ я?... чтобъ силамъ дать движенье, —
 Я занималъ себя азартною игрой....
 Все это что-нибудь, все это раздраженье,
 А не восточный вашъ покой.
 И разъ Андрей Михайлычъ мой...

*донскля (которая слушала все это видимо
 разспянно).*

Вы были въ Лючіи?... Какъ Сальви вамъ, въ сравненьи
 Съ Рубини, кажется?

КОБЫЛОВИЧЪ.

Да кетати! здѣсь и мнѣнья
 Общественнаго нѣтъ — у насъ
 Гарсиссты есть, Кастелянисты,
 Есть жизнь, есть общество — у васъ
 Ничто нейдетъ: одни лишь Гегелисты
 Съ абстрактами. Андрей Михайлычъ разъ....

мертвиловъ (перебивая его).

Скажите, говорятъ у васъ въ-ходу букеты,
 Возами возятъ ихъ на сцену, слышалъ я?

Бросаютъ даже и браслеты,
 Особенно Вьярдо.... и точно, долженъ я
 Сознаться, есть зачтѣ.... Не понималъ нимало
 Я вкусу въ музыки бывало, —
 Но съ Итальянцами.. я къ пѣнію привыкъ,
 И даже понималъ языкъ, —
 Такъ мелодиченъ онъ... мнѣ говорилъ недавно
 Андрей Михайловичъ, что слухъ развилъ я славно.

ТЪ-ЛЕ, ЕЛЕНА СЪ МУЖЕМЪ.

ДОНСКАЯ (*вставая, и идя къ ней на встрѣчу*).

Que vous êtes obligeante!

ЕЛЕНА.

Я вамъ плачу визитъ....

Безъ перемоніи — мой мужъ, рекомендую.

ДОНСКАЯ (*ведетъ ее на диванъ*).

Садитесь здѣсь... со мной....

ЕЛЕНА (*сидясь*).

Merci.

ДОНСКАЯ.

Сегодня жду я

Madame Приклонскую.

ЕЛЕНА.

Она

Недѣли съ двѣ была больна,

И ужъ давно не выѣзжала...

ДОНСКАЯ.

Она помолвлена... C'est une nouvelle du jour...

МЕРТВІЛОВЪ (*громко*).

C'est un scandale du jour.

ЕЛЕНА (*увидя его*).

Ахъ, это вы, bonjour,

Вы вѣчно съ сплетнями, — сначала
Я не видала васъ.

МЕРТВИЛОВЪ (*вставая*).

Приклонской суждено

Переживать мужей. Одно

Готовъ я предвѣщать, что много два, три года

Осталось Постину прожить....

МУЖЪ ЕЛЕНЫ.

Ему — помилуйте, для этого народа

Откупщиковъ, и смерть нетрудно подкупить.

ТЪ-ЖЕ СТАВУНИНЪ. (*При появлении его Мертвилловъ принимаетъ еще больше небрежную позу; Кобыловичъ оправляетъ галстухъ и идетъ къ огню закуривать сигару*).

ДОНСКАЯ.

Такъ поздно....

СТАВУНИНЪ.

Виновать, простите, ради Бога,

Меня за медленность винить,

Я умоляю васъ, не строго:

Въ Москвѣ мнѣ такъ давно не приходилось быть,

И я обычаевъ салонныхъ

Успѣлъ такъ много позабыть....

ДОНСКАЯ.

Съ друзьями стыдно вамъ.

СТАВУНИНЪ.

Вы слишкомъ благосклонны.

(*Садится и взглядываетъ на всѣхъ равнодушно*).

Скажите, гдѣ-жъ monsieur Донской?

(553) ДОНСКАЯ.

Онъ будетъ скоро....

(Перебираетъ конецъ шарфа. Минута общаго молчанія, во-время котораго Елена оставляетъ свое мѣсто на диванъ, и садится на креслахъ подль Ставунина такъ, что онъ сидитъ между ней и Донскою).

СТАВУНИНЪ (съ ироніей).

Я съ Москвой

Разстался такъ давно; въ ней многое и многихъ

Не узнаю теперь, — что шагъ то новость мнѣ.

Скажите, въ ней, по старинѣ,

Полны-ли всѣ приличій строгихъ?

МЕРТВИЛОВЪ (Эме).

Ударъ назначенъ вѣрно мнѣ,

Но я вамъ говорилъ...

СТАВУНИНЪ (равнодушно и спокойно).

Давно ужъ съ удивленьемъ

Я раззнакомился совсѣмъ,

И удивляться, между-тѣмъ,

Теперь учуся я съ терпѣньемъ,

Какъ учатся нныя удивлять.

(Минута молчанія).

ЕЛЕНА (громко и смѣло).

Вы сами удивить, какъ кажется, забвеньемъ

Хотите здѣсь меня?

(Мужъ Елены смотритъ на нее чуть не съ изумленьемъ ужаса. Мертвиловъ иронически улыбается. Эме опускаетъ глаза въ землю. Кобыловичъ поправляетъ галстухъ).

СТАВУНИНЪ.

О! памятью скорѣй

Меня вы такъ неожиданно изумили.

Мерсі, мерсі, madame... я думалъ, вы забыли...

ЕЛЕНА.
Нестыдно-ль забывать старинныхъ всѣхъ друзей?

СТАВУНИНЪ.

! дружбу женщины цѣню я слишкомъ свято.

ЕЛЕНА (*добродушно-насмѣшливо*).

Вы доказали это мнѣ.

СТАВУНИНЪ (*наклоняясь къ ея уху*).

Тебя я понялъ — и вполне,

О добрый ангелъ мой...

МЕРТВЫЛОВЪ (*комически съ пафосомъ Кобыловичу*).

Не правда-ль? вѣкъ разврата

тѣ же, донской.

донской, (*входя*).

Je vous salue messieurs... Простите, по-дѣламъ

Я хлопоталъ теперъ... Monsieur Ставунинъ, вамъ

Глубокій мой поклонъ за вѣсть вчерашній, — нынѣ

Мы сядемъ, вѣрно, вновь?

СТАВУНИНЪ.

Играть?

Простите, не могу...

донская (*быстро приподнимая голову*).

Я съ вами въ половинѣ.

СТАВУНИНЪ.

Вамъ не могу я отказать.

донской (которому человекъ раздаетъ карты.)
Monsieur Мертвиловъ, вы?

МЕРТВИЛОВЪ.

Увольте, умоляю.

донской (съ маленькимъ неудовольствиемъ).

Насильно я играть не заставляю.

Вы, Николай Петровичъ?

КОБЫЛОВИЧЪ.

Нѣтъ —

И я сегодня не играю.

донской.

Вотъ странность, господа! у васъ одинъ отвѣтъ..
Такъ какъ-же партію?..

(Мужу Елены)

Оома Ильичъ, мы съ вами.

Да вотъ monsieur Ставунинъ, и втроемъ
Сыграемъ пульку мы?

МУЖЪ ЕЛЕНЫ (не хотя).

Пожалуй!..
тѣже, постинъ, птушевскій, баскаковъ, (съ красныхъ шароварахъ, бархатномъ охабнѣ съ мурмошкой подъ мышкой).

донской (съ радостію).

Вчетверомъ!

Брависсимо! Иванъ Игнатьичъ съ нами.

постинъ (раскланиваясь съ неловкостью).

Мое почтеніе... Я часомъ опоздалъ,

Да вотъ господъ къ себѣ все долго поджидалъ.

баскаковъ и птушевскій (съ одинъ голосъ).

Pardon, mesdames.

МЕРТВИЛОВЪ, (подавая имъ руки).

Друзья! Я говорю съ Москвою
Сойдется Петербургъ и съ Гегелемъ Фурье.

ПЪТУШЕВСКИЙ (Донской, вынимая книгу изъ кармана).

Имѣлъ я честь вамъ обѣщать Минье.

ДОНСКАЯ.

Merci beaucoup.

ДОНСКОЙ (подавая Постину карту).

Иванъ Игнатьичъ, вы со мною

Садитесь vis-à-vis.

(Уходятъ подъ руку съ Ставунинимъ, за нимъ идутъ
Постинъ и мужъ Елены).

ПЪТУШЕВСКИЙ (вынимая porte de eigarres).

(Донской).

Васъ не обезпокою

Я пахитоскою?

ДОНСКАЯ.

Fumez, je vous en prie.

КОВЫЛОВИЧЪ, МЕРТВИЛОВУ, показывая на
уходящаго Ставунина).

Вѣдь надо-жь front d'airain — нѣтъ, что не говори,

А мнѣнье общества.

МЕРТВИЛОВЪ (громко).

Общественное мнѣнье

Есть воля общества живая — и оплотъ

Цивилизаціи, — и горе, кто пойдетъ

Бороться съ волею исторіи.

БАСКАКОВЪ.

Смиренье

Предъ этой волею Славяне лишь одни

Способны понимать.

КОБЫЛОВИЧЪ.

И кто-же въ наши дни
 Серьёзно вѣруеть въ какія убѣжденья?
 Борются съ обществомъ!..

ПЪТУШЕВСКІЙ.

Позвольте.. различать
 Привыкъ я мѣнія отъ мѣній,
 Иное можно защищать
 Иное-же не стоить защищеній,
 А ваша таково.. Я слышалъ про оплотъ
 Цивилизациі... ну стоить-ли хлопотъ
 Цивилизациа?

КОБЫЛОВИЧЪ.

Позвольте — напередъ
 Вамъ о приличіи напомнить... защищеній
 Не стоить мѣніе мое
 Сказали вы?..

МЕРТВИЛОВЪ, (съ хохотомъ).

Опять конфликтъ противныхъ мѣній!
 Laissez donc vos folies, messieurs.

ДОНСКАЯ (поднимаясь съ мѣста).

Здѣсь душно, chere amie пойдемте въ залу.

(Она и Елена уходятъ, за ними Вязминъ).

МЕРТВИЛОВЪ (оглядываясь).

Mais vous chassez les dames.. и Боже, какъ отстало
 Отъ вѣка это все, къ чему враждебный тонъ,
 За дамами пойдемте лучше въ залу.

КОБЫЛОВИЧЪ.

Ставунинъ тамъ?

МЕРТВИЛОВЪ.

Играетъ онъ.

(Все уходятъ, кромѣ Мертвилова и Эме которые сидятъ у окна).

МЕРТВИЛОВЪ, ЭМЕ.

МЕРТВИЛОВЪ.

Ставунинъ съ вашею сестрою
Знакомъ давно?

ЭМЕ (съ досадою).

Не знаю я

МЕРТВИЛОВЪ.

Вы скажете я золь... но я отъ васъ не скрою,
Что странно это все.

ЭМЕ (съ скромностью потупляя глаза).

Она — сестра моя

МЕРТВИЛОВЪ.

Послушайте, вѣдь есть всему границы
Когда въ вашъ домъ такіа лица
Являться будутъ... ..

ЭМЕ (съ злостью).

Онъ старинный другъ

МЕРТВИЛОВЪ.

Да старина забудется конечно....

ЭМЕ.

Но согласитесь, что не вдругъ

МЕРТВИЛОВЪ.

Возобновиться можетъ....

ЭМЕ.

Злы вы вѣчно.

(Мертвилосъ уходитъ).

ЭМЕ (одна).

Такъ вотъ оно... Его я поняла....
Да, да — она горда и зла,

Но не для всѣхъ... и что въ ней всѣ находятъ?
И что за вкусъ у всѣхъ дурной?
О хорошо! Ее приводятъ
Въ примѣръ... Хорошъ примѣръ.... А! это братецъ мой.

донской (входя).

Гдѣ мѣлъ? подайте мѣлъ...

ЭМЕ.

Mon frère... Два слова.

донской.

Скорѣ матушка, — тамъ партія готова.

ЭМЕ.

Кого вы въ домъ къ себѣ изволили принять?

донской (съ изумленьемъ).

Кого? Но я тебя не понимаю.

ЭМЕ.

Не трудно будетъ вамъ понять,
Когда я вамъ скажу, что знаю....
Извѣстный онъ игрокъ.

донской.

Кто онъ?

ЭМЕ (злбно).

Пріятель новый вашъ, — другъ дома....

донской.

Говорите

Эме понятнѣе... Миѣ страшенъ этотъ тонъ.

ЭМЕ.

Ахъ братецъ, вы себя стыдите...
Но тише...

ТЪЖЕ, МЕРТВЫЛОВЪ.

МЕРТВЫЛОВЪ.

Партія разстроилась совсѣмъ

Играть никто теперь не хочетъ.

Напрасно братецъ вашъ хлопочеть....

Да вотъ и самъ онъ....

ДОНСКОЙ.

Такъ совсѣмъ

Разстроилась?... Эме, скажите, ради Бога....

ЭМЕ.

Пойдемте, вамъ сказать мнѣ нужно много.

(Уходятъ въ кабинетъ на-право).

МЕРТВЫЛОВЪ.

Какъ это все смѣшно! Удача нынче мнѣ

Во-первыхъ, общая тревога

Какъ будто цѣлый домъ въ огнѣ,

Потомъ, въ душенькѣ престарѣлой дѣвы

Поднялъ я столько зависти и гнѣва.

(Уходитъ).

ЕЛЕНА, СТАВУНИЦЪ.

СТАВУНИЦЪ.

Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ играть

Такъ бесполезно общимъ мнѣншемъ...

Зачѣмъ привязанность пустую показать!

Вѣдь я сказалъ тебѣ забвеньемъ

Пора окончить все давно.

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, мнѣ забвенье не дано.

Но что тебѣ до этого за дѣло!

СТАВУНИЦЪ.

Мнѣ? Видишь-ли: я самъ, могу я смѣло

И гордо голову поднять....
Но ты — къ чему тебѣ страдать?

ЕЛЕНА.

Владимиръ, есть блаженство и въ страданьи,
Ты знаешь самъ.

СТАВУНИНЪ.

Да знаю, — что-жъ потомъ?

ЕЛЕНА.

Ты шелъ одинъ твоимъ путемъ
Теперь пойдемъ рука съ рукою...

СТАВУНИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ — оставь меня. Безумною, болѣсно
Неизлечимой страстью боленъ я.

ЕЛЕНА.

Я знаю... Мы больны болѣзнію одною...
Лечиться вмѣстѣ намъ.

СТАВУНИНЪ.

Дитя, оставь меня...
Бороться не тебѣ съ стоголовой гидрой мнѣнья!...
Когда, когда кругомъ тебя раздастся грозный кликъ
Ожесточеннаго гоненья
Тогда что скажешь ты?

ЕЛЕНА.

Но ты...

СТАВУНИНЪ.

О я привыкъ

Призрѣнемъ отвѣчать на общее презрѣнье
А твой удѣлъ иной, оставь меня, — дитя...
Дай руку на прощанье
Я могъ-бы, надъ тобой презрительно шутя,
Какъ эгоистъ тебя увлечь въ мои страданья

ЕЛЕНА (съ отчаяніемъ).

Меня не любишь ты...

СТАВУНИНЪ (оглядываясь).

Сюда идутъ, — скорѣй

Оставь меня.

ЕЛЕНА (уходя).

Владиміръ, до свиданья....

СТАВУНИНЪ.

За гробомъ, если есть, за гробомъ для людей
Хоть чтонибудь....

Безумецъ бѣдный,

Уже-ль все прошлое, какъ призракъ грустно-блѣдный,
Способно обдавать меня одной тоской...

И ни одинъ порывъ святой

Не въ-силахъ отзыва найти во мнѣ: ужели

Я вовсе чуждъ всему? Иль точно, въ-самомъ-дѣлѣ,

Осталось мнѣ лишь смерть лицомъ къ лицу узнать!

Да, правду онъ сказалъ — пора мнѣ умирать.

Одно живетъ во мнѣ, одно во мнѣ покоя

Не знаетъ: эгоизмъ... то не любовь о пѣть,

Мнѣ нужно лишь одно — ея прямой отвѣтъ...

Страдалъ не даромъ я... Чтѣбъ ни было его я

Такъ или иначе по вырву... Много лѣтъ

Меня вопросъ не разрѣшенный.

Преслѣдовалъ какъ трудъ недовершенный!

Пора окончить все, пора не пить до дна

Всю чашу бытія... Но тише вотъ она.

ДОНСКАЯ, СТАВУНИНЪ.

ДОНСКАЯ.

Я васъ искала.

СТАВУНИНЪ.

Вы?...

(Минута молчанія).

ДОНСКАЯ (въ замѣшательствѣ).

Я васъ просить хотѣла
Мнѣ объяснить... Когда въ васъ память прежнихъ лѣтъ
И прежнихъ дружбъ.

СТАВУНИНЪ.

Я знаю... Мой отвѣтъ
Коротокъ будетъ вамъ и грубъ, но что за дѣло?...
Я презираю все — и презираю смѣло.

ДОНСКАЯ.

Да — клеветы.

СТАВУНИНЪ (спокойно).

Здѣсь нѣтъ клеветъ.
(Минута молчанія, Донская опускаетъ глаза).

СТАВУНИНЪ (также спокойно).

Да — я таковъ... я даже не скрываю
Презрѣнья ко всему, ко всѣмъ... Идти съ собой
Я никого не принуждаю...
Но съ вами-бъ и хотѣлъ идти рука съ рукой.

ДОНСКАЯ.

Со мной?

СТАВУНИНЪ.

Да съ вами, только съ вами..

Вы міру чужды, какъ и я,
Вы надо всѣмъ смѣтаетесь сами...
И вы давно — сестра моя...
За васъ однихъ я не боюсь страданій
И вамъ однимъ готовъ я цѣлый адъ
Мукъ безъ конца, безъ упованій
Желать безтрепетно, какъ братъ....

Вамъ чуждъ такой языкъ. вамъ чужды эти рѣчи...

Но вспомните одно — я вами жилъ одной,
Всю жизнь — я жаждалъ этой встрѣчи
Чтобъ все безуміе любви моей больной

Вамъ высказать хоть разъ безтрепетно и прямо
Я къ смерти близокъ былъ, но жить хотѣлъ упрямо.

И живъ, вы видите....

донская.

Молчите.... Смерти часъ

Еще не близокъ.... Между нами
Есть жизнь и люди.... Такъ вы сами
Сказали мнѣ, въ послѣдній разъ,
Когда надолго мы прощались съ вами....
Страдала-ль я, любила-ль я....
Вамъ не узнать...

(Хочетъ идти).

СТАВУНИНЪ (останавливается).

Я это знаю...

Моя любовь, — сестра моя....

донская (вырывая свою руку).

Есть часъ одинъ, я повторю
Когда собою буду я...

(Идетъ. Ее встрѣчаютъ гости, которые идутъ въ гостиную).

МЕРТВЫЛОВЪ (иронически).

А мы некали васъ...

донская (раснодушно).

Вы, вѣрно, извините

Мое отсутствіе, Messieurs....

(Подавая руку Ставунину, который беретъ безмолвно шляпу и раскланивается).

Monsieur Ставунинъ — вы спѣшите? —

Увидимся.

ЭМЕ (выходя изъ кабинета съ Донскимъ, тихо).

«Sais quelle horreur — O sieux!

(Ставунинъ уходитъ. Въ въ какомъ-то неподвижномъ изумленіи смотрятъ на Донскую).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

==

Картина 1-я.

Комната Ставунина, у письменнаго стола кресла; Ставунинъ лежитъ въ нихъ и дремлетъ, изъ отворенной двери слышны звуки рояля и голосъ Вѣры. Вечеръ.

ГОЛОСЪ ВѢРЫ.

Когда безъ движенья
И безъ рѣчей,
Въ безумствѣ забвенья,
Съ твоихъ очей
Очей не сводя я,
Передъ тобой
Томлюсь и сгараю,
О милый мой....
И долгія ночи
Безъ словъ и сна
Очами я въ очи
Погружена....
О знай — я читаю
Въ очахъ твоихъ —
И вѣрь — я страдаю
Читая въ нихъ....
Ты скрытенъ глубоко,
О милый мой,
Но свѣтлое око
Предатель твой....

И пусть я страдаю

Тоской твоей,

Но я понимаю

Язык очей....

(Голосъ Вѣры становится все тише и тише).

СТАВУНИНЪ (просыпаясь).

Проклятый сонъ.... такъ душно! Вѣра, Вѣра!

ВѢРА (входя тихо).

Тебя я разбудила?

СТАВУНИНЪ.

Нѣтъ; давно

Пора ужъ встать.

ВѢРА (подавая ему письмо).

Письмо.

СТАВУНИНЪ.

По почтѣ?

ВѢРА.

Отъ курьера

По городской....

СТАВУНИНЪ.

Подай сюда — окно

Нельзя-ли отворить?

ВѢРА.

Зимою?

СТАВУНИНЪ.

Забылся я.... (Пробѣгая письмо и бросая его на столъ).

Мнѣ душно.

ВѢРА (сидя на табуретѣ, почти у ногъ его).

Что съ тобою?

СТАВУНИНЪ.

Такъ.

Болея ты?

ВѢРА.

СТАВУНИНЪ (израя ея волосами).

Нѣтъ, нѣтъ... на память мнѣ
Пришли теперь ребяческіе годы...

(Какъ бы говоря съ самимъ-собою).

Одну тоску я помню въ старинѣ...

Все также душно было мнѣ,

И все хотѣлось свободы,

И все сжимало что-то грудь,

И все просило что то воли...

И что-то сжатое свободнѣе вздохнуть

Хотѣло... Боже мой... широкой, свѣтлой доли

Молил я жадно... жилъ во мнѣ недугъ

Неизлечимый вѣчно — а вокругъ

Все было пусто такъ и душно...

Тогда я подходилъ къ замерзшему окну,

Взглянуть на звѣзды... звѣзды равнодушно

Сіяли мнѣ... и что-то въ вышину

Просилось, — здѣсь ему казалось скучно...

Надъ этимъ самъ смѣялся я потомъ...

Но что-же дѣлать?... Жилъ я долго сномъ,

Не жизнию... и вѣрилъ долго вздору,

И вздоръ одинъ смѣнилъ на вздоръ другой

Такой-же странный...

И другую пору

Я помню: сталъ мнѣ гадокъ шумъ людской...

Среди людей, какъ и съ самимъ собою

Мнѣ стало душно... былъ я одинокъ

Средь ихъ толпы, меня съ рожденья рокъ

Наполнилъ глупою тоскою...

И въ жизни также жилъ я сномъ,

И также пусто было все кругомъ

Въ сравненіи съ этимъ сномъ, такъ вяло, блѣдно,

Такъ даже зломъ и горемъ бѣдно...

Къ звѣздамъ я не стремился... но не могъ

Владѣть я съ тѣмъ, что грудь мою давило...

Во мнѣ по-прежнему невѣдомая сила

Искала расширенія... на Востокъ

Помчался я искать успокоенья, —
 Надежда тщетная... но вѣрю, близокъ срокъ
 Когда и я дождуся примиренья....

ВѢРА (поднимая на него глаза).

Умремъ мы вмѣстѣ?

СТАВУНИНЪ.

Бѣдное дитя!

Зачѣмъ тебя увлекъ я въ путь страданья?

Ты жить могла-бъ, жить долго...

ВѢРА.

Безъ желанья

Жить долго....

СТАВУНИНЪ (беретъ ея руку).

Говоришь ты не шутя?

ВѢРА (спокойно и тихо).

Страдала я съ тобой одной тоскою,

Отъ жизни жизни такъ-же я ждала,

Но я любила, я жила...

Жила съ тобой, жила тобою!....

СТАВУНИНЪ (грустно).

А я?

ВѢРА.

Ты далъ мнѣ жизнь... ее я прожила

Въ одномъ мятежно-страстномъ поцѣлуѣ....

Чего мнѣ ждать? Пускай теперь умру я:

Земля мнѣ все въ мгновеніи дала....

Въ меновеньи вѣчность я вкусила..

Я знаю полноту и радость бытія...

Довольно — больше я отъ неба не просила,

Его я поняла...

СТАВУНИНЪ.

А я?...

Чего я ждалъ, чему я вѣрилъ?...
 Что жизнью долгой нажилъ я?...
 Зачѣмъ разувѣренъ мѣрилъ
 Мой грустный путь.... и лицемѣрилъ
 Съ людьми.... съ тобою наконецъ?...
 Давнымъ давно живой мертвецъ,
 Зачѣмъ я жилъ? зачѣмъ надеждѣ
 Безумной долго преданъ былъ,
 Что все, чему я вѣрилъ прежде,
 Что все, что прежде я любилъ,
 Предстанетъ мнѣ въ иной одеждѣ,
 Просвѣтлено, озарено
 Лучами свѣта и свободы....
 Чего я ждалъ? Промчались годы....
 Все было душно и тепло
 Во мнѣ, за мной, передо мною....
 Не вѣря въ чувство ни въ одно,
 Отъ скуки я игралъ твоей душою....

ВЪРА.

Я это знала и — давно.

СТАВУНИНЪ.

И шла за мной ты?

ВЪРА.

За судьбою.

СТАВУНИНЪ.

Жила обманомъ ты?

ВЪРА.

Обманъ

Иль правдѣ было то, но смѣло
 Я шла за рокомъ.... Что за дѣло,
 Что краткій срокъ блаженству данъ?

СТАВУНИНЪ.

Блаженству?..

ВЪРА.

Да... за счастье мученья

За мигъ единый сбывшаго сна,

Благодарю тебя, о милый!... Пусть одна

Любила я безъ раздѣленья...

Любила я... довольно. Рѣшена

Моя судьба. Предъ вѣчнымъ рокомъ

Смирненно голову сходя,

Его не оскорблю упрекомъ...

Любила я....

СТАВУНИНЪ.

И для меня

Отвергла ты семейство, счастье....

ВЪРА (иронически)

Счастье?

СТАВУНИНЪ.

Да — счастье тишины, спокойствія...

ВЪРА.

Цѣпей?....

СТАВУНИНЪ.

Пожалуй да, — цѣпей участя,

Цѣпей любви, цѣпей связей....

ВЪРА.

Ты жилъ безъ нихъ?

СТАВУНИНЪ.

Но много жилъ я съ ними,

И отстрадалъ глубоко въ нихъ....

И смѣло разорвалъ.... зане ужиться съ ними

Всю невозможность я постигъ

И что-жь?.... Разсудкомъ понимая,

Какъ жалокъ человекъ — великій жителя рая,

Въ странѣ отцовъ и матерей....

Извѣдавъ связи тѣ, отринувъ безъ-возврата,

И одинокъ среди другихъ людей,

Я часто былъ готовъ, за мигъ минувшихъ дней,

Всю славу гордаго разврата,

Всю жизнь страданій и страстей!
Отдать за мигъ одинъ.... хоть мигъ забыться сладко

Среди друзей, средь братьевъ и родныхъ.

Но я — чужой въ толпѣ чужихъ....

Пусть сладокъ сонъ, но пробужденъе — гадко.

Я слишкомъ знаю ласки ихъ.

Нѣтъ! есть страданіе безъ страха и смиренья,

Есть непреклонное величіе борьбы,

Съ улыбкой гордою насмѣшки и презрѣнья

На вопль душевныхъ силъ, на бранный зовъ судьбы....

(Погружается въ задумчивость; Вѣра сидитъ у его ногъ, склонивши ему голову на колѣна. Колокольчикъ раздается у дверей черезъ нѣсколько минутъ).

ВѢРА *(испуганная вскакиваетъ).*

Къ тебѣ идти....

СТАВУНИНЪ.

Ко мнѣ? Кому-же

Быть въ этотъ часъ?....

СТАВУНИНЪ, ВѢРА, *(за кресломъ его), — НЕЗНАКОМАЯ ДАМА*
ПОДЪ ВУАЛЕМЪ.

СТАВУНИНЪ *(всматриваясь).*

Елена!

ДАМА, *(сбрасывая вуаль).*

НѢТЬ....

То я, Владиміръ....

СТАВУНИНЪ *(изумленный, но спокойно).*

Вы...

(Минутное молчаніе).

ДАМА *(глубоко тронутымъ голосомъ, почти съ рыданіями).*

Прошло такъ много лѣтъ....

Владиміръ....

СТАВУНИНЪ.

Да, что вспомнить вы о мужѣ
 Отъ скуки вздумали. Прекрасно! Вашъ визитъ
 Приятенъ очень мнѣ, садитесь...
 Садитесь-же...

(дама садится безмолвно противъ него)

Дрожите, вы боитесь...

Чего, скажите мнѣ?... Какая вамъ грозитъ
 Опасность страшная?...

ДАМА *(съ сильнымъ движеніи)*.

Вы тотъ-же равнодушный,
 Холодный человѣкъ.... Вамъ также дѣла нѣтъ
 До слезъ моихъ.

СТАВУНИНЪ.

Увы! мнѣ слезы скучны....

Притомъ-же, право, цѣлый свѣтъ
 Вы ими залили бесплодно.

ДАМА.

Смѣетесь вы — какъ это благородно!....
(Возвышая голосъ).

Но вы смѣяться можете — и я
 Готова все сносить, — да, смѣйтесь, какъ угодно....
 Мои права, обязанность моя,
 Долгъ матери....

СТАВУНИНЪ

Вы мать? — давно-ли?....

ДАМА.

О! вы чудовище!

СТАВУНИНЪ.

Чего-жъ вамъ? пятой доли,
 Или которой тамъ, седьмой
 Изъ моего имѣнья?

ДАМА *(съ отчаяніемъ)*.

Боже мой!

СТАВУНИНЪ.

Чего-же, говорите смѣло....
Люблю не слазы я, а дѣло....

ДАМА (съ усиліемъ).

СТАВУНИНЪ,.... сжальтесь надо-мною....

Была неправа я.

СТАВУНИНЪ (насмѣшливо).

О нѣтъ, вы были правы!

ДАМА (съ силою).

Была неправа я.... По Боже, Боже мой....

Страдала долго я...

СТАВУНИНЪ.

Не я вашъ демонъ злой —

А воспитаніе и нравы.

Чего-жъ хотите вы, Евгенія?... На васъ

Женился я почти случайно,

Судьба свела обоихъ насъ

Увы — съ провіею тайной....

Любви хотѣли вы — я дать ее не могъ,

Вступивши въ бракъ почти по договору....

Къ капризамъ вашимъ былъ я строгъ.

Что-жъ дѣлать? изстари ужъ я не вѣрю вздору,

Другъ-друга мучить стало намъ

Обоимъ тягостно, рѣшились мы разстаться....

Свободу предоставивъ вамъ,

Я самъ всему свободно могъ предаться

Другимъ и планамъ и связямъ....

Богаты были вы — и промотать имѣнье

Я ваше также-бъ скоро могъ

Какъ и свое, — Но я васъ не увлекъ

Ни въ нищету, ни въ разоренье....

Чего-же нужно вамъ?

ДАМА (падая предъ нимъ на колѣни).

О! вашего прощенья,

Владиміръ. ...

СТАВУНИНЪ.

Но за что?... какой у васъ упрекъ
 Лежитъ на совѣсти? Общественное мнѣнье
 Горой стоитъ за васъ давно,
 И имъ мнѣ изверга названье
 Такъ правосудно придано....

ДАМА.

Но я любила васъ.... Быть-можетъ, въ наказанье,
 За что-бы ни было.... но я любила васъ....
 Владимръ.... Боже мой, вы вѣрите въ страданье!...

СТАВУНИНЪ.

Я былъ обманутъ — и не разъ.
 Но если-бъ даже такъ, — положимъ даже вѣрить,
 Любви способенъ вашей я....
 Утомлена душа моя
 Необходимостью печальной лицемѣрить....
 Нѣтъ, нѣтъ, Евгенія, я эгонестъ большой,
 Оставь меня, иди своей дорогой...
 Моя-же кончена.... Дай руку, — предъ тобой
 Не судя ужъ больше строгой,
 Но братъ, страдающій, какъ ты.... Въ послѣдній разъ
 Мы видимся... и слово примиренья
 Я говорю тебѣ: но нѣтъ соединенья
 До часа смертнаго для насъ....

*(Дама, молча встаетъ съ мѣста и идетъ: въ дверяхъ,
 она встрѣчается съ незнакомцемъ).*

ТЪ-ЖЕ, И НЕЗНАКОМЕЦЪ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ

Простите, къ вамъ вошелъ я безъ доклада....

ставунинъ, *(пораженный про себя).*

О! этотъ голосъ помнитъ смертный часъ
 Мнѣ завѣщаль....

Что нужно вамъ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ (сидясь).

Я сяду,

Пока вы кончите.

СТАВУНИНЪ (вставая и приветливо дѣлая знакъ прощанія жень, которая наконецъ уходитъ).

Я кончилъ.... И для васъ

Готовъ къ услугамъ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ (мрачно).

Будто-бы?

СТАВУНИНЪ.

Но кто вы?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Кто? — человекъ вамъ услужить готовый....

Довольно вамъ.... Видались мы или нѣтъ,

Я не берусь рѣшить, — подумайте вы сами,

Есть у меня для васъ секретъ,

И говорить мнѣ нужно съ вами.

Угодно-ль ѣхать вамъ со мной?

СТАВУНИНЪ.

Куда?... но все равно.... я ѣду.... Предъ судьбой

Напрасно отступать....

НЕЗНАКОМЕЦЪ (идя къ двери).

Идите-же за мной.

(Ставунинъ беретъ со стола шляпу и слѣдуетъ за нимъ).

Картина 2.

Вечеръ у откупщика Постина. Большая диванная съ аркой вмѣсто дверей, въ которую видна амфилада освѣщенныхъ комнатъ. По срединѣ комнаты пять карточныхъ столовъ; за однимъ сидятъ нѣсколько стариковъ, за другимъ Столѣтній, мужъ Елены, Кобыловичъ. На диванахъ, по стѣнамъ комнаты, гости сидятъ въ разныхъ положеніяхъ, курятъ, пьютъ пуншъ и т. п. Въ огром-

ных креслахъ подлѣ стола, за которыми играютъ Столѣтній и прочіе, ле-
жить самъ Постинъ съ сигарой. Мертвиловъ также, съ сигарой, ходитъ по
комнатѣ. На лѣво отъ зрителей, въ отворенныхъ дверяхъ, виднѣн хоръ цы-
ганъ и въ самыхъ дверяхъ Подкословъ, который въ неистовствѣ поетъ и
пляшетъ съ нимъ: вмѣстѣ съ нимъ, прислонясь къ дверямъ, стоитъ безнаде-
жный поэтъ и мрачно смотритъ, оба безпрестанно пьютъ пуншъ. Цыгане
поютъ: *Я пойду, пойду косить, во зеленый лугъ.*

СТОЛѢТНІЙ.

Въ червахъ.

МУЖЪ ЕЛЕНЫ (кладя карты).

Пасъ.

КОБЫЛОВИЧЪ.

Тоже пасъ

ПОСТИНЪ (Столѣтнему).

Везетъ вамъ нынче славно....

СТОЛѢТНІЙ.

Но только что это за глупая игра?

ПОСТИНЪ.

Вамъ все-бы банкъ да банкъ!

КОБЫЛОВИЧЪ.

А кстати, вотъ забавно!

Я страшно счастливъ въ банкъ и въ горку.... До утра!

Игралъ я разъ — и все на даму....

И мнѣ везло.... Андрей Михайлычъ мнѣ

Замѣтилъ впрочемъ разъ....

МЕРТВИЛОВЪ (наклонясь къ Постину).

Замѣйте.

КОБЫЛОВИЧЪ.

Что упрямо,

Какъ дамы, счастье — и такъ-же, какъ онѣ,

Обманчиво....

СТОЛЬТНИЙ.

Однако вы забыли,

Что ваша очередь сдавать

ПОДКОСИЛОВЪ (кричитъ)

Иванъ Ильичъ!... вели подать

Чего-нибудь сюда.... Чудесно откосили!

КОРНЕТЬ (за другимъ столомъ).

Ва банкъ!

ПОСТИНЬ (обращаясь туда).

А кушъ великъ?

КОРНЕТЬ (меча карты, съ презрѣніемъ).

Что! триста серебромъ....

ОТЕЦЪ СЕМЕЙСТВА (за однимъ столомъ съ
Корнетомъ).

Ну — было не было! послѣднюю ребромъ!

ПОСТИНЬ (обращаясь къ нему).

Эй брось играть.... Домой придется воротиться!

ОТЕЦЪ СЕМЕЙСТВА.

Ну что-бы ни было, косить такъ ужъ косить!...

Вотъ угораздилъ чортъ меня жениться....

Да, впрочемъ, что тутъ говорить

Валяй, коси, руби.... Вели мнѣ дать хватить.

Скорѣе «Ромео».... да пусть поютъ цыганы....

ПОСТИНЬ.

А вотъ, за этимъ къ атаману

Мы оборотимся.... Эй ты, любезный другъ....

ПОДКОСИЛОВЪ (подходитъ, не много ша-
таясь, къ Стольтнему).

Что, каково поютъ?...

СТОЛЬТНИЙ (ставя карту).

Отстань, мнѣ недосугъ.

ПОДКОСИЛОВЪ.

Иванъ Ильичъ — вели подать туда съѣстнаго

постиниъ.

Распоряжайся самъ, да кетати, атаманъ,

Вели — лови, лови!

ПОДКОСИЛОВЪ (*резветъ неестественно,
въ пивическомъ восторгѣ*).

Лови, лови

Часы любви...

ТЪ-ЖЕ, ДОКТОРЪ ГОЛЬДЗЕЛИГЪ.

постиниъ (*вставая*).

А! гостя дорогаго

Я только что и ждалъ, — садитесь на диванъ.

Ложитесь лучше, вы устали,

Я думаю....

ГОЛЬДЗЕЛИГЪ (*подавая ему руку*).

День цѣлый я гонялъ....

Минуты, просто, нѣтъ свободной.... (*Постиниу тихо*).

Что за народъ у васъ!...

постиниъ (*насмѣшливо*).

Народъ все благородный,

И даже столбовой.

ГОЛЬДЗЕЛИГЪ

Ставуниниъ не бывалъ?

постиниъ.

Покамѣсть нѣтъ еще.

ГОЛЬДЗЕЛИГЪ.

Но будетъ?

постиниъ.

Объщаль.

МЕРТВИЛОВЪ *(подходя къ Гельдзелигу).*
Вы были у Донской?

ГЕЛЬДЗЕЛИГЪ *(сухо).*

Она больна.

МЕРТВИЛОВЪ.

Съ скандала?

ГОЛЬДЗЕЛИГЪ *(такъ же сухо).*

Съ какого?

МЕРТВИЛОВЪ.

Развѣ нынче вамъ.

Эмѣ о томъ не рассказала.

ГЕЛЬДЗЕЛИГЪ *(почти призрачно).*

Не каждый же къ ея вѣстямъ

Какъ вы внимателенъ.

МЕРТВИЛОВЪ *(насмѣливо).*

Забылъ я, извините.

Что влюблены вы и давно.

ГОЛЬДЗЕЛИГЪ *(вспыльчиво).*

Monsieur Мертвиловъ, если вы не замолчите....

МЕРТВИЛОВЪ *(съ хохотомъ).*

Мы будемъ драться?

ГОЛЬДЗЕЛИГЪ.

Вамъ смѣшно?

МЕРТВИЛОВЪ.

Да какъ же нѣтъ — вы мнѣ простите,
Но это странно — медикъ вы,
Должны людей лечить, а убивать хотите!

(Отходитъ).

ГОЛЬЦЕЛИГЪ (про себя).

Я глушь!

(Постину).

Они играютъ, — что же вы?

ПОСТИНЪ (презрительно).

Помилуйте, они играютъ по полтинъ!

Вотъ подождемъ Ставунина, тогда....

КОБЫЛОВИЧЪ (который кончилъ сдавать, къ Постину).

Послушайте, когда я былъ въ Волыни....

ПОДКОСИЛОВЪ (подходя объ руку съ безнадежнымъ поэтомъ, оба уже сильно-пьяные).

Что? каково поютъ — бѣда....

БЕЗНАДЕЖНЫЙ ПОЭТЪ.

Оставь, все это души

Холодныя.

ПОДКОСИЛОВЪ (Стольтнему).

Ты слушай соло Груши!

ТЪ-ЖЕ, СТАВУНИНЪ И НЕЗНАКОМЕЦЪ.

СТАВУНИНЪ (Постину).

Я опоздалъ къ вамъ — виноватъ,

Рекомендую вамъ: двоюродный мой братъ.

(Незнакомецъ молча кланяется).

Я къ вамъ его привезъ, безъ церемоній, прямо.

ПОСТИНЪ.

Обязанъ много. Очень-радъ

Знакомству вашему.

(Пожимаетъ руку знакому).

СТАВУНИНЪ.

Гольдзелигъ.

*(Пожимая ему руку).*ГОЛЬДЕЛИГЪ *(отводя его въ-сторону).*

Ты упрямо

Искалъ свиданія — и что-же?

СТАВУНИНЪ.

Что она?

ГОЛЬДЕЛИГЪ.

Ты знаешь, вѣрно, самъ, — она больна.

СТАВУНИНЪ.

Опасно?

ГОЛЬДЕЛИГЪ.

Можетъ-быть.... у ней давно чахотка.

Cette femme mourra d'une mort subite, —

Je vous le dis....

СТАВУНИНЪ *(какъ-бы про себя).*

Да, безмятежно, кротко

Она заснетъ!...

ГОЛЬДЕЛИГЪ.

Когда уже не спитъ....

СТАВУНИНЪ *(измѣняясь въ лицѣ).*

Что говоришь ты?

ГОЛЬДЕЛИГЪ.

Да, — болѣзнь такого рода,

Что случай незначительный, пустой

Способенъ ускорить....

СТАВУНИНЪ *(про себя).*

Да, видно, часъ свободы

И для нея насталь со мной....

ПОСТИГЪ (сидя за столъ).

Владиміръ Оедорычъ, я понтирую....

Кто съ нами господа?

КОРНЕТЬ.

Что, кушъ большой?

ПОСТИГЪ.

Пятнадцать тысячъ.

ОТЕЦЪ СЕМЕЙСТВА.

Ужъ рискну я.

СТОЛЪТНІЙ (вставая).

И я.

КОРНЕТЬ.

И я....

СТАВУНИЦЪ (сидится у стола, за нимъ становится незнакомецъ).

Мечите.... ставлю тузъ.

ПОСТИГЪ (мечетъ).

Вы страшно счастливы.

СТАВУНИЦЪ.

На пе.

(Цыгане поютъ, слышенъ топотъ и свистъ, Подкосиловъ и безнадежный поэтъ пляшутъ въ присядку съ цыганами).

СТОЛЪТНІЙ.

Держу я....

Уймите этотъ шумъ.

ПОСТИГЪ (мечетъ).

Нельзя, питомецъ музы.

И атаманъ неудержимы стали..

Вотъ счастье!.. Вы Столътній, проиграли.

СТОЛЪТНІЙ.

На пе....

тЪ-же, *входитъ поспышно* **ВЯЗМИНЪ.**

Столѣтній здѣсь?

СТОЛѢТНИЙ (*слыша его голосъ*).

Зачѣмъ ты, подожди,

Борисъ Владиміричъ... На пе-

ВЯЗМИНЪ (*схватывая его за руку*).

Нельзя — иди!

Pardon Messieurs.

СТОЛѢТНИЙ.

Постой....

ВЯЗМИНЪ.

Скорѣе, о, скорѣе.

(*Тихо*).

Сестра....

СТОЛѢТНИЙ (*быстро вскакивая со стула*).

Что?

ВЯЗМИНЪ (*увлекая его въ уголъ*).

Боже мой!... Гляди,

Письмо отъ матушки.

(*Падаетъ на диванъ въ волненіи. Столѣтній, пробь-
гая письмо, блѣднѣетъ и остается долго нѣмымъ*).

СТОЛѢТНИЙ (*приходя въ себя*).

О! я убью злодѣя.

ВЯЗМИНЪ (*блѣдный*).

Онъ здѣсь.... онъ здѣсь.... Ставунинъ!

СТОЛѢТНИЙ (*пораженный*).

Онъ!

вѣзминъ.

Сестра моя... о Боже! это сонъ,
Ужасный сонъ!

СТОЛѢТНІЙ (съ сосредоточеннымъ эн-
воиъ, подходя къ Ставунину).

Monsieur Ставунинъ — слово

Одно.

СТАВУНИНЪ (спокойно).

Что нужно вамъ....

СТОЛѢТНІЙ.

Сказать

Что вы... что вы... но вамъ не ново
Прозванье ни одно.

СТАВУНИНЪ.

Но я хотѣлъ-бы знать,
Что значить это все?

СТОЛѢТНІЙ.

Вы знаете... Предъ вами

Женихъ — и братъ.

СТАВУНИНЪ (холодно).

Такъ что-жь?

вѣзминъ (вставая).

Такъ вы деретесь съ нами

На чемъ угодно вамъ.

СТАВУНИНЪ.

Простите, господа,

Но, къ сожалѣнію, скажу я,

Что не дерусь я никогда....

СТОЛѢТНІЙ.

Но васъ заставлю я

СТАВУНИНЪ.

Посмотримъ ... Мѣтко бью я
И, вѣрно мнѣ нестрашенъ пистолеть:
Но, къ-сожалѣнію, я долженъ отказаться, —
Я не дерусь.

СТОЛЪТНІЙ.

Последній вашъ отвѣтъ?

СТАВУНИНЪ.

Последній... или нѣтъ: когда намъ нужно драться
И нужно умереть кому-нибудь изъ двухъ,
Есть средство лучшее.

СТОЛЪТНІЙ.

Какое-же?

СТАВУНИНЪ.

Сыгратья

На жизнь...

СТОЛЪТНІЙ.

Я вашъ партнеръ.

СТАВУНИНЪ.

Садитесь-же...

взяминъ (Стольтнему).

Мой другъ,

Но онъ со мною долженъ разсчитаться.

СТОЛЪТНІЙ.

Со мною прежде — и обнимъ вдругъ
Нельзя.

СТАВУНИНЪ.

Такъ если будетъ вамъ угодно...

Играемъ мы.. но прежде благородно
Поговоримъ... чтобъ наша смерть была

Полезна для нея... чтобъ то, что честию въ свѣтѣ
Зовется — возвратить она могла,
Есть у меня женихъ для Вѣры на примѣтъ;
Когда мои условия приметъ онъ,
Деремся мы, monsieur Столѣтній, съ вами.

(Вязьмину).

А съ вами я предъ свѣтомъ примирень;
Неправда-ль!

СТОЛѢТНИЙ.

Это такъ...

ВЯЗЬМИНЪ (презрительно).

Женихъ? Но кто-же онъ?

Не вы-ль?

СТАВУНИНЪ.

Нѣтъ, я женатъ — но здѣсь онъ между нами.
(Столѣтнему).

Садитесь-же за столъ, я буду къ вамъ сейчасъ.

(Подходя къ Мертвилову).

Не можете-ли вы поговорить со мною?

МЕРТВИЛОВЪ (принужденно)

Que vous plait-il, monsieur?

СТАВУНИНЪ (Вязьмину).

Оставьте насъ.

Вотъ видите-ль, замѣтилъ въ васъ давно я
Такъ много рѣдкаго ума и вмѣстѣ съ тѣмъ,

(Мертвиловъ кланяется).

Такъ много рѣдкаго презрѣнья
Къ различнымъ предразсудкамъ. Такъ зачѣмъ

(Мертвиловъ кланяется).

Мнѣ предисловіе... Общественнаго мнѣнья,

Бойтесь вы немного, вотъ одно,

О чемъ хотѣлось мнѣ поговорить давно.

Вы сами знаете, — что главное — имѣнье

На этомъ свѣтѣ, да?

МЕРТВИЛОВЪ. Я васъ благодарю...
 За миѣніе... но въ чемъ-же дѣло?

СТАВУНИНЪ.

Угодно слушать вамъ? Итакъ, я говорю,
 И говорю безъ предисловій, смѣло;
 Скажите, если-бъ вамъ неожиданно получить,
 Хоть тысячь-двѣсти, такъ за-даромъ?

МЕРТВИЛОВЪ.

Я вижу, что со мной хотите вы шутить....

СТАВУНИНЪ.

Нимало.

МЕРТВИЛОВЪ.

Если такъ.... я ихъ-бы принялъ съ жаромъ,
 Конечно...

СТАВУНИНЪ.

Если-бъ вамъ сосваталъ я жену?

МЕРТВИЛОВЪ *(немного думая)*.

Жену!... и вы....

СТАВУНИНЪ.

Миѣ кажется, другъ-друга

Мы поняли...

МЕРТВИЛОВЪ.

Но просьбу я одну
 Имѣю къ вамъ: миѣ званіе супруга
 Нейдетъ.

СТАВУНИНЪ.

Вы можете въ Карлсбадъ
 Отправиться. И такъ?

МЕРТВИЛОВЪ.

Я очень-радъ.

СТАВУНИНЪ *(беретъ его руку)*

Итакъ — я вамъ рекомендую....

(Подходитъ къ Вязмину съ нимъ).

Братъ вашей будущей жены,

(Вязмину).

Monsieur Мертвиловъ....

(Оставляя ихъ идетъ къ столу).

Что-жь!

ПОСТИНЪ.

Я понтирую.

(Ставунинъ и Столѣтній становятся другъ противъ друга, за Ставунинымъ незнакомецъ. Мертвое молчаніе).

ПОСТИНЪ.

На-право, тузъ ... Ну, ну — вы созданы

Подъ счастливой звѣздой.

СТАВУНИНЪ *(про-себя).*

Нестранны-ль игры рока?

СТОЛѢТНИЙ *(ему мрачно и язвительно).*

Желаю счастья вамъ.

СТАВУНИНЪ *(грустно).*

Взаимно...

СТОЛѢТНИЙ *(тихо ему).*

Ей упрека

Не посылаю я... желаю счастья ей.

(Уходитъ, Вязминъ хочетъ идти за нимъ, онъ его удерживаетъ).

СТАВУДИНЪ (про-себя).

Да! рокъ привыкъ играть минутами людей!

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Но игры рока — тайны рока!

(Неистовая пѣсня раздается въ сосѣдней ком-
натѣ, съ притопываніемъ, со свистомъ и при-
пѣвомъ: Жизнь для насъ копейка!).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостинная Донскихъ; вечеръ.

ДОНСКАЯ (одна, сидитъ на диванѣ,
сжавши голову руками,
передъ ней книга).

Такъ страшно — тяжело! Тоска, одна тоска,

И впередъ — одно и то же.

Больна я, но отъ гроба далека...

Мнѣ жить еще судилъ Ты долго, Боже.

(Бросая книгу).

О, для чего раскрыты предо мной

Страданьемъ говорящія страницы...

Зачѣмъ онѣ насмѣшливо съ судьбой

Зовутъ меня бороться?... Вереницы
 Забытыхъ призраковъ роятся вокругъ меня...
 Мнѣ душно, душно... сжался надо мною,
 Дай мира мнѣ, дай мира и покоя

Источникъ вѣчнаго огня...

Боролась я... у міра сожалѣнья
 Я не просила, ... я передъ тобой
 Горда, чиста... но есть предѣлъ терпѣнья.
 Возьми меня, о Вѣчный, въ Твой покой...
 Страдала я... конца моимъ страданьямъ
 Я не просила... я любила ихъ,
 Любила ропотъ гордый — но роптаньямъ
 Предѣлы есть въ объятіяхъ Твоихъ...
 Любила я... мнѣ равное любила,
 Не низшее плъ высшее меня...
 Въ обоихъ насъ присутствовала сила
 Единая палящаго огня...
 Любила я... свободно, безнадежно
 Любила я... любили оба мы...
 Мы разошлись, и знаю — неизбежно
 Разстаться было намъ... несозданы
 Равно мы оба были для смиренья,
 Любили мы другъ-друга, какъ судьбу,
 Страданія, какъ гордую борьбу
 Безъ отдыха, безъ сладкаго забвенья...
 Безъ чудныхъ сновъ земнаго бытія...
 Отецъ, Отецъ, — въ борьбѣ устала я,
 Дай міра мнѣ и дай успокоенья...

донская, донской.

донской.

Marie, къ вамъ можно?

донская (выходя изъ самопогруженія).

Что угодно вамъ?

донской.

Вы помните... про Тульское имѣнье
 Я говорилъ третьяго-дня — хотѣ намъ

Оно доходъ порядочный приносить, *Видите ли?..*
 Но что же дѣлать?....

донская *и и вѣри мнѣ, мнѣ вѣри мнѣ*

Что же въ этомъ мнѣ?

донской.

Вотъ видите-ль, Магic: для формы просить
 Мой кредиторъ довѣренность. Одиъ
(Вынимаетъ изъ кармана довѣренность).

Лишь формы.... это — подписать.

донская.

Извольте.

(Подписываетъ).

донской.

Благодарю васъ, ангель мой Магic,

(Смотритъ).

Вы такъ добры... Еще здѣсь слова три
 Необходимы.

(Смотритъ).

Кончено...Позвольте

Теперь проститься съ вами...

донская *(презрительно).*

Въ клубъ?

донской *(съ ужимкою).*

Увы!

При томъ-же вамъ авось не будетъ скучно,

(Насмѣливо).

И безъ меня найдете, вѣрно, вы
 Теперь кого-нибудь: я равнодушно
 Смотрю на все...

донская *(съ оскорбленнымъ достоинствомъ).*

Что говорите вы?

донской (насмѣливо, понимая пле-
чами).

Что говорятъ.

донская.

Но кто-же?

донской.

Поль Москвы...

Но мнѣ до васъ нѣтъ вовсе дѣла,
Вы можете и жертвовать собой,
И съ предрасудками бороться смѣло...
Я человѣкъ, извѣстно вамъ, простой,
Не карточный игрокъ отъявленный, не гений,
Не понимаю высихъ я воззрѣній
И предпочелъ давно всему покой...
Adieu, Marie!

(Уходитъ).

донская.

О Боже, Боже мой...

Такъ судить свѣтъ... Что если-бы для свѣта
Любовь мою я въ жертву принесла?...
Какъ жалко-бы я пала,.. какъ отвѣта
И даже-бъ вѣры въ свѣтъ не нашла...
Но я давно общественному мнѣнью
Въ лицо взглянула прямо -- безъ страстей
Давно уже -- я каждому влеченью
Свободно предавалась -- для людей
Не жертвовала я ничѣмъ...

Душой моею

Пожертвовала я давно ужъ волѣ рока...
И передъ нимъ чиста я безъ упрека,
И передъ нимъ горда я...

Скоро-ль путь

Окончу я!..... Скорѣ бы вздохнуть
Свободнѣе... скорѣ-бъ духу крылья,
Чтобъ, разорвавъ сожженную имъ грудь,
За гордую борьбу, за тщетныя усилья,

Въ объятіяхъ Отца онъ могъ-бы отдохнуть.

(Погружается въ задумчивость).

ДОНСКАЯ, СТАВУНИНЪ (входитъ тихо).

ДОНСКАЯ (быстро взглядываетъ на него).

Вы! въ этотъ часъ...

СТАВУНИНЪ (съ покойною холодностью).

Проститесь съ вами.

ДОНСКАЯ.

Вы ѣдете... куда-же?

СТАВУНИНЪ.

На Кавказъ.

ДОНСКАЯ.

Хотите вы лечить себя водами?

СТАВУНИНЪ (садясь).

Лечиться глупо кажется для васъ.

И для меня... Теперь въ послѣдній разъ

Мы видимся.

ДОНСКАЯ (подавая ему руку).

Растанемтесь друзьями.

СТАВУНИНЪ (отдергивая руку; быстро)

О нѣтъ, о нѣтъ, врагами-же скорѣй!..

Отъ васъ любовь или вражду возьму я —

Но дружбу нѣтъ...

ДОНСКАЯ (отнимая руку, печально).

Вы правы.

СТАВУНИНЪ.

Но одну я

Имѣю просьбу къ вамъ.

ДОНСКАЯ (*чертя по-столу пальцемъ*).

Какую?

СТАВУНИНЪ.

Вотъ видите-ль... Прошедшее у васъ
Изгладилось, иль нѣтъ, изъ памяти, не знаю —
Но я — я помню все... Вы помните-ли разъ —
То было вечеромъ.

ДОНСКАЯ (*какъ-бы пораженная*).

О! я припоминаю.

СТАВУНИНЪ.

Вы пѣли пѣсню — пѣсня та была
Исполнена таинственной надежды,
Покоя, смерти... подъ нее-бы вѣжды
Закрывать хотѣлось мнѣ всегда... Свѣтла
И такъ полна печали пѣсня эта...
Итакъ мольбой покоя дышетъ, — вы
Ее забыли?... Я стихи поэта
Напомню вамъ, — но звуки, звуки — вы
Найдите въ памяти... они просты
И глубоки.

ДОНСКАЯ (*твердо и тихо*).

Я помню ихъ,
(*Выходитъ въ другую комнату. Раздаются звуки рояля*).

Горныя вершины
Спать во тьмѣ ночной,
Тихія долины
Полны свѣжей мглой...
Не пылить дорога,
Не дрожать листы,
Подожди не много,
Отдохнешь и ты....

СТАВУНИНЪ (*по уходъ Донской быстро
вскакивая и схватывая
стаканъ съ лимонадомъ на
ея столикъ*).

Мгновенье

Въ моихъ рукахъ... прости меня, прости
 Источникъ жизни, если преступленье
 Я совершилъ. (*Бросаетъ лѣтъ; слышно: «Отдохнешь и ты»*).

Да да — мы отдохнемъ

Мы отдохнемъ съ тобою оба....

Мы жили врозь, но вмѣстѣ мы умремъ, —

Соединить насъ близость гроба.

донская (*входитъ и бросается на диванъ, въ сильномъ вол-
 неньи.... грудь ея сильно поднимается*).

Ставунинъ.... мы разстанся навсегда

Теперь должны....

СТАВУНИНЪ.

Кто знаетъ ?

донская.

Воля рока.

СТАВУНИНЪ.

Все рокъ одинъ! —

донская.

Намъ больше никогда

Не встрѣтятся.... быть-можетъ, я жестоко

Играла вами, вашею душой....

Чтожъ дѣлать, часъ послѣдній мой

Еще не близокъ.... Душно мнѣ.

(*Пѣетъ*).

СТАВУНИНЪ (*вставая медленно и тор-
 жественно*).

Для васъ

Теперь онъ пробилъ....

донская.

Что ?

СТАВУНИНЪ.

Вашъ смертный часъ.

(Донская смотритъ на него неподвижно).

Марі, Марі.... вы пили ядъ.

донская *(какъ-бы потрясенная электрическою искрою, съ радостью).*Ужели?...
.....

СТАВУНИНЪ.

Ты ядъ пила, Марі.... Безумной цѣли достигъ я.... я у берега.

донская.

О, пѣтъ

Не вѣрю я!... вы обмануть хотите
меня, Ставунинъ... Искупленье, свѣтъ,
Свобода... говорите, говорите:
То правда-ли?СТАВУНИНЪ *(падая у ногъ ея).*

О да, дитя мое....

Прости меня... тебя любилъ я странно,
Болѣзненно, безумно, постоянно,
Тебя любилъ я — бытіе свое
Я приковалъ давно къ одной лишь цѣли,
Къ тебѣ одной.... не спрашивай меня,
Зачѣмъ я жилъ такъ долго — и тебѣ-ли
Объ этомъ спрашивать?... Давно, со дня
Разлуки нашей, мыслію одной
Я жилъ — упасть у ногъ твоихъ хоть разъ,
Хоть разъ одинъ тебѣ спокойно въ очи
Смотрѣть, въ больныя очи... Смертный часъ
Твой пробилъ... ты свободна; вѣчной ночи
Добыча ты — ты кончила расчетъ
Съ людьми и міромъ...

донская.

О! какъ страшно жжетъ

Мнѣ грудь твой ядъ...

ставунинъ (у ногъ ея).

Мгновеніе мученья

Пройдетъ дитя...

донская (слабымъ голосомъ).

Проходить.... Добрый другъ,

Благодарю тебя; освобожденье

Я чувствую... почти затихъ недугъ...

Свободна я!... Владиміръ руку, руку,

Дай руку мнѣ!

ставунинъ.

На вѣчную разлуку,

Дитя мое, мой ангелъ.... навсегда!

Прости.... прости...

донская.

Владиміръ, до свиданья!

Свиданье есть.... я чувствую.... о да,

Свиданье есть... кто гордо несъ страданье,

Тотъ въ жизнь его иную унесетъ....

Мнѣ кажется заря теперь встаетъ

И дышетъ воздухъ утренней прохладой,

И мнѣ дышать легко, легко... отрадой

Мнѣ жизнь иная вѣтъ...

ставунинъ.

О! не умирай,

Еще одно, еще одно мгновенье,

Послѣднее дыханье передай

Въ лобзаны мнѣ послѣднемъ, первомъ....

(Долгий поцѣлуй, послѣ котораго Донская вдругъ от-
рывается отъ него.)

донская (слабо и прерывисто).

Пробужденье...

Любовь.... Свобода... Руку!....

(Умираетъ).

СТАВУНИНЪ.

Умерла!

(Склоняется головою на ея колѣни; потомъ черезъ нѣсколько минутъ приподнимается).

Все кончено..... теперь скорѣй съ судьбою

Кончать разсчитъ...

(Бросается, но останавливается на минуту, и снова падаетъ у ногъ ея).

Нѣтъ, жить ты не могла,

Дитя мое, — обонхъ насъ съ тобою

Звала судьба!.... Но ты мертва, мертва....

Марі, Марі — ужели ты не слышишь?....

Мертва, блѣдна... О Боже, голова

Моя кружится.... Ты нѣма, мертва,

Марі, дитя мое, мертва, не дышишь....

О, это страшно, страшно... Но твои слова

Я помню: до свиданья, до свиданья....

О если-бы!....

(Встаетъ и идетъ медленно къ дверямъ тихо).

СТАВУНИНЪ И ДОКТОРЪ ГОЛЬДЗЕЛИГЪ.

ГОЛЬДЗЕЛИГЪ.

Ты здѣсь. .

СТАВУНИНЪ *(тихо)*.

Те!....

ГОЛЬДЗЕЛИГЪ.

Спитъ она?

СТАВУНИНЪ *(съ страшною улыбкою)*.

Сномъ смерти.

ГОЛЬДЗЕЛИГЪ *(бросаясь къ ней)*.

Умерла!

СТАВУНИНЪ.

Отравлена!

(Минута молчанія).

ГОЛЬДЗЕЛИГЪ (*оставляя ей руку, мрачно и грустно.*

Ее какъ ты любишь я, — по роптанья
Безумны будутъ; надъ тобой, надъ ней
Лежитъ судьба.

СТАВУНИНЪ.

Прощай.

ГОЛЬДЗЕЛИГЪ.

Навѣки?

СТАВУНИНЪ.

Къ ней.

(*Молча пожимаютъ другъ-другу руки. Ставунинъ уходитъ, въ послѣдній разъ поцѣловавши руку Донской. Гольдзелигъ садится и долго смотритъ на мертвую*)

ГОЛЬДЗЕЛИГЪ.

Да это странно, странно... Налегла
На нихъ печать страданья и проклятья,
И тѣмъ, которыхъ жизнь навѣки развела
Открыла смерть единыя объятья....

ДОНСКОЙ, ВХОДЯ СЪ КОБЫЛОВИЧЕМЪ.

Marie, вы здѣсь....

(*Подходитъ и съ удивленіемъ обращается къ доктору.*
Что съ нею?

ГОЛЬДЗЕЛИГЪ (*спокойно*).

Умерла.

ДОНСКОЙ (*съ удивленьемъ*).

Какъ? умерла....

(*Съ горестью ударяя себя въ лобъ*).

А я объ завѣщаньи
Не хлопоталъ, — седьмая часть одна
Мнѣ по закону слѣдуетъ.

КОБЫЛОВИЧЪ.

Она

Скоропостижно такъ скончалась.... здѣсь нужна
Полиція... Ничто безъ основанья
Законнаго не должно дѣлать вамъ ..
Мнѣ часто говорилъ Андрей Михайлычъ самъ....

(Занавѣсъ падаетъ при послѣднихъ словахъ).

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ПОЛЬ И ПОЛИНА,

или

БРАТЬ ЗА СЕСТРУ, СЕСТРА ЗА БРАТА.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

передъланная съ французскаго *).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГРАФИНЯ ДЕ-РЕНАКЪ, ...	Г. Валбергова.
ГРАФЪ РИЧАРДЪ ДЕ-РЕНАКЪ, отставной полковникъ, племянникъ ея мужа.	Г. Сосницкій.
ПОЛЬ, { близнецы, внуки	
ПОЛИНА, сестра его { графини де-РЕНАКЪ	Г-жа Самойлова 1.
ЛЕОНЪ ДЕ-СЕНКЛЕРЪ	Г-нъ Смирновъ 2.
ЭЛЬВИНА, сестра его { сосѣди графини	
БЕРТРАНЪ, старый слуга графини, ...	Г. Мартыновъ.
МАРГАРИТА, горничная эльвины, ...	Г-жа Волкова 2.

Дѣйствіе происходитъ въ замкѣ графини, въ 1815 году.

*) Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ, на сценѣ Императорскаго Александрійскаго-театра, въ бенефисъ Г-на Каратыгина 2-го, 15-го ноября, 1845 г.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

==

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ саль, отдѣленный отъ другаго, въ глубинѣ сцены, рѣшоткою. На первомъ планѣ, съ правой стороны, фасадъ дома г. де-Ренакъ, съ лѣвой стороны павильонъ, по обѣимъ сторонамъ скамейки.

До поднятія занавѣсы слышенъ выстрѣлъ и крикъ Поля. Занавѣсъ поднимается. Польш прыгаетъ черезъ рѣшотку.

Польш (*держится за руку, одинъ*). О! да какъ-же больно!.. Чортъ побери всѣ эти любовныя продѣлки! Какъ въ огнѣ горитъ! Ой, какъ больно! Что за проклятая неудача! ухаживая за нашей милой сосѣдкой Эльвиной де-Сенклеръ, я началъ, было, въ ожиданіи успѣха, пробираться къ ея горничной Маргаритѣ... вдругъ пришла Эльвина, и возьми себѣ въ голову, что я для нея перелѣзь садовую стѣну; ну что ты будешь дѣлать съ жепскимъ самолюбіемъ! Ихъ не разувѣришь! И пошла потѣха; вдругъ слышу шаги, и этотъ проклятый садовникъ чуть не подстрѣлилъ меня, какъ воробья... ой, какъ больно!..

(*Голосъ Ричарда*). Польш! Бертранъ!

Польш. Сюда идуть! Пойдемъ-же скорѣй!

ЯВЛЕНІЕ II.

Г-жа де-Ренакъ, Ричардъ, Бертранъ.

Графиня де-Ренакъ (*Бертрану*). Поди узнай сей-часъ, кто стрѣлялъ въ садѣ? Что это зашалоости? это меня очень беспокоитъ.

БЕРТРАНЪ (уходя). Слушаю, сударыня.

РИЧАРДЪ. Есть о чемъ заботиться. (Смѣется) Я увѣренъ, что повѣса Поль изволилъ выкинуть какую-нибудь новую штуку! Вы знаете, что онъ тогда только и счастливъ, когда съ ружьемъ въ рукахъ.

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Ахъ, Ричардъ! я боюсь за него; съ нѣкоторыхъ поръ онъ спитъ и бредитъ одними сраженіями.

РИЧАРДЪ. И васъ это не восхищаетъ? Вашъ мужъ получилъ всѣ чины на полѣ битвы. И Поль пойдетъ по его слѣдамъ.

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Да! мужъ мой убитъ подъ Арканой — мой сынъ погибъ подъ Мадритомъ... мои тяжкія потери еще у меня въ свѣжей памяти! Все утѣшеніе мое въ жизни — Поль и Полина. За чѣмъ мнѣ ввѣрять мое сокровище сомнительному жребію военныхъ опасностей.

РИЧАРДЪ. Да, эти близнецы такъ хороши собою и до того похожи другъ на друга, что, право, трудно распознать.

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Моя Полинъка, съ ея важнымъ личикомъ, ни въ чемъ не уступаетъ своему брату.

РИЧАРДЪ. Они и роста почти одного.

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Нѣтъ, Полина повыше.

РИЧАРДЪ. Вамъ отъ того Поль кажется меньше ростомъ, что онъ мужчина! Одѣньте въ женское платье послѣдняго гусарчика, и бьюсь объ закладъ, что онъ покажется вамъ выше любой долговизой дѣвчонки.

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Пусть будетъ по твоему, но что ни говори, а сердце мое всегда равно будетъ любить ихъ!

РИЧАРДЪ. О! я въ этомъ увѣренъ! Но обратимся къ прежнему разговору... Поль вышелъ изъ Политехнической Школы, надо-же молодца пристроить! Ахъ, сестрица! Если-бы вы перемѣнили ваши мысли!

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Я умру съ горя, если Поль мой вступитъ въ военную службу.

РИЧАРДЪ. Ну, нечего дѣлать! Я васъ огорчать не стану. Поль не будетъ военнымъ! Васъ вѣдь не убѣдишь! На счетъ-же его карьера я все таки похлопочу! Я написалъ къ моему старинному другу, барону де Костель, старшему совѣтнику въ министерствѣ финансовъ! На дняхъ Поля помѣстятъ въ канцелярію.

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Неужели? И до-сихъ-поръ ты мнѣ не говорилъ ни полслова!

РИЧАРДЪ. Есть чѣмъ хвастать! Бѣдный Поль, вмѣсто сабли, долженъ взяться за гусиное перо, и въ какое-время? когда Им-

ператоръ возвратился съ Эльбы! Орелъ Франціи снова распустилъ крылья свои! А я, старый инвалидъ, тоже не могу служить моему Государю. Грустно, сестрица, крѣпко грустно. Ну, такъ и быть, — участь Поля рѣшена... поговоримъ теперь насчетъ Полины. Что значать эти приготовленія къ ея отъѣзду?

Г-ЖА ДЕ РЕНАКЪ. Мѣсяца на два я отпускаю ее къ теткѣ.

РИЧАРДЪ. Сестрица, у меня есть до васъ просьба, не откажите мнѣ...

Г-ЖА ДЕ РЕНАКЪ. Что такое?

РИЧАРДЪ. Вы нѣсколько лѣтъ въ ссорѣ съ теткою вашихъ внуковъ.

Г-ЖА ДЕ РЕНАКЪ. Надѣюсь, не безъ причины...

РИЧАРДЪ. Воспользуйтесь отъѣздомъ Полины, напишите къ ней строчки двѣ, и всѣ семейныя ссоры забыты.

Г-ЖА ДЕ РЕНАКЪ. Десять лѣтъ мы не переписывались, я первая не начну.

РИЧАРДЪ. Десять лѣтъ!... Осада Трои продолжалась не долѣе!

Г-ЖА ДЕ РЕНАКЪ. Можетъ-быть!... Она хотѣла лишить меня любви моего сына!... Я никогда этого не забуду... и ни за что не помирюсь.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПОЛЬ-ЖЕ И ПОЛЬ (*вбѣгал*).

ПОЛЬ. Дядюшка, вообразите, что я прочиталъ! Я не вѣрю глазамъ своимъ: Императоръ съ горетію храбрыхъ прилетаетъ съ Эльбы! Ахъ, какъ прекрасно написана эта реляція.

Г-ЖА ДЕ РЕНАКЪ (*съ-старону*). Боже мой! что за пылкая голова!

РИЧАРДЪ (*скривая радость*). Милостивый государь! Какъ вы смѣете говорить такія вещи при вашей бабушкѣ!

ПОЛЬ. Виноватъ, добрая бабушка, но я въ такомъ восторгѣ!

Г-ЖА ДЕ РЕНАКЪ (*качая головой*). Молодые люди!... восхищаются происшествіемъ, которое повлечетъ за собою ужасы войны!... Поль! ты меня хочешь покипнуть, и для чего? чтобы бѣжать за обманчивымъ призракомъ славы.

ПОЛЬ. Обманчивымъ?... Посмотрите на дядюшку, онъ полковникъ, на немъ крестъ Почетнаго Легіона!

РИЧАРДЪ (*съ насмѣшкой*). Правда?... А раны-то?

поль. Раны славныя! Раны священныя! полученные за родину!

ричардъ. Не угодно-ли вамъ замолчать! (*Въ-сторону*). Вѣсь вѣ отца! Вылитый отецъ! Чудный мальи!

г-жа де ренакъ. Нѣтъ сударь, нѣтъ, въ военной службѣ вамъ не бывать!

поль (*мрачно*). Мой долгъ повиноваться!

ричардъ. Да, да, бабушка дѣло говорить! (*Въ-сторону*). Гм! Гм! Гм! Брр!...

г-жа де ренакъ. Милый другъ! дай миѣ руку, посмотримъ, все-ли готово къ отъѣзду Полины.

поль. Пойдемте, бабушка... Ай, ай! другую руку, другую!

г-жа де ренакъ. Развѣ у тебя болитъ?

поль. Да!... Я ушибъ локоть. (*Въ-сторону*). Проклятый выстрѣлъ! Надо молчать, не то Маргаритѣ достанется... Пойдемте, бабушка!... (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ричардъ, потомъ бертранъ.

ричардъ. Хорошая старушка! Она такъ страстно любитъ своего Поля, что умереть отъ одного страха, если его отправятъ въ сраженіе; а что ни говори, изъ него-бы вышелъ лихой рубака!

бертранъ (*вбѣгая*). Г. Полковникъ, я ее видѣлъ! Сію минуту видѣлъ!

ричардъ. Кого?

бертранъ. Маргариту! мою милую Маргариту! Она миѣ все разсказала — это ея отецъ хлопнулъ изъ ружья!

ричардъ. Отецъ!

бертранъ. Да, отецъ, старикъ Бенуа, садовникъ г-на де Сенклеръ, Маргарите меня спрашивала, по комъ онъ выстрѣлилъ, но я, право, не знаю! Узнать впрочемъ не трудно; ружье было заряжено крупной солью; а старикъ Бенуа стрѣляетъ мѣтко!

ричардъ. А! вотъ что! (*Въ-сторону*). Неужели Поль!...

бертранъ. Маргарита со мной на короткой ногѣ! Жаль только, что у нея длинныя руки! Чуть хочешь ее поцѣловать, сейчасъ, понимаете?

ричардъ. А! Поздравляю! Что это у тебя за письмо?

бертранъ. Ахъ, я и забылъ объ немъ. Это къ вамъ.

РИЧАРДЪ. Вотъ дуракъ, надо-бы съ этого начать.

БЕРТРАНЪ. Извините, полковникъ! Когда я заговорю объ Маргаритушкѣ, то ничего не помню.

РИЧАРДЪ (*топая*). Убирайся.

БЕРТРАНЪ. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

РИЧАРДЪ (*одинъ*).

Рука Костеля (*Распечатываетъ письмо*). «Парижъ, марта 25. 1815 г. Любезный Полковникъ! Сію минуту я былъ у Императора, и докладывалъ о вашемъ племянникѣ. Услышавъ фамилію «де Ренакъ, Императоръ быстро спросилъ у меня, не сынъ-ли онъ того графа де Ренакъ, который убитъ подъ Мадридомъ? «Сынъ, Ваше Величество, отвѣчалъ я ему. Государь улыбнулся «и сказалъ: Представить ко мнѣ молодаго графа. Вѣрный твой «другъ баронъ де Костель.» Славно! да здравствуетъ Императоръ! Онъ, вѣроятно, не упрячетъ Поля въ канцелярію. Но какъ же это обдѣлать?»

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПОЛЬ И РИЧАРДЪ.

ПОЛЬ (*не видя Ричарда*). Все готово, Полина сейчасъ уѣдетъ.

РИЧАРДЪ (*про себя*). Я готовъ отдать мою пенсію, только-бы самому опять вступить въ старую гвардію.

ПОЛЬ. Дядюшка!

РИЧАРДЪ (*хватая его за руку*). Ты здѣсь!

ПОЛЬ. Ай, ай, больно!

РИЧАРДЪ. Развѣ она еще не растаяла?

ПОЛЬ. Растаяла?

РИЧАРДЪ. Да, соль, которой по тебѣ выстрѣлили. Какъ тебя угораздило получить такую блистательную рану!

ПОЛЬ. Дядюшка! я лазилъ черезъ заборъ.

РИЧАРДЪ. А позвольте узнать зачѣмъ?

ПОЛЬ. Я хотѣлъ.... хотѣлъ....

ричардъ. Не стыдно-ли вамъ, сударь, такъ шалить! Мѣсяцъ назадъ вы волочились за Лизою, потомъ васъ поймали въ жаркихъ объясненіяхъ съ Бабетой! Теперь вы не совѣститесь бѣгать за сестрой вашего друга Леона! Вы, просто, негодай!

поль (*гордо*). Негодай!

ричардъ. Негодай! Честь дѣвушки ты ставишь ни во что!

поль. Дядюшка! я уважаю Эльвину! Но проклятый Бенуа выстрѣлилъ не за нее, а за Маргариту.

ричардъ. Маргариту! невѣсту Бертрана! Каковъ хватъ! За тремя разомъ ухаживаетъ!

поль.

Что-же тутъ за преступленья,

Если тактики молодой,

Въ ожиданіи сраженья,

Штурмъ затѣть съ красотой?

Смѣлость также въ этомъ дѣлѣ,

Какъ въ войнѣ, къ побѣдѣ путь.

Маршъ впередъ, чтобъ не успѣли

Провести и ускользнуть!

Вы мой дядя! мой учитель!

Но сознайтесь въ этомъ мнѣ,

Милъ для женщинъ побѣдитель

И въ любви, и на войнѣ.

ричардъ. Довольно, сударь, довольно! Но къ чорту всѣ эти глупости, — есть дѣло поважнѣе! Читай! (*Подаетъ письмо*).

поль. Что я вижу! Императоръ вспомнилъ обо мнѣ! Въ полкъ! на войну! Дядюшка! какое счастье!

ричардъ. Потихе, потихе, сударь.... Что объ этомъ скажетъ.... ваша бабушка.... она васъ обожаетъ, вамъ живетъ, вамъ дышать. Что будетъ съ нею, если вы уѣдете.

поль. Полина будетъ утѣшать ее.

ричардъ. Согласенъ, но какъ уговорить бабушку?

поль (*печально*). Правда, дядюшка, я долженъ отказаться отъ прекрасныхъ надеждъ — славы! Бѣдная бабушка! Рѣшено! Я не уѣду.

ричардъ (*обнимая его*). Не ѣзди, ты добрый мальчикъ... Но Императоръ!...

поль (*закрываетъ лицо руками*). Ахъ!...

ричардъ. Такая милость.... такое вниманіе ...
поль (*вскакивая*). Рѣшено!... я поѣду....

ричардъ! Молодецъ!

поль. Я отличусь!...

ричардъ. Да другъ мой! Ты отличишься!

поль. Я буду драться, какъ левъ.

ричардъ. Какъ чортъ! Ты получишь крестъ!

поль. Крестъ! О! какое блаженство!

ричаръ (*отступая печально*). А что скажетъ бабушка?

поль. Ахъ.... бабушка!

ричардъ. Ты долженъ остаться.

поль (*отступая печально*). А что скажетъ Императоръ?

ричардъ. Нѣтъ, ты поѣдешь! Тебѣ нельзя не ѣхать! Ты долженъ ѣхать!

поль. Дядюшка! Да развѣ можно и ѣхать, и не ѣхать? Говорите рѣшительно.

ричардъ. Рѣшительно! Чортъ возьми! Развѣ ты думаешь, что это легко?

поль. Чортъ возьми! я тоже не знаю.

(*Бертранъ входитъ*).

ричардъ (*громко*). Г-нъ де-Сенклеръ, съ сестрицею. (*Уходитъ*).

поль (*въ сторону*). Эльвина! Я не хочу и говорить съ ней!

ричардъ. Ну что-же... а?

поль. Я иду помогать Полинѣ укладываться.

ричардъ. На что-же ты рѣшился?

поль. Имѣю я право располагать собой, о, я-бы зналъ, что сдѣлать. (*Плачетъ*).

ричардъ. Стыдись! хочешь быть солдатомъ, а плачешь.

поль. Отъ-того я и плачу, что до-сихъ-поръ не солдатъ.

М 2.

Насмѣхаться вы не въ-правѣ,

Я по чувствамъ не дитя :

Рвется къ почестямъ и славѣ

Воля пылкая моя!

Доказалъ бы я дѣламъ,

Дайте волю надъ собой...

2 { Полетѣлъ-бы за орлами,
Какъ орленокъ молодой!

РИЧАРДЪ.

Нѣтъ братъ, тщетныя усилія,

Удержи-ка свой полетъ,
Здѣсь тебѣ подрѣжутъ крылья,
Баба-птица стережетъ!

ПОЛЬ.

Нѣтъ, готовъ, я поручиться,
Что со мной не совладать!

2 { Дайте только опериться,
Никому не удержать!

(Уходитъ).

РИЧАРДЪ. Те! те! Каковъ мальчикъ!... Но что мнѣ отвѣчать Кастелю? Нѣтъ, его нельзя удерживать. Онъ долженъ ѣхать. Надо только придумать какой-нибудь предлогъ. Бабушку не уговоришь; нельзя-ли пустить въ-ходъ какую-нибудь военную хитрость.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ЛЕОНЪ, ЭЛЬВИНА И РИЧАРДЪ.

ЛЕОНЪ. Мое почтеніе, полковникъ!

РИЧАРДЪ. А! Здравствуйте, г. де-Сенклеръ!

БЕРТРАНЪ (кричитъ). Господа де-Сенклеръ пожаловали!

РИЧАРДЪ. Дуракъ! Развѣ не видишь, они здѣсь.

БЕРТРАНЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ! Видите-ли, г. полковникъ... я тамъ сейчасъ говорилъ съ Маргаритой... А вы знаете, когда я съ ней поговорю, то ничего не вижу. Мнѣ приказано доложить, что господа де-Сенклеръ пожаловали, я и докладываю. (Кричитъ). Господа де Сенклеръ!

ЭЛЬВИНА. Ха, ха! Мнѣ кажется, что вашъ Бертранъ не много помѣшанъ.

РИЧАРДЪ. Нѣтъ! онъ, просто, дуракъ. Вы пришли проститься съ Полиной? Это очень-мило съ вашей стороны. Бертранъ, что-же ты?

БЕРТРАНЪ. Ничего, г. полковникъ.

РИЧАРДЪ. Развѣ не слыхалъ, что наши гости желаютъ видѣть Полину.

БЕРТРАНЪ. Да-съ... Такъ... что-же?

РИЧАРДЪ. Негодай, о чемъ ты думаешь?

БЕРТРАНЪ. О чемъ? О Маргаритѣ, г. полковникъ. Мнѣ пришлось въ голову, если кто влюбленъ въ дѣвушку, если онъ подхо-

дигъ, заговариваетъ съ нею, и если онъ получаетъ двѣ полновѣстныя оплеухи... такъ, что это значитъ?

ричардъ. Каковъ? Дѣлай, что тебѣ велятъ.

бертранъ. Сю минуту, г. полковникъ! Только позвольте мнѣ посовѣтоваться съ г-мъ де-Сенклеромъ, оиъ человекъ свѣтскій. Вотъ видите, здѣсь есть одна особа, которая...

ричардъ. Пойдешь-ли ты, негодяй!...

бертранъ. Иду, иду. Согласитесь однако, что это очень-странно. И все по лѣвой шекѣ, вѣдь это мало добраго общаетъ, какъ вы думаете?... Иду, иду, только вы не подумайте, чтобы я... странно, очень-странно. А вотъ и барышня!.. (*Громко*). Г де-Сенклеръ, съ сестрицею. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢ-ЖЕ, и ПОЛИНА.

полина (*цѣлуя Эльвину*). Эльвина! Ты пришла со мной прогнаться. Благодарствуй, моя душа. Здравствуйте, г. Леонъ!

эльвина. Милая Полина, ты сегодня насъ оставляешь?

полина. Да, другъ мой, на два мѣсяца.

леонъ (*въ-сторону*). На два мѣсяца!

полина. Г. Леонъ! вы сегодня что-то пасмурнѣе обыкновеннаго. Знаете-ли, что вамъ не достаетъ только черной маптіи и высокой шапки, чтобы походить на самага важнаго судью? Ха, ха, ха!

леонъ (*въ-сторону*). Только и слышишь, что насмѣшки! И послѣ этого извольте приступить къ любовному объясненію.

полина. Ахъ, я забыла! Бабушка узнала, что вы пришли, и проситъ васъ съ нею повидаться; она сейчасъ мнѣ рассказала о сегодняшнемъ спорѣ своемъ съ дядюшкой. Бабушка находить, будто я выше Поля ростомъ.

леонъ. Правда... и вы собойъ лучше.

эльвина (*въ-сторону*). Не нахожу этого.

полина. Что за чудо! г. Леонъ пускается въ комплименты.

ричардъ (*громко*). Именно! Славно!

полина. Ахъ, дядюшка! Что съ вами! вы меня перепугали.

ричардъ. Дѣло въ шляпѣ! Дѣло въ шляпѣ!

эльвина (*смѣясь*). Что-такое въ шляпѣ? Какая шляпа?

ричардъ. Такъ, ничего, ничего! Г-жа де-Ренакъ васъ дожидается, а мнѣ позволѣте сказать слова два Полинь.

леонъ. До свиданія, г. полковникъ. *(Уходятъ)*.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ричардъ и Полина.

ричардъ. Послушай, Полина, мнѣ пришло на мысль...

Полина. Что такое!

ричардъ. Прежде скажи мнѣ, рѣшительная-ли ты дѣвушка? Довольно-ли имѣешь духу, твердости, силы, характера? Однимъ словомъ, какъ говорится, хватъ-ли ты дѣвка?

Полина. Это зависитъ отъ обстоятельствъ: надо знать, въ чемъ дѣло. Если вы задумали меня отправить на войну, въ такомъ случаѣ, я вовсе не хватъ дѣвка. *(Присѣдаетъ)*.

ричардъ. Любишь-ли ты бабушку? любишь-ли ты Поля? любишь-ли ты меня? Отвѣчай скорѣе, руки по-шивамъ!

Полина *(вытягиваясь)*. Люблю! люблю! люблю!

ричардъ. Хорошо! Ты должна сегодня надѣть платье твоего брата.

Полина. За-чѣмъ?

ричардъ. Ты должна заставить свою бабушку вообразить, что ты-то и есть Поль!

Полина. Да Поль никуда не уйдетъ.

ричардъ. Бѣдетъ.

Полина. Вѣдь я-же сама поѣду.

ричардъ. Не поѣдешь.

Полина. Тетинька моя дожидается.

ричардъ. Напishi ей, что ты больна, что у тебя спазмы, мигрень, кашель, пожалуй хоть все вмѣстѣ.

Полина. А если узнаетъ бабушка?

ричардъ. Онѣ въ ссорѣ, не имѣютъ никакихъ сношеній между собою, — бояться нечего.

Полина. Съ какою-же цѣлью вы затѣваете этотъ маскарадъ?

ричардъ. Это не твое дѣло.

Полина. А долго-ли мнѣ придется щеголять въ его платьѣ?

ричардъ. О нѣтъ! Поль только съѣздитъ въ Парижъ, представится Императору, получитъ мѣсто, разумеется, по гражданской части. *(Въ-сторону)*. Держи карманъ! *(Громко)* Вотъ и все.

полина. Боже мой! дядюшка, это продолжится, по-крайней-мѣрѣ, съ недѣлю: каково-же мнѣ-то разгуливать въ мужскомъ платьѣ?

ричардъ. А каково-бы было, если-бы ты служила въ гренадерахъ? Неужели ты думаешь, что въ полку такъ ужъ со всякаго мѣрку и снимають. Да что много толковать! Говори — да, или нѣтъ!

полина. Если вы требуете.... извольте, нечего дѣлать!

ричардъ. Славно! Помни, что дѣло идетъ о спокойствіи твоей бабушки и о успѣхѣхъ моей выдумки.... Никому ни полслова.... въ секретѣ трое: ты, Польша, и я!

полина. Будьте спокойны, дядюшка.

ричардъ. Смирно! кто-то идетъ!

ЯВЛЕНИЕ IX.

тѣ-же и бертранъ (съ шалью на рукѣ).

ричардъ. Что тебѣ надо?

бертранъ. Барыня эту шаль ихней милости прислала, она изволила сказать, что молодой графинѣ пора ѣхать, дилижансѣмъ отходить ровно въ часъ, такъ чтобы не опоздать....

полина (тихо надвывая шаль). Дядюшка! Польша знаетъ?

ричардъ. Нѣтъ еще! Гдѣ Польша?

бертранъ. Г. Полковникъ, они стоятъ у кабриолета и не одни, съ Маргаритою.

(Потираетъ руки съ довольнымъ видомъ).

ричардъ (Полинѣ). Время дорого; пойдемъ. (Уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ X.

бертранъ (одинъ).

бертранъ. Что за славный баринъ г. Польша! какъ онъ ласковъ съ моею Маргаритою! Сейчасъ онъ ей сказалъ: «Не бойся милочка!» началъ ей шептать что-то на ухо—каково! Добрый баринъ, онъ обращается съ Маргаритой, какъ съ равной себѣ, а это рѣдкость въ нынѣшнемъ свѣтѣ. Что я нижу! Маргарита бѣжить сюда. Рѣшено! надо съ ней объясниться. Теперь ужъ она не ударитъ меня въ эту щеку.... Мы возьмемъ свои мѣры.

ЯВЛЕНИЕ XI.

БЕРТРАНЪ И МАРГАРИТА.

БЕРТРАНЪ. О Маргарита! Маргарита!

МАРГАРИТА. А ты здѣсь! Г-жа де-Ренакъ тебя зоветъ.

БЕРТРАНЪ (*нѣжно*). Маргариточка!

МАРГАРИТА. Отвяжись, мнѣ пѣкогда.

БЕРТРАНЪ. Одно слово! одно слово!

МАРГАРИТА. Ну что?

БЕРТРАНЪ. Маргариточка! За-что ты презираешь меня? Посмотри на меня хорошенько. Неужели это лицо.... эта фигура.... эти ловкія ухватки... Охъ, того гляди хватить! Да нѣтъ, я не поддамся!

МАРГАРИТА. Отстань отъ меня! Ты мнѣ надоѣлъ.

БЕРТРАНЪ. Позвольте, начемъ бишь я давеча остановился? Кажется, я хотѣлъ васъ поцѣловать?

МАРГАРИТА. Да, и тебѣ порядочно досталось.

БЕРТРАНЪ (*хочетъ поцѣловать ее*). Неужели? Да какъ-же это, я не помню.

МАРГАРИТА. А вотъ какъ! (*Даетъ ему пощечину*).

БЕРТРАНЪ. Опять! опять въ лѣвую.... и убѣжала, какъ правая. Что-же это значитъ? Неужели она меня любитъ.... не можетъ быть.... вѣдь я ищу ея руки, такъ это, вѣроятно, маленькія приготовления.

ЯВЛЕНИЕ XII.

РИЧАРДЪ И БЕРТРАНЪ.

РИЧАРДЪ (*въ-сторону*). Слава Богу! все идетъ на ладъ! Кабриолетъ готовъ, и дожидается Поля на концѣ парка. Я такъ сдѣлалъ, чтобы кромѣ меня никто не провожалъ Полины.... Всѣ думаютъ, что она уѣхала. Сію минуту моя молодежь явится сюда. Осталось только провести дурачину Бертрانا. (*Громко*). Лѣнтяй! что ты разгуливаешь? Графиня тебя спрашивала.

БЕРТРАНЪ. Г. полковникъ! Будьте такъ ми лостивы! объясните мнѣ одну вещь.

РИЧАРДЪ. Что такое?

БЕРТРАНЪ. Позвольте узнать, сколько вамъ лѣтъ?

РИЧАРДЪ. На кой чортъ тебѣ знать? Ну!... 58-мь.

БЕРТРАНЪ (*отступая*). Только?... Не можетъ-быть!

РИЧАРДЪ. Олухъ! По твоему сколько-же? Не триста-ли?

БЕРТРАНЪ. Видите! намедни за обѣдомъ вы говорили, что получили крестъ при Адамѣ!

РИЧАРДЪ. Да при храбромъ генералѣ Адамѣ, моемъ начальникѣ.

БЕРТРАНЪ. Я спрашивалъ старика Бенуа, въ какія времена жилъ Адамъ; онъ говоритъ, что Адамъ и Ева жили во времена сотворенія міра.

РИЧАРДЪ. Убирайся, дурачина! (*Топаетъ*).

БЕРТРАНЪ. Сейчасъ, г. полковникъ! (*Въ-сторону*). Просто, скрываетъ года свои! Пожаловалъ Адама въ генералы! А старикъ Бенуа говоритъ, что Адамъ и Ева нигдѣ и не служили.

РИЧАРДЪ. Ты еще здѣсь?

БЕРТРАНЪ. Нѣтъ, я ушелъ, г. полковникъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

РИЧАРДЪ (*одинъ*). Теперь, пока никого нѣтъ, надо посиѣшить. А, вотъ и они!

ТЪ-ЖЕ, ПОЛЬ И ПОЛИНА.

(*Полину должна представлять фигурантка, одного роста съ Полею, лицо подъ вуалетъ*).

ПОЛЬ. Мысль безподобная! Благодарю васъ, добрый дядюшка! Кабриолетъ меня ожидаетъ. Ну, Полина, поскорѣ переодѣнься въ павильйонѣ. (*Уходитъ въ павильйонъ*).

РИЧАРДЪ. Тихе, пожалуста, тихе! И я здѣсь на караулѣ. Того смотри неприятель покажется. Ну, все идетъ какъ нельзя лучше... Лишь-бы кто-нибудь не пришелъ сюда, — тогда все пропало. Поторошитесь, друзья мои, время дорого.

ГОЛОСЪ ПОЛЯ. Прощай, Полина! Не плачь, мой ангелъ! Прощай, не плачь!

ПОЛЬ (*входитъ*). Я только надѣлъ на себя ея капотъ и шляпку; оставилъ ей мой сюртукъ, и все, что нужно, она найдетъ въ павильйонѣ въ моемъ комодѣ!

РИЧАРДЪ. Хорошо! Возьми, другъ мой! Это на непридвидимые

расходы.... *(Даетъ кошелекъ)*. Пріѣхавъ въ Парижъ, сейчасъ явись къ г-ну Костелю, улица Ришелье, № 3.; онъ тебя представитъ Императору. Помни мои наставленія, отвѣчай ему молодцомъ. Ну, прощай — прощай! Полно, полно, не плачь-же!... Ну! вотъ и я старичиска заплакала! Какъ тебѣ не стыдно!

(Обнимаетъ его).

поля. О рѣдкій другъ! Дядюшка!... я не обнялъ бабушки.

ричардъ. Поручи это Полинь! Ну, съ Богомъ! *(Поля уходитъ)*. Ухъ, какъ гора съ плечъ!... Ну, полетѣлъ, какъ на пирь... Молодецъ, — весь въ меня!...

№ 3.

Мой Государь! ужъ я не въ страхъ боги
 Пристать къ твоимъ побѣднымъ знаменамъ,
 Но ты найдешь мое усердіе въ Полѣ, —
 Онъ по моимъ пойдетъ съ тобою слѣдамъ.
 Въ немъ кровь моя, въ немъ сердце молодое;
 Хоть для тебя я крови не шадилъ, —
 Но пусть-же онъ заплатитъ остальное,
 Чего еще старикъ не доплатилъ!

Ну, съ нимъ дѣло кончено, займемся теперь дѣвчонкой. Полина! одѣлась-ли ты?

голосъ полины. Сейчасъ, дядюшка!

ричардъ. Какъ ты долго возишься! *(Голосъ Полины)*. Дядюшка! Мужчины носятъ пѣкаторыя вещи, о которыхъ мы и понятія не имѣемъ.

ричардъ. Не пойдти-ли ей помочь. А вотъ и наши!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ричардъ, эльвина, леонъ, г-жа де-ренакъ.

г-жа де-ренакъ. Какъ, и вы меня оставляете, добрые друзья мои!

ричардъ *(Эльвинѣ)*. Отъ-чего вы не хотите побыть съ нами?

леонъ. Извините! важное дѣло. *(Въ-сторону)*. Сегодня-же скачу въ-слѣдъ за нею.

г-жа ренакъ. Ахъ, моя Полина убѣжала!

РИЧАРДЪ. Зато Поль и я остались съ вами!
Г-жа де Ренакъ. Конечно! Но гдѣ-же онъ? Что я его не-
вижу?

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢЖЕ И ПОЛИНА (въ мундирѣ).

ПОЛИНА. Бабушка! Бабушка! Я здѣсь! Я здѣсь!

РИЧАРДЪ (въ-сторону). Чудо! Я говорилъ, что они одного
роста, чья правда?

Г-жа де Ренакъ (обнимая его). Поди ко мнѣ, Поль! Помни, во-
время отсутствія Полины ты долженъ любить меня вдвое, и за
себя и за нее. Не забудь-же, дружочекъ!

ПОЛИНА. Не забуду, бабушка, не забуду! (Обнимаетъ ее).

№ 4.

Свята мнѣ ваша воля!
Какъ васъ мнѣ не любить?

РИЧАРДЪ (графинь).

Теперь легко для Поля
Полину замѣнить!

ПОЛИНА.

О! въ томъ ручаюсь смѣло
Я бабушкѣ моей.

РИЧАРДЪ (къ публикѣ).

Легко затѣять дѣло...

(Показывая на Полину).

Да трудно кончить съ ней!

=

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Театръ представляетъ богато-убранную гостиную, въ замкѣ графини Ренакъ).

ПОЛИНА (одна). Боже! Боже мой! Какъ я перепугалась! Если это продолжится, я рѣшительно подаю въ отставку. Дядюшка затѣялъ вести меня на охоту, и при бабушкѣ заставляетъ стрѣлять изъ ружья. Я чуть не упала въ обморокъ. Если-бы бабушка знала всѣ наши проказы.... она воображаетъ, что я у тетюшки, пишетъ всякую недѣлю ко мнѣ письма, я на нихъ отвѣчаю ей изъ моей комнаты! Но скоро-ли все это кончится? Плате Поля мнѣ до смерти надоѣло!

ЯВЛЕНІЕ II.

ПОЛИНА И БЕРТРАНЪ.

БЕРТРАНЪ. Ахъ Г. Поля, я васъ вездѣ искалъ.

ПОЛИНА. Что тебѣ надобно, Бертранъ?

БЕРТРАНЪ. Я хочу вамъ сдѣлать маленькій подарокъ.

ПОЛИНА. Мнѣ?

БЕРТРАНЪ. Старику Бенуа прислали ящикъ съ сигарами, я у него унесъ парочку, — неуждно-ли?

ПОЛИНА. Благодарствуй, Бертранъ!... (Въ-сторону). Ну вотъ, курить меня заставляетъ.

БЕРТРАНЪ. Еще я васъ хотѣлъ попросить, показать мнѣ, какъ ихъ курятъ: я, было, закурилъ одну, да чуть не задохнулся.

ПОЛИНА. Въ другой разъ, теперь что-то не хочется!

БЕРТРАНЪ. Какъ угодно! Но я васъ хотѣлъ еще кое-что спросить. Отъ-чего вы больше не цѣлуете мою Маргариту?

ПОЛИНА. Когда-же я цѣловалъ ее?

БЕРТРАНЪ. Какъ когда? а помните, я васъ поймалъ одинъ разъ въ саду, а другой въ бесѣдкѣ, помните?

ПОЛИНА (*въ-сторону*). Понимаю! Ай да братецъ!

БЕРТРАНЪ. А Маргарита на меня сердится, думаетъ, что я васъ отговариваю; чуть я пойду, она не хочетъ и говорить со мною. И я съ горя рѣшился къ ней письмецо написать; самъ-то хоть пишу я порядочно, чисто, крупно, но никто моей руки не разбираетъ, у меня необыкновенный почеркъ! Нельзяли вамъ потрудиться — написать мнѣ письмо?

ПОЛИНА. Помилуй, Бертранъ! Я съ-роду не писалъ любовныхъ писемъ.

БЕРТРАНЪ. Полноте, г. Поль! Да по всему околodку ваши письма славятся. У Бабеты ихъ четыре; у Луизы шесть; у Анны два; у Розы тоже четыре. Да я къ вечеру вамъ ихъ соберу до сорока.

ПОЛИНА (*въ-сторону*). Славныя вещи я узнаю о моемъ братцѣ!

БЕРТРАНЪ. Не для меня, такъ для Маргариты не откажитесь! Я вамъ продиктую.

ПОЛИНА. Ну, нечего дѣлать.... Диктуй только поскорѣй.

(*Садится къ столу*)

БЕРТРАНЪ. Гм.... гм.... Маргаритушка, я взялъ перо съ тѣмъ, чтобы писать; я слава Богу здоровъ; какъ ты поживаешь? Неправда-ли, начало хорошо?

ПОЛИНА. Помилуй, ты ее всякой день видишь, къ чему-же писать о здоровьѣ? Пиши о чемъ нибудь другомъ....

БЕРТРАНЪ. Извольте.... Маргаритушка! Маргаритушка! Гм... гм.... Написали? гм.... гм....

ПОЛИНА. Что-же дальше?

БЕРТРАНЪ. Ну, ужъ дальше-то вы ей что-нибудь напишите.... а я ей самъ отнесу.

ПОЛИНА. Ну, хорошо!.. «Милая Маргарита, я тебя люблю».

БЕРТРАНЪ. Очень-хорошо! «Твоя мать, Маргарита, добрая женщина, а отецъ твой никуда не годится.»

ПОЛИНА. Это не учтиво! Не мѣшай мнѣ: «Я совершенно буду счастливымъ, когда ты убѣдишь своего родителя согласиться на нашу свадьбу!»

БЕРТРАНЪ. Родителя? она не пойметъ этого; напишите злаго, старичишку Бенуа, — сейчасъ — догадается!

полина. Родителя — учтивѣ!... Въ ожиданіи твоего отвѣта, остаюсь твой вѣрный обожатель». .. Ну, хорошо-ли?

бертранъ. Чудесно! Ахъ, г-нъ Поль, и какъ скоро вы сочинили!

полина. Ты диктовалъ мнѣ. На, возьми!

бертранъ. Покорно васъ благодарю.

полина. А! бабушка идетъ.

бертранъ. И г-нъ полковникъ съ нею! Уйти поскорѣе. Покорно васъ благодарю! (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ, ПОЛИНА И РИЧАРДЪ.

ричардъ. Повторяю вамъ, что я въ Полѣ не вижу никакой переменѣны...

полина. Доброе утро, бабушка!

г-жа де-ренакъ. Мы говорили о тебѣ, Поль! Сперва ты былъ настоящій чертеночекъ, я тебя иногда и журила. Но съ нѣкотораго времени ты совершенно переменѣлся. Хорошо! мой дружокъ, очень-хорошо!

ричардъ (*тихо Полинѣ*). Дурно, очень-дурно!

г-жа де-ренакъ. Но нельзя же молодому мальчику быть красной дѣвушкою. Этого никто отъ тебя не требуетъ.

полина. Отъ меня?

ричардъ. Разумѣется! Чортъ возьми! Будь веселѣе, бойчѣе!

г-жа де-ренакъ. У тебя былъ характеръ живой, немного вѣтренный, а теперь тебя узнать нельзя.

ричардъ (*въ-сторону*). Это-то хорошо, что узнать нельзя.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Г-ЖЕ И БЕРТРАНЪ.

бертранъ. Г-нъ де-Сенклеръ съ сестрицею воротились изъ Париза.

полина. Эльвина! Какое счастье!

г-жа де-ренакъ (*тихо Ричарду*). Видишь, братецъ! Его радость, восхищеніе измѣняютъ ему. Онъ влюбился въ Эльвину!

ричардъ (*въ-сторону*). Влюбленъ! Старушка ровно ничего не подозрѣваетъ.

ПОЛИНА (*хочетъ бѣжати*). Ахъ, Эльвина!
 РИЧАРДЪ (*тихо ей*). Куда! Помни, что ты Поль, а Поль не смѣетъ обнимать Эльвину.
 ПОЛИНА. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ-бы разодолжила.
 БЕРТРАНЪ. Г-нъ де-Сенклеръ съ естрицею! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ-ЖЕ, ЛЕОНЪ И ЭЛЬВИНА.

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Здравствуйте, друзья мои! Наконецъ, вы возвратились изъ Парижа!

ЛЕОНЪ. Повѣрьте, графиня, одно желаніе быть снова въ кругу вашего семейства...

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Благодарю, благодарю.

РИЧАРДЪ (*Полинь*). Смотри-же, будь поосторожиѣе.

ЛЕОНЪ. Г-нъ полковникъ мое почтеніе!... Поль!... Здорово другъ мой! (*Ричардъ толкаетъ Полину*),

ПОЛИНА А здравствуйте!... Леонъ!... здравствуй!

ЭЛЬВИНА (*въ-сторону*). Чего онъ боится?

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Поль, если бъ я не была увѣрена въ твоей дружбѣ къ Леону, то подумала-бы, что ты не радъ ему!

ПОЛИНА. Ахъ, нѣтъ! бабушка! Повѣрьте, г-нъ Леонъ...

ЛЕОНЪ. Что это значитъ?... Г. Леонъ, говоришь ты мнѣ?

РИЧАРДЪ (*толкая его*). Руку, скорѣй руку!

ПОЛИНА (*протягивая руку*). Мнѣ очень-пріятно. (*Въ-сторону*). Ой, какъ больно!

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Поклонясь-же Эльвинѣ!

ПОЛИНА (*бѣжитъ къ ней*). Ахъ, милая Эльвина! какъ я люблю тебя!

ЭЛЬВИНА (*отступая*). Господиъ Поль!

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Поль! что съ тобою?

ЛЕОНЪ. Г. Поль! что это значитъ?

РИЧАРДЪ (*въ-сторону*). Ну, все пошло къ чорту!

ПОЛИНА. Извините!.. Радость васъ видѣть.

ЛЕОНЪ. Довольно!.. Я все знаю, мнѣ надо поговорить съ вами.

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ (*Эльвинѣ*). Эльвина! Имъ точно надо поговорить кой о чемъ... ха, ха ха! Пойдемъ въ садъ!

ПОЛИНА. Бабушка!

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Полно-же, полно! Братецъ, пойдемъ съ нами.

РИЧАРДЪ (*въ-сторону*). Провалъ побори милыхъ сосѣдей! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ПОЛИНА И ЛЕОНЪ.

ЛЕОНЪ. Поль, твое обращеніе съ моею сестрою оскорбляетъ и удивляетъ меня!

ПОЛИНА. Какое обращеніе! Я не понимаю васъ... тебя.

ЛЕОНЪ. Послушай! Эльвина мнѣ во всемъ призналась.

ПОЛИНА. Въ чемъ?

ЛЕОНЪ. Лазить въ нашъ садъ черезъ заборъ для свиданія съ Эльвиной! Принудить ее краснѣть предъ садовникомъ, который засталъ тебя у ногъ ея!

ПОЛИНА. Когда-же это было?

ЛЕОНЪ. Отпираться поздно! Повторяю, я знаю все! И хотя ты позабылъ нашу прежнюю дружбу, но есть еще средство все поправить!.. Поль!.. я согласенъ! Эльвина твоя невѣста!

ПОЛИНА. Чтѣ? чтѣ? Эльвина моя невѣста?

ЛЕОНЪ. Да!

ПОЛИНА. Моя?

ЛЕОНЪ. Да, твоя!

ПОЛИНА. Нѣтъ! это ужъ слишкомъ! Ха! ха! ха!

ЛЕОНЪ. Поль! чему вы смѣетесь?

ПОЛИНА. Да какъ-же не смѣяться!.. Ха! ха! Мнѣ жениться на Эльвинѣ!.. ха, ха!

ЛЕОНЪ. А когда такъ, вы обидѣли сестру мою — я требую удовлетворенія.

ПОЛИНА. Я не могу безъ смѣха смотрѣть на васъ. Ха! ха ха!

ЛЕОНЪ. Вы осмѣливаетесь къ оскорбленію присоединять насмѣшки? Конечно! мы деремся на смерть.

ПОЛИНА. Чтѣ! чтѣ? Вы хотите убить меня? Вотъ прекрасно! Нѣтъ! это не шутка, я не хочу, не хочу. Дядинька! дядинька!

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢЖЕ И РИЧАРДЪ.

РИЧАРДЪ. Чтѣ съ тобою? Кричитъ, словно его рѣжутъ.

ПОЛИНА. Дядюшка! да меня и хотять зарѣзать.

ЛЕОНЪ. Господинъ Поль!

ричардъ. Кто хочетъ? за что?

полина (*передразнивая Леона*). Нечего тутъ г. Поль! Дядюшка, г-нъ Леонъ говорилъ, будто я обидѣлъ его сестру.

ричардъ (*въ сторону*). А, понимаю! Соленый выстрѣлъ. (*Громко*) Г-нъ Леонъ!

леонъ. Г-нъ полковникъ! Честь сестры для меня дороже жизни. Мы будемъ стрѣляться!

полина (*прячась за Ричарда*). Дядюшка! дядюшка!

леонъ (*Полину*). А! вы дрожите!

ричардъ. Весьма-натурально!.. Онъ дрожить отъ злости.

полина (*въ сторону*). Какъ-бы не такъ!... Дрожу отъ страха

леонъ. Г. Поль, неужели вамъ угодно, чтобы я разглашалъ вездѣ, что графъ Поль де-Ренакъ — трусъ, негодяй!

полина. Негодяй!

ричардъ (*въ бѣшенствѣ*). Негодяй! Послушайте, г. Леонъ! вы будете имѣть дѣло со мною!

леонъ. За честь сестры, я на все рѣшусь!

полина (*въ сторону*). Мой братъ! храбрый, благородный — и я его обезчещу.

леонъ. Что же, г. Поль?

полина (*рѣшительно*). Извольте! Я дерусь съ вами!

леонъ. Прекрасно!

ричардъ. Что? что? Ты будешь драться?

полина. Да, буду! Я докажу, что графъ Поль де-Ренакъ никогда не былъ трусомъ.

ричардъ. Чортъ возьми! Вы оба храбрые ребята!

ЯВЛЕНІЕ VІІІ.

тѣ же и эльвина.

эльвина. Братецъ! вы ссоритесь съ г. Полемъ?

ричардъ. Вообразите, они хотятъ стрѣляться.

эльвина. Ахъ, Боже мой!

ричардъ. Да! и чуть-ли не за васъ еще?

леонъ. Отъ г. Поля зависить кончить всю ссору однимъ словомъ.

полина. Съ радостію.

леонъ. Такъ скажите....

полина. Что сказать?

леонъ. Это изъ-рукъ-вонъ! Какая дерзость!

полина. Это изъ-рукъ-вонъ! скажу наконецъ, и я. На меня всѣ напали! всѣ меня обвиняютъ, и я не знаю за что. Вызываютъ меня на дуэль — я не хочу; меня бранятъ — принимаю вызовъ, — смѣются въ глаза. Что-жъ это, и въ-самомъ-дѣлѣ? Прощайте!

эльвина. Оставайтесь, Поль! Я догадываюсь; по мнѣ кажется, что этого дѣла нельзя рѣшить, не объяснившись со мною.

ричардъ. Разумѣется! Оставимъ ихъ на-едицѣ — они объяснятся.

леонъ. Однако!

ричардъ. Полно! Пойдемъ! Пойдемъ!

полина (*тихо*). Дядюшка! Что мнѣ говорить?

ричардъ. Что хочешь! Но помни, что ты женщина! (*Леону*).
Пойдемъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ПОЛИНА И ЭЛЬВИНА.

эльвина. Г. Поль! согласитесь, положеніе мое весьма-незавново!

полина. Да, и мое не очень-весело.

эльвина. И вы могли рѣшиться выдти на дуэль съ моимъ братомъ?

полина (*въ-сторону*). Будемъ похрабрѣе. (*Громко*). Вашъ братъ меня оскорбилъ. Назвалъ меня негодяемъ! Что-жъ, вы думаете, что я трусъ?

эльвина. Развѣ тотъ трусъ, кто отказывается убить своего друга?

полина. Э!... сударыня, вы женщина, ничего въ этихъ вещахъ не смыслите. (*Въ-сторону*). Кажется, хорошо!

эльвина. Послушайте, вамъ-ли желать дуэли, когда вы кругомъ виноваты противъ моего брата.

полина. Я!... кругомъ?... Позвольте узнать....

эльвина. Какъ, вы не помните вашего поступка, въ день отъѣзда вашей сестрицы.

полина. Какъ! что!

эльвина. Вы перелѣзли черезъ заборъ въ нашъ садъ.

полина. Садъ!

эльвина. Кинулись къ моимъ погамъ.

- полина. Къ ногамъ? Точно такъ.
- эльвина. Что вы мнѣ тогда говорили?
- полина. Что говорилъ? О! разныя вещи.
- эльвина. Что вы мнѣ тогда говорили?
- полина. Во-первыхъ, я былъ очень-разстроены — не такъ-ли?
- эльвина. Правда! далѣ!
- полина. Далѣ? (*Въ-сторону*). Вотъ далѣ и не знаю.
- эльвина (*плачетъ*). Вы цѣловали мои руки... Клялись въ вѣчной любви!
- полина. Въ любви. (*Въ-сторону*). А, такъ Польша ее любитъ!... Ну, теперь ничего! (*Громко*). Правда! Далѣ!
- эльвина. Садовникъ Бенуа васъ видѣлъ и все рассказалъ моему брату.
- полина. Точно! Точно! Помню! Помню!
- эльвина. И это было причиною, что свадьба моя не состоялась.
- полина. Что? Что, свадьба?
- эльвина. Да, свадьба! Я была сговорена за знатнаго, богатаго человѣка.... Но я призналась моему брату, что люблю... люблю васъ.... (*Плачетъ*).
- полина (*въ-сторону*). А если на то пошло, мой долгъ поступить на мѣстѣ брата, какъ онъ-бы поступилъ и самъ. (*Громко*). Эльвина! Ангелъ мой! Я тебя обожаю! Прости меня!

ЯВЛЕНИЕ X.

ТѢ-ЖЕ, ЛЕОНЪ, Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ И РИЧАРДЪ.

- ричардъ. Bravo! bravo!
- г-жа де-ренакъ и леонъ. Польша! Эльвина!
- полина. Что дядюшка, каково?
- ричардъ. Я говорилъ, что имъ стоить только объясниться!
- леонъ. Г. Польша!
- полина. Что тутъ много толковать! Я люблю Эльвину! Она любитъ меня! Если бабушка согласится, я предлагаю ей руку.
- ричардъ (*опуская руки*). Брр!... Бр!...
- г-жа де-ренакъ. Я давно это предвидѣла!
- леонъ. Польша! другъ мой!
- полина (*прячась за Ричарда*). Да! да! Я другъ твой!
- ричардъ. Ты!... Ты!... Хочешь жениться?
- эльвина. Да, я! — Я люблю Эльвину!

ричардъ (*тихо*). Несчастливая! Твой братъ ея не любитъ.
 полина (*громко*). Сдѣлайте милость, г-нъ полковникъ, не мѣшайтесь не въ свои дѣла!

ричардъ (*въ-сторону*). Бѣда! бѣда! бррр! чортъ возьми!

леонъ. Поль! Ты поступилъ какъ человѣкъ благородный!

полина. Я увѣренъ, на моемъ мѣстѣ и ты-бы поступилъ не иначе.

леонъ. О! Я слишкомъ уважаю твою сестру!... Но не смѣлъ открыться ей въ моей любви...

полина. Какъ!... Ты любишь сестру мою?

леонъ. Съ ума схожу по ней!

г-жа де-ренакъ. Вы мнѣ ни слова не говорили!

леонъ. Я не смѣлъ, графиня...

полина. Леонъ! сестра моя скоро возвратится, объяснись съ нею. Противъ ея согласія я не пойду. Но я увѣренъ почти, что ты не получишь отказа.

ричардъ (*въ-сторону*). Заварила кашу! На одномъ женится, за другаго за-мужъ выходить! Чортъ возьми!

леонъ. Поль! другъ мой! Позволь обнять себя!

полина. Послѣ! послѣ!

г-жа де-ренакъ. Г. Ричардъ! Что вы скажете? Кто правъ? Вы или я? Дѣти мои! я согласна!

ричардъ. Позвольте! Позвольте! Я думаю! Я думаю!... (*Полицъ тихо*). Знаешь-ли, къ чему это поведетъ?

полина. Знаю! Къ свадьбѣ.

ричардъ. И ты подпишешь контрактъ?

полина. Подпишу.

г-жа де-ренакъ. Ну пойдете-же, дѣти мои, все это уладить.... Это было давнишнее мое желаніе. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

ричардъ (*одинъ*).

Что будешь дѣлать съ этой взбалмошной дѣвчонкой! Чего добраго? ее женятъ на Эльвинѣ, и потомъ, что будетъ хорошаго! Охъ, лучше во всемъ открыться бабушкѣ, — другаго средства нѣтъ.

ЯВЛЕНИЕ XII.

ричардъ и бертранъ.

бертранъ. Г. полковникъ! Она здѣсь!

ричардъ. Кто здѣсь?

БЕРТРАНЪ. Маргарита!

РИЧАРДЪ. Убрайся къ чорту!

БЕРТРАНЪ. Письмо подѣйствовало. Все почти слажено.

РИЧАРДЪ. Что слажено?

БЕРТРАНЪ. Свадьба! Ха! ха! ха!

РИЧАРДЪ (*въ сторону*). Кто ему рассказалъ? Дурачина этотъ насмѣхается.

БЕРТРАНЪ. Кто-бы могъ подумать! Ха! ха!

РИЧАРДЪ. Если ты осмѣлишься еще разъ заговорить объ этой свадьбѣ, я тебя изувѣчу!... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

БЕРТРАНЪ одинъ, потомъ поль.

БЕРТРАНЪ. Что съ нимъ? Не смѣй и заговорить о моей свадьбѣ! Вотъ новость! Станный человѣкъ! Годъ скрываетъ — жениться не позволяетъ! Не понимаю!

поль (*входитъ, хлопая по плечу*). А! здорово умница! Ну, что дѣлаетъ бабушка? Всѣ-ли у насъ здоровы?

БЕРТРАНЪ. Что-съ, развѣ вы не знаете? Гуляютъ по саду съ господами де Сенклеръ.

поль. Они здѣсь? И Эльвина здѣсь?!

БЕРТРАНЪ. Г. Поль, что съ вами?

поль. Эльвина здѣсь! Какъ я счастливъ! Бертранъ, неужели ты не узнаешь меня?

БЕРТРАНЪ (*отступая*). Ба! ба! ба! Да это барышня Полина! Ха ха ха! вы сударыня для шутки изволили надѣть платье вашего брата!... Ха, ха! ха! И думали, я васъ не узнаю! Нѣтъ, стара шутка!... Побѣгу, всѣмъ расскажу, барышня прѣехала! въ мужскомъ платьѣ! Ха! ха! ха!

поль (*въ слѣдъ ему*). Бертранъ! Бертранъ! постой! постой!

ЯВЛЕНИЕ XIV.

всѣ.

Г-ЖА ДЕ-РЕНАКЪ. Сегодня все будетъ кончено!

поль (*кидается къ ней*). Бабушка! милая бабушка!

Г-ЖА ДЕ РЕНАКЪ. Ну, хорошо! хорошо! Да что это значить, въ день своей свадьбы ты въ сюртукъ и еще въ военномъ?

поль. Какъ, день моей свадьбы?

г-жа де-ренакъ. Поль, что съ тобою? Ты съ ума сошелъ отъ радости!

поль. Эльвина согласна за меня выйти?

эльвина. Что съ вами, Поль! Вы, кажется, получили мое слово.

поль. Эльвина! Бабушка! Какъ я счастливъ!

ЯВЛЕНИЕ XV.

тѢ-ЖЕ, ЛЕОНЪ И РИЧАРДЪ.

ричардъ. Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Мой милый Поль! ты возвратился, ты опять съ нами, обними меня молодецъ!.... Ты, вѣрно, не осрамилъ нашего имени! Ты окурился пороховъ.... Славно, лихо! чортъ возьми!

всѣ. Что это значить?

ричардъ. Какъ что значить? — Развѣ вы не видите, что это Поль?

г-жа де-ренакъ. Да, по чему-жъ тутъ радоваться?

ричардъ. Ха, ха, ха! Ну, любезная сестрица! теперь нашъ маскарадъ кончился, Полина пошла переодеться въ свое платье, а онъ возвратился съ поля сраженія.

г-жа де-ренакъ. Возможно ли! Такъ это была Полина?

ричардъ. Да, благодаря ихъ сходству, я успѣлъ въ моемъ обманѣ. Его звалъ самъ Императоръ, — развѣ я могъ не послать его туда.

эльвина. Боже мой! А я хотѣла выйти за нее замужъ.

леонъ. А я вызывалъ ее на дуэль!

г-жа де-ренакъ. Боже мой! какой обманъ!

поль. Бабушка! милая бабушка, простите меня! Я сражался подъ знаменами Императора, я былъ раненъ въ его глаза — и вотъ моя награда (*Разворачиваетъ лацкана*).

ричардъ. Почетный Легіонъ!.... Ну, бабушка, послѣ этого ужъ вамъ нечего говорить. Славно, чертенокъ! Славно, ты обогналъ меня: я и то и другое получилъ пятью годами позже тебя.

г-жа де-ренакъ (*обнимаетъ его*). Ты со мною, и я все забываю.

ричардъ. Теперь обними свою невѣсту. Твоя сестра за тебя дала слово. Но свадьбу еще играть рано. Да, если ты въ шестнад-

цать лѣтъ умѣлъ сдѣлаться героемъ, то это еще не резонъ, — для мужа надо подождать нѣсколько годковъ!

поль. О, теперь я такъ счастливъ, что на все согласенъ.

ВОДЕВИЛЬ.

Вашъ судъ мнѣ страшенъ въ каждой роли,
 Но за дѣй мнѣ еще страшнѣй,
 Полицу видѣли вы въ Полѣ,
 И Поля видѣли вы въ ней.
 Вниманья вашего утрата
 Всего ужаснѣе для насъ.
 Братъ за вестру, сестра за брата
 О снисхожденн просятъ васъ.

ЮМОРИСТИКА.

=

СУФЛЁРЪ.

(Юмористическій очеркъ Жюль-Жанена).

Нѣтъ! Сизифъ, вздвигающій гору, Данаиды, наполняющія бездонную пропасть; Танталъ, умирающій отъ жажды и голода, среди прозрачной рѣки, берега которой усеяны нивами и виноградниками; Иксионъ, на колесѣ своемъ, Прометей, чувствующій вѣжаніе отъ крыла коршуна, все, что отзывается закупоркой и плѣсенью, все это — ничто въ сравненіи съ существованіемъ несчастливца, котораго злой рокъ осудилъ провести всю жизнь въ узкой дырѣ, смѣшной трущобѣ, въ этомъ гасильникѣ всякой поэзіи, называемомъ *будкой суфлёра!*... Какъ я жалѣю о тебѣ, бѣдный человѣкъ! Какого участія стоить онъ, и какъ-бы хорошо сдѣлали всѣ тѣ, которые жалуются на судьбу свою, если-бъ пришли взглянуть, лицомъ къ лицу, въ его трущобѣ, на это грустное соединеніе всѣхъ бѣдъ человѣческихъ!

А между-тѣмъ, этотъ безвѣстный, невидимый, безыменный человѣкъ, это созданіе Божіе, обречшее себя на то, чтобы весь вѣкъ быть лишь холоднымъ, покорнымъ отголоскомъ величайшихъ глупостей, какія только могутъ выйти изъ черепа человѣческаго, это созданіе.... нѣтъ, не презирайте его, — вѣдь имъ начинается

пзящее искусство драматическое. Суфлёръ — это краеугольный камень зданія; твореніе съ него ведетъ начало, съ него одного, и археологи еще не рѣшили сомнѣнія на счетъ того, кто явился на свѣтъ прежде — суфлёръ или поэтъ; многіе изъ драматическихъ археологовъ отдають суфлёру право первородства; самые благо-разумные и умѣренные утверждаютъ, что поэтъ и суфлёръ явились въ міръ въ одинъ день.

Какъ-бы то ни было, но нѣтъ комедій, трагедій, нѣтъ воде-вильнаго куплета безъ суфлёра. Разберите только этимологию этого слова: *суфлёръ* (*souffleur*) происходитъ отъ слова *souffle*, дыханіе (*πνεύμα*, по-гречески); дыханіе — это духъ, это жизнь, это то, что разливается во всемъ, что оживляетъ и поэзію; помѣщаясь въ самомъ низу театра, суфлёръ, этотъ высшій духъ, даетъ знакъ пробужденія, движеніе, дыханіе, свѣтъ, игру драматическому произведенію; актеръ, размахивающій руками, актриса, сжимающая губки — это куклы на вздержкахъ, которыхъ нитки въ рукахъ суфлёра. Посмотрите, куда онъ запрятанъ? Нѣтъ положенія униженія; по вмѣстѣ съ этимъ, посмотрите, какъ дѣйствуютъ, входятъ, выходятъ персонажи драмы, вслушайтесь въ эти крики, вылетѣвшіе изъ сердца... и изъ будки суфлёра! Въдъ все суфлёръ совершаетъ такіа чудеса! Достойный человѣкъ! Погруженный въ безмолвіе, среди двойнаго шума, на сценѣ и въ партерѣ, сокрытый во мракѣ, среди моря свѣта, разливаемаго двойною пылающею рампою, онъ не заботится о томъ, что никто не цѣнитъ его тяжкой работы. Въ качествѣ разумнаго духа бездѣйственной вещи, этотъ раздаватель памяти долженъ все видѣть, все знать, все предвидѣть, заранѣе подготавливать эффектъ большой тирады и реплику самаго маленькаго куплета; онъ долженъ чувствовать, какъ самый вѣрный ватерпасъ, малѣйшее наклоненіе въ актерѣ, входящемъ и выходящемъ; по фигурѣ, по походкѣ, по жесту своего героя, онъ тотчасъ долженъ понять его слабую сторону, и явиться къ нему на помощь, то движеніемъ руки, то взглядомъ, то словомъ. Если актеръ увѣренъ въ своей памяти, суфлёръ остается спокойнымъ, но не теряетъ изъ виду великаго мужа, который терзается въ ненависти или въ любви; напротивъ, если голова драматическаго поденщика затуманилась въ тысячѣ безумствъ, если вдругъ его взоръ оступѣлъ, исказился въ мучительной неизвѣстности, если самое лицо его ничего не выражаетъ, несчастный актеръ погибъ, когда не чувствуетъ подлѣ себя эту невидимую и чуткую альпійскую собаку, которая исторгаетъ его изъ бездны, въ ту самую минуту,

какъ бедна готова поглотить его. Двойная бѣда для человѣка, изъ трусобы своей наблюдающаго за драматическимъ дѣйствіемъ, — подсказывать слишкомъ-много, или слишкомъ-мало. — Стало-быть, онъ во мнѣ сомнѣвается, думаетъ тотчасъ актеръ, если слышитъ, что ему подсказываютъ слишкомъ-сильно. Если же суфлёръ предоставляет его самому-себѣ, собственному его генію: — Этотъ мошенникъ, вѣрно, подкупленъ, чтобъ погубить меня! говоритъ самъ-себѣ актеръ. Актеръ глухъ, онъ лишень слуха отъ шиканья и аплодисментовъ, — суфлѣру необходимо усиливать голосъ; по этотъ напряженный голосъ въ одно и тоже время долженъ быть звонкій и глухой, звонкій съ этой стороны, до глубины театра, глухой со стороны оркестра, такъ, чтобы самъ дирижёръ оркестра не слыхалъ, какъ суфлёръ подсказываетъ.

Бываетъ, что актеръ, утративъ отъ лѣтъ силу ума, изъ пяти чувствъ своихъ сохраняетъ тѣ, которое онъ наиболѣе считаетъ для себя необходимымъ: ухо его такъ тонко, что могло-бы разслушать, какъ зараждается стихъ въ головѣ поэта! Сколько умѣнья, сколько ловкости потребно суфлѣру, чтобъ передать этому, въ такой-же степени тонкому уху, въ какой голова тупа, тотъ оттънокъ стиха, ту окончательную интонацію, которой, такъ-сказать, *застрается* цѣлая тирада, и которую проглотилъ-бы актеръ, какъ ученикъ, плохо-знающій урокъ свой. Въ наше время удивляются великимъ тенорамъ, которые выдѣлываютъ невѣроятные туръ-де-форсы своимъ голосомъ; но что значать такія чудеса въ сравненіи съ чудесами, какія дѣлаетъ органъ суфлѣра, то подклеенный бархатомъ, то обитый мѣдью? Громкая труба въ первой сценѣ, онъ становится замирающею флейтою во второй. Въ то время, когда актеръ старается пріобрѣсти благосклонность публики, и своей фигурою, и своимъ талантомъ, суфлёръ, съ своей стороны, по круговой поруцѣ, старается списать благосклонность актера; по увѣрю васъ честью, что гораздо-легче угодить тысячеголовому звѣрю, нежели безграничному самолюбію неблагодарныхъ актеровъ. Покрайней-мѣрѣ, когда партеръ доволенъ, — онъ аплодируетъ, восклицаетъ, онъ бросаетъ благодарный взоръ этому мишурному герою, который кое-какъ открылъ дорогу къ сердцу его; напротивъ, актеръ, какъ хорошо не подсказывай ему роль его, лишь только онъ сошелъ со сцены, онъ не удостоитъ малѣйшимъ взглядомъ благодарности это бѣдное созданіе, чуть непопраемое имъ погамп. Благодарности, сказали мы!... Но именно, видъ одинъ суфлѣра болѣе

всего унижаетъ великаго человѣка, который имъ пользовался. Нѣтъ, дальше съ-глазь-долой этотъ живой упрекъ! Съ-глазь-долой этого досаднаго свидѣтеля моихъ грубыхъ ошибокъ, всегда подмѣчающаго слабую сторону моей памяти, напрягающаго слухъ свой, чтобы уловить мои недостатки. Тамъ мнѣ аплодируютъ, а здѣсь, въ этой труппѣ, безстрастнѣй, какъ судьба, спитъ мой судья, судья, который видитъ меня лицомъ-къ-лицу, который знаетъ меня, какъ свои пять пальцевъ! Сокройся-же, несчастный, въ своемъ ничтожеетвѣ, и не лѣзь изъ кожи для неблагодарныхъ!....

Но если трудно угодить въ суфлёрской труппѣ г-мъ актерамъ, то еще труднѣе, или даже почти невозможно, угодить г-жамъ актрисамъ. И у тирановъ сценическихъ бывають добрыя минуты; самый Неронъ, сбросивъ съ себя знаки званія, и отпустивъ своихъ лекторовъ въ кабакъ, очень-хорошо знаетъ, что, не-смотря на все разстояніе между ними, онъ и суфлёръ суть одно существо. Притомъ мужична, какой-бы онъ ни былъ, если училъ роль свою, всегда удержитъ въ памяти главныя выраженія ея. Но женщины на сценѣ, эти легкомысленныя созданія, эти первическія организаціи, эти больныя натуры, эти балованныя дѣти (пока онѣ молоды) публики, готовой все имъ прощать, вотъ самые ужасные, самые безжалостные, то-есть, самые капризные враги добряка, называемаго суфлѣромъ! Кто въ цѣломъ свѣтѣ можетъ ручаться, не говорю уже за сердце, но за память женщины? Это существо вѣтренное и непостоянное, которое «сидя на пескѣ, пишетъ на водѣ».

Что актриса знала третьягодня, какъ свои пять пальцевъ, что она знала сейчасъ, передъ выходомъ на сцену, что повторила сто разъ передъ толпою зрителей, то можетъ въ одну минуту разлетѣться прахомъ въ головѣ ея: замѣть только эта женщина лишнюю складку у себя на платьѣ, или новыи уборъ на головѣ своей соперницы, — случись ей утромъ испытать холодность своего любовника, — увидь она въ какомъ-нибудь уголкѣ театральной залы человѣка, котораго она любитъ или ненавидитъ, — все кончено, все въ головѣ ея перевернулось вверхъ дномъ: она ничего не видитъ, ничего не слышитъ, ничего не знаетъ, ничего не говоритъ.... Прошу-же покорно вывести ее на дорогу, передать ей въ слово въ слово то, что она должна повторить, пробудить въ этой душѣ, омраченной гнѣвомъ или любовью, электрическую искру! Это ребенокъ, котораго надобно вести за руку, шагъ за шагомъ, ребенокъ, часто-упрямый, — который не

можетъ ходить безъ помочей.... И ужъ тутъ не актриса играетъ роль свою, а суфлеръ: онъ долженъ распустить все паруса. Но замѣтите, что въ тоже время этотъ несчастный страдалецъ драматическаго искусства ведетъ все другія роли: онъ, въ одно и тоже время, тиранъ, благородный отецъ, слуга, субретка, кокетка, первый любовникъ, первая любовница; онъ держитъ въ рукахъ своихъ все запутанныя нити интриги, и долженъ найтись на всякую минуту; онъ плачетъ, смѣется, волнуется, проклинаетъ, вздыхаетъ, декламируетъ, рѣжетъ, отравляетъ, умираетъ, онъ влюбленъ, женится, составляетъ заговоръ, онъ богатъ и бѣденъ, осыпанъ почестями и славою; онъ принадлежитъ всемъ народамъ, всемъ вѣкамъ, всемъ радостямъ, всемъ страданіямъ! Подумайте-же, каково ослѣпленіе этого несчастнаго человѣка, каково наказаніе — просидѣть битыхъ семь часовъ въ этомъ раскаленномъ горнѣ, гдѣ безжалостно растапливаютъ золото, желѣзо, свинецъ, серебро, ртуть, все металлы, изъ чего фабрикуются картонныя произведенія, составляющія нынѣшнее драматическое искусство.

Это сторона ужасная суфлера, а есть у него и сторона смѣшная. Суфлеръ не только каждый вечеръ отправляетъ свое ремесло, но и каждое утро. Вы думаете, что въ будки своей онъ свободенъ? Ничуть не бывало: пытка преслѣдуетъ и мучитъ его точно также. Онъ присутствуетъ при рожденіи каждой сценической новости, старой или новой; онъ дѣлается добычею каждаго новаго *творенія*, какія всякой день производится на свѣтъ многочисленныя толпою, всегда-бессмертною и вѣчно-возраждающеюся, нашихъ юныхъ великихъ людей. Авторъ *новаго изданія* является въ театрѣ; этотъ новый пришлецъ держитъ подъ мышкою такую плотную драму, что рука его, отяжелѣвшая отъ такой ноши, походить на половинку обруча.... Эта рукопись ничего не предвѣщаетъ добраго суфлеру. Дѣйствительно, если, по несчастію, новая драма принята г-ми актерами, которые, какъ извѣстно, суть отличные зватоки и судьи, — первый человѣкъ, котораго призываютъ на пытку — суфлеръ. Поскорѣе переписать драму, — сдѣлать два списка этихъ пяти актовъ!... И онъ списываетъ, въ свои *потерянные минуты*, эти отличныя творенія, и глаза его гибнутъ, разбирая почеркъ нашихъ гениевъ... Лишь только переписалъ онъ одну рукопись, начинай другую, но еще болѣе неспособнымъ образомъ, нежели въ первый разъ: онъ пишетъ не сцена за сценой, не актъ за актомъ, но роль за ролью, со всеми ихъ репликами. Въ тысячу разъ пріятнѣе рвать старое бѣлье

и шипать изъ него корню для госпиталей, чѣмъ разрубать, фраза за фразой, эту исторію злодѣйства и любви. Дѣло подвигается медленно, во-первыхъ потому, что легкіе шаги времени становятся тяжелѣе свинцу, когда надобно бороться со скукою, а во-вторыхъ потому, что день у суфлёра утромъ занятъ репетиціями, вечеромъ представленіями.

О ужась! Піесу, которую онъ переписалъ уже два раза, которую онъ будетъ перечитывать въ норѣ своей двадцать разъ (беремъ вещь въ самую дурную сторону), эту самую піесу будетъ онъ суфлировать съ затворенными дверями, и если въ двадцать сеансовъ успеетъ отдѣлаться отъ такой работы, то отмѣтитъ красными чернилами эту счастливую піесу. Вы не знаете, что такое репетиція, не главная репетиція послѣдняго дня, которая есть не что иное, какъ ускоренное первое представленіе, когда актрисы, увѣренныя, что на нихъ смотрять, являются набѣленные и разодѣтыя; я говорю о репетиціи въ туфляхъ и въ ночныхъ чепцахъ, во мракѣ театра, когда эти госножи и господа, въ распахъ оторванные отъ сна, не успѣли еще заняться своимъ утреннимъ туалетомъ; когда репетируемая драма или комедія находится еще въ состояніи зародыша; и тѣ и другіе, недовольные ролями своими, завидуя роли своего сосѣда, спорять о каждомъ словѣ, о каждой фразѣ, каждомъ входѣ, жестѣ, эпитетѣ. Это часъ мало-торжественный, когда дурныя страсти искусства и артистовъ (зависть — ихъ дитя) темно развиваются черезъ посредство новой піесы, и сама піеса — еще безобразный хаосъ, въ которомъ невозможно ничего видѣть; уже съ этой минуты начинается роль суфлера. Суфлеръ скажетъ: «Да будетъ свѣтъ!» и — свѣта не будетъ; суфлеръ скажетъ этимъ всѣмъ господамъ и госпожамъ, какъ онѣ и они называются — графомъ, герцогиней, маркизомъ, Лафлёромъ, Лизеттой; въ какомъ кварталѣ города и въ какомъ домѣ будутъ они жить въ теченіе одного, двухъ, трехъ, четырехъ, пяти, шести актовъ, потому-что суфлеръ новѣйшаго времени не менѣе древняго Аристотеля, — хотя болѣе его достоинъ сожалѣнія, — рылея въ безконечномъ мракѣ искусства, которое въ наше время падаетъ и исчезаетъ.

Итакъ репетиція идетъ слово за словомъ. У суфлёра на плечахъ, согнувшихъ отъ заботъ и бдѣній, во-первыхъ сидятъ актеры, а потомъ авторъ, и этотъ авторъ чаще всего составляетъ главное затрудненіе. Дѣйствительно, авторъ новѣйшаго времени, если онъ написалъ по одной третьей долѣ въ пяти или шести комедіяхъ, считаетъ уже себя въ правѣ нисколько не пере-

мониться. Съ артистами и съ суфлёромъ ему все ни по-чемъ. Нынче пишутъ не комедіи, а только проекты комедіи, нынче комедіи только рисуютъ, — пишутъ прямо на бѣло остроуты и каламбуры, предоставляя ихъ по бѣлой части на попеченіе актеру, который долженъ самъ позаботиться о румянахъ, о свѣтскомъ костюмѣ и о роляхъ своихъ, если онъ хочетъ, чтобы въ этихъ роляхъ было что-нибудь, что-бы заинтересовало зрителя.

Отъ такого способа сочиненія комедій происходитъ множество неприятностей для суфлёра, который держитъ въ рукахъ своихъ рукописи. Сколько передѣлокъ! Сколько прибавокъ! Сколько сокращеній! Капризъ и случай — вотъ боги произведеній такого рода, и суфлёръ рѣшительно не знаетъ, кого и чего слушаться. И точно, при маленькомъ снисхожденіи, благовопитанный авторъ очень-легко сдѣлаетъ изъ перваго акта пятый или второй. Послушный замѣчаніямъ, какія говоритъ ему самолюбіе этихъ гостоуж и этихъ господъ, драматическій поэтъ уступчиво выслушиваетъ совѣты, то-есть, приказанія ихъ; онъ общается, а суфлёръ долженъ исполнять общанія автора. — Милостивый государь, говоритъ актеръ поэту: исключите эту тираду изъ моей роли, — и суфлёръ получаетъ приказаніе исключить. — Милостивый государь, моя роль очень-коротка: надобнобы прибавить стиховъ двѣсти, — и суфлёръ долженъ почь на-пролетъ переписывать новые двѣсти стиховъ.

Такого рода перемарыванья, прибавки, урѣзыванья, просто, невыносимы. Счастливъ несчастный суфлёръ, если горькая судьба, заставившая погрязнуть его въ болото театральное, не дала ему немного вкуса, немного ума и нѣсколько зеренъ здраваго смысла! Счастливъ, если самъ онъ, ужаленный драматическимъ скорпіономъ, но вѣрный урокамъ великихъ мастеровъ, не пускался никогда отвѣдать счастья на подмосткахъ театральныхъ! О, тогда-бы эта драматическая стряпня была для него просто убійственна! — Какъ! восклицаетъ онъ: такъ этакъ-то наши великіе люди сочиняютъ нынѣ драмы свои! Такъ вотъ какіе безобразные скелеты приносятъ они на жертвенникъ искусства передъ партеромъ! И суфлёръ закрывается мантіей, какъ Юлій Цезарь передъ смертью; но обыкновенно у суфлёра мантіи не бываетъ.

Жизнь суфлёра—это жизнь лишеній, нужды и заботъ.... И ужъ вѣрно не онъ можетъ бояться умереть когда-нибудь отъ жиру. Свидѣтель всѣхъ радостей, самъ онъ не знаетъ, что такое радость; онъ только и слышитъ разговоры объ огромномъ жалованьѣ, о разовыхъ деньгахъ, о бенефисахъ, о поѣздкахъ въ про-

винцію, о золотѣ и лаврахъ; передъ его глазами горять брильянты, блеститъ богатое шитье, разстилается кружево, у него по-горло этихъ торжествъ, этихъ праздниковъ,—а самъ онъ!... Платью его уже лѣтъ десять, бѣлый галстукъ его просится въ отставку, жилетъ плачетъ, шляпа въ траурѣ, какъ и его сердце; все совершается въ его будкѣ, и все убѣгаетъ изъ нея; онъ вѣчно глядитъ, не имѣя права думать; вся жизнь его проходитъ въ этомъ слуховомъ окошкѣ, о которое безпрестанно стучитъ палкою дирижеръ оркестра — одно изъ величайшихъ мученій испанской инквизиціи! Изъ всей этой любви, происходящей передъ его глазами, ни одна искра не заронится въ его сердце; отъ этихъ триумфовъ, въ которыхъ онъ служитъ посредникомъ, на долю его достаются только шумъ и пыль; отъ этихъ вѣнковъ, которые падаютъ на сцену, ему никогда не достанется самого простаго цвѣточка; въ пьесахъ, въ которыхъ эти господа и госпожи предаются оргіи, кушая картофель и запивая зельцерскою водою, вошло въ какую-то забаву, бросать суфлеру корку апельсина или скорлупу яйца.... Я видѣлъ такихъ суфлеровъ, которые съ негодованіемъ возвращали эти корки и этѣ скорлупы прямо въ лицо благородныхъ артистовъ.... И въ партерѣ пробуждалось удивленіе.... «Вотъ какъ! говорили тамъ: да въ этой будкѣ, видно, въ-самомъ-дѣлѣ сидитъ человекъ».

Когда актеры хорошо вытвердили и срепетовали роли свои, послѣ тысячи урѣзокъ, измѣненій, добавленій, настаетъ наконецъ день перваго представленія. Послѣ предводителя клакеровъ, суфлеръ первый является на своемъ мѣстѣ, потому что даже и въ эти высоко-торжественные дни нашъ парія обязанъ присутствовать при поднятій занавѣса, и ничто не можетъ избавить его отъ обязанности суфлировать пьесу, назначаемую собственно для сѣзда зрителей, пьесу, которую актеры не играютъ, а зрители не слушаютъ.

Между-тѣмъ, комедія идетъ кое-какъ; новость для всѣхъ, она стара только для суфлера. Онъ напередъ знаетъ не только каждое слово, но каждый жестъ; онъ знаетъ всѣ лица, знаетъ, какъ онѣ расписутся, размалюются, украсятъ природные недостатки; онъ знаетъ всѣ ужимки и уловки актеровъ; онъ видѣлъ, какъ кокетка повторяла одну за другой всѣ свои очаровательныя мины, и какъ она изобрѣтала новыя; онъ знаетъ, какъ она защищается, какъ сдается, на какой жестъ рассчитываетъ, на какомъ громкомъ восклицаніи основываетъ успѣхъ всего вечера. Достойный труженикъ! какъ жаль мнѣ тебя, когда я подумаю

обо всей этой нестерпимой скукѣ! Вѣчно та-же проза и тѣ-же стихи! Вѣчно то-же измѣненіе голоса, вѣчно тотъ-же эффектъ, успѣшный или безуспѣшный! Да если-бъ вамъ привелось слушать самую лучшую вещь въ мірѣ — *Мизантропа* или *Аталью* великой вечеръ, въ одинъ и тотъ же часъ, Богъ знаетъ, чего не дали бы вы за то, чтобъ позволили вамъ прочесть на свободѣ какой-нибудь неизвѣстный романъ Пиго-Лебрея или Поль-де-Кока!

Какъ пѣса оканчивается, не наше дѣло; она расходится; она рада даже проливному дождю, рада ручью грязной воды, а нашъ бѣднякъ все еще не кончилъ своей проклятой обязанности. Часто, въ-самомъ-дѣлѣ, онъ долженъ суфлировать еще цѣлый актъ, который продержитъ его до полуночи въ душевной будкѣ. И потомъ, только-что онъ вышелъ изъ трущобы, только-что расправилъ свои усталые члены, только-что почувствовалъ свое чело-вѣческое бытіе, — вдругъ его кличутъ опять: онъ долженъ вычищать, урѣзывать, сглаживать этотъ глухой наборъ словъ; карандашъ его работаетъ, ставя безпрестанные кресты, каждый свистокъ партера служитъ знакомъ изгнанія недостойной фразы. Исключимъ эту острогу, обрѣжемъ этотъ прелестный разсказъ, сократимъ этотъ остроумный разговоръ. Это «Четверть часа» Раблѣ: въ эту минуту всякой актеръ, глазъ-на-глазъ съ своею совѣстью и суфлеромъ, оцѣниваетъ себя по достоинству; самъ авторъ, сдѣлавшись скромнымъ, хлопочетъ о томъ только, чтобы, какъ можно, посправили его пѣсу. Актеръ скученъ, директоръ ворчитъ сквозь зубы, суфлеръ исправляетъ свою рукопись; теперь съ нимъ совѣтуются, слушаютъ его, даже принимаютъ отъ него маленькія фразы, совершенно готовые, и раскаяваются, зачѣмъ съ перваго раза не послѣдовали его совѣту, — и вотъ, силою обстоятельствъ, это существо, находящееся въ загонѣ у трагическихъ тиранновъ и разумащенныхъ любовницъ, дѣлается невольникомъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ штопальщиковъ цѣлаго литературнаго царства. И послѣ этого сожалѣйте объ индѣйскомъ факирѣ, который проводитъ всю жизнь свою, смотря на конецъ своего носа.

Я понимаю васъ, — я не правъ, представляя себѣ только стараго суфлера. Конечно, можно быть молодымъ, и рѣшиться низойти въ «преподнянн» театра. — Согласенъ. Представьте-жъ теперь, что эта развертая часть драматическаго искусства, сирѣчь, суфлерская будка, дѣйствительно занята молодымъ человѣкомъ; но тогда вы только удиваете мукъ несчастливца. Я избралъ для описанія ста-

раго суфлера потому, что у этого бѣдняка меньше мечтаній, надежде, страстей, волненій молодости; но молодой человѣкъ на этомъ гибельномъ мѣстѣ!... Подумайте хорошенько! Да развѣ не замѣчали вы, что тѣмъ актриса моложе, свѣжѣе, милѣе, тѣмъ болѣе удаляется она отъ будки суфлера? И она совершенно права, она подслушала публику, она можетъ быть видима съ ногъ до головы.... въ особенности стройны, легки у нея ножки, — зачѣмъ-же ей скрывать ихъ за деревянной будкой, изъ которой глупая рукопись выказываетъ иногда свою голову?—Напротивъ, когда съ лѣтами приходитъ не-совсѣмъ пріятная полнота тѣла, посмотрите, какъ все, что есть на театрѣ стараго и противнаго, все подвигается ближе къ будкѣ суфлера: расплюснутыя ступни, толстыя ноги, полинялыя, изъ моды вышедшія подвязки, потухшіе взоры, оглохшія уши.... Грустно видѣть такъ близко это разрушеніе, котораго и театръ, съ его способами, прикрыть не можетъ.... И даже избранныя, тѣ, кого партеръ принимаетъ съ оглушительными рукоплесканіями.... посмотрите на нихъ вблизи.... грустно видѣть ихъ, и суфлеръ хорошо знаетъ это. «Венера отъ-того такъ хороша издали», сказалъ одинъ умный и милый астрономъ, «что она очень-дурна вблизи». Такъ не надо-жъ смотрѣть на нее такъ близко, надо жалѣть о г-нѣ Араго.... и о суфлерѣ, которые должны разсматривать такого рода звѣзды въ телескопъ. Искусство театральное хорошо издали, но гадко вблизи, но отвратительно изъ дыры суфлера. Суфлеръ видитъ веревки, слышитъ блоки, знаетъ, какъ разверзаются бездны, какъ освѣщаетъ подземный огонь, какъ падаетъ огонь небесный; онъ видитъ румяна, чувствуетъ запахъ сала, онъ присутствуетъ при всѣхъ туалетахъ, онъ слѣдитъ за всѣми интригами и на сценѣ, и за кулисами....

Въ этомъ безплодномъ созерцаніи, суфлеръ долженъ молить Бога только объ одномъ, чтобы не влюбится какъ-нибудь случайно въ дѣвушку, которую онъ сочтетъ себѣ по плечу. О, это былъ-бы послѣдній ударъ достойному труженику, осужденному на столько бѣдствій. Влюбленный суфлеръ! Фи!... Его-бы попирали ногами, ему-бы бросали поцѣлуи и улыбки, какъ бросаютъ орѣховую скорлупу и апельсинныя корки, передъ нимъ съ жестокою радостію выказывали-бы и хорошенькую талію, и очаровательную грацію и свѣженькую юбочку; онъ-бы могъ сосчитать всѣ біенія сердца женщины, и тѣ дни, когда она надѣваетъ чулки à jour, — и потомъ, когда пытка доведена была-бы до послѣдней степени, бѣдный молодой человѣкъ, запертой въ своей будкѣ,

не имѣя возможности выйти изъ нея, увидаль-бы, какъ эта обожаемая кокетка любезничаетъ съ первымъ любовникомъ, со-рока лѣтъ, на смѣхъ Аиньянамъ, на смѣхъ суфлеру. Она громко будетъ говорить своему любовнику слова любви, написанныя въ ея роли, и тихо станеть шептать другія, не менѣе нѣжныя и сладкія рѣчи, но которыя суфлеръ тщетно сталь-бы искать въ своей рукописи. А ояъ, кто такъ любилъ ее, кто под-сказывалъ ей съ такою-же радостію, съ какою бамшачникъ навсвистываетъ пѣсню своему жаворонку, ояъ, который хотѣлъ-бы навѣять счастье на этого ребенка, какъ во времена фей, ояъ вдругъ останавливается, словно оствистанный актеръ! — О несча-стіе! пока роковая тетрадь выпала изъ рукъ его, востроглазая дѣвочка забыла свою роль: ее оствистали ... П движениемъ негодо-ванія, она какъ-будто говоритъ несчастному суфлеру, пораженно-му, раскаявающемуся: Погоди-же, ты мнѣ заплатишь за это, злой суфлеръ!

Что тогда дѣлать? Какъ быть? Я знаю, что самое лучшее средство, чтобы избавиться отъ искушенія это—впасть въ иску-шеніи; но это единственное средство не отъ насъ зависеть; и если не хочешь размозжить себѣ голову, какъ несчастный су-флеръ одного водевильнаго театра, то обреки себя на страданіе, высохни, какъ ягода шиповника, которой никто сорвать не ду-маеть: надобно остаться на троттуарѣ этого искусства, отъ ко-торого на твою долю достаются только грязь и смрадъ; предо-ставь этихъ веселыхъ, живыхъ, очаровательныхъ актрисъ ихъ собственному кокетству. Ступай въ свою нору и философствуй, глядя оттуда на свѣтъ Божій... Или, въ отмщеніе себя, забавляй-ся, видя, какъ разрушается красота этихъ лицъ; смотри, какъ растетъ брюхо перваго любовника, который причинилъ тебѣ столь-ко безсонныхъ ночей; разсчитывай, на сколько растолѣла талія Селимены, сколько сѣдыхъ или черныхъ волосъ потеряла воде-вильная любовница во-время послѣднихъ баловъ и праздниковъ; радуйся, глядя на эти, словно, деревянные лица, желтоватаго и ма-товаго цвѣта, на которыя такъ отвѣсно упадетъ свѣтъ; третья-го дня женщина эта ругалась, гнушалась тобою, въ твоей рако-винѣ улитки: посмотри на ея разрушеніе, — какъ ты отмщенъ! Давно-ли была она игрива, жива, весела, — ей было двадцать лѣтъ, — она-бы не позволила тебѣ даже носить шлейфъ своего платья; нынѣ утѣшься въ своихъ страданіяхъ, видя страданія этого обезображеннаго существа; посмотри, какъ испортилась, ея талія, взгляни на эти красныя какъ кровь, руки, подъ сине-

ватыми бѣлками, ихъ покрывающими; посмотри на все на это — и благословляй небо за свою смиренную долю. Какъ ты чувствуешь себя легко, въ твоихъ четырехъ доскахъ, несчастливецъ!.... И наконецъ, когда ты просуфируешь послѣднюю комедию, когда тебѣ надоѣдятъ и комедии, и актеры, и актрисы, какъ ты будешь важничать, и какъ сладко заснешь ты въ твоемъ послѣднемъ гробу!

— Дитя мое, говорилъ старый суфлёръ прежняго Французскаго-театра актеру Флёрн: я ухожу, и если доживу до счастья, что душа моя вылетитъ изъ тѣла, то скорѣе повѣшусь, нежели снова запрячу ее туда (*si j'ai le bonheur que le souffle sort de mon corps, je veux être pendu plutôt, que de l'y faire rentrer*).

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ВСЯКАЯ-ВСЯЧИНА.

=

ОСЫ.

Нашу публику очень-несправедливо обвиняют въ томъ, что она не любитъ искусства. Помилуйте, господа обвинители! Гывали-ли вы на художественной выставкѣ? Видали-ли вы толпу, наполняющую залы? И какъ снисходительна, какъ добра эта публика! Покажите ей какую-нибудь зеленую мѣтку и она, не колеблясь, газуетъ ее деревомъ; покажите ей бѣленькое, розовое, голубое или сизое платье, закрывающее ноги: — это женщина! восклицаетъ добрая публика. Покажите ей нѣчто съ двумя ногами — это человѣкъ! — Покажите ей нѣчто четвероногое — это лошадь, собака или корова, смотря по цвѣту. Голубое вверху — небо; голубое внизу — вода. Публика снисходительна къ искусствамъ, или, лучше сказать, къ искусникамъ, — следовательно, любить ихъ.

А итальянская опера развѣ не доказываетъ нашей любви къ искусству?— Двадцать человѣкъ складываются и абонируются на одну ложу четвертаго яруса, чтобы поочередно ходить *смотреть Итальянцевъ*. И сколько восторговъ, рукоплесканій, «браво», «фора» и наконецъ «bis»! Bis до такой степени намъ нравится, что мы заставляемъ пѣвцовъ по два и по три раза повторять каждую арию, каждый дуэтъ, каждое трио, такъ, что вмѣсто одной оперы, выслушиваемъ двѣ и три въ вечеръ.

За-то ужъ не даромъ и деньги заплатили!

Объ Александрыномъ-театрѣ и говорить нечего: тамъ восторгъ доходить до изступленія, рукоплесканія, въ полномъ смыслѣ слова, оглушаютъ

васъ, отъ громкихъ «браво» и «фора» энтузіасты къ концу спектакля терпятъ голось.

Да, мы страшно любимъ искусства.

* * *

Одна итальянская графиня, прославившаяся своими причудливыми фантазіями, взяла къ себѣ на воспитаніе молодую дѣвушку и дала ей прекрасное образованіе, но странностями своими часто заставляла ее проклинать всѣ свои благодѣянія. Недавно молодой дѣвушкѣ этой исполнилось восемнадцать лѣтъ. Г-жа... позвала ее къ себѣ и сказала: Аннета, ты выходишь за-мужъ, приданое твое готово.

— Но, отвѣчала молодая дѣвушка, я-бы желала, и проч., и проч., что обыкновенно отвѣчаютъ дѣвушки въ подобныхъ случаяхъ.

— Твоимъ мужемъ будетъ Г. М.

— Избранный мужъ былъ старъ и безобразенъ. — Отъ него отказываются со слезами.

— Благодѣтельница моя, умоляю васъ!...

— Какъ, сударыня, вы отвергаете человѣка, котораго я сама вамъ выбрала?...

— Но вы выбрали именно того, кого я не могу любить.

— Такъ какъ-же быть! Нельзя-же переимѣнить мѣтку на приданомъ.

Графиня звонитъ.

— Позовите Мишеля.

Мишель былъ конюхъ. — Онъ входитъ.

— Сударыня, такъ-какъ Г. М. вамъ противенъ и вы его отвергаете, то вы выйдете за-мужъ за Мишеля. — Если-бы не мои благодѣянія, Мишель былъ-бы совершенно вамъ равенъ: отъ меня зависитъ уничтожить различіе между нимъ и вами.

Аннета плачетъ, рыдаетъ, бросается на колѣни передъ ней. По счастью, Мишель, не предвидя такого благополучія, женился лѣтъ шесть тому назадъ; его отсылаютъ опять въ конюшню.

— Но развѣ вы кого-нибудь любите, сударыня?

Нѣтъ отвѣта.

— Очень-жаль, если моя догадка справедлива, потому-что вы все-таки выйдете за г. М...

— Ахъ, Шарль, Шарль! вскричала Аннета.

— А кто такой этотъ Шарль?

— Онъ молодой человѣкъ, очень-умный!...

— Не о томъ я васъ спрашиваю: какъ фамилія его?

— Его фамилія — М....

— Его фамилія начинается съ буквы М? Да что-жь ты не сказала пре-

жде? Это очень-возможно; переменить метку на приданомъ неужно: я только по этому и рѣшалась выдать тебя за Мишеля. Теперь ты можешь выходить за Шарля М..

* * *

Дагерротипъ надѣлалъ много шуму въ началѣ его изобрѣтенія. Теперь дагерротипъ видимо упадетъ. Такъ и должно быть.

Дагерротипъ низвелъ искусство до простаго механизма, и черезъ это лишилъ его жизни, творчества. Большая часть дагерротипныхъ портретовъ поражаютъ мертвенностію своею; самые удачные изображаютъ лица десятию годами старше.

Женщины должны ненавидѣть дагерротипъ.

Дагерротипъ изобрѣтенъ Нипсомъ; Дагерръ узналъ о томъ, и вошелъ въ сношенія съ Нипсомъ. Вдвоемъ они придумали нѣкоторыя улучшения и заключили условіе, что открытіе будетъ объявлено подъ именемъ Нипса и Дагерра.

Нипсъ умеръ, и машина называется *дагерротипомъ*.

Называется-же *Америкой* страна, открытая Христофоромъ Колумбомъ.

* * *

Насъ просятъ *христа-ради* пустить въ печать присланное къ намъ стихотвореніе подъ названіемъ: *Бриллиантъ, Пѣтухъ и Зерны*. По долгу христіанскаго милосердія исполняемъ просьбу, передавая означенное стихотвореніе легкимъ крылышкамъ нашихъ *Осв.*

БРИЛЛАНТЪ, ПѢТУХЪ И ЗЕРНЫ.

Россійской Имперіи,

Въ какой-то губерніи,

Жилъ да былъ

Человѣкъ добрый,

И у него полный

Мѣшокъ съ зерномъ,

Да брилліанты въ немъ,

Человѣкъ добрый

Скончался,

А мѣшокъ полный

Достался

Пѣтуху.

Какъ сыру въ маслѣ

Пѣтуху въ зернѣ,

Привольно,

Раздольно.

Съ зерномъ пѣтухъ хлопочеть,

Бриллианты только топчеть,

И не хочеть

Знать онъ того,

Какой кладъ у него.

А въ людяхъ вѣдь тоже,

Богъ ихъ прости:

Зерны дороже

Премудрости.

П. М.....кой.

*

*

*

Анселó, бывшій директоръ парижскаго театра Одеонъ, сидѣлъ въ ложѣ нынѣшняго директора Бокажа, въ то время, когда одинъ актеръ, не совсѣмъ ладившій съ Анселó, во-время его управленія, вздумалъ скопировать нѣкоторыя смѣшныя стороны своего бывшаго начальника, играя амура въ каррикатурѣ.

— Вы позволите вашему актеру меня копировать, сказалъ Анселó Бокажу: берегитесь.... я оставилъ управленіе театромъ, онъ выводитъ меня амуромъ; когда отойдете вы, онъ выведетъ васъ *Меркуріемъ*....

*

*

*

Намъ попалось прекуріозное письмо одного учителя арифметики къ предмету страсти своей. Вотъ оно:

1ственная Анна Ивановна! Я очень-виновать претми, но есл-бы вы знали, что происходитъ вну-3 моего сердца! О, Анна, милая Анна! Нын-4новала меня къ Марьѣ Петровнѣ... Я говорилъ и о-5 скажу, что это напрасно. Ты знаешь, что вы-6брати моей къ тебѣ ничего не можетъ быть; о-7 нѣчего и толковать. Къ нашей свадьбѣ все гото-8я твоя согласна. Зачѣмъ-же мѣшкать? Надѣюсь, что $\frac{9}{10}$ таго числа судьба моя рѣшится.

100 кратъ цѣлую тебя.

Твой ДмиЗ.

*

*

Съ нѣкотораго времени женщины стали требовать, чтобы имъ предоста-
влены были всѣ права и *преимущества* мужчинъ. Бѣдняжки! Онѣ забы-
ваютъ, что имъ-то всегда и принадлежали преимущества. Мужчины сами
такъ возвысили женщинъ, что онѣ стали для нихъ *поги* недоступными.
Теперь-же женщины хотятъ стать на-ряду съ мужчинами. Гдѣ-же будетъ
обманчивое, но прелестное, очаровательное различіе?

Въ бородѣ!

* * *

— Должны-ли мы любить враговъ нашихъ? спросилъ учитель ученика.

— Должны, отвѣчалъ мальчикъ.

— Хорошо, голубчикъ. Скажи-же мнѣ какой-нибудь примѣръ? спросилъ
опять учитель; но видя, что мальчикъ молчитъ, онъ продолжалъ:

— Если, на-примѣръ, какой-нибудь злой товарищъ, которому ты ничего
не сдѣлалъ, дастъ тебѣ пощечину, что ты сдѣлаешь?

— Я закачу ему двѣ, бойко отвѣчалъ ученикъ.

* * *

Одинъ путешественникъ встрѣтилъ въ лѣсу, въ Америкѣ, двухъ дикихъ,
которые, увидѣвъ его, сѣли на траву, и положивъ возлѣ себя огромныя
палочки свои, стали играть маленькими камешками.

Любопытный путешественникъ остановился возлѣ нихъ и сталъ со
вниманіемъ смотрѣть на игру.

— Должно-быть, они играютъ не- даромъ, подумалъ онъ, потому-что
одинъ никакъ не хочетъ уступить другому. Вотъ тотъ маленькой, у кото-
раго голубая звѣзда на лбу, очень-ловокъ; но большой, у котораго на груди
желтая змѣя, не уступаетъ ему. — Bravo, желтая змѣя! вскричалъ путеше-
ственникъ. Ай-да, голубая звѣзда! Ну-ка! Ну-ка! Кто выиграетъ? Голу-
бая звѣзда! Молодецъ! Я тебя очень полюбилъ, голубая звѣзда! Позволь
поздравить тебя!

— Другъ мой, блѣдный человекъ, сказалъ хладнокровно голубая звѣзда:
когда мы тебя увидѣли, то рѣшились сыграть партію, чтобы узнать, кто
изъ насъ съестъ тебя!...

* * *

Гѣте называлъ скуку — матерью девяти музъ.

Не отъ-того-ли многія премилыя дочки имѣютъ пренесносныхъ, воркли-
выхъ, скучныхъ матушекъ?

* * *

На одномъ изъ дѣтскихъ баловъ графини С., много забавлялись малень-
кимъ сыномъ г-жи Б., который очень-ловко танцевалъ канканъ.

Кто выучилъ тебя этому танцу? спросилъ кто-то ребенка.

— Маменька, отвѣчалъ тотъ очень-наивно.

* * *

Чиновникъ А***, пожилыхъ уже лѣтъ, искалъ мѣста при какомъ-то министерствѣ. Директоръ того департамента, въ которомъ чиновникъ хотѣлъ опредѣлиться, былъ человекъ умный и любилъ сперва испытывать чиновниковъ, къ нему опредѣлявшихся, а потому пригласилъ А*** къ себѣ на обѣдъ.

А*** чрезвычайно изумился, и даже испугался этой неожиданной чести, и спросилъ молодого секретаря директора, зачѣмъ пригласилъ его директоръ?

— Онъ хочетъ узнать, *умете-ли вы есть*, отвѣчалъ секретарь съ лукавой улыбкой, никакъ не предполагая, что чиновникъ приметъ слова эти за правду.

Чиновникъ явился къ обѣду, и припоминая слова секретаря, ѣлъ за четверыхъ. Директоръ и семья его не могли довольно надивиться чрезвычайному аппетиту этого чиновника. Послѣ жаркого, директоръ попросилъ будущаго подчиненнаго своего:

— Не прикажете-ли еще кусочекъ жаркого?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, съ отчаяннымъ видомъ отвѣчалъ А***, отирая крупныя капли поту, выступившаго на лбу его: воля ваша, хоть откажите мнѣ въ мѣстѣ, а ѣсть я больше не буду!...

Всѣ засмѣялись. Дѣло вскорѣ объяснилось, и чиновникъ, за ревность свою, получилъ мѣсто.

С М Ъ О Ъ .

СЛОВО КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА.

Нынѣшней 12-й книжкой оканчивается изданіе «Репертуара и Пантеона» на 1845 годъ, и трехлѣтіе его существованія подъ новой редакціей.

Обращая взоры на пройденное нами трехлѣтіе, мы, съ полнымъ и спокойнымъ убѣжденіемъ, можемъ сказать, что сдѣлали все, что могли, что отъ насъ зависѣло, и гораздо болѣе, нежели сколько обѣщали нашимъ подписчикамъ. Не уклоняясь ни отъ какихъ жертвованій, мы постоянно стремились къ улучшенію нашего изданія, стараясь дѣлать его болѣе и болѣе достойнымъ вниманія просвѣщенной русской публики.

Пересмотрѣвъ книжки одного только нынѣшняго года, и сравнивъ его съ прежними годами, читатели сами убѣдятся, что мы значительно противъ прежняго распространили объемъ *Репертуара и Пантеона* и увеличили содержаніе его, стараясь каждой книжкѣ придать наиболѣе разнообразія. Въ 12-ти книжкахъ нашего изданія на нынѣшній годъ помѣщено *двадцать драматическихкихъ произведеній* (драмъ, комедій и водевилей), *игранныхъ*, и *неигранныхъ* на сценѣ, болѣе *двадцати повѣстей* и *юмористическихкихъ разсказовъ*, изъ коихъ *пятнадцать* оригинальныхъ; до *десяти* статей о музыкѣ, до *десяти* статей по отдѣленію *матеріаловъ для исторіи театра* (тѣ и другія болѣею частію оригинальныя), болѣе *пятидесяти* небольшихъ разсказовъ и повѣстей въ отдѣленіи *смѣси*, не считая мелкихъ замѣтокъ, анекдотовъ, юмористическихкихъ статейъ подъ общимъ названіемъ *Осы*, и проч. и проч. и проч.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ постоянно сообщала подробныя и вѣрныя извѣстія обо всѣхъ театральныхъ новостяхъ Парижа, Лондона, Вѣны и другихъ значительнѣйшихъ городовъ Европы, равно какъ Петербурга, Москвы и всѣхъ губернскихъ и даже уѣздныхъ городовъ русскихъ, въ которыхъ есть или были театры хотя временныя.

Наконецъ художественныя приложенія къ *Репертуару и Пантеону*, состоявшія болѣею частию изъ картинокъ, дѣланныхъ въ Парижѣ и изъ романсовъ нашего народнаго композитора А. Е. Варламова, прилагались къ каждой книжкѣ; въ послѣдніе время модныя картинки, гравированныя на стали и раскрашенныя въ Парижѣ, *) , верхъ совершенства въ этомъ родѣ, картинки, какихъ въ настоящее время нѣтъ ни въ одномъ журналь русскою, заслужили всеобщее одобреніе нашихъ читателей. Такія картинки будутъ прилагаться и въ слѣдующемъ году; къ нимъ присоединятся портреты любимѣйшихъ современныхъ артистовъ русскихъ П. С. Мочалова и А. А. Мартынова **) гравированные на стали въ Лондонѣ.

Въ нынѣшнемъ году, не ограничиваясь 15-ю обѣщанными листами, въ каждой книжкѣ Репертуара и Пантеона мы выдавали отъ 17 до 25 листовъ, такъ, что на 12-ть книжекъ выдано нами лишняго *пятьдесятъ пять листовъ*, т. е. почти *четыре* книжки болѣе, противъ обѣщаннаго. Это право — увеличивать число листовъ книжки по усмотрѣнію, представляемъ себѣ и на будущее время.

Въ отношеніи къ содержанію *Репертуара и Пантеона* прищяты мѣры, чтобы въ немъ печатать, по возможности, *все піесы*, игранныя на русской сценѣ и имѣвшія *заслуженный успѣхъ*, равно какъ и неигранныя, переводныя и оригинальныя, имѣющія неотъемлемое достоинство литературное.

Число *оригинальныхъ повѣстей и разсказовъ* въ будущемъ году надѣемся значительно увеличить, представивъ въ то же время читателямъ нашимъ произведенія извѣстнѣйшихъ русскихъ нувеллистовъ и разсказчиковъ. Отдѣленію *Юмористики* также значительно придастся разнообразія и занимательности.

Театралья летопись будетъ, по-прежнему, сообщать занимательныя извѣстія о ходѣ и успѣхахъ театровъ заграничныхъ и русскихъ (петербургскихъ, московскихъ и *всѣхъ провинціальныхъ*) для чего редакція имѣетъ благонадежныхъ корреспондентовъ, какъ и за границею, такъ и въ главнѣйшихъ городахъ Россіи.

Отнынѣ принимая на себя полную отвѣтственность передъ пу-

*) Картинки эти получаютъ въ Петербургѣ черезъ 14-ть дней по выходѣ ихъ въ Парижѣ.

**) Съ ихъ біографіями.

бликою, какъ единственный издатель и редакторъ *Репертуара и Пантеона*, — ибо дѣятельность бывшаго моего товарища И. П. Песоцкаго исключительно посвящена изданію *Военной Галереи Зимняго Дворца и Русскаго Пивца*, — я употреблю все силы и старанія, чтобы оправдать ту лестную довѣренность, какую публика по-сіе-время удостоивала *Репертуаръ и Пантеонъ*.

Книжка *Репертуара и Пантеона* выходили въ С-Петербургѣ съ неизмѣнною аккуратностію въ началѣ каждаго мѣсяца (по большей части 1-го числа); въ 1846-мъ году будутъ онѣ выходить непременно каждое 1-е число, въ 8-мъ часовъ утра. Въ отношеніи къ г-мъ иногороднымъ подписчикамъ приняты мѣры, чтобы *Репертуаръ и Пантеонъ* являлся къ нимъ ранѣе всѣхъ другихъ русскихъ журналовъ *).

МЕЖЕВИЧЪ.

СЛУЧАЙ ИЗЪ ЖИЗНИ ЛЕКЕНА.

(Разсказъ Питра Шевалье).

I.

День 10-го октября, 1763 г., былъ праздникомъ для Французской Комедіи. Представляли *Аделаиду Дюгескленъ*, піесу столько-же увлекательную, сколько неправильную, піесу, которой аплодировали неистово по ея возобновленіи, и которая упала въ первое представленіе въ-слѣдствіе дурнаго каламбура партера. Артистъ, игравшій роль Вандома, былъ знаменитый Лёкенъ, актеръ, которымъ Вольтеръ хвастался, какъ своимъ воспитанникомъ, чело-вѣкъ, который въ первый разъ въ жизни заставилъ плакать Людовика XV, по собственному сознанію этого послѣдняго, артистъ, наконецъ, который составлялъ уже и въ это время славу Французской-Комедіи.

Дворъ и городъ явились на это двойное драматическое торжество; одни, по-обыкновенію, пришли ради моднаго спектакля, другіе для зрителей или лучше для зрительницъ, и все для любимаго актера, который занималъ главную роль. Хорошенькія женщины, въ особенности — что очень-рѣдко — преобладали въ этомъ случаѣ, и тройной рядъ прекрасныхъ фигуръ, одѣтыхъ со всей роскошью этой эпохи, рисовался по позолоченнымъ краямъ ложъ и галлерей.

Общее волненіе привѣтствовало Лёкена при первомъ его вы-

*) Редакция покорнѣйше проситъ подписываться на «Репертуаръ и Пантеонъ» заранѣе (до 1-го января), ибо подписавшіеся послѣ сего срока могутъ не получить модныхъ картинокъ, которыя выписываются изъ Парижа по числу напечатанныхъ подписчиковъ.

ходѣ на сцену, и энтузіасты стали аплодировать прежде даже, чѣмъ онъ вымолвилъ хоть одно слово. Правда, впрочемъ, что глубокимъ изученіемъ, Лёкенъ; подобно многимъ другимъ великимъ артистамъ, достигъ до того, что начиналъ играть съ первой минуты появленія на сцену; изъ кулисъ онъ приносилъ съ собою не только костюмъ и наружность, но даже физиономію и характеръ создаваемого имъ лица. Этотъ-то удивительный талантъ создавать и неизмѣнно поддерживать всё, даже самыя незначительныя роли, и заставлялъ находить въ немъ, по свидѣтельству Гримма, двѣ натуры самыя противоположныя: виѣ театра, это былъ человѣкъ, хуже чѣмъ обыкновенный, съ лицомъ непріятнымъ и даже пошлымъ, съ нескладнымъ станомъ и тяжелою походкою, съ манерами, вовсе лишенными всякаго изящества; на театрѣ-же это были герой, царь, полубогъ, съ фигурою самою благородною, самою трогательною, съ голосомъ нѣжно-патетическимъ, и это соединеніе въ немъ тогда неотразимыхъ совершенствъ, вырывало часто у женщинъ, даже вполне убѣжденных въ его некрасивости, восклицанія о его красотѣ; примѣръ тому маркиза Помпадуръ, которая за часъ только, встрѣтившись съ нимъ въ галереѣ Версальскаго замка, нашла его ужаснымъ, и потомъ, увидавши его на сценѣ въ толпѣ Оросмана, вскричала невольно: «Боже мой! Какъ хорошъ этотъ человѣкъ, какъ онъ высокъ и удивителенъ!»

Въ этотъ день Лёкенъ-Вандомъ еще болѣе обыкновеннаго былъ обаятеленъ. Вліяніе его на очарованныхъ слушателей можно было сравнить съ вліяніемъ древнихъ Сивиллъ и пророковъ, или, точнѣе, съ всемогущимъ дѣйствіемъ электрической искры; онъ поминутно заставлялъ цѣлую залу попеременно переходить отъ лихорадочнаго трепета ужаса, къ движеніямъ глубокаго состраданія, отъ заглушаемыхъ криковъ изумленія къ бѣшенымъ восклицаніямъ энтузіазма. Его игра, нѣжная и глубокая, патетическая и страшная, вырвала въ этотъ разъ браво съ самыхъ молчаливыхъ устъ, единодушныя рукоплесканія отъ наиболѣе скованныхъ этикетомъ рукъ, слезы изъ глазъ даже слишкомъ огражденныхъ кокетствомъ.

Изъ всѣхъ дамъ, которыхъ волненіе высказывалось наивнѣе и откровеннѣе, Лёкенъ, тѣмъ орлинымъ взглядомъ, которымъ актеры, владѣющіе сами-собою, умѣетъ проникать въ самыя отдаленныя углы залы, замѣтилъ въ одной изъ среднихъ ложъ перваго яруса, молодую незнакомку, которой вниманіе походило на упоеніе, удовольствіе на восторгъ. Ея прекрасная голова, розово-бѣлый овалъ который выдавался изъ-за густыхъ каштановыхъ волосъ, какъ цвѣтокъ изъ-за двухъ зрѣлыхъ плодовъ, казалось, выходила изъ рамки красныхъ колоннъ съ золотомъ, подобно восхитительнымъ фигурамъ старыхъ мастеровъ, нарочно изолированнымъ на полотнѣ, потому что никакое человеческое лицо не могло-бы выдерживать съ ними сравненія. Молодая дама должна была принадле-

жать, судя по ея одеждѣ и манерамъ, къ высшему обществу того времени. Компаньонка сидѣла за ея стуломъ, а сама она склонилась на край ложи; одна изъ ея рукъ поддерживала голову, а другая свѣсилась немного наружу, по обыкновенному инстинкту женскаго кокетства. Смотря на почти-религіозное благоговѣніе, съ которымъ глядѣла она на Лёкена, сказали-бы, что она боялась потерять даже одинъ какой-либо звукъ его голоса, взглядъ его глазъ, движеніе руки — и всякой разъ, когда онъ превосходилъ самого себя въ счастливыя минуты, она предупреждала живымъ жестомъ шумное одобреніе партера и галлерей.

Лучше всѣхъ актеръ понимаетъ цѣну вниманія, и Лёкенъ увидѣлъ скоро, что никто въ залѣ не слушалъ его такъ, какъ молодая зрительница ложи перваго яруса; онъ спѣшилъ отвѣчать ей вдохновеніемъ признательности и, отдѣлившіи ее въ умѣ своемъ отъ остальной части слушателей, какъ она отдѣлила его отъ остальной сцены, сталъ смотрѣть на нее съ своего мѣста, какъ она глядѣла на него съ своего, и играть нѣкоторымъ образомъ для нея одной. Это было ему тѣмъ легче, что способность отдѣленія себя — отличительное свойство хорошаго актера.

До конца пьесы между актеромъ и незнакомкою продолжался непрерывный размѣнъ возвышенныхъ вдохновеній и тонкихъ, нѣжныхъ похвалъ, и не только никто въ залѣ не могъ замѣтить этого таинственнаго размѣна магнетическихъ отношеній между публикой и актеромъ, но даже та, которая, такъ сказать, молочало собою все вниманіе послѣдняго, не могла, въ своемъ наивномъ увлеченіи, замѣтить этого исключительнаго вниманія, котораго она стала предметомъ. Лёкенъ съ своей стороны не потерялъ ни одного изъ ея самыхъ летучихъ впечатлѣній. То видѣлъ онъ, какъ она выражала свое удовольствіе граціознымъ наклопеніемъ головы, или изумленіе, невольнымъ трепетомъ, то онъ узнавалъ, казалось, степень силы ея ощущенія, по болѣе или менѣе сильнымъ колебаніямъ груди, то съ гордостью видѣлъ онъ, какъ она въ экстазѣ смотрѣла на него, сквозь колеблющееся покрывало мечтаній. Когда-же удвоилъ онъ жаръ и эпергію, при приближеніи катастрофы, онъ увидѣлъ на лицѣ ея ужасъ и состраданіе. Она прижала руки къ сердцу, и потомъ подняла ихъ къ глазамъ, чтобы отереть слезы; вздохи и крики замерли, заглушенные, на ея устахъ; наконецъ, когда занавѣсъ упалъ при послѣднихъ словахъ Вандома, она быстро встала, не въ-силахъ болѣе удерживать своего волненія, и съ судорожнымъ трепетомъ рукоплескала актеру, вмѣстѣ съ другими, также восторженными слушателями.

II.

На-утро послѣ этого вечера, самаго свѣтлаго, какой озарялъ когда-либо его жизнь, Лёкенъ получилъ письмо безъ под-

писи, съ стихами на вчерашнее представленіе. Въ этомъ письмѣ все обличало женщину, и бумага, и аромать, и почеркъ, и даже конвертъ, — но въ особенности тонкая прелесть слога и страстный тонъ похвалъ не позволяли сомнѣваться въ этомъ ни на минуту, и Лекенъ убѣдился, что авторъ посланія — его прекрасная незнакомка ложи перваго яруса. Одно только поразило его: къ заслуженнымъ похваламъ его таланту, въ особенности въ роли Вандама, безымянный авторъ присоединялъ другія, робкія и непрямыя, но вовсе не такъ справедливыя, относившіяся къ физическимъ преимуществамъ артиста и къ благородству его фигуры. Слова — «чудная голова, высокое чело, величавый взглядъ, царственный тонъ», — встрѣчались почти въ каждомъ стихѣ и повторялись съ замѣтною любовію; ошибка была, явно, очень-искренняя; чудная голова Вандома произвела на зрительницу сильное впечатлѣніе, въ которомъ она наивно признавалась, считая себя вовсе неизвѣстною артисту и изъ котораго вполне отъ него зависѣло сдѣлать одну изъ театральныхъ страстей, такъ бывшихъ въ модѣ въ это время. Лекенъ объяснилъ себѣ все, вспомнивъ, что, во-время вчерашняго представленія, его незнакомка смотрѣла на него просто глазами, безъ помощи какихъ-нибудь оптическихъ инструментовъ. Ясно было, что отдавленность и очарованіе сцены были причиною заблужденія молодой женщины.

Это заблужденіе, всякой другой, кромѣ Лекена, непременно бы продолжалъ и постарался извлечь изъ него возможную пользу, но Лекенъ былъ и умнѣе и вмѣстѣ благороднѣе. Въ слѣдствіе этихъ двухъ свойствъ, онъ рѣшился самъ ускорить разочарованіе въ своей красотѣ, которое впрочемъ должно было возвысить его талантъ, — и вотъ какое средство придумалъ онъ для этого. Увѣрившись, не безъ труда, разумѣется, собранными свѣдѣніями о ложѣ, каретѣ и ливреѣ незнакомки, что это была баронесса И... шейнъ, жена чрезвычайнаго нѣмецкаго посланника, онъ послалъ къ ней тайно превосходной работы лорнетку, съ слѣдующими загадочными словами: *Г-нъ баронессъ И... шейнъ, — Вандомъ отъ Лекена.*

III.

Черезъ день снова была назначена Аделаида на театрѣ Французской Комедіи, и посланница опять явилась туда, въ ту-же самую ложу.

Изъ тысячи головъ всей толпы, пришедшей слушать его, Лекенъ, входя на сцену, различалъ только двѣ вещи: чудное лицо молодой женщины, граціозно сидѣвшей въ глубинѣ ложи, и въ ея нѣжныхъ пальчикахъ таинственную лорнетку, посланную имъ наканунѣ. Отрекшись тогда на минуту отъ искусства и съ стоическою рѣшимостью подвергаясь самъ влиянію разочарованія, онъ

вдругъ уничтожилъ лицо Вандома, чтобы показать просто напередъ Лекена, и на цѣлую минуту — явился въ глазахъ женщины, которая за три дни до этого удивлялась его красотѣ, такимъ, какимъ онъ имѣлъ несчастіе быть въ дѣйствительности, т. е. дурнымъ и даже пошлымъ, что всего хуже. Испытаніе было сильно и рѣшительно. Баронесса И... шейня затрепетала отъ ногъ до головы, лорнетка выпала изъ ея рукъ, и она быстро отодвинулась и закрыла лицо руками.

Улыбнувшись невольно первому движенію молодой женщины, актеръ боялся однако, что поразилъ ее слишкомъ жестоко, и поспѣшивъ тотчасъ-же, и для нея, и для себя, войти въ свою роль — онъ непосредственно за тѣмъ доказалъ свое могущество, явившись выше, чѣмъ когда-либо, въ неожиданномъ вдохновенномъ порывѣ, который у цѣлой залы вырвалъ одинъ, общій крикъ восторга. Онъ оборотился къ ложѣ баронессы; но да судять читатели о его удивленіи и сожалѣніи: ложа была пуста и молодая женщина исчезла!

— Несчастливая! подумалъ онъ въ эту минуту, въ первый разъ исковеркавъ стихъ Вольтера, не-смотря на подсказыванія суфлера: — эта женщина любила Вандома, и Лекенъ сдѣлался ея палачомъ!

Эта догадка была слишкомъ справедлива, и самолюбіе его было правѣ скромности. Цѣлый мѣсяцъ онъ не видалъ посланницы во Французской-Комедіи, и когда наконецъ позволилъ себѣ осведомиться о томъ, что съ ней сдѣлалось, ему сказали, что она уѣхала въ Германію.

IV.

Черезъ пятнадцать лѣтъ потомъ, въ первыхъ числахъ февраля 1778 года, Лекенъ, истощенный дѣятельностью, озлобленный несправедливостями товарищей, разочарованный торжествами, которыя не могли дать ему покоя, лежалъ больнон въ своей комнатѣ. Нѣскольکو недѣль уже онъ не могъ являться на театръ, къ величайшему отчаянію двора и города, и его лекарь, сидя у огня съ нѣсколькими искренними его друзьями, объявилъ ему, что еще нескоро здоровье позволить ему возвратиться на сцену, когда вдругъ вошелъ камердинеръ и подаль письмо изъ Стразбурга. Лекенъ распечаталъ его равнодушно и не могъ удержаться отъ восклицанія удивленія и радости, при чтеніи слѣдующихъ строкъ.

«Баронесса И... шейня пріѣдетъ въ Парижъ черезъ три дня. Вечеромъ 5 февраля, она будетъ въ ложѣ перваго яруса во Французской-Комедіи, и на другой день утромъ отправится въ въ Италію».

— Любезный докторъ, сказалъ Лекенъ, вставая въ ту-же минуту, какъ человекъ совершенно-выздоровѣвшій: я чрезвычайно-

радь, что могу не оправдать вашихъ печальныхъ предположеній. Мнѣ ненужны болѣе ни рецепты, ни ваши заботы, и я явлюсь на сценѣ, въ слѣдующую субботу, 5-го февраля.

— Слума что-ли вы сходите? вскричали вмѣстѣ медикъ и друзья, испуганные вовсе неожиданной экзальтаціей артиста.

— Совсе нѣтъ, отвѣчалъ онъ, съ изумительной энергіей: я напротивъ чувствую себя здоровымъ и сильнымъ, какъ вы можете видѣть.

Невозможно было доказать ему противнаго, когда все, по видимому, говорило о его возвращеніи къ жизни, — и что ни говорили докторъ, друзья и директоры, но было рѣшено, что Лекенъ явится въ слѣдующую субботу на сценѣ Французской Комедіи. Онъ хотѣлъ явиться въ Аделаидѣ Дюгекленъ, и радостная новость въ тотъ-же вечеръ распространилась по всему Парижу.

— Въ роли Вандама должна она меня вновь увидѣть, вскричалъ великій актеръ, помолодѣвши цѣлыми пятнадцатью годами, и счастливый, что снова нашелъ благородную цѣль своей дѣятельности и своей славы.

Въ назначенный день, Лекенъ и баронесса И...шейнъ увидѣли другъ-друга такъ-же и тамъ-же, гдѣ въ первый разъ, но съ болѣе живымъ удовольствіемъ, ибо, кромѣ того, что удовольствие это было равно раздѣляемо обоими, оно увеличивалось еще отъ воспоминаній. Посланица могла свободно, безъ опасности и безъ печали, смотрѣть на поэтическое лицо, которое любила она любовью воображенія, и на скромнаго артиста, въ которомъ достало благороднаго мужества разсѣять ея сновидѣнія, — и оба теперь въ глазахъ ея сливались въ одномъ человѣкѣ, въ несравненномъ актерѣ — который никогда не былъ такъ великъ, какъ въ этотъ вечеръ.

Но послѣ этого неслыханнаго триумфа, Лекенъ умеръ черезъ три дня жертвою благороднаго чувства сердца и возвышеннаго энтузіазма генія.

Баронесса И...шейнъ отложила свой отъездъ, чтобы присутствовать на похоронахъ Лекена, и проводила его въ слезахъ до могилы, которая была мѣстомъ ихъ перваго свиданія.

КОМИЧЕСКАЯ СЦЕНА ВЪ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ.

Скажите, ради Алаха, что такое во Франціи такъ-называемые «суды исправительной полиціи»? Суды-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, или мѣста для сборища зѣвакъ, передъ которыми разыгрываются разныя забавныя сцены?

Вотъ на-примѣръ сцена въ понтуазскомъ исправительномъ судѣ, комиссаръ (*громкимъ голосомъ*). — Жалоба Virginie Пиа на Атанаса де Серре.

Простительница, плотная, здоровая, рыжая женщина, съ геркулесовскими формами, приближается къ судьямъ, вмѣстѣ съ обвиненнымъ, молодымъ человѣкъ, худощавымъ, щегольски-одѣтымъ. *Виргинія (громкимъ, грубымъ голосомъ).* Вотъ онъ, разбойникъ! *(Съ негодованіемъ)* И онъ еще смѣетъ носить палевыя перчатки! Фи!

Обвиненный улыбается и наводитъ лорнетъ на зрителей, не переставая разговаривать съ молодыми людьми, щегольски-одѣтыми, стоящими за нимъ.

Президентъ *(Виргиніи).* Вы подали жалобу на оскорбленія, причиненныя вамъ г. де Сернѣ. Расскажите, въ чемъ дѣло, но коротко и ясно.

Виргинія. Ахъ, Боже мой! какъ у меня странно на сердцѣ. Голова у меня кружится.... *(Женщинамъ, столицамъ за нею).* Поддержите меня, если я упаду въ обморокъ.... Господинъ судья, я не могу разсказать вамъ дѣла, не краснѣя....

де-Сернѣ *(смѣясь).* Вы можете краснѣть, юная дѣва, законы этого не воспрепятствуютъ. Краснѣйте....

Президентъ. Тише. *(Виргиніи).* Успокойтесь и расскажите намъ....

Виргинія *(скороговоркой).* Я прачка; весь нашъ родъ занимался стиркой; три года тому назадъ, я вступила во владѣніе прачечной, послѣ покойной матери моей, которая умерла и получила прачечную въ наслѣдство отъ бабушки, которой она досталась....

Президентъ. Хорошо, хорошо; къ дѣлу.

Виргинія. Къ дѣлу? Хорошо. *Вотъ* я стою у себя за столомъ, да глажу чепчикъ и думаю себѣ о разныхъ вещахъ, когда этотъ господинъ, котораго вы называете обвиненнымъ, вошелъ ко мнѣ съ шумомъ и стукомъ. Я сначала приняла его за порядочнаго человѣка, и подала стулъ ему и пріятелю его, должговязому, у котораго была трость будто-бы съ золотымъ набалашникомъ. Знаемъ мы это золото! Изъ него кострюли дѣлаютъ!... Подавши стулъ, я и спрашиваю: Что прикажете?—Этотъ щедушный франтикъ....

Президентъ. Умѣрьте выраженія ваши.

Виргинія. Что это значитъ?

(Всѣ смѣются.)

Президентъ. Будьте вѣжливѣе; не бранитесь, однимъ словомъ. Виргинія. Да развѣ я бранюсь? Ну, ладно, я буду говорить хладнокровно.... *(Съ сердцемъ.)* Этотъ сухопарый молодчикъ навелъ стеклышко свое на моихъ молоденькихъ прачекъ, да и говоритъ: — Вы прачка? — Какъ глупо! Не правда-ли, господинъ-судья, что это очень-глупо? Развѣ онъ не могъ видѣть, что я не трубочистка? Протомъ онъ прибавилъ: — У васъ на дверяхъ прибитъ билетъ, что вы стираете въ срокъ, какъ скоро кому понадобится. Это прекрасно; я самъ люблю, чтобы у меня все шло живо.... Говоря эти слова, онъ сталъ снимать сюртукъ....

— Ого, подумала я, онъ не переомонится; но такъ-какъ было очень жарко, то я подумала, что онъ хочетъ прохладиться... на здоровье, думаю. — У меня много бѣлья, сказалъ онъ, и вы будете довольны мною, потому-что я не буду торопить васъ, но теперь пришла такая оказія, что мнѣ надо, чтобы вы сейчасъ выстирали мнѣ бѣлье... и онъ сталъ снимать жилетъ!... (*Смѣются.*) — Позвольте, позвольте, говорю я ему, что это вы дѣлаете? — И признаюсь вамъ, господинъ судья, я неволью стала краснѣть. — Не безпокойтесь, отвѣчалъ онъ, вотъ въ чемъ дѣло: такъ-какъ я люблю, чтобы у меня все шло живо, я вдругъ выѣхалъ изъ Парижа, не запасшись бѣльемъ; сегодня я приглашенъ на вечеръ, а потому мнѣ нужна чистая рубашка... Я здѣсь посижу, пока вы мнѣ ее выстираете. (*Общій смѣхъ.*) И говоря эти слова, онъ положилъ на столъ подтяжки и галстухъ, и сталъ разстегивать панталоны. Я не выдержала, бросилась на него и закричала: — Стой! — Но онъ не обращалъ на меня вниманія и продолжалъ разстегиваться, смѣясь и говоря: — Вѣдь вы стираете въ срокъ!... — Я позвала прачекъ своихъ, и мы порядочно отдѣляли его.

ДЕ-СЕРНЕ. Правда, эти дѣвицы очень-цѣломудренны; онѣ испарнали меня, какъ кошки!

ПРЕЗИДЕНТЪ. Слѣдовательно, обвиненный васъ не билъ?

ВИРГИНІЯ. Посмотрѣла-бы я! Да я избила-бы его, какъ собаку! (*Хладнокровно.*) Нѣтъ, онъ меня не билъ, но смѣялся, какъ полуумный!

ДЕ-СЕРНЕ. Прошу господина президента повѣрить, что я не намѣренъ былъ поступить неблагопріестойно: это была одна шутка, паріи, въ слѣдствіе веселаго обѣда.

ВИРГИНІЯ. Да, нечего сказать! Видно хорошъ былъ обѣдъ! Отъ него несло виномъ такъ, что у меня слюнки текли!... По этой только причинѣ я прощаю ему... Пошлите его лѣтъ на десять на галеры — и дѣло съ концомъ!

(*Смѣются.*)

Судьи, сдѣлавъ строгій выговоръ обвиненному и не находя проступокъ его важнымъ, приговариваютъ Виргинію къ уплатѣ проторей-убытковъ.

ВИРГИНІЯ. Такъ-то!... Ну, ладно! Теперь всѣ будутъ приходить ко мнѣ раздѣваться... (*Съ грознымъ жестомъ.*) Ну, ладно! Пускай приходятъ... Я проучу ихъ скалкой!

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ И ЧЕРЕПОСЛОВЪ ГАМЛЬ.

Въ Потсдамѣ, при дворѣ, былъ балъ; туда собралась вся прусская знать, но между всѣми шитыми мундирами только одинъ человекъ, просто-одѣтый, высокаго росту и съ выразительными чертами лица, обращалъ на себя вниманіе короля.

— Герцогъ, спросилъ Фридрихъ II гофмаршала: кто этотъ человекъ въ черномъ фракѣ, разговаривающій съ ученымъ канцлеромъ моимъ?

— Это знаменитый врачъ, В. В., докторъ Галль, отвѣчалъ гофмаршалъ.

— Галль? — А! знаю. Мнѣ давно уже хочется увѣриться, правда-ли то, что объ его познаніяхъ разсказываютъ. Приглашите его, отъ моего имени, завтра къ столу нашему.

На слѣдующій день Галль сидѣлъ съ королемъ и многими другими знатными особами за обѣдомъ.

— Докторъ, сказалъ Фридрихъ во-время обѣда: едѣайте одолженіе опредѣлите мнѣ наклонности всѣхъ этихъ господъ придворныхъ и генераловъ, по вашей системѣ.

Галль всталъ. Просьба короля равна приказанію, а потому докторъ немедленно сталъ ощупывать голову сосѣда своего, высокаго загорѣлаго генерала, увѣшаннаго орденами.

Чѣмъ болѣе докторъ ощупывалъ, тѣмъ виднѣе становилось замѣшательство его. Король замѣтилъ это и сказалъ:

— Говорите смѣло, докторъ; я самъ люблю правду и пріучилъ генераловъ своихъ не страшиться ее. Тѣмъ хуже для того, кто обидится словами вашими.

— Господинъ генералъ, вѣроятно, большой любитель охоты и шумныхъ удовольствій; но въ особенности ему пріятно поле битвы и непріятельская кровь. Вообще наклонности его воинственны и... извините, страсть къ кровопролитію преобладаетъ.

Король улыбнулся.

Докторъ сталъ ощупывать другаго, человека еще моладаго, съ живыми, быстрыми глазами.

— Вы, государь мой, заговорилъ Галль съ большимъ замѣшательствомъ, вѣроятно, очень любите гимнастическія упражненія; вы одарены большою ловкостію; страсть къ *приобрѣтенію* развита у васъ въ сильной степени...

— Довольно, г. докторъ, вскричалъ съ живостію король: я вполне убѣжденъ въ превосходствѣ вашей системы, и объясню то, о чемъ вы только намекнули.—И Фридрихъ три раза ударилъ по столу.

Во всѣ двери вошли стражи, и гости встали.

— Уведите ихъ! сказалъ Фридрихъ стражамъ, указывая на гостей.

Галль не приходилъ въ себя отъ изумленія.

— Г. докторъ, сказалъ король: я хотѣлъ испытать васъ. Первый, голову котораго вы ощупывали, разбойникъ, приговоренный къ смертной казни; второй — величайшій воръ, два раза уходявшій изъ тюрьмы. Словомъ, вы обѣдали съ первыми преступниками королевства моего. Общайте карманы ваши!

Галль повиновался и не находилъ ни платка, ни часовъ, ни табакерки, ни кошелька.

На слѣдующій день ему были возвращены всѣ вещи его, къ которымъ король присоединилъ драгоценную табакерку, осыпанную брилантами.

ОТКРЫТИЕ ТЕАТРА «ОДЕОНЪ» ВЪ ПАРИЖѢ.

Вотъ что пишетъ Н. И. Гречъ въ своихъ *Парижскихъ письмахъ* (Сѣв. Пчела) объ этомъ театрѣ:

Зданіе Одеона воздвигнуто въ 1779—1782 годахъ, на мѣстѣ бывшаго дворца Конде, подлѣ Люксембургскаго-дворца, принадлежавшаго Графу Прованскому (въ-послѣдствіи Людовикъ XVIII). Изъ дворца проложенъ былъ для Принца подземный ходъ въ его ложу. Театръ сей открытъ былъ въ 1782 г., подлѣ названіемъ *Французскаго-Театра*, и во-время революціи названъ *Театромъ націи*; но вдругъ всѣ его актеры и актрисы были посажены въ тюрьму, и конечно погибли-бы подлѣ гильотинною, если-бъ не былъ низвергнутъ Робеспіеръ. Французскій-Театръ, послѣ сего, основался въ залѣ Пале-Рояля, гдѣ находится и нынѣ, а въ зданіи Одеона открылся другой театръ, подлѣ управленіемъ актера и писателя Пикара. Одеонъ сгорѣлъ въ 1797 г. и возобновленъ въ 1807, подлѣ названіемъ *Театра Императрицы*. Въ 1814 названъ онъ былъ *Вторымъ Французскимъ-Театромъ*; въ 1818 г. сгорѣлъ вторично, и возобновленъ въ томъ-же году. На немъ играли и трагедіи, и комедіи, и даже оперы. На немъ выступилъ впервые Казимиръ Делавинъ. На немъ давала свои представленія итальянская труппа, когда сгорѣлъ ея собственный театръ. Многіе антреренеры пытались возобновить и упрочить Одеонъ, въ видѣ серьезной французской сцены, классической и романтической, но почти всѣ обанкрутились. За два года передъ симъ, новая дирекція усиливалась оживить его, и упала черезъ полтора года. Главною причиною неуспѣховъ Одеона есть удаленіе его отъ города, подвигающагося непрерывно къ сѣверу. Лѣвый берегъ Сены пустѣетъ и глохнетъ болѣе и болѣе. Имя Одеона равносильно въ Парижѣ безлюдной пустынѣ. При всемъ томъ, Бокажъ, актеръ умный и даровитый, рѣшился испытать, не удастся-ли ему, въ десятый разъ, вновь оживить сцену Одеона. Начальство городское возобновило, перестроило и вновь украсило залу. Открытіе послѣдовало въ субботу, 3-го числа. Толпа народная кипѣла на площади Одеона. Билеты были разобраны поутру, но жадные къ новымъ зрѣлищамъ толпились и давились у входа. И съ билетомъ трудно было пробраться. Зала расписана и убрана со вкусомъ и великолѣпнѣмъ. Странно и очень-пріятно очутиться въ Парижѣ, среди театральной залы, чистой, свѣжей, блистательной: всѣ прочія закончены до невѣроятности, если

только исключить залу Итальянской Оперы. На завѣсѣ начертано: tragédie, comédie, drame. На потолокъ имена Делавиня, Пикара и другихъ писателей, прославившихся на сценѣ Одеона. Ложи и кресла заняты были, какъ во всякое первое представленіе, литературными и историческими знаменитостями. На балковѣ сидѣлъ Жюль-Жаненъ; въ ложѣ перваго яруса помѣшалось семейство Виктора Гюго; самого его не было. Далѣе, на балковѣ, живописецъ Лакруа, поэтъ и критикъ Теофиль Готіе. Въ партерѣ волновались толпы студентовъ, обыкновенныхъ посѣтителей Одеона, собесѣдвеннаго съ училищами Медицинскимъ, Юридическимъ и Нормальнымъ. Въ верхнихъ галереяхъ бушевали *блузики*, дрожжи парижской публики. Они шумѣли, бранились, свистали и, наконецъ, скучая, что долго не поднимають завѣсы, затянули пѣню, сопровождая ее рукоплесканіями. Часовъ въ восемь заиграли увертюру: все усѣлись, все умолкло. Началось прологомъ въ стихахъ (соч. Т. Готіе). Бокажъ, дѣйствительный директоръ, представлялъ директора театра, и бесѣдовалъ о новомъ своемъ предпріятіи съ критикомъ Брюзгою (*Esprit chagrin*). Онъ упоминалъ о прежнихъ неудачахъ Одеона, и исчислялъ свои благія намѣренія и пріятныя надежды. Брюзга съ нимъ спорилъ, а онъ опровергалъ возраженія. Да гдѣ ваши актеры? спросилъ Брюзга. Вотъ они! сказалъ директоръ, и на сцену вышла толпа мужчинъ и женщинъ, въ костюмахъ разныхъ лицъ и характеровъ. Сказавъ нѣсколько словъ въ похвалу артистамъ и литераторамъ, директоръ заключилъ прологъ воззваніемъ къ публикѣ, просьбою о ласкѣ и благоволеніи. Публика приняла прологъ съ нескрѣпными рукоплесканіями; въ немъ дѣйствительно были многія удачныя мысли и картины, выраженные плавными стихами. Потомъ давали вовсе неизвѣстную нынѣшнему поколѣнію трагедію Ротру, представленную впервые ровно за двѣсти лѣтъ предъ симъ. Названіе ея: «*Истинный Святый Генистъ*» (*le Véritable Saint-Genest*), а содержаніе, заимствованное изъ древняго преданія, слѣдующее: Императоръ Діоклитіанъ выдаетъ дочь свою, Валерію, за Цесаря Максимина. Для празднованія бракосочетанія, онъ призываетъ знаменитаго актера Гениста. Артистъ является съ своею труппою; устраиваетъ театръ, и раздаетъ роли трагедіи: *Мученическая смерть Адріана*, въ которой представлены обращеніе язычника Адріана въ христіанскую вѣру, истязаніе и казнь его. Генистъ выходитъ на сцену, и увлечшись величіемъ и святостью изображаемаго имъ лица, чувствуетъ въ самомъ-себѣ дѣйствіе небесной благодати, и вмѣсто представленія воображаемаго мученика, самъ вдругъ обращается въ истинную вѣру, и становится мученикомъ. Трагедія оканчивается отведеніемъ его изъ темницы на казнь. Піеса эта достойна вниманія во многихъ отношеніяхъ. Въ ней видимъ, во-первыхъ, вліяніе театральныхъ мистерій Среднихъ-Вѣковъ, во-вторыхъ, склонность къ романтизму смѣшеніемъ важнаго съ обыкновеннымъ, трагическаго съ

комическимъ, и, наконецъ, силу и красоту стиховъ современника и друга Корнелева. Вообще, трагедія суха, холодна и не возбуждаетъ большаго интереса, но публика выслушала ее съ напряженнымъ вниманіемъ, и награждала рукоплесканіемъ каждый хорошій стихъ, каждое драматическое движеніе. Слава Ротру, соавтѣтника и друга Корнелю, возбуждала общее вниманіе и поторгала единодушныя восклицанія. Въ сотый разъ отдаю съ душевнымъ удовольствіемъ справедливость Французамъ всѣхъ сословіи въ благородномъ ихъ уваженіи къ стариннымъ представителямъ отечественной литературы. У новыхъ писателей требуютъ они многого, едва-ли не всего, и судятъ ихъ жестоко, иногда пристрастно и несправедливо; но тѣмъ предковъ возбуждаютъ въ нихъ благоговѣнное уваженіе, выражаемое, если не рукоплесканіями, то почтительнымъ безмолвіемъ. Да и какъ не хвалиться, не славиться имъ литературою, въ которой, за двѣсти лѣтъ передъ симъ, говорили языкомъ, какой и нынѣ дается немногимъ! Вотъ, на-примѣръ, три стиха изъ этой трагедіи (о юныхъ мученикахъ Христіанскихъ):

J'ai vu tendre aux enfans une gorge assurée

Et tomber sur le coup d'un trépas glorieux

Ces fruits à peine éclos déjà mûrs pour les cieux!

Роль Генриета игралъ Бокажъ съ большимъ чувствомъ и благородствомъ. Хороша была молодая артистка Напталъ. — Въ заключеніе дана была комедія: *Римскій гражданинъ* (*Un bourgeois de Rome*), хорошо обдуманная и написанная, впрочемъ скучная и неинтересная. Публика ее въ концѣ освистала; но молодой авторъ ея, Г. Фейль (Feillet), имѣетъ сильную партію между журналистами, и они, на зло очевидности и рѣшенію общаго мнѣнія, хвалятъ ее, извиняютъ недостатки молодостью автора, и обѣщаютъ ему большіе успѣхи въ послѣдствіи. — Итакъ, открытіе Одеона произошло благополучно и блистательно. Желательно, чтобъ нынѣшняя дирекція его была долговѣчнѣе и счастливѣе прежнихъ. Одна изъ заслугъ Одеона есть та, что онъ, каждымъ возрожденіемъ своимъ, возбуждаетъ изъ дремоты Театръ Французскій.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОРЪ ВРЕМЕНЪ ШЕКСПИРА.

Неутомимый комментаторъ Шекспира и его вѣка, Пайиъ Колие (Payne Collier) издалъ недавно отысканную имъ памятную книжку одного директора театра шекспировскихъ временъ, отъ 1591 до 1609 года Филиппъ Энслоуъ (Henslowe), этотъ директоръ, вѣ-

роятно, и не помышлялъ, чтобы черезъ двѣсти лѣтъ послѣ его смерти счеты его и хозяйственныя замѣтки попали въ печать и сдѣлались достояніемъ всего читающаго свѣта. Но такова сила генія! Все, что хотя малѣйше соприкасается ему, все, такъ-сказать, освящается этимъ соприкосновеніемъ, и въ глазахъ многихъ дѣлается реликвіями, гораздо драгоцѣннѣйшими самыхъ драгоцѣнностей гордой Елизаветы. Правду сказать, памятная книжка Энслова очень-мало прибавляетъ къ тому, что теперь извѣстно о шекспировомъ времени. Энсловъ былъ слишкомъ-сухъ и односторонень. Но, по-крайней-мѣрѣ, изъ нея мы видимъ, что уже и при Шекспирѣ господа директоры театровъ требовали покорности и послушанія отъ своихъ *подчиненныхъ*, и если не могли, при малѣйшимъ неповиновеніи, сажать ихъ на недѣлю въ тюрьму, безъ всякаго суда, за то подчиняли ихъ своему деспотизму посредствомъ долговъ, т. е. выдачи впередъ жалованья. Если они не воспрещали поэтамъ и композитирамъ выходить на сцену при вызовахъ публики, то все-таки съ гордостью взирали съ высоты своего величія на этихъ бѣдныхъ труженниковъ драматургій. Марловъ, Гренъ, Деккеръ и Бенъ-Джонсонъ, эти Скрибы и Баяры времени Шекспира, должны были довольствоваться такимъ гонораромъ, сумму котораго превосходила часто вдвое или втрое — какъ видно изъ памятной книжки Энслова — цѣна шолковаго или бархатнаго платья для какой-нибудь роли въ ихъ произведеніяхъ. Однако-жъ случались и у Энслова вспышки щедрости и великодушія: бывали примѣры, что послѣ перваго представленія какой-нибудь пьесы, чрезвычайно понравившейся публикѣ, онъ соблаговолялъ автору ея особую, сверхъ положенной платы, награду — *десять шиллинговъ*. — Лондонская публика того времени была страшная охотница до новостей, и требовала, чтобы, по-крайней-мѣрѣ, каждыя двѣ недѣли была поставлена новая пьеса. О положеніи тогдашнихъ драматурговъ можно заключить изъ примѣра Бенъ-Джонсона, которому Энсловъ часто давалъ деньги впередъ за пьесы, которыя вовсе еще не были и написаны. Вотъ отмѣтка по этому предмету въ памятной книжкѣ г-на директора: 2 декабря 1595 дано Веніамину Джонсону денегъ, впередъ за пьесу, которую онъ взялъ намъ написать къ Рождеству и планъ которой онъ показывалъ обществу: я говорю, дано ему впередъ чистыми деньгами... 20 шиллинговъ.

ПРОДѢЛКИ ПРИ ПРОДАЖѢ БИЛЕТОВЪ ВЪ ПАРИЖСКИХЪ ТЕАТРАХЪ.

Сколько разъ уже было говорено о незаконныхъ продѣлкахъ парижскихъ промышленниковъ театральными билетами. Вотъ новый примѣръ, доказывающій необходимость строгаго преслѣдованія этой вредной для общества промышленности. Нѣкто, быв-

шій ученикъ Политехнической-школы, находясь въ Парижѣ, вздумалъ провести вечеръ въ театрѣ Porte St-Martin. Было около 7 часовъ, когда онъ подходилъ къ этому театру. Шагахъ въ двадцати отъ театра подошелъ къ нему незнакомецъ и сталъ предлагать билеты за половину цѣны. Молодой человѣкъ, поколебавшись нѣсколько времени, взялъ билетъ въ партеръ за три франка; но когда онъ, при входѣ въ театръ, показалъ его капелъдинеру ему сказали, что билетъ не годится, потому что на немъ подскоблено и переправлено число. Вдвойнѣ взбѣшенный, во-первыхъ тѣмъ, что остыдилъ себя передъ капелъдинеромъ, а во-вторыхъ, что позволилъ обмануть себя какому-то негодяю, молодой человѣкъ вышелъ изъ театра и сталъ искать глазами своего продавца. — Того, разумѣется, и слѣдъ простылъ. Молодой человѣкъ уже хотѣлъ было уйти, какъ вдругъ подходитъ къ нему еще другой незнакомецъ и говоритъ, что онъ знаетъ, кого ему надобно, что это негодяй, какому нѣтъ подобнаго, и что честнымъ торговцамъ билетами необходимо открыть и наказать его. Если вамъ угодно будетъ, прибавилъ этотъ незнакомецъ, пойдти со мною за два шага отсюда, въ улицу Бонди, то я берусь отыскать вамъ негодяя, обманувшаго васъ. — Молодой человѣкъ согласился и пошелъ въ улицу Бонди. Тамъ проводникъ его закричалъ какія-то, вѣроятно, условныя между плутами слова, и на крикъ этотъ тотчасъ-же явился изъ сосѣдняго кабака продавецъ билетовъ, обманувшій молодого человѣка. Тотъ началъ ругать его, но плутъ и не думалъ возвратити деньги. Молодой человѣкъ, понадѣясь на свою силу, схватилъ его за воротъ, и между ними началась борьба; тогда третій, игравшій роль услужливаго, бросился между ними, какъ будто-бы для того; чтобы развести ихъ, что и удалось ему. Продавецъ билетовъ убѣжалъ; услужливый пустился будто-бы преслѣдовать его, а молодой человѣкъ, не желая болѣе связываться съ подобными людьми, воротился въ театръ и хотѣлъ было купить себѣ билетъ въ конторѣ. Но войдя въ театръ, онъ вдругъ замѣтилъ, что остался не только безъ билета, но даже и безъ кошелька.

ПЕРВЫЙ УСПѢХЪ РУБНИИ НА СЦЕНѢ.

Начиная съ восьми лѣтъ, Рубнии пѣлъ по церквамъ, а двѣнадцати онъ дебютировалъ на театрѣ. Первая роль, имъ сыгранная, была роль женщины. Впрочемъ, этотъ дебютъ не былъ началомъ его поприща, потому что голосъ его еще не сформировался, — это былъ только опытъ.

Заслуживъ довольно-благосклонный пріемъ отъ публики, Рубнии былъ ангажированъ директоромъ Бергамскаго театра въ число хористовъ, съ обязанностию играть во-время антрактовъ со-ло на скрипкѣ.

Между-тѣмъ импресаріо Бергамскаго театра, замѣтивъ въ немъ голосъ, заставилъ его пропѣть одну арію Ламберти, нарочно вставленную въ какую-то комедію. Успѣхъ былъ необыкновенный.

Къ концу вечера Рубини объявили, что администрація театра, желая отблагодарить его за услугу, которую онъ сдѣлалъ ей, не будучи обязанъ къ тому контрактомъ, положила выдать ему денежную награду.

Рубини, въ восторгѣ отъ такого неожиданнаго счастья, идетъ въ кабинетъ режиссера и получаетъ, что-бы вы думали? монету *въ пять франковъ*.

Не думайте, чтобы двѣнадцатилѣтній артистъ оскорбился такой наградой и отказался отъ нея. Ничуть не бывало: пять франковъ все-таки пріятны ему были, какъ награда, а при томъ въ то время у великаго маэстро не всегда важивались въ карманѣ и франковыя монеты.

Не безъ смѣха и не безъ удовольствія вспоминаетъ теперь-иногда Рубини объ этомъ первомъ успѣхѣ въ его молодости.

СОВРЕМЕННЫЕ КОСТЮМЫ.

(Парижскія моды)

Для шляпокъ любимый теперь цвѣтъ, сѣрый, *couleur de feutre*, но такъ-какъ онъ не очень идетъ къ лицу, а отступить отъ закона моды не возможно, то шляпки эти подбиваютъ синимъ или розовымъ цвѣтомъ.

Черныя бархатныя мантильи не въ такомъ уже употребленіи: ихъ замѣнили цвѣтными; много дѣлаютъ темно-синихъ и цвѣта жженаго хлѣба (*pain brûlé*). Фасонъ ихъ почти такой-же, какъ и лѣтнія мантильи; подкладка дѣлается изъ бѣлаго атласа.

Бархатныя манто дѣлаютъ тоже болѣе этихъ цвѣтовъ; фасоны чрезвычайно разнообразны; мы упомянемъ только о тѣхъ, которые болѣе правятся. Во-первыхъ, камаль, вѣчная камаль, но съ небольшими измѣненіями въ фасонѣ и въ отдѣлкѣ, какъ на-примѣръ: съ двумя перелинами, округленными спереди и обшитыми бархатомъ. За ней слѣдуетъ пальто изъ чернаго атласа, безъ отдѣлки, спинка сдѣлана точно такъ, какъ у мужскихъ пальто, а напередѣ застегивается пряжками изъ аграманта, или черными пуговицами; рукава очень-широкіе, воротничокъ маленькій.

Носятъ еще *pardessus*, сзади собранное въ талии и завязанное шнуркомъ или лентой, какъ въ *robe de chambre*, съ большимъ воротникомъ и широкими рукавами.

Дѣлаютъ еще *pardessus* собранное наверху, съ кашпономъ, въ формѣ пелерны; — фасонъ этотъ хорошъ для разъѣздовъ изъ театра и бала, ибо очень защищаетъ отъ холода.

Легкія шелковыя платья убираютъ широкими воланами, но для толстыхъ матерій это не идетъ; ихъ отдѣлываютъ бархатомъ, аграмантомъ и бие, положенными напередѣ въ видѣ фартука, къ верху уже, и шире къ низу. Много дѣлаютъ наколокъ на голову изъ розоваго и голубаго крепа, что чрезвычайно-нѣжно и изящно. Бархатныя черныя наколки тоже въ большомъ употребленіи.

Фасонъ рукавовъ остается прежній, полуширокій у кисти, съ бѣлыми внизу рукавами; много видно и совершенно узкихъ, застегнутыхъ пуговицами, или сдѣланныхъ такъ, чтобъ только проходили руки и былъ немного видѣнъ неизбѣжный бѣлый рукавъ.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Недавно на Брюссельскомъ-театрѣ давали оперу Postillon de Lonjumeau, и въ ту минуту, когда актеръ Лемеръ, играющій съ нѣкотораго времени маркиза де-Курси, появился на сцену, въ партерѣ раздались свистки и слышались голоса, кричавшіе: «По-крайней мѣрѣ, чтобы это было въ послѣдній разъ». Лемеръ, ни мало не сконфузившись, снялъ шляпу, и свободно отвѣчалъ: «Очень-радъ».

Потомъ, въ продолженіе сцены, когда маркизъ де-Курси, завѣдывающій забавами Людовика XV, объявляетъ, что онъ пріѣхалъ въ провинцію, отыскивать хорошихъ голосовъ, Лемеръ прибавилъ отъ себя слѣдующія слова: Отыскивать хорошіе голоса.... прекрасно! Король жестоко ошибается, если думаетъ, что ихъ легко найти».

Обезоруженная публика принялась громко аплодировать.

— Самый древнѣйшій театральнй лорнетъ, безспорно, лорнетъ Императора Нерона, который, вѣроятно, для сохраненія своего зрѣнія, имѣлъ привычку смотрѣть на сцену сквозь большой смарагдъ, оправленный въ золотѣ.

— Летъ пятьдесятъ тому назадъ, деревенскіе жители въ Германіи, при проѣздѣ чрезъ ихъ деревню какой-нибудь [такъ-называемой въ то время «шайки комедіантовъ», обыкновенно спѣшили убирать развѣшенное по плетвямъ и заборамъ бѣлье, опасаясь, чтобы оно не сдѣлалось добычею этой шайки. Что иногда и въ наше время не бесполезны подобныя предосторожности, доказываетъ слѣдующее объявленіе, сдѣланное однимъ изъ нѣмецкихъ судовъ въ Лейпцигской газетѣ, отъ 19-го пр. ноября, № 160: 10-го ч. нынѣшняго мѣсяца, семейство актеровъ, по слухамъ, уроженцовъ Шварцбургскихъ, состоящее изъ двухъ мужчинъ, двухъ женщинъ и двохъ дѣтей, ѣхавшее на повозкѣ, запряженной маленькою вороною лошадыю, пристава-

ло на постояломъ дворѣ въ Котицѣ, и, сколько извѣстно, отправилось оттуда по дорогѣ черезъ Мейненъ къ Нолену. Старшую изъ женщинъ, примѣты которой, сколько возможно описаны здѣсь ниже, обвиняютъ въ плутовствѣ, учиненномъ въ Котицѣ, и потому покорнѣе просятъ всѣ мѣста и начальства, въ случаѣ появленія въ ихъ предѣлахъ этой женщины, задержать ее и переслать подъ стражею сюда.—Примѣты означенной женщины: лѣтъ за сорокъ, росту средняго, худощава, волосы черные, глаза черные, зубы чрезвычайно-бѣлые и всѣ сохранившіеся, цвѣтъ лица довольно-бѣлый, тогда, какъ всѣ прочіе члены этого семейства совершенно смуглые!!

— Не такъ давно въ Севилѣ вздумала показать свое искусство и смѣлость какая-то воздухоплавательница, и благодаря невѣжеству народа, заплатилась было за это довольно-дорого; а именно, когда шаръ началъ спускаться, со всѣхъ сторонъ сбѣжалось множество крестьянъ и начали стрѣлять по шару [изъ ружей. По-счастью, ни одна пуля не задѣла смѣлую воздухоплавательницу; но когда она спустилась на землю, крестьяне напали на нее варварски, ограбили и оставили въ самомъ беспомощномъ состояніи посреди поля.

— Хоръ австрійскихъ полковыхъ музыкантовъ игралъ недавно арію маэстро Верди. Нѣкоторые изъ слушателей попросили капельмейстера сыграть имъ что-нибудь Россійское. — Россійское? отвѣчалъ капельмейстеръ: Да Россіи давно уже обратили на патроны.— Въ-самомъ-дѣлѣ въ Австріи, какъ скоро какая-нибудь опера выйдетъ изъ моды, партіи ея обращаютъ на патроны. Такимъ-то образомъ вся военная музыка, извлеченная изъ оперъ Россіи, была разстрѣяна на маневрахъ, происходившихъ при Миланѣ.

— Принцъ Валлійскій, отецъ Генриха III, благосклонный покровитель поэтовъ и артистовъ, чрезвычайно благоволившій къ Ганделю, сыгралъ съ нимъ однажды забавную шутку, жестоко разсердившую горячаго композитора. Извѣстно, что Гандель терпѣть не могъ настроиванья инструментовъ, и когда онъ дирижировалъ придворнымъ оркестромъ, то всѣ инструменты обыкновенно настроивались уже до его прихода. Однажды назначено было исполненіе новой ораторіи. Все было готово, но куда дожидаясь появленія принца, посланный имъ нарочно одинъ изъ его камергеровъ потихоньку разстроилъ всѣ инструменты въ оркестрѣ. Вслѣдъ за тѣмъ явился и принцъ въ залу. Гандель садится къ органу и даетъ знакъ начинать. Раздается ужасная дисгармонія. Гандель вѣ себя вскакиваетъ съ мѣста, опрокидываетъ контрбасъ, схватываетъ литавру и пускаетъ въ ея голову ближняго скрипача; при этомъ собственный парикъ его, отъ потрясенія, летитъ у него съ головы; разумѣется, всѣ присутствующіе начинаютъ хохотать, это еще болѣе взбѣсило Ганделя, и онъ тогда только успокоился, когда принцъ сознался, что одинъ онъ виновникъ этой неприличной шутки.

— Одна Вѣнская газета рассказываетъ, что раннюю и неожиданную смерть Моцарта народъ объяснялъ тѣмъ, что у него растопился мозгъ отъ слишкомъ многого ученія.

— Въ Карлсруэ находится теперь шестилѣтняя дѣвочка, Марія Липпъ, изъ Мюнхена, которая танцуетъ качучу и краковякъ почище Эльслеръ и Тальйони. Хотя общества противъ жестокаго обращенія съ животными, при своемъ человеколюбивомъ направленіи, и возстаютъ противъ обученія дѣтей балетному искусству, но нельзя-же оспаривать той истины, что кто хочетъ быть хорошимъ актеромъ, тотъ непремѣнно долженъ начать ученіе въ юности, когда всѣ члены еще такъ гибки. Притомъ это ученіе, преподаваемое благонамѣреннымъ учителемъ, а не какимъ-нибудь варваромъ, и подъ надзоромъ отца или матери малютки, нисколько не повредитъ здоровью, а напротивъ, какъ и всякое другое гимнастическое упражненіе, еще больше разовьетъ его.

— Въ 1724-мъ году въ Прагѣ исполнена была подъ открытымъ небомъ, одна опера, но исполнена такъ, что подобному исполненію до-сихъ-поръ еще не было другаго примѣра въ цѣломъ свѣтѣ. Пѣвцовъ и инструментовъ было гораздо-болѣе тысячи. Четыре капельмейстера, стоявшіе на возвышеніяхъ, управляли этою музыкальною громадою. Въ числѣ инструментовъ было болѣе пятидесяти флигелей. Артисты собраны были со всѣхъ концовъ Европы. Эта гигантская идея пришла въ голову Императору Карлу VI, и была дѣйствительно приведена имъ въ исполненіе; за то исполненіе это стоило ему ни больше, ни меньше, какъ 300,000 гульденовъ.

— Отличная красавица, пѣвица Дематень (Desmatins), была такъ глупа, что глупость обратилась даже въ пословицу. Однажды извѣстная актриса Рошуа давала Дематень урокъ въ декламацин и учила ее читать роль Медеи. — Вообразите себя въ положеніи несчастной любовницы, говорила она: что-бы вы сдѣлали, когда-бы мужчина, котораго вы страстно любите, измѣнилъ вамъ? — *Ma foi*—я-бы нашла себѣ другаго любовника!—отвѣчала Дематень.

— Французская актриса Софія Арну сказала однажды: Сердце кокетки похоже на альбомъ; каждый ея обожатель получаетъ листокъ изъ этого альбома, а мужу кокетки достается иногда одинъ пустой переплетъ.

— Извѣстный французскій писатель Фридерикъ Сулье, проѣзжая черезъ Гентъ, остановился въ почтовой гостинницѣ (Hôtel de la Poste). Хозяинъ гостинницы поднесъ ему свой альбомъ, и просилъ его написать что-нибудь въ знакъ памяти. Сулье, пользуясь этимъ случаемъ, написалъ слѣдующую эниграмму на извѣстную бельгійскую контрфакцію французскихъ изданій: «Ceci n'est point la contrefaçon de l'écriture de Frédéric Soulié».

— Одинъ французскій турнестъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Всѣхъ Нѣм-

цовъ въ Германіи зовутъ не иначе, какъ Миллеръ, Шульцъ, Мейеръ или Шмидтъ!!

— Въ Китаѣ, при свадьбахъ, женихъ и невѣста мѣняются не кольцами, какъ у насъ, но чайными чашками. Жертвенникъ, предъ коимъ Бонза вѣнчаетъ молодую чету, украшается всевозможныхъ видовъ драконами. (Худое предназначеніе для будущаго супружескаго счастья!)

— Манія торговли акціями до такой степени овладѣла всѣми классами парижскаго народонаселенія, что даже самые артисты тамошнихъ театровъ только и думаютъ, что объ акціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Вотъ что случилось недавно съ однимъ довольно-извѣстнымъ артистомъ. Играя роль Дона Діега въ Сидѣ, онъ былъ чрезвычайно-разбѣянъ, думая вовсе не о роли, а о повышеніи и пониженіи акцій; память его во многихъ мѣстахъ измѣняла ему, что бываетъ довольно-рѣдко у французскихъ актеровъ, и наконецъ, въ концѣ перваго акта, онъ, вмѣсто словъ Rodrigue, as tu du coeur? очень-патетически произнесъ: Rodrigue, as tu du Nord! т. е. Родриго, есть-ли у тебя акція на сѣверную желѣзную дорогу!

— Въ парижскомъ Циркѣ обращаетъ теперь на себя вниманіе публики наѣзница алегическихъ формъ, съ черными, какъ смоль, волосами, смуглая лицомъ и съ пламенными глазами, но въ особенности замѣчательная по своему мрачному выраженію лица. Никто еще не видалъ ни разу улыбки на губахъ ея, никогда еще не взглянула она благосклоннымъ взоромъ на публику. Много было толковъ объ этой таинственной наѣзницѣ, и вотъ что наконецъ, рассказалъ объ ней журналъ «Сильфида»: «Годъ или больше назадъ тому, пріѣхалъ въ Берлинъ кокой-то иностранецъ, съ женою рѣдкой красоты и атлетическаго тѣлосложенія. Женщина эта обратила на себя большое вниманіе; одни находили ее достойною обожанія, другіе страшною и отталкивающею отъ себя своею исполинскою фигурою. Одинъ изъ обожателей имѣлъ успѣхъ у прекрасной иностранки и, — невѣрный! скоро покинулъ ее для какой-то волтижерки. Что такое особеннаго въ этой соперницѣ моеи? спрашивала себя горячая мшеніемъ чужестранка. Она танцуетъ на лошади, но вѣдь и я могу выучиться тому-же Съ той-же минуты она посвятила себя изученію этого искусства, и не болѣе, какъ черезъ два мѣсяца публично явилась волтижеркой, въ берлинскомъ Циркѣ. Публика приняла ее какъ нельзя лучше; но человѣкъ, изъ-за котораго она сдѣлалась волтижеркою, остался холоденъ и равнодушенъ, и по окончаніи представленія, новая артистка увидѣла его уходящимъ, рука-объ-руку съ соперницею ея. Тогда она не могла уже болѣе владѣть собою, подскочила къ соперницѣ и вонзила ей въ сердце кинжалъ. Преступница успѣла скрыться, и долго не знали, что съ нею сдѣлалось, покаместъ, наконецъ она не явилась теперь въ парижскомъ Циркѣ, и не возбудила, какъ ска-

зано выше, общаго вниманія своею страшною мрачностію въ чертахъ лица».

— Символическое значеніе туфля, какъ знака владычества, восходитъ до глубокой древности и замѣчается у многихъ народовъ земнаго шара. У Индѣйцевъ присылка сандалій означаетъ изъявленіе покорности. У Израильтянъ, вдова снимала башмакъ съ брата покойнаго мужа своего, если этотъ братъ отказывался жениться на ней, что постановлено ихъ закономъ, и тогда онъ освобождалось отъ этой обязанности. Греческія женщины хорошо уже знали силу и могущество туфля, и у Аристофана одна женщина грозитъ имъ своему любезному муженьку. Даже самый арабскій бедуинъ разошедшись съ женою, говоритъ: Я сбросилъ мой туфель. Мавръ, увидя передъ дверьми своего дома женскія туфли, ни за что не войдетъ туда. Турки, входя въ комнату, всегда скидаютъ туфли у дверей. Носить желтыя туфли имѣютъ право только тѣ мусульмане, къ которымъ особенно благоволятъ правительство. Туфли Персіянокъ, которыя онѣ надѣваютъ въ торжественныхъ случаяхъ (папуши), дѣлаются съ длинными загнутыми назадъ носками, чѣмъ уже этотъ носокъ, тѣмъ туфли считаются моднѣе и краснѣе. На островѣ Цейлонѣ только богачи и аристократы носятъ туфли, простой народъ ходитъ босикомъ. Въ 1420 году, въ Гамбургѣ, было запрещено женщинамъ и дѣвцамъ носить туфли, обшитыя шнурками и бахрамою. Въ 1496 году, туфли были въ большой модѣ въ Аугсбургѣ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ.

НОВАЯ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

1.) *Marie-Janne ou la femme du peuple* (*Марі-Жаннъ*, или *простая женщина*), драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. (Porte Saint-Martin).

Драма эта имѣла успѣхъ огромный, какаго давно не запомнятъ на парижскихъ театрахъ, и успѣхомъ этимъ обязана она превосходной игрѣ г-жи Дорваль, актрисы съ рѣдкимъ дарованіемъ. Содержаніе драмы слѣдующее:

Въ одинъ день происходятъ двѣ свадьбы—бѣдной швеи Маріи съ плотникомъ Бертраномъ — по склонности, и знатной барышни съ графомъ де-Бюсьеромъ, по расчету. Тяжкими трудами своими, Марія скопила себѣ небольшое состояніе, тысячи въ полторы франковъ, и принесла его въ приданое своему мужу. Бертранъ любитъ Марію, но у него есть одинъ важный недостатокъ—онъ любитъ повеселиться, попить, прогулять поедѣльнички,

и хотя обѣщала Маріи исправиться, но исправленіе это оканчивается тѣмъ, что приданого Маріи черезъ годъ какъ не бывало. Тяжкое время настало для нея! Она работаетъ день и ночь, а мужъ съ-гора не выходитъ изъ кабака. Долги растутъ, никто ей больше не вѣритъ, хозяинъ гонитъ съ квартиры — ужасъ да и только! Къ довершенію всего, она должна отдать сына въ чужія руки: сама кормить не можетъ, — у ней, отъ трудовъ и горя, высохло молоко. Она сберегла на этотъ случай послѣднія тридцать франковъ, которыя не истратитъ ни за что въ свѣтъ.... Но Бертранъ пронюхалъ объ этихъ деньгахъ, укралъ ихъ — и снесъ въ кабакъ!... Доведенная до послѣдней крайности, она рѣшается отнести сына въ воспитательный домъ. Ребенка принимаютъ, и въ то время, когда передъ ней захлопнулась форточка, въ которую его приняли, она, съ пронзительнымъ воплемъ, безъ чувствъ падаетъ на землю. Ея крикъ, ея паденіе разбудили какого-то человѣка, уснувшего въ этомъ мѣстѣ на скамьѣ. Человѣкъ этотъ — Бертранъ. Онъ узнаетъ свою жену, узнаетъ, что она сдѣлала, раскаивается и бросаясь на колѣни, проситъ о прощеніи, но Марія съ негодованіемъ отталкиваетъ его отъ себя. — Прочь, отъ меня! говоритъ она: не хочу знать, не хочу видѣть тебя, до-тѣхъ-поръ, пока ты не возвратишь мнѣ сына.

Такова была участь Маріи, черезъ годъ послѣ свадьбы ея. Какъ же прожила это время графиня де-Бюсеръ? Она похоронила мужа, котораго никогда не любила, но сохранила любезнаго сына, который былъ близокъ къ смерти. Спасителемъ его былъ Анніани, докторъ Болонскаго факультета. Въ награду за спасеніе ребенка онъ просилъ руки молодой вдовы, и она не могла отказать своему благодѣтелю. Анніани привезъ выздоровѣвшаго ребенка въ Парижъ отъ его кормилицы. Графиня, готовясь къ свадьбѣ, имѣетъ нужду въ швеѣ. Является Марія. Онъ узнаютъ другъ-друга, и вспоминаютъ, что вѣнчались въ одинъ день и въ одной церкви. Графиня принимаетъ въ ней участіе и даетъ ей денегъ на выкупъ и содержаніе ребенка. Марія бѣжитъ въ воспитательный домъ, но вскорѣ съ ужасомъ возвращается домой и объявляетъ, что ея сына украли. Въ тотъ самый день, какъ она отдала его въ воспитательный домъ, явился неизвѣстный человѣкъ, и взялъ его, объявивъ, что это его сынъ. Графиня утѣшаетъ Марію, говоря, что она найдетъ сына, что Богъ не оставитъ матери.... «Онъ и мнѣ возвратилъ сына, котораго я считала погибшимъ.» — Она показываетъ Маріи колыбель своего сына, — Марія подходитъ и вскрикиваетъ: — Это онъ, это Шарль,

это мой сынъ! — Всѣ поражены неожиданнымъ порывомъ Маріи. Докторъ Анпіани объявляетъ ее безумною, и ее ведутъ въ домъ сумасшедшихъ.

Несчастная томится въ больницѣ, не можетъ увѣрить врача, что она въ полномъ разумѣ, и наконецъ сомнѣвается сама, не лишилась-ли она въ-самомъ-дѣлѣ разсудка. Вдругъ является къ ней мужъ: онъ узналъ, что сынъ графини умеръ у кормилицы, на рукахъ Анпіани и приноситъ свидѣтельство о его смерти. Съ этою бумагою Марія бѣжитъ къ Графинѣ и открываетъ ей истину. Выходитъ, что Анпіани — бѣглый преступникъ, и врачомъ никогда не былъ; онъ уморилъ сына графини, и чтобъ снискать ея благосклонность, подкинулъ ей чужаго рубенка. Тѣмъ драма обанчивается.

Въ пьесѣ много сценъ прекрасныхъ, схваченныхъ съ природы. Характеръ Маріи изображенъ поразительно.

2) НОЕМІЕ (Ноемі), водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Ден-нери и Клеманъ. (Théâtre du Gymnase).

Ноемі — дочь одной бѣдной женщины и богатаго барина, лишается матери своей, и въ наслѣдство получаетъ отъ нея письмо къ одному графу д' Авриньи, котораго она не знаетъ какъ отыскать: мать, умирая, не успѣла даже передать ей адресъ графа.

Графъ женатъ на молодой, хорошенькой женщинѣ; у графа есть также племянникъ, повѣса Жюль, за котораго графъ платитъ долги. Ноемі, съ помощію своей пріятельницы, находитъ наконецъ домъ графа и попадаетъ въ горничныя къ графинѣ. Ноемі поспѣшила прежде всего подать письмо, но, къ-несчастью, оно попало не къ графу, а къ его племяннику: такія ошибки случаются въ водевиляхъ. Молодой повѣса, прочитавъ письмо, тотчасъ смекнулъ, что съ водвореніемъ въ домъ графа его побочной дочери должны уменьшиться его доходы, а потому онъ скрылъ письмо отъ старика дяди, и рѣшился употребить всѣ средства, въ особенности надѣясь на ревность молодой своей тетушки, чтобы удалить хорошенькую горничную изъ дому дядюшки, которому, мимоходомъ сказать, Ноемі очень нравится. Но тутъ опять случился водевильный казусъ: Жюль проситъ дядюшку заплатить за него долги, и вмѣсто счетовъ, подаетъ ему ошибкой письмо Ноемі. Графъ узнаетъ тайну, въ-слѣдствіе чего очень-много машетъ руками, говоритъ, кричитъ и, наконецъ, обвиняя Ноемі, признаетъ ее своею дочерью.

Піеса имѣла успѣхъ, которымъ обязана болѣе игрѣ актеровъ, нежели своему содержанію.

3) *Bains à domicile*, (Домовыя ванны), водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи, соч. *Поль-де Кока*. (Théâtre du Palais Royal).

Нѣкто г. Локаль имѣетъ въ Парижѣ домъ, а въ домѣ жильцовъ. Въ первомъ этажѣ живетъ г-жа Сень-Софи, и смываетъ вдовою какого-то генерала, убитаго гдѣ-то на полѣ сраженія. Въ среднемъ этажѣ живетъ самъ г. Локаль, а на поднебесьѣ, согрѣваемая солнцемъ и любовію, живетъ мамзель Нинишъ, гризетка.

Г. Локаль, человѣкъ съ фальшивымъ тупеемъ и подвизающимися икрами, имѣетъ у себя, для отгѣнка своей красоты, лакея, по имени Бурина, довольно-отвратительной наружности. Локаль, придравшись къ Нинишъ за печетоту, происходящую отъ ваннъ, которыя беретъ она каждый день, а въ душѣ, храня мщеніе за неудачное волокитство, гонить ее съ квартиры. Никакія просьбы не могутъ смягчить его жестокаго права.

Мадамъ Сень-Софи, преслѣдуемая въ продолженіе уже нѣсколькихъ дней хозяиномъ, назначаетъ ему обѣдъ въ кафе-ресторанѣ. Мстительная гризетка присылаетъ Локалю двѣ ванны. Хозяинъ и лакей, принимая это посланіе за вниманіе г-жи Сень-Соофи, раздѣваются и садятся въ ванны. Въ это время вбѣгаетъ Нинишъ и уноситъ платье у барина и лакея. Локаль въ отчаяніи; онъ ждетъ съ минуты на минуту мадамъ Сень-Софи, а гризетка не отдастъ платья иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ Локаль далъ ей письменное позволеніе жить въ его домѣ, потому-что изъ ея квартиры каждую минуту видно ея кузена, который живетъ напротивъ. Мадамъ Сень-Софи входитъ, и Локаль подписываетъ условіе, что бы только облачиться приличнымъ образомъ предъ своей возлюбленной. Нинишъ узнаетъ въ мадамъ Сень-Софи свою старую знакомую, которая также похожа на вдову генерала, какъ ворона на поугая. Обманъ открытъ, и всѣ хохочутъ.

Все это ужасно глупо, а смѣшно.

4). *L'île de Robinson* (островъ Робинзона), фарсъ, въ одномъ дѣйствіи, соч. *Дюжера* и *Лозаня*. (Th. de Vaudeville).

Уморительный фарсъ, написанный для Арналя, а потому и названный *Arnalade*. Во-время путешествія по морю, изволите видѣть, Арналь и его товарищъ Жироденъ были заброшены на Маркизскіе-острова. Жироденъ первый попалъ на берегъ, и потому присвоилъ себѣ власть надъ островомъ, и назвался королемъ Робинзономъ II-мъ; Арналь назвалъ себя *Пятницею* и во всемъ покорялся Жиродену, признавая себя его *народомъ*. Сначала все шло хорошо, но потомъ у Пятницы явилось семь пятницъ на недѣ-

лѣ: — онъ вышелъ изъ повиновенія у Робинзона, и Богъ знаетъ, чѣмъ-бы кончилось несогласіе ихъ, если-бы нечаянно замѣченные ими на пескѣ слѣды не возбудили ужаса въ нихъ обоихъ. «Это Карабь!» вскричали они оба, и пустились укрываться въ свои хижинны. Но каково было ихъ удивленіе, когда, вмѣсто Карабь, они увидѣли своихъ оотечественницъ, гризетокъ изъ улицы Vivienne, переселенныхъ сюда, вѣроятно, ради хорошаго климата. Арналь тотчасъ влюбляется въ одну изъ нихъ и хочетъ жениться, но кто-же будетъ меромъ, кто засвидѣтельствуетъ бракъ ихъ? — Ба, да король, Робинзонъ II, который и самъ въ свою очередь влюбился въ одну изъ гризетокъ и хочетъ жениться, забывъ, что онъ жевать и что жена его въ Парижѣ. Вообразите-же, какой вдругъ уларъ для него, когда, въ минуту самаго страстнаго любовнаго призванія, является къ нему мадамъ Жироденъ! Нѣтъ сомнѣнія, что эта милая шутка будетъ имѣть огромный успѣхъ и на нашей французской сценѣ.

5) LES MOUSQUETAIRES, (Мушкетеры), драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Гг. Александра Дюма и Огюста Макэ. (Ambigu-Comique).

Кто не читалъ «Трехъ Мушкетеровъ», или правильнѣе сказать, кто не читаетъ этотъ романъ А. Дюма, выходящій нынѣ на русскомъ языкѣ въ прекрасномъ переводѣ В. М. Строева? А кто читаетъ романъ этотъ, тотъ знаетъ и содержаніе драмы; для нечитавшихъ рассказывать содержаніе ея было-бы долго и утомительно, ибо это одна изъ самыхъ большихъ и самыхъ продолжительныхъ драмъ на французскомъ языкѣ. Не смотря однакожъ на это, Мушкетеры отъ начала до конца привязываютъ къ себѣ вниманіе зрителя, и не позволяютъ разсѣяться ни на минуту, въ теченіе битыхъ четырехъ часовъ спектакля.

Думаемъ, что эта драма можетъ быть играна и на нашей, крайней-мѣрѣ, французской сценѣ.

6) On demande des professeurs (Нужны учителя), водевилъ въ одномъ дѣйствіи соч. гг. Лакруа и Жема. (Théâtre des Variétés).

Фарсъ, довольно-забавный, хоть содержаніе его вовсе не ново.

Г-жа Дешанъ, содержательница *благороднаго пансіона*, вызываетъ черезъ газеты учителей. Два офицера, влюбленные въ двухъ ея воспитанницъ, являются къ ней съ предложеніемъ услугъ. Г-жа Дешанъ, ничего не подозревая, принимаетъ ихъ и очень довольна молодыми учителями, которые готовы на всякую цѣну, неторгуясь.

На слѣдующій день начинаются уроки, но вдругъ — о ужасъ! Мадамъ сажаетъ новыхъ учителей своихъ — куда-бы вы дума-

ли? — въ маленькій классъ! Но они не отчаяваются, и успѣвають уладить дѣла такъ, что могутъ видѣться и говорить съ своими возлюбленными.

Можете представить себѣ, какой скандалъ произошелъ въ школѣ, когда продѣлка молодыхъ людей открылась! Г-жа Дешанъ показалась, что слишкомъ польстилась на дешовую цѣну, но поздно!....

Для сохраненія приличій, разумѣется, она при этомъ случаѣ падаетъ въ обморокъ, и потомъ, даетъ знать о случившемся отцу двухъ осрамленныхъ дѣвухекъ.

Является отецъ, настоящій отецъ, какого требуетъ водевиль, т. е. отставной полковникъ, съ сѣдыми усами и бакенбардами; онъ благословляетъ обѣихъ дочерей своихъ на замужество съ учителями, которые послѣ свадьбы немедленно должны отправиться къ ихъ настоящей должности, т. е. въ полкъ, а мадамъ Дешанъ, убѣдясь, что очки, которыя она непрерывно носить на носу, не только не помогаютъ ей видѣть далѣе своего носа, но даже и того, что дѣлается подъ носомъ, продаетъ свое заведеніе одному толстому барону, занимающемуся тѣмъ-же ремесломъ и покупающему пансіонъ для уничтоженія конкуренціи.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Геній бенефисовъ и бенефисъ г. Самойлова. — *Магика и падурица*. — *Любимька*. — *Станиславъ*. — Московскій г. Григорьевъ 1-й, и его произведенія. — Настоящій г. Григорьевъ и его водевили. — *Смѣхъ и горе на домашнемъ театрѣ* и *Мужъ достань мнѣ собаку*. — *Букеты*. — *Мельники*. — Дебютъ г-жн Колосовой въ *Еленя*, и г. Славина въ *Парашя Сибирякъ*. — Г. Александровъ и *Смерть и гость*. — Г-жа Гринева. — Г. Каратыгинъ 2-й, и его бенефисъ. — *Вицъ-мундиръ*. — *Нѣгеево дѣлать*. — *Женскій эгоизмъ*. — Приѣздъ великаго трагика.

22-го октября. Бенефисъ г. Самойлова. — Когда Олимпъ древнихъ, отъ обоготворенія различныхъ добродѣтелей, и даже обыкновенныхъ случаевъ въ жизни, размножился до того, что Луканъ сравнилъ его съ гниющимъ трупомъ, въ которомъ кишатъ безчисленныя породы насѣкомыхъ, — всякое доброе и злое дѣло Римляне стали подчинять власти какого-то незримаго духа, и каждый поступокъ оправдывали его благодѣтельнымъ или злоторнымъ вліяніемъ. У каждой мысли римскаго гражданина, приводившейся въ исполненіе, у cadaго начинанія, былъ свой геній, помогавшій, или противившійся этому начинанію. Нашъ вѣкъ, непризнающій, какъ извѣстно, никакихъ геніевъ, могъ-бы, какъ кажется, сдѣлать одно маленькое исключеніе, и признать существованіе *генія бенефисовъ*, (nota bene: не бенефисовъ генія). Вѣдь составляетъ-же по какой-нибудь причинѣ, одинъ актеръ хорошіе, а другой плохіе бенефисы? Вѣдь собираетъ-же иногда полный театръ самая пустая и незаманчивая афиша, и даются при пустой залѣ пьесы, сочиненныя и окрещенныя по всѣмъ правиламъ *битья по карманамъ*? Есть-же во во всемъ этомъ какая

побудь судьба, *fatum*, *ανάγκη*. Вотъ на-примѣръ, бенефисы г. Самойлова, съ-тѣхъ поръ, какъ мы помнимъ ихъ, всегда составлялись съ одинакимъ стараніемъ и успѣхомъ, всегда подчивали публику такими пѣсами, о которыхъ она не могла долго забыть. Въ прошломъ году *Евгеній*, въ нынѣшнемъ *Мачиха и падчерица!* Типы бездарности и безвкусія! *Мачиху и падчерицу* было намъ даже еще досаднѣ видѣть, чѣмъ *Евгенія*. Тотъ былъ, по-крайней-мѣрѣ, простымъ, явнымъ вздоромъ, невозбуждающимъ въ душѣ никакого чувства, кромѣ смѣха. Но простая нелѣпость, по нашему мнѣнію, гораздо-хуже, чѣмъ пѣса, изъ которой могла-бы выдти хорошая вещь, но которую убиваетъ и портитъ бездарность, оставляя на всемъ, къ чему она ни прикоснется, слѣды своей неуклюжей природы. Сюжетъ драмы *Мачиха и падчерица* взять изъ повѣсти *Любинька*, напечатанной нѣкогда въ «Отечественныхъ Запискахъ». Повѣсть эта была однимъ изъ лучшихъ произведеній покойной г-жи Ганъ, которую журналы наши превознесли уже слишкомъ-высоко, вѣроятно, изъ уваженія къ прекрасному полу. Въ *Любинькѣ*, г-жа Ганъ коснулась одной тяжелой струны русскаго быта, отношенія мачихи къ падчерицѣ; глубоко-грустную картину представила она въ своей повѣсти, картину тайной ненависти и преслѣдованій хитрой и порочной женщины, отнимающей у беззащитнаго существа его состояніе, радости, спокойствіе, и скрывающей въ то же время свою злобу подъ личиною материнской привязанности. Но и въ повѣсти картина эта написана водяными красками, разжижена сладенькими чувствами и нелѣпыми сантиментальностями. На сценѣ-же все это происшествіе, въ которомъ рѣшительно нѣтъ ничего сценическаго, гдѣ вся драма должна происходить внутри, въ сердцѣ, въ бореніи чувствъ и наклонностей, вышло дико, неестественно, неинтересно. Незвѣстный составитель этой пѣсы не имѣетъ никакого понятія о сценическихъ условіяхъ. Лица у него приходятъ и уходятъ безъ всякаго повода, не соблюдая ни тѣни правдоподобія. Въ продолженіе всего перваго акта на сценѣ лежатъ умирающій старикъ, который въ концѣ дѣйствія, (наконецъ!) дѣйствительно умираетъ. И что-же? эта сцена смерти, подъ рукою неискуснаго драмо-крошателя, сдѣлалась до того смѣшна, отъ некстати-введеннаго прощанія лакеевъ, что, не-смотря на торжественность такой минуты, почти вся публика хохотала отъ души. Въ цѣлой пѣсѣ есть только одна человѣчески-правдоподобная роль *Любиньки* — и она была очень-мило сыграна г-жою *В. Самойловой*. Самъ бенефициантъ взялъ на себя траги-

ческую роль героя драмы, *Валеріана*, и былъ въ ней особенно дурень. Играя круглый годъ комическія амбуа, онъ въ бенефисы свои доставляетъ публикѣ удовольствіе видѣть себя въ трагическихъ роляхъ. Хорошенькаго по немпожку. Слава Богу однако, что актеры имѣютъ только по одному бенефису въ годъ! — На афишѣ, вѣроятно, для эффекта, было выставлено также, что драма эта въ трехъ дѣйствіяхъ съ *эпилогомъ*. Понимая всегда подъ *эпилогомъ* часть драмы, не прямо относящуюся къ главному происшествію, и находящуюся съ нимъ въ явной связи мы рѣшительно не видимъ причины, почему автору вздумалось назвать четвертое дѣйствіе *эпилогомъ*. Третьимъ дѣйствіемъ пьеса никакъ не можетъ оканчиваться, и четвертое въ ней не только не *эпилогъ*, но необходимѣйшая часть драмы. Конечно, авторъ имѣлъ полное право величать его хоть *прологомъ*. Для большаго эффекта, мы-бы совѣтывали назвать и третіе дѣйствіе *эпилогомъ* — и написать, не церемонясь: драма въ двухъ дѣйствіяхъ съ *двумя эпилогами*; это было-бы и оригинальнѣе, и заманчивѣе. и пьеса отъ этого ничего не потеряла. Для такихъ авторовъ законъ не писанъ! —

За драмою шелъ водевилъ *Станиславъ*, игравшій лѣтъ десять тому назадъ, и скончавшійся во цвѣтѣ лѣтъ. Въдъ есть-же люди, которые до того неуважительны къ покойникамъ, что вытаскиваютъ ихъ снова на бѣлый свѣтъ, себѣ въ отягощеніе, людямъ въ утомленіе. Въ этомъ водевилѣ солдатъ, любящій дѣвушку, отдаетъ ее тому, котораго она любитъ, и который думать объ ней не хотѣлъ, если-бы солдатъ не увѣрилъ, что она его жена. Эта геройская глупость, или это глупое геройство, было не весьма-удачно разыграно г-жою *Левкѣевой* и *Григорьевымъ* 1-мъ. Одна очень торопилась, другой оттягивалъ. Видно, соблюдать во всемъ средину также трудно и на сценѣ, какъ въ жизни.

Водевилъ *Что и деньги безъ ума* принадлежитъ перу г-на Соловьева, московскаго *Григорьева* 1-го. Кромѣ сходства по внутреннему достоинству пьесъ, оба эти писателя сходятся еще умѣемъ давать ихъ произведеніямъ названія заманчивыя, которыя такъ нравятся *высшей* публикѣ *Александринскаго-театра*...

Въ заключеніе этого блистательнаго спектакля шелъ дивертисементъ, для кого и для чего, неизвѣстно!

1 го Ноября. Бенефисъ г. *Григорьева* 1-го. Вотъ г-цу *Григорьеву* такъ покровительствуетъ геній бенефисовъ. Каждый годъ зтотъ артистъ, водевилистъ и..... артистъ собираетъ обильную

дань съ легковѣрія Александрынской публики. . . . . Сходилъ съума Нептербургъ отъ Итальянцевъ — у г. Григорьева появилась *Складчина на ложу въ итальянскую оперу*; между службой, эгоизмомъ и протекціей, вторгся въ жизнь Петербурга четвертый элементъ, *преферансъ* — и у г. Григорьева появились *Герои преферанса* со знаменитымъ *шулеромъ въ малинь и тещею въ тискахъ*; запрыгалъ Петербургъ польку въ танцъ-классахъ и неперемонныхъ балахъ — и *Полька* явилась на сценѣ.

Наконецъ, Петербургъ помѣшался на домашнихъ спектакляхъ — и вотъ они являются подъ перомъ г. Григорьева, картиною, взятою съ натуры, подъ названіемъ *Смѣхъ и горе на домашнемъ театрѣ*. Рассказывать-ли вамъ, почтенные читатели, сюжетъ сего новаго произведенія Наполеона водевилей и пьесъ à propos? Неужели вы заранѣе не знаете въ чемъ дѣло, на чемъ вертится этотъ водевиль изъ водевилей, этотъ архиводевиль? Для насъ овъ былъ истиннымъ *горемъ*.

Водевиль *Мужъ достань мнѣ собачку*, также не понравился. Да не представлять себѣ читатели, что это передѣлка извѣстной и умной повѣсти графа Соллогуба *Собачка*. Нѣтъ, это собственное произведеніе г. Григорьева, которому дано такое названіе такъ, знаете, для *занятельности*.

Букеты Графа Соллогуба — легкая шутка умнаго человѣка, отъ которой овъ, вѣроятно, самъ ничего не ожидалъ, и которая ничего не сдѣлала. Съ нашей стороны, мы-бы сдѣлали одно замѣчаніе Гр. Соллогубу. Видно было, что авторъ старался придѣлать непременно *сюжетъ* къ этимъ сценамъ. Намъ кажется, что сюжетъ только повредилъ живости и правдоподобію этихъ сценъ. Это прятанье любовниковъ за цвѣтами ничуть не ново и не натурально.

Кромѣ этихъ пьесъ, бенефициантъ давалъ еще балетъ *Мельники*, игранный малолѣтними воспитанниками Театральнаго Училища. Милые малютки не мало способствовали огромному сбору бенефиса г. Григорьева.

6-го *Ноября*. Г-жа Колосова играла въ комедіи *Елена или она за-мужемъ*, возобновленной въ первый разъ со смерти В. Н. Асенковой. До-сихъ-поръ ни одна актриса не брала на себя этой чудной и трудной роли, которую теперь нѣкому исполнить даже на Михайловскомъ-театрѣ. Публика встрѣтила и проводила

г-ну Колосову хладнокровнымъ молчаніемъ . . . . .

11-го Ноября. Г. *Славинъ* игралъ роль неизвѣстнаго въ *Парашь Сибирячкѣ*. Намъ не правился и г. Каратыгинъ въ этой роли, но онъ все-таки былъ несравненно выше г-на Славина. Не хотимъ повторять того, что мы уже высказывали ему въ прошлой книжкѣ «Репертуара и Пантеона», и пожалѣемъ только о томъ, что надежды наши были обмануты, что совѣты наши не послужили рѣшительно ни къ чему. Fiat!

13-го Ноября. *Смерть или честь* — драма г. Полеваго, для втораго дебюта г. *Александрова*. И объ этомъ артистѣ мы высказали уже горькія, но справедливыя замѣчанія. Въ прошломъ номерѣ «Репертуара и Пантеона» мы сказали, что рѣшительно не видимъ въ немъ никакихъ надеждъ въ будущемъ, и что ему надобно въ теченіе многихъ лѣтъ учиться, если онъ хочетъ сдѣлаться порядочнымъ актеромъ. Вѣроятно, г. Александровъ хотѣлъ доказать намъ, что мы ошибаемся, явясь въ весьма-трудной, хотя и неестественной роли *Гюга Бидермана*. На этотъ разъ онъ впрочемъ такъ распорядился своею игрою, что его вызывали почти послѣ каждаго акта, и шиканье небольшой части благомыслящей публики пропадало въ трескъ самаго усерднаго хлопанья. Мы однако-же не видѣли въ игрѣ г. Александрова ничего, что бы заставило насъ перемѣнить высказанное уже нами мнѣніе. Намъ кажется, что и эту роль онъ сыгралъ также дурно, какъ *Фердинанда* въ «Коварствѣ и любви.» Роль *Бидермана* гораздо-легче, и потому многимъ могло показаться, что она сыграна лучше. Вообще вся пьеса, въ нынѣшнемъ, возобновленномъ ея видѣ, прошла довольно-неудачно. Г-жа *Дюръ* была пехороша въ роли герцогини Оливин, г-жа *Гринева* также очень-слаба въ роли *Берты*, сестры Гюга Бидермана. Отъ г-жи Гриневой мы были въ-правѣ ожидать большаго. Намъ всегда жаль, когда актриса съ талантомъ не заботится о томъ, чтобы развить его, не старается усовершенствовать себя, не идетъ впередъ на поприщѣ искусства. Въ г-жѣ Гриневой есть все для того, чтобы сдѣлаться хорошею актрисой: душа, умъ, чувство... Отъ-чего-же она не оказываетъ никакихъ успѣховъ? отъ-чего во всѣхъ роляхъ своихъ она также одинакова? отъ-чего съ-тѣхъ-поръ, какъ она вступила на сцену, мы не видимъ въ ней ни малѣйшаго усовершенствованія? Неужели и ее увѣрили, что она достигла высшей степени совершенства, и что лучше ея играть нельзя и неужно? Неужели отъ-того, что портретъ ея налітографированъ въ «Театральномъ Аль-

бомъ», она достигла до нес plus ultra сценическаго искусства? Конечно, и теперь она еще очень-хорошая актриса и не портитъ ни одной роли, но мы требуемъ отъ нея гораздо-болѣе, чѣмъ отъ другихъ, потому-что она *можетъ* стать выше другихъ. О посредственности мы бы и не заботились: ей не нужны никакіе совѣты, ни какія увѣщанія. Но въ самомъ строгомъ приговорѣ на-шемъ, г-жа Гринева можетъ видѣть, что мы цѣнимъ и уважаемъ ея талантъ. Пусть она докажетъ намъ, что сужденія наши ошибочны, мы больше ничего и не желаемъ.

15-го Ноября. Бенефисъ г. *Каратыгина* 2-го. Въ прошломъ году мы упрекали почтеннаго нашего артиста и водевилиста въ томъ, что даже для своего бенефиса онъ не написалъ никакого водевиля. Послѣ этого времени больше года онъ не писалъ также ничего, и только теперь, въ свой бенефисъ, явился съ новымъ водевилемъ. Какъ не вспомнить слова Грибоѣдова: *писать, писать, писать!* Писать въ особенности послѣ *Вицъ-мундира*, потому-что послѣ болѣе чѣмъ двухъ-годоваго молчанія, мы въ-правѣ требовать отъ г. Каратыгина чего-нибудь получше *Вицъ-мундира*. Признаемся, что по заглавію мы ждали отъ пьесы гораздо-большаго, думали видѣть какое-нибудь комическое происшествіе чиновнической жизни, въ которой вицъ-мундиръ играетъ такую важную роль, но вышло совсѣмъ на оборотъ. Вицъ-мундиръ тутъ вещь посторонняя, а самый водевиль есть не что-иное, какъ старая погудка на новый ладъ, *Разсѣянные* Коцебу, въ русской кожѣ. Чиновникъ, служащій въ какомъ-то департаментѣ, до того разсѣянъ, что забываетъ сказанное имъ за минуту, запираетъ на ключъ въ своей комнатѣ женщину, пришедшую къ нему за дѣломъ, и потомъ, когда снова видитъ ее, выпущенную уже другимъ, то говоритъ ей: «Извините, сударыня, я сейчасъ васъ отпущу!» Не правда-ли, какъ это все естественно, какъ много подобныхъ чиновниковъ у насъ въ департаментахъ? Чиновникъ, сочиненный г. Каратыгинымъ, обмѣниваетъ на пріятельскомъ вечерѣ свой вицъ-мундиръ, надѣваетъ чужой, другаго министерства, находитъ въ немъ чужую записку, въ которой приказано разбудить директора поутру и явиться къ нему за приказаніемъ, и въ-слѣдствіе этого, не догадавшись посмотреть на адресъ записки, отправляется въ вицъ-мундирѣ не своего министерства будить своего директора!!!! — Вся пьеса состоитъ изъ подобныхъ *разсѣянностей*, которыя, конечно, очень-смѣшны, но ни мало неправдоподобны. Повторяемъ еще разъ, что отъ г. Каратыгина мы могли ожидать большаго и лучшаго.

Другой водевиль, передѣланный имъ съ французскаго, подъ названіемъ *Нѣчего дѣлать*, очень длиненъ и нехорошо веденъ, хотя идея въ немъ очень хороша. Въ первомъ актѣ, кондитеръ, рѣшительно ничего не дѣлающій, увѣряетъ, что у него чрезвычайно какъ много занятій. Во второмъ актѣ онъ-же, оставивъ все дѣла, чрезвычайно этимъ доволенъ, увѣряетъ, что ему теперь ровно *нѣчего дѣлать*, а не имѣетъ ни минуты покоя. Намъ кажется, что, вмѣсто кондитера, можно было-бы вывести какое нибудь другое лицо, позначительнѣе, и интересъ былъ-бы гораздо больше. Написанъ и разыгранъ этотъ водевиль очень хорошо.

Лучшею пьесой въ бенефисъ Каратыгина была, по нашему мнѣнію, небольшая комедія *Женскій эгоизмъ*, данная въ началѣ и, къ сожалѣнію, не такъ хорошо разыгранная. Въ ней есть прекрасная и довольно-оригинальная идея. Жена, изъ эгоизма, сердится за то, что у мужа ея есть другъ, который живетъ у нихъ въ домѣ, и чтобы выжить его, даетъ ему замѣтить, что влюблена въ него. Тотъ, какъ благороднѣйшій человѣкъ, хочетъ тотчасъ-же уѣхать. Мужъ спрашиваетъ у жены о причинѣ отъѣзда его друга, и жена увѣряетъ, что онъ влюбленъ въ нее, и потому не можетъ съ ними оставаться. Мужъ узнаетъ однако-же продолжки жены, и въ свою очередь ставитъ ее въ ужасное положеніе, уговоривши друга своего сыграть съ ней комедію. Когда она думаетъ, что все уже кончилось, что она навсегда отдѣлалась отъ друга своего мужа, тотъ вдругъ является и, бросаясь къ ея ногамъ, говоритъ, что онъ не могъ побѣдить своей страсти, не могъ уѣхать. Жена не знаетъ, что дѣлать со страху. Къ довершенію несчастія, является мужъ, упрекаетъ друга въ вѣроломствѣ, вызываетъ его на дуэль, въ глазахъ оскорбленной жены, начинаетъ съ нимъ драться на шпагахъ, и вдругъ оружіе выпадаетъ у нихъ изъ рукъ и они оба помираютъ со смѣху. Все объясняется, женѣ данъ прекрасный урокъ, и комедія, какнхъ немного у насъ на Александринской сценѣ, оканчивается.

Въ заключеніе бенефиса шелъ также очень миленькій водевиль *Поля и Полина*, содержанія котораго мы не рассказываемъ, потому-что читатели «Репертуара и Пантеона» прочтутъ его на страницахъ нашего изданія. Онъ былъ очень-хорошо разыгранъ. Въ особенности г-жа Самойлова сыграла очень-хорошо свою двойную роль. *Поля и Полины*, Поля даже еще лучше, чѣмъ Полины.

Сумма удовольствія, полученнаго отъ бенефиса г-на Каратыгина 2-го, на этотъ разъ, была больше суммы неприятностей. Ergo—результатъ бенефиса удовлетворительный. . . . .

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Бенефисъ Г-на Варлэ и Г-жи Плесси. — *Une chaîne*. — *La Vie en partie double*. — Бенефисъ Г-на Александра. — *Père et Parrain*. — *L'école des maris*. — Бенефисъ Г-жи Пейссаръ. — *Tartuffe*. — *Un piquenique a Krestoffski*. — Бенефисъ Г-жи Анны. — Нѣчто о бенефисахъ вообще. — Нѣмецкіе спектакли. — Г-жа Новакъ и Г. Левенбергъ. — Нѣмецкіе бенефисы.

23 октября. Бенефисъ Г-на Варлэ. — Четвертая роль Г-жи Плесси въ комедіи Скриба *Une chaîne*. Посмотрѣвши знаменитую актрису въ *Стаканъ воды*, *Недоразумѣніи* (*Faute de s'entendre*) и *Завищаніи* (*Le legs*), — небольшой комедійки Маривб, весьма-устарѣлой для нашего времени, но гдѣ она была мила, какъ всегда и всюду, — мы, наконецъ, снова увидѣли нашу любимицу въ большой, пяти-актной комедіи, въ роли не столь эффектной и рельефной, какъ роль *Королевы Анны*, но требующей еще больше обдуманности, знанія сердца, глубины чувствъ. Кто не знаетъ этой прекрасной комедіи Скриба, гдѣ развита превосходная, моральная идея, гдѣ такъ ясно высказалось тонкое знаніе людей и малѣйшихъ отбѣнковъ любви? Женщина большаго свѣта, герцогиня, красавица, одаренная свѣтлымъ умомъ, получившая блистательное образованіе, любитъ бѣднаго, неизвѣстнаго композитора, спасаетъ его отъ отчаянія, доставляетъ ему способы выказать свой талантъ, даетъ ему богатство, ечастіе, отдаетъ ему даже свое сердце, хотя рука ея давно принадлежитъ другому, человѣку доброму и благородному, который ввѣрилъ женѣ своей имя и честь, — и, великодушный и довѣрчивый, не смѣетъ даже сомнѣваться въ ея вѣрности, боится оскорбить ее подозрѣніемъ. Къ этой страшной семейной драмѣ присоединяется еще неожиданный узелъ: онъ, который всѣмъ обязанъ ей, для котораго она всѣмъ пожертвовала, — не любитъ ея, она стала для него *цѣлью*, моторая, по словамъ его, «тяжелѣ свинца, когда ее носишь, и крѣпче желѣза, когда хочешь разорвать ее». И эту прекрасную роль, основанную на бореніи любви и ревности, страха и наде-

жды, благородной городости и раскаянія, Г-жа Плесси выдержала и сыграла удивительно! Каждое слово ея было такъ вѣрно натурѣ, такъ глубоко обдуманно, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражено такъ безыскусственно, въ каждомъ движеніи ея было столько простоты, столько граціи, столько очарованія, что мы можемъ только сожалѣть о томъ, кто не восхищается этой удивительной актрисой, кто не понимаетъ ея игры, кого она не увлекаетъ и не трогаетъ. А есть такіе люди!... Въ этотъ самый спектакль намъ самимъ удалось слышать о нашей несравненной Плесси такіа сужденія, которыя сдѣлали-бы честь Прокесцамъ и Отаитянамъ. Были даже женщины, осмѣлившіяся утверждать, что можно заснуть, слушая Плесси. Намъ кажется, что спящій проснулся-бы, услыша подобныя глупости отъ лицъ, которымъ, вѣроятно, потому не нравится Плесси, что они сами всѣмъ опротивили. Талантъ Г-жи Плесси въ этой піесѣ поддерживался игрою Гг. Верне, Аллана и Г-жи Александръ-Майеръ. Гг. Варле и Бертогъ были замѣтно слабѣе другихъ, въ особенности послѣдній, заставившій насъ вздохнуть о Брессанѣ, пропавшемъ неизвѣстно куда безъ вѣсти...

Послѣ *Цыпи* шелъ небольшой водевилъ *Жизнь вдвойнѣ* (*La vie en partie double*), въ чисто парижскихъ нравахъ, но довольно-забавный и остроумный. Въ немъ доказывалась невыгода влюбиться въ одно время въ двухъ женщинъ, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ общества. Положеніе влюбленнаго, бросающагося отъ одного предмета страсти къ другому, для того, чтобы не дать замѣтить, что онъ обманываетъ и тотъ и другой,—чрезвычайно-смѣшно и занимательно. Вѣроятно, водевилъ этотъ явится въ скоромъ времени въ московской передѣлкѣ, подъ какимъ-нибудь заманчивымъ названіемъ, въ родѣ: *То туда, то сюда* или *За двумя зайцами погонисься, ни одного не поймаешь*.

3-го ноября. Бенефисъ Г-на Александра. *Père et parrain*, комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ—самая нелѣпая вещь, какую намъ когда-либо удавалось видѣть на Михайловскомъ-театрѣ, гдѣ, надобно признаться, нелѣпости довольно рѣдки. Спрашиваемъ: какая можетъ быть моральная и эстетическая цѣль піесы, гдѣ главная идея заключается въ томъ, что человекъ, обольстившій дѣвушку, выдалъ ее замужъ за какого-то дурака, для того, чтобы дать имя плоду его преступной любви, и что дочь его, имъ-же самимъ окрещенная, влюбляется потомъ въ своего крестнаго и настоящаго отца? И еще хоть-бы былъ какой-нибудь драматическій интересъ во всей піесѣ! Но два длинные и

скучные акта танулись такъ утомительно, что надоѣли самымъ снисходительнымъ зрителямъ, по окончаніи пьесы довольно-громко выразившимъ свое неудовольствіе. За скуку первой пьесы вознаградила впрочемъ Г-жа Плесси (безъ которой теперь— замѣтимъ мимоходомъ— не обходится не только ни одинъ спектакль, но даже ни одинъ бенефисъ). Она играла небольшую роль *Изабеллы*, въ старинной комедіи Мольера, *Школа мужей*. Какъ ни устарѣла теперь эта комедія, но мы съ удовольствіемъ слушали прекрасные стихи и наслаждались игрою Г-жи Плесси. Въ заключеніе спектакля шель водевилъ: *Porthos à la recherche d'un fournement*, драматизированный эпизодъ изъ романа неистощимаго Дюма: *Les trois mousquetaires*, который теперь читаютъ съ такимъ удовольствіемъ. Онъ былъ превосходно разыгранъ Гг. Алланомъ, Готи, Доделемъ и Г-жою Пажъ, хотя послѣдняя немножко стара для роли 16-ти-лѣтней пансіонерки.

Между этими двумя бенефисами г-жа Плесси играла еще двѣ роли въ небольшихъ пьесахъ Скриба: *Estelle ou le père et la fille* и *Rodolphe ou le frère et la sœur*. Сказать, что г-жа Плесси играла въ нихъ, довольно, чтобы сказать, что лучше нельзя было сыграть эти роли. Мы-бы очень хотѣли видѣть ее и въ другихъ небольшихъ драмахъ Скриба, полныхъ высокаго интереса, каковы *Une faute*, *Une passion secrète* и другихъ.

11-го ноября. Бенефисъ режиссера Пейссара. *Tartuffe ou l'imposteur*. Благодаримъ отъ всей души Г-на Пейссара за то важное наслажденіе, которое онъ доставилъ намъ въ свой бенефисъ бессмертною комедіею Мольера. Слышать такіе стихи, и въ устахъ такой актрисы, какъ г-жа Плесси, двойное удовольствіе. Нельзя передать словами, какъ хороша была эта удивительная артистка въ роли *Эльмиры*, съ какимъ умомъ и граціею вела она свои сцены, какъ самое обыкновенное слово въ устахъ ея звучало какимъ-то неизъяснимымъ очарованіемъ, восхищало и увлекало противъ воли. Надо признаться однако-же, что вообще вся пьеса шла не такъ хорошо, въ ней не было того ансамбля, къ которому мы такъ привыкли на Михайловской сценѣ. Не говоря уже о г-жѣ Плесси, всѣ женскія роли были исполнены прекрасно. Г-жа Алланъ очень-хорошо сыграла Дорину, г-жи Коррежъ и Фальконъ были также очень-хороши, но мужскія роли были всѣ выполнены слабо. Самъ Тартюфъ — г-нъ Удино былъ даже весьма-пехорошъ. Это такая роль, о которой и первоклассный актеръ долженъ подумать, а г. Удино, съ его страшной дикціей, очень-далекъ отъ первоклассныхъ. Онъ даже чрез-

вычайно мѣшалъ тому впечатлѣнію, которое производила на насъ г-жа Плессен. Г. Варле былъ хорошъ мѣстами, но въ цѣломъ такъ же очень-слабъ. Новый дебютантъ, г. Шамарандъ, явившійся въ роль *Клеанта*, читалъ весьма-странно прекрасные стихи своей роли, и вообще былъ какъ-то не на своемъ мѣстѣ.

Бенефисъ кончился довольно-пустой пьесой, *Le laisquet*, зато начался блистательнымъ вздоромъ подъ названіемъ: *Un piquenique à Krestoffsky*, сочиненнымъ, вѣроятно, какимъ-нибудь петербургскимъ Французомъ. Авторъ, изъ вѣжливости, назвалъ свое произведеніе *Une bélise*. Намъ кажется, что его гораздо приличнѣе назвать *Une balourdise*. Эта пьеса своею нелѣпостью перещеголяла всѣ нелѣпости Александринскаго-театра. Публика проводила ее шиканьемъ, что на Михайловской сценѣ большая рѣдкость.

18-го ноября, въ бенефисъ г-жи *Анны*, назначена была *Маркиза Сенътеръ*, но наканунѣ представленія отмѣнена и вмѣсто нея дали опять *Стаканъ Воды*, съ двумя новыми водевилями *Le troisième mari* et *Une fille d'Eve*, — весьма пустыми и пошлыми.

Замѣтимъ между-прочимъ, что изъ четырехъ бенефисовъ въ этомъ мѣсяцѣ, только два дали полный сборъ, г. Варле, по тому, что г-жа Плессен играла въ его бенефисъ только во второй разъ, въ значительной пьесѣ, и г-жи *Анны*, по тому, что она продавала мѣста по казенной цѣнѣ. У г. *Александра* и даже у г. *Пейссара* было очень-много пустыхъ мѣстъ. Смѣемъ увѣрить, что въ этомъ виновата не публика. Она съ удовольствіемъ ходитъ смотрѣть хорошія пьесы и г-жу Плессен, но г-да бенефицианты назначаютъ такую высокую цѣну въ свои бенефисы, что по-неволѣ иногда придется дожидаться повторенія. Не понимаемъ право, какой расчетъ у нихъ видѣть полъ-театра пустымъ, тогда, какъ онъ непременно былъ-бы полонъ, если-бы они сбавили цѣну.

На нѣмецкой сценѣ въ теченіе этого мѣсяца не было ничего особенно-замѣчательнаго. Промелькнула на ней новая дебютантка д-ца (Mlle) *Тереза Новакъ*, и снова скрылась. Она сыграла здѣсь всего три роли, въ комедіи *Kunst und Natur*, и въ пяти-актныхъ, чисто-нѣмецкихъ трагедіяхъ (Schauspiele) *Pauline* и *die Geschwister*. Мы не говоримъ объ ней ни слова, потому что могутъ подумать, что насъ увлекла пословица: les absents ont toujours tort. Намъ кажется только, что д-ца Новакъ напрасно утру-

ждала себя приѣздомъ въ Россію для того, чтобы сыграть три роли. Впрочемъ ей можетъ послужить извиненіемъ то, что она оставалась здѣсь всего недѣли три. Другой дебютантъ, г. *Лесенбергъ*, какъ кажется, остается у насъ, — нельзя сказать, чтобы мы отъ этого много выигрывали. Онъ сыгралъ впрочемъ всего двѣ роли, въ *Kabale und Liebe* слабо, и въ трагедіи *Das Tournier zu Kronstein* нѣсколько лучше, и потому мы удержимся пока мѣстъ отъ рѣшительнаго объ немъ сужденія. Дебютровала также въ небольшой пьескѣ *Nehmt ein Exempel dran*, д-ца *Марія Толлертъ*. Объ ней также умолчимъ до времени, тѣмъ-болѣе, что это была ея первая театральная попытка (Versuch), какъ гласила афиша.

Въ теченіе этого мѣсяца были поставлены на сцену двѣ новыя комедіи *Onkel und Nichte* и *Vier Schildwachen auf einem Posten*, которыя могутъ нравиться только на нѣмецкой сценѣ. Кромѣ того, въ три бенефиса, г-жи *Заммъ*, *Графизъ* и *Альбрехтъ*, были даны *Doctor Faust's Hausküppchen*, шутка въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ, *Scheiben Toni der beste Schütz, oder das grosse Muskensfest zu Wien, im Jahre 1357*, народная трагедія (Volksschauspiel), въ четырехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ, и *Die Tochter des Regiments*, извѣстная опера Допидзетти, переделанная въ водевиль.

ТЕАТРЪ ВЪ САРАТОВѢ.

Труппа актеровъ саратовскаго театра, по окончаніи трехмѣсячнаго своего путешествія по станціямъ Дона, гдѣ она, въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцовъ, переѣзжая изъ ярмарки въ ярмарку, увеселяла тамошнихъ жителей, наконецъ, 16-го октября возвратилась въ Саратовъ. Актеры, утомленные отъ весьма-труднаго для нихъ вояжа, полагали, по приѣздѣ въ Саратовъ, отдохнуть, но не тутъ-то было: чрезъ день, т. е. 18-го числа, открытъ театръ и начался театральнй сезонъ. Въ первый спектакль играли двѣ пьесы: «Зятюшка» водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Г. Ленскаго, въ коемъ роль г-жи Пиваръ играла, для перваго дебюта, ангажированная къ Саратовскому театру г-жа Ер-

шова, и «Комедія съ дядюшкой» шуточная оперетка-водевиль въ 1-мъ дѣйстви, въ коемъ роль *Аннеты* играла, тоже для перваго дебюта, дѣвица Мишяева. Обѣ онѣ въ первыхъ своихъ дебютахъ прекрасною игрою выказали свои таланты, и мы очень рады приобрѣтенію такихъ актрисъ; прочіе персонажи играли весьма-хорошо; и г. Померанцовъ, въ роли «Фильки», попалъ въ свою колею и былъ занимателенъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о прочихъ актеряхъ.

Первое ампуа, въ драмахъ и трагедіяхъ, занимаетъ на нашей сценѣ г. Карауловъ, актеръ умный, съ хорошиимъ талантомъ и опытный въ сценическомъ искусствѣ; онъ нѣсколько лѣтъ игралъ на Нижегородскомъ театрѣ, прекрасною своею игрою заслужилъ отъ публики уваженіе и похвалу; на нашей сценѣ онъ, равнымъ образомъ, пользуется любовью и уваженіемъ публики. Мы его любимъ, уважаемъ, и всегда готовы отдать ему дань кошелька.

За нимъ слѣдуетъ г. Бобровъ; онъ имѣетъ хорошиіи ростъ, стройную талию и громкіи органъ голоса—басъ; играетъ то же въ драмахъ, трагедіяхъ и частію въ операхъ; герой для ролей военныхъ, забіякъ отчаянныхъ и разбойниковъ; актеръ прекрасный.

Г. Залѣскій, въ роляхъ молодыхъ мужей и подъячихъ, всегда хорошъ.

Г. Михайловъ играетъ въ водевиляхъ и комедіяхъ престарѣлыхъ волокитъ и отцовъ семействъ; актеръ съ талантомъ, роли всегда выполняетъ отчетливо, и мы его любимъ, точно также, какъ г. Караулова.

Г. Порѣцкій, немолодъ, нехудъ, непамятливъ; играетъ частію одніи роли съ Михайловымъ, безъ всякой отчетливости, наобумъ, и далекъ отъ Михайлова.

Г. Лидинъ, пѣвецъ, рѣшительно первый на сценѣ нашего театра; не имѣя счастливой наружности, обладаетъ большимъ дарованіемъ, слабымъ, но пріятнымъ и довольно-обработаннымъ теноромъ. Жалко только то, что онъ не великъ ростомъ; впрочемъ развязень и ловокъ.

Г. Залѣскій 2-й, шутъ, комикъ, для простаковъ, увертливыхъ слугъ и глупцовъ. Нерадивъ.

Г. Залѣскій 3-й — молодой, неопытной актеръ.

Г. Померанцевъ — Малороссъ, выходець изъ Украйны, не принадлежитъ и не будетъ принадлежать къ числу порядочныхъ ак-

теровъ; онъ хотя и беретъ нѣкоторыя роли въ драмахъ, но, не имѣя таланта, всегда остается столбомъ.

Г. Крыловъ, сапожникъ, а не актеръ; онъ пускался въ разные фарсы, и наконецъ судьба кинула его въ закулисный міръ. Не имѣя ни искры таланта, онъ бралъ тоже роли въ драмахъ, но увыл!... Неспособенъ, а къ тому же близорукъ, сухъ, какъ скелетъ, и безъ очковъ не на часъ.

Г. Завидовъ, одинъ изъ всѣхъ собратій жалкое твореніе, гнусивъ, малъ и горбатъ.

Г. Николаевъ — танцоръ и автоматъ. Не думаю, чтобы была какая нибудь роль въ репертуарѣ, которую бы онъ игралъ порядочно. Изрядно пляшетъ.

Г. Александровъ — истоящій провинціальный актеръ; онъ всегда является на сцену съ подбитымъ глазомъ, изцарапаннымъ лицомъ, и, не зная ни слова роли, старается какъ можно ближе стать къ суфлеру, который ему кричитъ во все горло.

Перейдемъ къ актрисамъ.

Г-жа Боброва. Считаемо излишнемъ говорить о ея прекрасномъ талантѣ; скажемъ только то, что она имѣетъ хорошую и приятную наружность, приличную своимъ ролямъ, одѣвается всегда хорошо.

Г. Гусева — первая наша любимица въ роляхъ устарѣлыхъ кокетокъ, свахъ и сварливыхъ бабъ.

Г. Залѣская 2-я, косая, ничтожная актриса, первая драматическая любовница. Ни дарованія, ни чувства, ни жизни! Вѣчно плаксивая физиономія, жалобный голосъ и необдуманность роли.

Дѣвица Николаева играетъ въ водевиляхъ и комедіяхъ роли кокетокъ, наивныхъ дѣвушекъ и субретокъ. Прежде она въ этихъ роляхъ всегда блистала, ее много окружали любители молоденькихъ актрисъ, но нынѣ, увыл!...

Дѣв. Залѣская 3-я, молодая прекрасная актриса, съ премирленнымъ личикомъ, но неопытна въ сценическомъ искусствѣ, и мало занимается ролями.

Дѣв. Михайлова, тоже молодая актриса, недурна, играетъ во всѣхъ пьесахъ....

Дѣв. Васильева,.... объ пей не стоить терять словъ.

Г-жи Завидова и Залѣская очень-мало являются на сцену.

Слѣдовательно, во всей труппѣ Г. Залѣскаго актеровъ настоящихъ пя, по-крайней-мѣрѣ, занимающихъ важныя роли 6, актрисъ 5, прочія-же влачатъ кое-какъ закулисную жизнь.

Оркестръ при нашемъ театрѣ состоитъ изъ 12 человекъ, очень-порядочный, больше какого нельзя имѣть.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о содержатель, Г. Залѣскомъ. Содержатель этотъ очень-рѣдкій, знающій свое дѣло человекъ; онъ всегда старается доставить публикѣ всѣ средства къ увеселенію. Мы очень-благодарны ему, и ожидаемъ отъ него въ наступающемъ довольно-скучномъ здѣсь зимнемъ сезонѣ хорошихъ успѣховъ.

А. НИКОЛАЕВЪ.

19 Октября 1845.

Саратовъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Тальйони купила недавно въ Венеціи два палатца, изъ которыхъ одно такъ великолѣпно, что при покупкѣ его вошелъ съ нею въ конкуренцію герцогъ Моденскій; это палатца продавали съ аукциона и цѣна осталась за Тальйони. Герцогъ Моденскій предлагалъ ей 10,000 франковъ, чтобы она отступилась отъ своей покупки, но Тальйони не согласилась. Третье палатца ея находится на берегу озера Комо, и здѣсь знаменитая танцовщица намѣрена провести въ уединенія остатокъ дней своихъ.

— Въ Мюнхенѣ на зимній сезонъ ангажирована французская труппа. 12-го ноября было дано первое представленіе, состоявшее изъ пьесъ: *l'Ecole des Vieillards* и *l'Héritière*. Такимъ образомъ, въ нынѣшнюю зиму находится пять постоянныхъ французскихъ театровъ въ Германіи, а именно: въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Гамбургѣ и Мюнхенѣ.

— Знаменитый Тонъ-Пусъ возвратился въ Парижъ и слова показываетъ себя въ публикѣ. Говорятъ, что онъ пробирается въ Берлинъ, а оттуда намѣренъ проѣхать и къ намъ въ Петербургъ.

Въ прошедшую субботу, 24-го ноября, начались эквилибрическія и гимнастическія представленія Г-на Гверра, въ новомъ циркѣ, построенномъ на площади, противъ Большаго-театра. Труппа Г-на Гверра, составленная изъ молодыхъ, чрезвычайно-красивыхъ собою наѣздинокъ и наѣздицъ, вполне заслуживаетъ вниманіе любителей эквилибрическаго и гимнастическаго искусства. Такой отличной, такъ хорошо сформированной труппы у насъ еще не бывало. Комикъ Виоль, забавляющій публику въ антрактахъ, удивительно-хорошъ.

— Нашъ великій трагикъ г. Каратыгинъ 1-й возвратился изъ-за границы, и въ прошедшій вторникъ, 27 ноября, въ первый разъ явился передъ публикой въ роли Кина, въ той самой роли, въ которой онъ и прощался передъ отъездомъ своимъ съ почитателями его таланта. Въ этотъ разъ сыгралъ онъ роль съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ.

— 29-го ноября, въ бенефисъ Г-жи Валберховой, данъ былъ на сценѣ Александринскаго-театра Гамлетъ, въ новой обстановкѣ. Роль Клавдія занималъ Г. Григорьевъ 1, Лаерта Г. Славинъ, Гораціо Г. Каратыгинъ 2, Розенкранца Г. Максимовъ, могильщикова — Г-да Мартыновъ и Марковецкій. Гамлета, разумѣется, игралъ нашъ знаменитый трагикъ, Офелію, по прежнему Г-жа Самойлова 1, Полонія Г. Сосницкій; роль Королевы занимала бенефициантка.

— Въ примѣчаніи къ водевилю П. С. Оедорова *Квартира на Бульварѣ*, напечатанному въ нынѣшней книжкѣ *Репертуара и Пантеона*, сказано, что этотъ водевиль играенъ въ бенефисъ Г-на Мартынова, 28 ноября. Дѣйствительно, бенефисъ Г-на Мартынова былъ назначенъ 28-го ноября, но потомъ отложенъ до 7-го декабря: мы узнали объ этомъ, когда означенная пьеса была уже отпечатана.

— Кстати о Г-нѣ Мартыновѣ. Мы не можемъ надвинуться его неутомимой дѣятельности: почти всякой вечеръ онъ играетъ три, четыре роли, и всегда прекрасенъ, всегда разнообразенъ. Бенефисъ его, какъ мы слышали, составленъ весь изъ оригинальныхъ пьесъ, и общается посѣтителямъ много удовольствія.

— Любителямъ музыки рекомендуемъ недавно вышедшую въ Петербургѣ на польскомъ языкѣ книгу: *Notatki 2 podrozy muzykalnej po Niemzech, odbytej w roku 1844 przez Wiktora Każyńskiego* (Замѣтки изъ музыкальнаго путешествія по Германіи, въ 1844-мъ, Виктора Кажинскаго). Мы постараемся познакомить читателей нашихъ съ этой замѣчательной книгой, посредствомъ извлеченій изъ нея.

— Водевиль: *Букеты*, графа В. А. Соллогуба, и *Вице-мундиръ*, г-на Каратыгина, въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» напечатаны не будутъ. Желющие могутъ имѣть ихъ отдѣльно отпечатанными, первый по 75 к. сер., а второй по 50 к. сер., въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, въ Петербургѣ и Москвѣ. Сужденіе наше объ нихъ напечатано въ *Театральной Литописи*, при нынѣшней книжкѣ «Репертуара и Пантеона». Замѣтимъ, что водевиль *Вице-мундиръ* напечатанъ съ ужаснѣйшими грамматическими промахами, почти на каждой страницѣ.

— Слышно, что на сценѣ Александринскаго-театра ставится новая оригинальная драма: *Смерть Ляпунова*. Этой пьесѣ пророчать большой успѣхъ. Давай-то Богъ!

— Н. А. Полевой написал новую драму *Рыцарь Леопарда*, которую, вѣроятно, увидимъ мы на сценѣ въ январѣ мѣсяцѣ будущаго года.

— Недавно скончался въ глубокой старости, Арманъ Гюффѣ, одинъ изъ старинныхъ веселыхъ поэтовъ Франціи, воспѣвавшій въ премильскихъ пѣсенкахъ любовь и вино. Покойникъ, какъ видно, не только въ мечтахъ но и въ дѣйствительности любилъ то, что воспѣвалъ, потому что онъ большую часть жизни провелъ въ Боднѣ (Beaune), славящимся своими чудесными винами.

— Женни Линдъ возвратилась въ Берлинъ, и 9-го Ноября дебютировала въ Большой Королевской-Оперѣ, въ роли Нормы.

— Недавно скончался въ Берлинѣ отъ удара, на 70-мъ году отъ роду, Серффъ, директоръ Берлинскаго Кенигъ-Штедскаго театра. С. Серффъ управлявшій этимъ театромъ около пятнадцати лѣтъ, не умѣлъ ни читать, ни писать. Между Берлинцами ходитъ на счетъ его множество забавныхъ анекдотовъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Разъ получилъ Серффъ чрезвычайно-важное письмо. Онъ призываетъ своего секретаря и проситъ его прочесть письмо въ слухъ; но не желая, чтобы нескромный секретарь зналъ содержаніе того, что будетъ читать, онъ закрывъ ему руками оба уха.

— Фанни Эльслеръ находится въ Римѣ и будетъ до самаго конца карнавала танцевать попеременно на двухъ тамошнихъ театрахъ.

— Съ извѣстнымъ актеромъ театра Vaudeville, Арналемъ, случилось несчастіе. Въ шесть часовъ вечера, предъ самымъ обѣдомъ, онъ сталъ доливать спиртомъ газовую лампу, которая была уже зажжена, и переполнилъ ее; вытекавшій газъ загорѣлся и въ одно мгновеніе вся масса его воспламенилась, обхватила лицо Арналя, старавшагося потушить пламя руками и разлилась по бюро, на которомъ стояла лампа. Люди Арналя не слыхали его криковъ и онъ принужденъ былъ самъ бѣжать къ нимъ, крича: Пожаръ! пожаръ! Между-тѣмъ волосы на головѣ у него обгорѣли и лицо было въ самомъ ужасномъ положеніи. Однакожъ у Арналя было столько присутствія духа, чтобы поспѣшить внизъ, къ живущему подъ его квартирою доктору, который и подалъ бѣдному артисту первыя пособія. Вскорѣ явился г. Карье, домовый докторъ Арналя, и тотчасъ-же приняты были все мѣры къ возможно-скорѣйшему излеченію. Надобно благодарить судьбу, что остроумный комикъ отделался еще такъ счастливо: только одному чуду можно приписать то, что онъ спасъ глаза свои. Къ одиннадцати часамъ боль утихла и безпрестанно перемѣняемые компрессы произвели благотворное дѣйствіе.

— Вотъ, что напечатано въ одной вѣнской газетѣ, объ известномъ нѣмецкомъ писателѣ Гейне: Гейнрихъ Гейне родился въ 1799 году, въ Дюссельдорфѣ и тамъ-же, въ церкви Св. Улрихи, окрещенъ въ католическую вѣру. Отецъ Гейне, изъ Евреевъ, старшій братъ гамбургскаго банкира Соломона Гейне, женился на дѣвицѣ Фоль-Гендеръ (матери Генриха Гейне, еще находящейся въ живыхъ) католичкѣ, и перешелъ въ христіанскую вѣру. Гейне воспитывался въ бывшей Іезуитской коллегіи; вѣры своей онъ никогда не мѣнялъ, и, какъ онъ самъ увѣряетъ, никогда не перемѣнилъ-бы, еслибы даже и родился въ еврействѣ.

— Вѣнскій капельмейстеръ Николай написалъ новую оперу: «Винзорскія проказницы».

— 1-го Ноября н. с. на театрѣ, въ новомъ королевскомъ дворцѣ, въ Потсдамѣ, дана была въ первый разъ трагедія Софокла: Эдипъ въ Колоннѣ, съ музыкою Мендсона-Бартольди.

— Сынъ знаменитаго Тальмы, Юлій Тальма, служить въ Африкѣ, оберъ-лейтенантомъ въ корпусѣ саговъ, и недавно получилъ за отличие въ одномъ дѣлѣ крестъ Почетнаго-легіона.

— Гуцковъ написалъ новую пяти-актную комедію: Анонимъ.

— Превосходнаго изданія: «Umrissen zu Shakspear, von Retsch» (*Очерки Шекспира, Реча*) вышелъ въ Германіи 8-й ливрезонъ, содержащій первую и вторую часть короля Германіи IV, съ превосходными объясненіями профессора Улрица. Картинки изображаютъ: нападеніе купцовъ, нападеніе разбойниковъ, сцена въ шивкѣ, гдѣ Фальстафъ рассказываетъ свой геройскій подвигъ, принцъ Гейнрихъ передъ отцомъ; битва при Шесбургѣ (принцъ Гейнрихъ спѣшитъ на помощь отцу, сразившемуся съ Дукласомъ), принцъ Гейнрихъ смертельно ранитъ Перси, Фальстафъ съ трупомъ Перси, Фальстафъ дѣлаетъ смотръ рекрутамъ (изъ второй части), принцъ у смертнаго одра своего отца, принцъ съ короною на головѣ предъ больнымъ отцомъ своимъ, принцъ преклоняющій передъ отцомъ колѣна и подающій ему корону, Фальстафъ встрѣчающій новаго короля Гейнриха V. Этотъ послѣдній ливрезонъ нисколько не уступаетъ первымъ, и также какъ и тѣ изображаетъ въ художникѣ высокой талантъ и глубокое изученіе безмертнаго поэта.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ РЕДАКЦІИ РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА.

1. *Яв—кому.* Стихи ваши напечатаны быть не могутъ.

2. Г-ну *Постоянному посетителю здѣшняго нѣмецкаго театра.* Начали и будемъ продолжать съ удовольствіемъ на будущее время. Не согласны мы съ вами во мнѣніи на-счетъ г-жи Графъ, но въ остальномъ во всемъ согласны совершенно, особенно на-счетъ г-на Миллера.

3. Г. *Ч—ву.* И рады-бы, да не можемъ: не отъ насъ зависить.

4. Г-ну *А. Е. З—ко.* Статья ваша не вошла въ 12-ю кн., по обилію матеріаловъ и недостатку мѣста; напечатаемъ въ слѣдующей, а между-тѣмъ заранѣе благодаримъ за обѣщанныя статьи, и ждемъ ихъ непремѣнно.

Издатель и Редакторъ Межевичъ.

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ.

ПОДПИСКА НА 1846-й ГОДЪ.

«Репертуаръ и Пантеонъ», третій годъ находясь подъ новою редакціею, постоянно удостоивается благосклоннаго вниманія про-свѣщенной русской публики и самыхъ лестныхъ отзывовъ со стороны подписчиковъ: — лучшая награда для издателя, поощряющая его и на будущее время продолжать изданіе свое въ томъ-же духѣ, съ тѣмъ-же направленіемъ, съ тѣмъ-же усердіемъ и аккуратностію.

Итакъ, въ 1846-мъ году, «Репертуаръ и Пантеонъ» будетъ выходить, по прежнему, *въ 1-е число каждаго мѣсяца*, и заклю-чать въ себѣ статьи, которыя могутъ быть подведены подъ слѣ-дующіе отдѣлы:

1. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Современныя русскія піесы, игранныя на петербургскомъ и московскомъ театрахъ и имѣвшія успѣхъ; лучшія новыя иностранныя піесы, немедленно переводимыя на русскій языкъ; изящные переводы первоклас-сныхъ европейскихъ писателей; русскія піесы, которыя, хотя

сошли со сцены, но имѣли успѣхъ замѣчательный, и русскія-же пьесы *не-игранныя*, но имѣющія неотъемлемое литературное достоинство.

II. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА. Біографіи русскихъ артистовъ и драматическихъ писателей; воспоминаія о замѣчательнѣйшихъ эпохахъ русскаго театра; біографіи знаменитыхъ европейскихъ артистовъ; извлеченія изъ записокъ (мемуаровъ), касательно исторіи иностранныхъ театровъ; исторія драматической литературы, сценическаго искусства и театральной обстановки.

III. МУЗЫКА. Теорія и исторія музыки инструментальной и вокальной; разборы сценическихъ музыкальныхъ произведеній; біографіи композиторовъ, музыкантовъ, пѣвицъ и пѣвцовъ, русскихъ и иностранныхъ.

IV. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ, оригинальные и переводные, могущіе служить сюжетами для сценическихъ произведеній. Сюда же относится **ЮМОРИСТИКА**, (статьи о нравахъ), которой въ будущемъ году мы надѣемся придать много разнообразія и занимательности.

СМѢСЬ. Всякаго рода статьи, имѣющія болѣе или менѣе отношенія къ театру, но по своему объему невошедшія въ первые отдѣлы. Сюда принадлежатъ театральные анекдоты, острые куплеты и стихотворенія, отрывки изъ пьесъ, еще неигранныхъ, сцены изъ закулисной жизни, сюжеты для комедій, водевилей и пр.; вообще, всякаго рода мелкія статьи, имѣющія отношеніе къ театру.

Наконецъ, въ-заключеніе всего,

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ,

представляющая подробныя извѣстія о петербургскихъ, московскихъ и обо *всѣхъ провинціальныхъ русскихъ театрахъ*, равно какъ и о театрахъ иностранныхъ (парижскихъ, лондонскихъ, вѣнскихъ и др.)

Таково было, есть и будетъ содержаніе «Репертуара и Пантеона».

Чтобы видѣть, исполнилъ-ли и какъ исполнилъ «Репертуаръ и Пантеонъ» въ нынѣшнемъ 1845-мъ году свою программу, по-

звонимъ себѣ указать на главнѣйшія статьи, явившіяся по-сіе время въ этомъ изданіи, по всѣмъ отдѣламъ программы.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Накогда русская сцена не была такъ бѣдна хорошими драматическими произведеніями, какъ въ 1845-мъ году, а потому для «Репертуара и Пантеона» поживы было мало. Недостатку русскихъ сценическихъ произведеній мы старались пособить посредствомъ переводовъ замѣчательнѣйшихъ твореній иностранныхъ театровъ, твореній, изъ которыхъ нѣкоторыя со страницъ «Репертуара и Пантеона» перешли, другія перейдутъ на сцену. — Въ этомъ отдѣлѣ у насъ были помѣщены: *Облака*, комедія *Аристофана*; *Павелъ и Виргинія*, драматическое представленіе *Н. А. Полеваго*; *Женихъ*, *Челоданъ* и *Песньста*, водевилъ *П. И. Григорьева* 1-го; *Сто тысячъ или бѣда имѣть отъ мужа тайны*, водевилъ *П. С. Оедорова*; *Ермакъ Тимофеевъ* или *Волга и Сибирь*, драматическое представленіе *Н. А. Полеваго*; *Школа дѣвушекъ*, драма, соч. г-жи *Мелані Валъдоръ*; *Ричардъ Севердженъ* или *мать и сынъ*, драма *Гуцкова*; *Серафима Лафайль*, драма *Анисѣ Буржуа* и *Густава Лемуаня*; *Дѣв неспѣсты*, комедія; *Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь*, водевилъ; *Война съ тецею* или *на-силу за умъ взялись*, комедія-водевилъ *Д. Т. Ленскаго*; *Отелло*, драма *Шекспира*; *Мужество и правосудіе* или *Рикомбре Алькалійскій*, комедія, перев. съ испанскаго *К. И. Тимковскимъ*; *Новая школа мужей*, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *Р. М. Зотова*; *Мужъ въ мышь, а жена въ корзину*, водевилъ *П. С. Оедорова*. Итого въ десяти книжкахъ «Репертуара и Пантеона» пятнадцать драматическихъ произведеній, оригинальныхъ и переводныхъ. Убѣждаясь просьбами большей части иногородныхъ подписчиковъ, редація «Репертуара и Пантеона» рѣшилась въ будущемъ году печатать *все, что играется на русской сценѣ*, (петербургской и московской), за исключеніемъ пьесъ, неимѣющихъ рѣшительно никакого достоинства и никакой занимательности. Такимъ-образомъ «Репертуаръ и Пантеонъ» будетъ въ полномъ смыслѣ *отраженіемъ, зеркаломъ русскаго современнаго театра*.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА. Фаустъ Гёте и его русскіе переводчики (двѣ статьи); Михайло Матвѣевичъ Хера-

сковъ, какъ драматическій писатель (*М. Н. Макарова*); Тайны провинціальныхъ русскихъ театровъ (*Н. А. Коровкина*); О началѣ театра въ Россіи (*Г. Рындовскаго*); Театръ и актеры въ древнія и новыя времена (*статья Кошю*); 1844-й театральнѣй годъ. (Обозрѣніе петербургскихъ театровъ въ прошедшемъ 1844-мъ году); Нѣкоторыя черты изъ жизни Джонсона и Гаррика; Федоръ Федоровичъ Ивановъ (воспоминанія изъ записокъ *М. Н. Макарова*); Этюды Шекспира: Шекспиръ въ его малозвѣстныхъ произведеніяхъ и пр.

III. МУЗЫКА. По этому предмету ни въ одномъ изъ русскихъ журналовъ не явилось столько дѣльныхъ, замѣчательныхъ статей, какъ въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ.» Редакція долгомъ считаетъ благодарить за нихъ почтеннаго сотрудника своего г-на *С. К.* Уважемъ на главнѣйшія изъ нихъ: Гандель; Семейство Баховъ; Малибранъ; Фаринелли, величайшій пѣвецъ XVIII столѣтія; Скрипка и скрипичные инструменты; Паста; Глюкъ, и пр. Множество любопытныхъ статей по этому предмету заготовлено на будущее время.

IV. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. Оригинальные: Новый годъ (*Юмористико-фантастическая небылица о томъ, какъ Семенъ Ивановъ поздравлялъ свое начальство и своихъ знакомыхъ съ новымъ 1845-мъ годомъ и какое было при этомъ весьма-странное обстоятельство*); Любовь и приличіе, повѣсть XIX вѣка (*Виктора Нескромнаго*); Замѣтки Петербургскаго Зѣваки о томъ, какъ у насъ слушаютъ италіанскую оперу; Большой театръ. (*Физиологическо-философическо-типическій очеркъ*); Эмансипированная женщина, современная карриатура; Замѣтки Петербургскаго Зѣваки о Петербургѣ и петербургскихъ жителей (*юмористическій очеркъ*); Физиологія дилетганта (*юмор. очеркъ*); Человѣкъ будущаго. Разказъ безъ начала и безъ конца, а въ особенности безъ «морали» (*А. А. Григорьева*); Петербургскія новости (*юмор. очеркъ*); Русскіе путешественники (*юмор. очеркъ*); Мое знакомство съ Виталинымъ. Продолженіе разказа безъ начала, безъ конца и безъ «морали», *А. А. Григорьева*; Петербургъ и вода (*юмористическій очеркъ*); Фантастическое путешествіе по петербургскимъ дачамъ (изъ *Записокъ Чертовидца*), Маленькія непріятности петербургской жизни, и пр. *Переводныя:*

Низамская война, романъ г-на *Мери*; Приключеніе Расина, разсказъ *Библиофила Жакоба*; Привидѣніе, повѣсть г-на *Мери*; *Львица*, разсказъ *Фредерика Сулье*. — Парижскіе нравы: Общій взглядъ на Парижъ, статья *Жоржа Санда*; Что такое Парижанка? статья *Леона Гозлана*.

V. СМѢСЬ. а) *Небольшіе рассказы, могущіе служить сюжетами для комедій, водевилей и пр.*: Модная петербургская болѣзнь полькоманія — Знаменитый человѣкъ въ закулисномъ мірѣ Парижа — Камелія (Разсказъ) — Издали и вблизи (разсказъ г-жи *Маріи Экартъ*) — Ночные товарищи (анекдотъ) — Забавная сцена въ парижской полиціи — Внимательность мужа (анекдотъ) — Маэстро или извѣстность (разсказъ) — Робертъ Макеръ и пріятель его Бертрамъ. Сцены современныхъ нравовъ. — Пастеть съ сельдями (голландская фантазія) — Зеркало или школа. Сцены на театральномъ подъѣздѣ (*Понча*). — Исторія мертвеца, рассказанная имъ самимъ. — Актеръ Макъ Грегоръ. — Репетиція на станціи или доброму служить — сердце лежитъ (*аналогическій водевиль*). Страшная исторія (разсказъ *Диккенса*), и пр., и пр., и пр. б) *Стихотворенія*, около 40, которыя допускались съ строгимъ разборомъ; подъ болѣею частию изъ нихъ читатели видѣли имена молодыхъ нашихъ поэтовъ, изъ которыхъ нѣкоторые приобрѣли уже себѣ извѣстность въ литературѣ, какъ-то *А. П. Майковъ*, *А. А. Фетъ*, *Д. Ю. Струйскій*, *А. А. Григорьевъ*, и др. в) *Разнаго рода мелкія статьи, относящіяся къ театру*: Первые дебюты Тальмы. — Сравнительная статистика театровъ Франціи и Германіи. — Какъ достаются театральные билеты въ разныхъ столицахъ Европы. — Откуда Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ Гамлета. — Нѣчто о романсѣ. — Письмо Фетиса старшаго о русскихъ композиторахъ. — Парижскіе театры въ 1844-мъ году. — Берлинскіе театры въ 1844-мъ году. — Литературный сеансъ въ Тюльери. — Какъ скоро въ Парижѣ получаютъ извѣстность. — Новая комедія Мольера. — Нѣчто по поводу статьи: «Тайны русскихъ провинціальныхъ театровъ.» — Женни Линдъ. — Музыкальный магазинъ Менестрель. — Романсы Коршикова. — Фельетонъ Альфонса Карра. — Полициель въ Персіи. — Образцы петербургской канцелярской поэзіи. — Нѣчто объ Аббатѣ Жоффуа и его критикѣ. — Толки нѣмецкихъ жур-

наловъ о новой оперѣ Вебера, пайденной, будто-бы, послѣ его смерти. — Во сколько знаменитымъ артистамъ обходятся восторги публики. — Французскіе актеръ во время Революціи — Парижскія утки изъ театральнаго міра, и пр. и пр.

Что касается до *Театральной Лѣтописи*, редація «Репертуара и Пантеона», исполняя желаніе многихъ изъ своихъ подписчиковъ, рѣшилась было въ началѣ сего года издавать листки «Лѣтописи» еженедѣльно, особымъ прибавленіемъ, чтобы придать извѣстіямъ болѣе интересу, болѣе свѣжести, но, по причинамъ *совсе от нея независѣвшихъ*, должна была прекратить такой образъ выдачи на 9-мъ выпускѣ и снова соединить «Театральную Лѣтопись» съ книжками «Репертуара и Пантеона.» На будущее время «Театральная Лѣтопись» въ такомъ видѣ и останется, соединя въ себѣ, по возможности, полныя и отчетливыя извѣстія о замѣчательнѣйшихъ театрахъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ (столичныхъ и провинціальныхъ), для чего редація имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ постоянныхъ и надежныхъ корреспондентовъ.

Приложенія, какъ было обѣщано программю, находились при каждой книжкѣ «Репертуара и Пантеона»; состояли они или изъ портретовъ знаменитыхъ художниковъ (*Персіани, Лаблашъ*), или изъ сценъ (*Модная петербургская болѣзнь полькоманія, Уличныя музыканты, Иера съ лото въ клубахъ*, и проч. или изъ нотъ (*Пью, за здравіе Мери*, романсъ, слова Пушкина, *Соловей*, романсъ, *Цѣлый день на небѣ*, русская пѣсня, слова Кольцова, музыка всѣхъ трехъ пѣсней *А. Е. Варламова*), или наконецъ изъ модныхъ картинокъ.

Примпчаніе. Къ этой (10-й) книжкѣ приложена модная картинка, превосходно гравированная на стали извѣстнымъ парижскимъ художникомъ, *Жюлемъ Давидомъ*, которая и можетъ служить образцомъ приложеній на будущій годъ. Эти картинки выписываются нами прямо изъ Парижа, изъ редакціи лучшаго моднаго журнала «*Moniteur de la mode*». Такихъ модныхъ картинокъ въ 1846-мъ году будетъ *не меньше четырехъ* (*). Сверхъ-того въ

(*) Особы, видѣвшіе картинки *Листка для свѣтскихъ людей* въ 1845-мъ году, могутъ имѣть повятія и о нашихъ картинкахъ, потому что онѣ выписываются изъ конторы того самаго журнала, откуда заимствоваль ихъ *Листокъ для свѣтскихъ людей*.

будущемъ году выдадимъ мы превосходно гравированные на стали въ Лондонѣ портреты любимыхъ сценическихъ художниковъ Русскихъ — *П. С. Мочалова* и *А. А. Мартынова*. Другія приложенія къ «Репертуару и Пантеону» будутъ зависѣть отъ времени и обстоятельствъ.

Редакція «Репертуара и Пантеона» не поставяетъ главнаго достоинства періодическаго изданія въ толщинѣ книжки; но, если-бы и въ этомъ, матеріальномъ отношеніи, читатели, увлекаясь общимъ стремленіемъ журналовъ, обратили вниманіе свое на «Репертуаръ и Пантеонъ», то они увидѣли-бы, что мы, обѣщая въ каждой книжкѣ выдавать крайнее число листовъ *пятнадцать*, ни разу не выдали менѣе 17, иногда доходили даже до 25, такъ что, если взять сумму числа листовъ, выданныхъ нами по сіе время, то выйдетъ, что наши подписчики получили слишкомъ 40 *листами больше противъ обѣщаннаго*, а эти 40 листовъ составляютъ почти двѣ съ половиной книжки «Репертуара и Пантеона»; слѣдовательно, на 10-ть книжекъ нашего изданія мы выдали *двумя съ половиной книжками больше*.

Приводимъ это, во-первыхъ, какъ доказательство того, что мы не жалѣемъ издержекъ на наше изданіе, а во-вторыхъ, какъ законность нашего права и на будущее время не ограничивать числа листовъ опредѣленною мѣрою: будемъ выдавать *на меньше 15-ти листовъ каждый мѣсяцъ*.

Годовая цѣна за «Репертуаръ и Пантеонъ» съ приложеніями (*не меньше шести, гравированными на стали, за границей*):

ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

За пересылку и доставку на домъ полагается 1 р. 50 к. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) У самого издателя, В. С. Межевича, близъ Большаго-Театра, въ домѣ г-на Гюбеня, подъ N 5-мъ.

2) Въ книжномъ магазинѣ подь фирмою *Александръ Смирдинъ*, на Невскомъ проспектѣ, въ д. г-жи Энгельгардтъ *).

3) Въ книжномъ магазинѣ *М. Д. Ольхина*, на Невскомъ проспектѣ, въ д. купца За-
вѣтнаго.

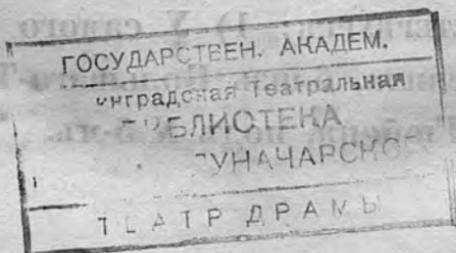
4) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербур-
скаго Почтамта.

Въ Москвѣ. 1) Въ книжномъ магазинѣ *М. Д. Ольхина*, на Тверской, въ домѣ Мятле-
вой.

2) Въ Газетной Экспедиціи Московскаго
Почтамта.

Издатель и Редакторъ В. Межевичъ.

*) Тѣ изъ здѣшнихъ особъ, которыя желали-бы подписаться
безъ доставки на домъ, благоволятъ обращаться въ книжный ма-
газинъ, подь фирмою *Александръ Смирдинъ*, на Невскомъ-про-
спектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгардтъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ XII ТОМА.

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

	Стр.
I. Городъ. Стихотвореніе <i>А. А. Григорьева</i>	3
II. Искусство и художники. Глюкъ. (Жизнь его. — Произведенія. — Красоты и недостатки музыки).	5
III. Новая школа мужей. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. <i>Р. М. Зотова</i>	26
IV. Изъ Ганри Блаза. Стихотвореніе <i>А. Плещеева</i>	143
V. Женнхъ въ мѣшкѣ, а невѣста въ корзинѣ. Шутка-водовиль въ 1-мѣ дѣйствіи. <i>П. С. Ѳедорова</i>	144
VI. Печальную, не шумную.. Стихотв. г-на <i>Рудыковского</i>	179
VII. Львица. Разсказъ <i>Фредерика Сулье</i>	181
VIII. Звуки. (<i>А. Е. Варламову</i> .) Стихотв. <i>А. А. Григорьева</i>	236
IX. Юмористика. Замѣтки Петербургскаго Зѣваки. § 13. <i>Маленькія непріятности петербургской жизни</i> . Теорія преобладанія въ мірѣ безконечно-малаго. — Страсть человѣчества къ великому и историческій ходъ этой страсти. — Теорія развитія наукъ изъ изслѣдованія частныхъ и мелкихъ причинъ. — Лейбницъ и Эренбергъ. — <i>Les petites misères de la vie humaine</i> . — Непріятности отъ физической природы Петербурга. — Непріятности погоды. — Вѣтеръ. — Мелкія физическія непріятности. — Кикимора въ XIX столѣтіи — Непріятности отъ жителей Петербурга. — Живыя непріятности. — Тираннія слабыхъ. — Тираннія купцовъ. — Тираннія лакеевъ. — Тираннія дворниковъ. — Тираннія работниковъ. — Тираннія извозчиковъ.	237
X. Смѣсь. Репетиція на станціи, или доброду служить, сердце лежитъ. (Аналогическій водевиль). — Некрологія <i>Н. И. Хмельницкаго</i> . — Страшная	

исторія. — Таинственная драма. — Похищеніе генерала Томъ-Пуса. — Какимъ образомъ одинъ буетчикъ въ Вѣнѣ подалъ добрый совѣтъ Бетховену. — Общество гримасниковъ. — Анекдоты и мелочи

КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ.

	<i>Стр.</i>
I. Падучія звезды. (Изъ Беранжé). <i>А. А. Григорьева</i>	273
II. Воля за гробомъ. Драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Соч. <i>Ипполита Александрова</i>	275
III. Н. А. Т—вой. Стихотвореніе <i>В. И. Золотницкаго</i>	305
IV. Нѣчто о литературныхъ мистифкаціяхъ.	307
V. Пѣсня. Стихотвореніе <i>А. Н. Плещеева</i>	333
VI. Львица. Разсказъ <i>Фредерика Сульё</i> (Окончаніе).	335
VII. Юродивая. Стихотвореніе <i>И. Гогіева</i>	455
VIII. Маленькія неприятели человѣческой жизни. Водевиль въ одномъ дѣйствіи.	458
IX. Въ темной ложѣ, въ бѣлой шляпкѣ. Стихотвореніе <i>В. Н.</i>	482
X. Юмористика. <i>Парижскіе нравы</i> . Невидимыя для свѣта драмы. Статья <i>Фредерика Сульё</i> (Изъ « <i>Diable à Paris</i> »). — Осы. <i>Юмористическая всякая-всячина</i>	484
XI. Смѣсь. Сосѣди. (Очень-простая и обыкновенная исторія, изъ міра петербургской Коломны). — Игра любви и случая. Разсказъ изъ жизни <i>Мариво</i> . — Тайны Константинопольскихъ гаремовъ. (Статья для драматическихъ писателей, изображающихъ нравы Востока). — Композиторъ <i>Верди</i> . — Музыкальныя извѣстія — Анекдоты и мелочи.	524

КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ.

	<i>Стр.</i>
I. Призракъ. Стихотвореніе <i>А. А. Григорьева</i>	545
II. Искусство и Художники. Французскіе пѣвцы <i>Людвигъ</i> и <i>Адольфъ Нурри</i> . Статья <i>С. К.</i>	548
III. Третій отрывокъ изъ поэмы «Геннадій.» <i>В. Р. Зотова</i>	559
VI. Квартира на Бугоркахъ. Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, соч. <i>И. С. Федорова</i>	573

V.	Свѣтъ и Тѣма. Стихотвореніе <i>К. Сазонова</i> . . .	607
VI.	Левъ и барышня. Повѣсть <i>Виктора Нескромнаго</i> .	608
VII.	Два эгонизма. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. <i>А. А. Григорьева</i>	661
VIII.	Поль и Полина, или братъ за сестру, сестра за брата. Комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ Французскаго.	744
IX.	Юмористика. Суфлеръ. Юмористическій очеркъ <i>Жюль Жанена</i> . — Осы. <i>Юмористическая всякая-всячина</i>	772
X.	Смѣсь. Слово къ читателямъ <i>Репертуара и Пантеона</i> . — Случай въ жизни <i>Лекепа</i> . Разсказъ <i>Питра Шезалье</i> . — Комическая сцена въ исправительной полиціи. — Фридрихъ Великій и черепословъ <i>Галль</i> . — Открытіе театра «Одеонъ» въ Парижѣ. — Театральный директоръ временъ <i>Шекспира</i> . — Продѣлка при продажѣ билетовъ въ парижскихъ театрахъ. — Первый успѣхъ <i>Рубини</i> на сценѣ. — Современные костюмы (Парижскіе моды). — Анекдоты и Мелочи.	790

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СЕНТЯБРЬ.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ. *Петербургскіе*. Александринскій театръ. (Зимнее и лѣтнее закрытіе театра. — Спектакли послѣ поста. — Новые дебюты. — Г-жа Лилѣва. — Г-жа Горина. Бенефисъ г. Толченова. — Г. Александровъ. — Г-жа Колосова. — Бенефисъ г. Шемаева. — Балеты и оперы. — Ольга, опера г. Бернарда). — Михайловскій. (Дебюты г-жи Мюра. — *Jeanne et Jeaneton*. — *La belle et la bête*. — *Mlle Inès*. — *Ainée et Cadette*. — *M. Oudinot*. — Г-жа Матильда. Нѣмецкіе спектакли). — *Провинціальныя*. Харьковскій театръ. — Разныя извѣстія.

ОКТАБРЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ. *Петербургскіе*. Итальянская опера въ Парижѣ. — *Мадридскіе театры*. — РУССКІЕ ТЕАТРЫ. *С. Петербургскіе*. Большой театръ. (Взглядъ на состояніе оперы у насъ въ прежнее время. — Первые представленія текущаго сезона. — *Лукреція-Борджиа*. — *Линда-ди Шамуни*. — *Донъ Паскале*. — *Семира*

мпа.) Александринскій театр. (Продолженіе дебютовъ Г-жи Колосовой. — Г-жа Левкѣва. — *Маленькія непріятности чело- вѣческой жизни.* — Бенефисъ г. Югансона. — Г-жа Никитина. — *Воля за гробомъ.* — Г-жа Лилѣва. — Уголино и г. Славинъ. — Г. Третьяковъ. — *Ревизоръ* на Александринской сценѣ. — *Закол- дованный принцъ.* — *Матросъ.* — *Новая Школа Мужей.* — Опять г-жа Колосова.) Михайловскій театр. *Louissette.* — Г-жа Пажъ. — Бенефисъ г. Голланда. — *Вицъ на афишѣ.* — Ансамбль нѣмецкихъ спектаклей. — Бенефисъ г. Мора. — Балетъ *Мельни- ки.* — Г. Верне. — Бенефисъ г. Шварца. — 16-го октября: г-жа Плесси, *Le verre d'eau.* — *Провинціальныя театры.* Смоленскій театр. — Харьковскій театр. — Театръ въ Тифлисѣ. — Раз- ныя извѣстія. — Корреспонденція «Репертуара и Пантеона.»

НОЯБРЬ.

I. ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ. *Парижскіе.* (Новыя пьесы). II. РУССКІЕ ТЕАТРЫ. *С. Петербургскіе.* Александринскій-театръ. (Геній бене- фисо въ бенефисъ г. Самойлова. — *Мачиха и падчерица.* — *Лю- бинька.* — *Станиславъ.* — Московскій г. Григорьевъ 1-й, и его про- изведенія. — Настоящій г. Григорьевъ и его водевили. — *Смѣхъ и горе на домашнемъ театрѣ* и *Мужъ достанъ мнѣ собачку.* — *Букеты.* — *Мельники.* — Дебютъ г-жи Колосовой въ *Елень*, и г. Славина въ *Парашъ Сибирячкы.* — Г. Александровъ и *Смерть и честь.* — Г-жа Гринева. — Г. Каратыгинъ 2-й и его бенефисъ. — *Вицъ-мундиръ.* — *Нечего дѣлать.* — *Женскій эгоизмъ.* — *Пріѣздъ ве- ликого трагика.*) Михайловскій театр. (Бенефисъ г-на Варле и г-жи Плесси. — *Une chaîne.* — *La vie en partie double.* — Бенефисъ г-на Александра. — *Père et Pargain.* — *L'école des maris.* — Бенефисъ г-жи Пейссаръ. — *Tartuffe.* — *Un riquenique à Krestoffski.* — Бенефисъ г-жи Анны. — Нѣчто о бенефисахъ вообще. — Нѣмецкіе спектакли. — Г-жа Новакъ и г. Левенбергъ. — Нѣмецкіе бенефисы). *Провинціальныя театры.* Театръ въ Саратовѣ. III. Разныя извѣстія. IV. Коррес- понденція Редакціи «Репертуара и Пантеона.»

7955 7007.